ИМЭЛС— Библиотека
ЦСП
Ч 507 2

12,820

Викторъ Черновъ.

ЦГ11
Ч 507

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

МОСКВА.—1908.

Н. Добросправов

Идеалы и практическая борьба.

ЦГ11
Ч 507
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
780
-25
Ч. 16099

1) Чернов
2) Социалистические этюды

Monte plus loin, plus haut, que ton esprit retors
Voudrait d'abord, parmi les sources
A mi-côte, borner sa course;
Toute la joie est dans l'essor!
Qui s'arrête sur le chemin, bientôt dévie;
C'est l'angoisse, s'est la fureur,
C'est la rage contre l'erreur,
C'est la fièvre, qui sont la vie.

Verhaeren.

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и наиболѣе интересныхъ для насъ фактовъ умственной жизни современной Европы является, безъ сомнѣнія, тотъ критическій пересмотръ господствовавшихъ въ послѣднее время соціалистическихъ доктринъ, который достигъ своего апогея въ преніяхъ по поводу, такъ называемой, „Бернштейніады". Современные теоретики и практики соціализма распались какъ будто на два лагеря: съ одной стороны — сплоченная и сравнительно однородная армія правовѣрныхъ, „ортодоксовъ", съ другой—разношерстная и пестрая толпа „критиковъ". Этому *внѣшнему* различію соотвѣтствуетъ и *внутреннее*. Съ одной стороны—прочная, установившаяся и выработанная система, цѣлостная и единая, какъ будто высѣченная изъ одного куска гранита; съ другой—исканіе новой системы, попытки ея установленія, колебанія изъ одной стороны въ другую, разнорѣчія, неопредѣленность...

Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, какъ видите, преимущество всецѣло на сторонѣ „ортодоксіи". И понятно, что люди, желающіе прежде всего извѣстной уравновѣшенности и спокойствія въ умственной области, должны отдать предпочтеніе системѣ „старовѣровъ". Еще болѣе понятно, что

2-й экз

преставители „старой вѣры“ съ негодованіемъ смотрятъ на „разъѣдающую“ работу критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти послѣдніе первое время отнимаютъ у людей въ теоретической области гораздо больше, чѣмъ даютъ. La critique est aisée, l'art est difficile,—эта избитая пословица въ концѣ концовъ совершенно справедлива. Когда „критика“ становится модной, когда „критическое“ настроеніе съ силой овладѣваетъ умами, то это обычно лишь простой симптомъ того, что неистощимая творческая сила природы, вызывающая къ жизни безъ устали все новыя и новыя комбинаціи, еще разъ обогнала своего могучаго и все растущаго младенца-соперника, человѣческій умъ, испытующій „вещей дѣйства и причины“, стремящійся охватить ихъ единымъ взглядомъ, разгадать механизмъ работы своей матери-природы и овладѣть имъ. И слишкомъ, къ сожалѣнію, часто бываетъ такъ, что, замѣтивъ несоотвѣтствіе между своими твореніями,— системами, теоріями — и живыми продуктами созидательной работы жизни, человѣческій умъ останавливается на безплодномъ разочарованіи, переходитъ отъ юношеской гордой увѣренности въ своихъ силахъ къ старческому, умудренному опытомъ скептицизму. Теорія суха, а древо жизни вѣчно растетъ и зеленѣетъ. Немудрено, поэтому, что „пошлый опытъ—умъ глупцовъ“ даже и очень умнымъ людямъ подсказываетъ нерѣдко только голое недовѣріе къ теоріямъ и предпочтеніе безпринципнаго эмпиризма, подъ фальшивой этикеткой „практичности“ и „необходимости считаться съ условіями жизни“.

Словомъ, догматическое „старовѣріе“ съ одной стороны и эклектическая „свобода отъ теоріи“ съ другой—это двѣ „вѣроломныя покатости“, между которыми удержаться необходимо, но не легко. И, къ сожалѣнію, большинству современныхъ „критиковъ“ не удалось пройти невредимо между Сциллой ортодоксальной непримиримости и Харибдой оппортунизма. Въ частности, это не могло не отразиться и на вопросѣ объ отношеніи между конечными цѣлями и повседневными практическими задачами революціоннаго соціализма—этомъ первомъ, основномъ, элементарнѣйшемъ вопросѣ соціалистической теоріи.

Современые „критики“, извѣрившись въ старомъ революціонномъ „догматѣ“, нерѣдко совсѣмъ остаются „безъ догмата“. Ихъ прежній методъ обосновки „конечной цѣли“ и сама эта „конечная цѣль“ такъ прочно срослись въ ихъ сознаніи другъ съ другомъ, что, отказавшись отъ перваго, они начинаютъ очень двусмысленно относиться къ послѣдней. Ихъ революціоный энтузіазмъ когда-то так[illegible]рочно вылился въ форму опредѣленнаго соціологическ[illegible] credo, что утрата этого опредѣленнаго credo грозитъ новой опасностью: тѣмъ, что критикъ увязнетъ безъ него по уши въ болотѣ „умѣренности и аккуратности“.

Въ частности, къ этому результату толкаетъ нерѣдко и обычная тенденція, господствующая въ области мысли, тенденція къ „развитію по закону противорѣчій“. Дѣло здѣсь, впрочемъ, обстоитъ безъ всякихъ особенныхъ таинствъ гегелевской діалектики, а гораздо проще. Новыя теоріи *полагаютъ* себя, *противополагаясь* старымъ. Гдѣ старая теорія ставила $+a$, тамъ новая теорія ставитъ то же самое a, но только со знакомъ минусъ, тогда какъ, быть можетъ, въ этомъ пунктѣ не нужно никакого a, ни съ плюсомъ, ни съ минусомъ, а нужно просто на просто b или c. Примѣровъ такого „обратнаго самопредѣленія“ можно найти множество.

Для стараго утопизма „конечная цѣль“ революціоннаго соціализма вырисовывалась съ абсолютной опредѣленостью и яркостью. Она представлялась непосредственно осуществимой и—въ качествѣ таковой — прямою цѣлью усилій. Яркій свѣточъ идеала затмевалъ въ ихъ глазахъ вопросъ о переходныхъ ступеняхъ. Непосредственное творчество высшей соціальной жизни—вотъ прямая практическая задача, которую утописты себѣ ставили. При этомъ одни изъ нихъ просто игнорировали окружающую обстановку, полагая, что при всякихъ политическихъ, общественныхъ и культурныхъ формахъ страны безразлично можно основывать фаланстеры и коммуны. Другіе, наученные опытомъ, столкнувшись съ враждебнымъ давленіемъ „стараго міра“, спѣшили уйти изъ него, искать свободной, незасоренной почвы для воздвиженія новаго соціальнаго зданія, въ обшир-

ныхъ пространствахъ Новаго Свѣта или безлюдныхъ островахъ Тихаго Океана. Наконецъ, третьи пришли къ выводу о необходимости заняться разрушеніемъ современнаго порядка, чтобы предварительно очистить мѣсто для новаго міра, который, такимъ образомъ, и по этой концепціи долженъ будетъ не вырости, не выработаться изъ стараго міра, а лишь заново создаться на его развалинахъ.

Такъ называемый „научный соціализмъ“ Маркса и Энгельса опредѣлился въ своей основной сущности чисто отрицательнымъ путемъ, путемъ противоположенія этимъ своимъ духовнымъ предшественникамъ. Противополагаясь имъ, онъ нашелъ себя. „Рабочій классъ не имѣетъ провести никакихъ готовыхъ утопій при помощи народныхъ постановленій. Онъ знаетъ, что для того, чтобы добиться своего освобожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выработать ту высшую форму общежитія, которой навстрѣчу неудержимо идетъ современное общество всѣмъ своимъ экономическимъ развитіемъ, ему предстоитъ пройти черезъ долгую борьбу, черезъ цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, благодаря которымъ люди, равно какъ и обстоятельства, совершенно преобразуются. Онъ *не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ* (sie hat keine Ideale zu verwirklichen), онъ имѣетъ лишь освободить элементы новаго общества, которые уже развились въ нѣдрахъ рушащагося буржуазнаго общества“ [1]). Эти слова Маркса превосходно вскрываютъ передъ нами генезисъ всѣхъ тѣхъ „крайностей“ и „увлеченій“ марксизма, отъ которыхъ онъ самъ нынѣ стремится отдѣлаться: и утрированнаго пренебреженія ко всякимъ „идеаламъ“ и всякой “идеологіи“; и такого же утрированнаго возвеличенія „имманентной“ логики вещей; „естественно-историческаго процесса“ хозяйственнаго развитія. Почти съ полной увѣренностью можно сказать, что мы не имѣли бы многихъ изъ этихъ крайностей и слабостей марксизма, если бы, создавая свою систему, Марксъ относился ко всѣмъ вопросамъ свободнѣе, если бы онъ меньше думалъ при ихъ рѣшеніи о томъ, какъ ихъ рѣшали утописты, меньше старался во всемъ сказать

---

[1]) „Der Bürgerkrieg in Frankreich, Berlin, 1891, s. 48.

„напротивъ“ утопистамъ. Подобно тому, какъ, согласно поговоркѣ, лицемѣріе есть только послѣдняя дань, платимая порокомъ добродѣтели, такъ стремленіе стоять въ полной противоположности къ идейнымъ предшественникамъ есть послѣдняя дань, уплачиваемая ихъ могучей власти надъ умами тѣми людьми, которые пришли имъ на смѣну.

Основатели „научнаго соціализма“ тоже уплатили эту дань утопизму. Стараясь побѣдить его, изгоняя изъ своихъ взглядовъ всѣ положительныя вліянія утопизма, они тѣмъ самымъ воспрепятствовали и самимъ себѣ вполнѣ освободиться изъ круга тѣхъ понятій и идей, въ которыхъ былъ заключенъ утопизмъ. Утописты противопоставляли естественному ходу развитія современнаго общества свое „наитіе революціоннаго вдохновенія“ и свой идеалъ, желая при помощи послѣднихъ упразднить первый; въ цитированномъ же нами мѣстѣ изъ Маркса особенно рельефно высказывается то же самое противопоставленіе, но лишь съ обратнымъ результатомъ: „идеалъ“ отодвигается передъ „неудержимымъ ходомъ развитія общества“. Позднѣе увлеченіе полемикой еще болѣе усугубитъ эту черту марксизма въ ущербъ его „научности“, ученики пойдутъ дальше учителей,—и это заставитъ вырваться у Маркса знаменитыя слова: „Quant à moi, je ne suis pas marxiste“, а Энгельса заставитъ написать письмо къ Конраду Шмидту, письмо, въ которомъ мы читаемъ: „Марксъ и я отчасти сами виноваты въ томъ, что младшей формаціей приписывается экономической сторонѣ больше вѣса, чѣмъ ей принадлежитъ на дѣлѣ. Намъ приходилось, въ противоположность нашимъ противникамъ, особенно подчеркивать отрицаемый ими основной принципъ, и поэтому мы не всегда находили время, мѣсто и поводъ отдавать должное остальнымъ элементамъ, принимающимъ участіе во взаимодѣйствіи причинъ“. И далѣе: „Къ сожалѣнію, слишкомъ часто случается, что люди, едва усвоивъ основныя положенія новой теоріи, да и то не всегда вѣрно, воображаютъ, что вполнѣ ее постигли и могутъ безъ дальнѣйшихъ разсуженій ее примѣнять. И я не могу освободить отъ этого упрека нѣкоторыхъ изъ

новѣйшихъ марксистовъ: ими въ этомъ отношеніи наговорены удивительныя вещи".

Эти признанія Ф. Энгельса уже сами по себѣ открываютъ достаточно широкое поприще и для отрицательной работы „критики" увлеченій, о которыхъ здѣсь говорится, и для положительной работы пополненія пробѣловъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы „критики" совсѣмъ не воспользовались этими представившимися для нихъ возможностями. Тотъ же Бернштейнъ заявляетъ, напр., какъ будто съ достаточной опредѣленностью: „пренебреженіе идеаломъ, поднятіе матеріальныхъ факторовъ на степень всемогущихъ силъ развитія есть самообманъ" [1]); „я, дѣйствительно, не ставлю побѣды соціализма въ зависимость отъ его „имманентной экономической необходимости" и не считаю ни возможнымъ, ни нужнымъ придавать ему чисто матеріалистическое обоснованіе" [2]). Казалось, можно было съ полнымъ правомъ ожидать отъ сторонниковъ этой точки зрѣнія раціональнаго синтеза между теоретическимъ реализмомъ и практическимъ идеализмомъ, того синтеза, къ которому въ лицѣ П. Л. Лаврова и др. такъ давно стремится русская революціонная мысль. И однако — предательское однако!—тотъ же самый Бернштейнъ, который написалъ вышеприведенныя слова, написалъ и знаменитую фразу: „Das Endziel ist für mich nichts, die Bewegung ist alles—конечная цѣль движенія для меня—нуль, а самое движеніе—все". И—увы! Въ этой фразѣ выразилась вовсе не та идея о безконечности прогресса, которая выражена въ нашемъ эпиграфѣ словами поэта и которая диктуетъ повелительно „se dépasser sans cesse"—какъ это, пожалуй, могло бы показаться по внѣшности, съ перваго взгляда, здѣсь сказывается не стремленіе проникнуть взоромъ *дальше* каждой конкретно опредѣленной конечной цѣли; здѣсь скорѣе — желаніе, съ точки зрѣнія практическаго „здраваго смысла", разсматривать „довлѣющія дневи злобы" безъ всякаго отношенія къ

---

[1]) Ed. Bernstein, „Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie", Stutgart 1899, S. 187.

[2]) Idid., s. 178.

болѣе отдаленнымъ перспективамъ. Чѣмъ это объяснить? Во-первыхъ, тѣмъ, что „перспективы“ эти расшатаны, разъѣдены скептицизмомъ; во-вторыхъ—здѣсь сказалось то, что Бернштейнъ, бывшій правовѣрный марксистъ, не можетъ выбиться изъ круга старыхъ понятій и идей, и вся его „критика“ сводится въ послѣднемъ итогѣ лишь къ нѣсколько иной перетасовкѣ все тѣхъ же элементовъ стараго міросозерцанія. Ортодоксы вѣрили, что механическое сцѣпленіе событій, во-первыхъ, съ неудержимою силою создаетъ и создастъ вполнѣ соціализированное производство, съ котораго останется только сбросить его капиталистическую форму; и, во-вторыхъ, что то же механическое сцѣпленіе событій настолько разовьетъ противорѣчіе между этою капиталистическою *формою* производства и всѣмъ его внутреннимъ строемъ, вполнѣ подготовленнымъ къ соціализму, что эта устарѣлая форма въ силу чисто хозяйственныхъ условій не сможетъ болѣе держаться и должна будетъ рухнуть. Этотъ оптимизмъ по отношенію къ механическому „естественному ходу вещей“ послѣдующими фактами жизни былъ значительно подорванъ. Но для иныхъ „критиковъ“ настолько тѣсно срослись понятія о Zusammenbruch'ѣ современнаго хозяйственнаго строя съ понятіемъ о торжествѣ соціалистическаго идеала во всей его полнотѣ и цѣлостности, что съ „имманентной логики вещей“, подготовляющей смерть стараго и рожденіе новаго порядка, они перенесли свой скептицизмъ и на „конечныя цѣли“ вообще. Они перешли къ опаснымъ и двусмысленнымъ совѣтамъ бросить „пустыя“ мечты о будущемъ и заняться настоящимъ.

Оправдываясь отъ упрековъ въ забвеніи соціализма, Бернштейнъ, напр., безсильно цѣпляется за выше приведенную фразу Маркса о томъ, что рабочій классъ „не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ“. „Это-то и есть въ существенномъ, если и не во всѣхъ пунктахъ, та мысль, которую я имѣлъ въ виду“ — говоритъ Бернштейнъ. „Ибо, что она въ концѣ концовъ гласитъ, какъ не то, что движеніе, рядъ процессовъ—все, а всякая заранѣе намѣчаемая и ближе опредѣляемая цѣль, по сравненію съ нимъ, не важна?“ Странная логика, мало помогающая не менѣе

странному положенію Маркса! Совершенно неясно, какой смыслъ можетъ имѣть пріемъ „сравненія“ по степени „важности“ съ одной стороны „конечной цѣли“ движенія, а съ другой—самого этого движенія. Что это за тяжба, что это за „мѣстничество“, между двумя не только не противорѣчивыми, но даже логически неразрывными началами: между принципомъ, опредѣляющимъ направленіе движенія (конечная цѣль) и его опредѣляемымъ (самое движеніе)? Дѣло не становится болѣе яснымъ, а только еще болѣе затемняется послѣдующими оговорками, которыя—какъ онѣ ни являются неопредѣленными и двусмысленными—все-таки уничтожаютъ смыслъ всего предъидущаго. „Я уже въ свое время заявлялъ, что охотно отказываюсь отъ такой формулировки положенія о конечной цѣли, которая допускаетъ толкованіе, будто всякая, формулируемая какъ принципъ, общая цѣль рабочаго движенія должна быть признана ничего не стоющей. Но то, что въ господствующихъ теоріяхъ относительно исхода движенія идетъ дальше такой въ общихъ чертахъ намѣчаемой цѣли, опредѣляющей принципіальное направленіе и характеръ движенія,—должно непремѣнно закончиться утопистикою и когда-нибудь стать помѣхою для дѣйствительнаго теоретическаго и практическаго преуспѣянія движенія“ [1]). Поскольку эта оговорка направлена противъ чрезмѣрной *детализаціи* будущаго строя, она сводится къ избитому трюизму. Поскольку же въ ней содержится другая, болѣе глубокая истина, выражаемая словами поэта: „Ce qui fut hier le but, est l'obstacle demain“ — то она пристроена здѣсь не къ мѣсту. Это—общій законъ, „его же не прейдеши“; и ему подвластны не только конкретно намѣчаемые ближайшіе общественные идеалы, но и самые абстрактные и глубокіе принципы наши. Существенно здѣсь, стало быть, лишь стремленіе Бернштейна смягчить свое отрицательное отношеніе къ „конечной цѣли“. Но и значеніе этой оговорки, въ свою очередь, уничтожается цѣлымъ рядомъ другихъ заявленій того же Бернштейна. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ онъ о „классѣ, восходящемъ въ исто-

[1]) Bernstein, „Voraussetzungen etc“, s. 171.

ріи": „рисуетъ-ли онъ себѣ какую-нибудь конечную цѣль, имѣетъ въ концѣ концовъ второстепенное значеніе, разъ онъ съ энергіей преслѣдуетъ свои ближайшія цѣли" [1]). Поэтому слова Бернштейна о „пренебреженіи къ идеалу" у стараго марксизма смахиваютъ немного на насмѣшки слѣпого надъ кривымъ...

Такимъ образомъ, не говоря уже о постановкѣ вопроса утопистовъ, ни *ортодоксальный* марксизмъ съ его недовѣріемъ ко всякимъ субъективнымъ „идеаламъ" и „идеологіи", ни марксизмъ *критическій* съ его приниженіемъ идеала передъ ближайшей, повседневной практической работой, граничащей съ пресловутыми „малыми дѣлами", не могутъ удовлетворить назрѣвшей потребности въ живомъ синтезѣ революціоннаго идеализма и трезвой оцѣнки дѣйствительности. Отсюда и тяготѣніе русскихъ революціонеровъ къ соціологическому субъективизму, къ динамической соціологіи—къ соціологіи, которая была бы прежде всего *философіей революціоннаго дѣйствія*. Здѣсь не мѣсто, конечно, пускаться въ чисто-философское обоснованіе этой доктрины. Этому отчасти были посвящены нѣкоторыя изъ моихъ предъидущихъ работъ [2]). Мы здѣсь коснемся лишь ближайшихъ практическихъ приложеній соціологическаго міросозерцанія, ведущаго свое начало съ нашихъ „великихъ покойниковъ": Герцена, Лаврова и Михайловскаго,—практическихъ приложеній, относящихся къ вопросу о конечной цѣли и повседневной борьбѣ революціоннаго соціализма.

* * *

Въ дѣятельности всякой достаточно далеко заглядывающей политической партіи естественно приходится различать двѣ стороны. Одна служитъ выраженіемъ соціально-политическаго идеала партіи, идеала, являющагося конечною цѣлью всѣхъ ея усилій. Это путеводная звѣзда, маякъ, освѣщающій ея путь, не дающій ей затеряться среди изви-

---

[1]) Ibid., 187.

[2]) См. сборникъ „Философскіе и соціологическіе этюды", изд. „Сотрудничества", 1907 г.

линъ лабиринта всѣхъ многочисленныхъ, сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ настоящаго. Изъ туманной дали отдаленнаго будущаго этотъ идеалъ свѣтитъ партіи, зоветъ ее впередъ, все впередъ; въ немъ—если партія воплощаетъ собою историческое творчество, динамическій, а не статическій моментъ исторіи—залогъ ея вѣчной неудовлетворенности настоящимъ, неспособности успокоиться на какомъ-нибудь компромиссѣ и почить на лаврахъ, размѣнявъ благородный металлъ чистаго идеальнаго принципа на мѣдные, потертые гроши мелкихъ пріобрѣтеній и завоеваній у сѣренькой дѣйствительности. Для философскаго революціоннаго міросозерцанія исторія есть вѣчная борьба, вѣчное движеніе. Революціонныя партіи — это живое воплощеніе динамическаго момента въ исторіи. Для нихъ дѣло состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы перенести „точку“ прогресса съ даннаго мѣста на извѣстное, аккуратное вымѣренное разстояніе впередъ. Нѣтъ, за каждой осуществленной реформой, за каждой разрѣшенной соціальной проблемой они видятъ уже другую, новую, и такъ безъ конца, безъ перерыва, безъ остановки...

Такимъ образомъ, духовная сущность партіи, обладающей научно-революціоннымъ міросозерцаніемъ, отнюдь не состоитъ въ претензіи дать готовый и окончательный рецептъ для воплощенія „абсолютнаго совершенства“ въ области политики. Напротивъ, это міросозерцаніе, по самому существу своему, есть отрицаніе всего „абсолютнаго“, предполагаетъ вѣчное движеніе, вѣчную смѣну формъ, вѣчную борьбу, вѣчные порывы впередъ, вѣчную жизнь. Остановка этой борьбы, достиженіе такого идеальнаго „неподвижнаго состоянія“, которое не оставляло бы ничего дальше желать—было бы равносильно застою, духовной смерти. Однообразіе, неподвижность, хотя бы мы и представляли себѣ это положеніе вещей наполненнымъ всякими радостями и утѣхами жизни, неизбѣжно будетъ представляться человѣку жизни, человѣку революціоннаго темперамента чѣмъ-то сѣренькимъ, безсодержательнымъ, безцвѣтнымъ... Избитая фраза, что въ раю было бы очень скучно, вѣрна не только для тѣхъ, кому скучна царящая тамъ добродѣтель. Она вѣрна и для всѣхъ

тѣхъ, кто не въ состояніи положить въ основу своего идеала характерныя черты блаженной „Обломовки“.

А эти черты не трудно открыть даже въ самыхъ поэтическихъ расцвѣчиваніяхъ абсолютнаго соціологическаго совершенства — въ мечтахъ на ту, хотя бы, тему, что „тамъ за далью непогоды, есть *блаженная* страна, гдѣ сіяютъ неба своды, гдѣ *покой и тишина*“. Вульгарное, ненаучное представленіе о соціологической „конечной цѣли“ соціализма усваиваетъ и ей тѣ черты, которые свойственны идеалу религій, почти всегда и вездѣ бывшихъ не боевымъ гимномъ передового отряда общественной борьбы, а сладкимъ, убаюкивающимъ напѣвомъ, проливающимъ бальзамъ утѣшенія и забвенія на свѣжія раны униженныхъ и оскорбленныхъ... къ пущей безопасности унижающихъ и оскорбляющихъ. Но то, что годится для эпохи религіозной мечтательности и сантиментализма, не годится для эпохи здороваго напряженія живой и жизнерадостной общественной энергіи. Только вѣкъ, который раздѣлилъ трудъ и наслажденіе, борьбу и покой, раздавивъ однихъ подъ бременемъ борьбы и труда и доведя ихъ до состоянія полнаго изнеможенія, а другихъ утопивъ во всевозможныхъ наслажденіяхъ до состоянія полнаго пресыщенія — только подобный вѣкъ и могъ создать такіе идеалы неестественнаго счастья, какъ міръ безтрудовыхъ радостей, бездѣятельнаго блаженства въ пассивно-созерцательномъ общеніи съ идеаломъ добра и красоты — Божествомъ, или же просто блаженнаго покоя Нирваны. Но мы, борясь съ жестокими, грубыми, звѣрскими формами, въ которыя выливается всякое движеніе, всякая жизнь и даже всякое развитіе въ современномъ обществѣ, замѣняя одни соціальные порядки другими, ни мало не сомнѣваемся, что наши потомки, съ болѣе изощреннымъ, высокимъ и утонченнымъ пониманіемъ добра и красоты, найдутъ изъяны и пробѣлы даже тамъ, гдѣ для насъ, барахтающихся въ морѣ крови и грязи, все залито сплошными лучами благодѣтельнаго тепла и свѣта. Насъ, бродящихъ ощупью во тьмѣ, ослѣпляетъ даже незначительный источникъ свѣта, — мудрено ли, что наши преемники, которые, отчасти благодаря нашимъ же страданіямъ и борьбѣ, бу-

дутъ, конечно, счастливѣе насъ,—мудрено ли, что они откроютъ и на нашемъ солнцѣ пятна? Не скептицизмомъ и разочарованіемъ должно это сознаніе наполнять наши сердца, а чистымъ идейнымъ восторгомъ передъ величіемъ и безпредѣльностью открывающихся намъ перспективъ, передъ безконечно восходящими рядами предстоящаго человѣчеству соціальнаго прогресса.

Changer! Monter! est la règle la plus profonde.
L'immobile présent n'est pas
Un point d'appui pour le compas
Qui mesure l'orgueil du monde [1])

Ничто, кажется мнѣ, не можетъ удачнѣе характеризовать психологію современнаго революціонера, революціонера и по всему міросозерцанію и по всей психикѣ, по всему складу симпатій и антипатій, какъ знаменитое изреченіе Лессинга: если бы самъ Господь предложилъ мнѣ на выборъ въ одной рукѣ—обладаніе вѣчной истиной, а въ другой — постоянное стремленіе и приближеніе къ ней, то я отвѣтилъ бы ему: нѣтъ, Господь! Оставь при себѣ свою истину и не лишай меня того, что даетъ смыслъ, цвѣтъ и содержаніе всей моей жизни—святое недовольство всякимъ даннымъ состояніемъ и беззавѣтное непрерывное стремленіе къ лучшему; его я не промѣняю ни на какое спокойное и неподвижное обладаніе готовой истиной, упавшей мнѣ съ неба помимо всякихъ моихъ усилій...

Предоставимъ педантамъ возражать, съ строгой философской точки зрѣнія, что, такъ какъ обладаніе полной истиной предполагаетъ абсолютно совершенное существо, о психологіи котораго мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія, то здѣсь никакое сравненіе невозможно. Дѣло не въ этомъ. Изреченіе Лессинга лишній разъ въ чрезвычайно красивой формѣ подчеркиваетъ ирраціональность абсолютнаго совершенства, когда его хотятъ превратить изъ простого идеальнаго или предѣльнаго понятія во что-то конкретное и реальное; лишній разъ напоминаетъ, что абсолютно лишь стремленіе къ совершенству, лишь процессъ приближенія къ нему, а не тѣ или другіе конкретные результаты его.

---

[1]) E. Verhaeren, „L'impossible“ (Les forces tumultueuses, p. 150).

Въ противоположность нессимистической формулѣ, согласно которой безсмертна лишь смерть—mors-immortalis,—революціонное міросозерцаніе подчеркиваетъ обратную сторону: безсмертно рожденіе новой жизни, безсмертенъ прогрессъ, безсмертно творчество.

И въ этомъ — глубокая жизнённость, даже болѣе того— глубокая жизнерадостность революціоннаго міросозерцанія. Одушевленнаго имъ не смутитъ ничто. Онъ всегда останется самимъ собой и не разочаруется въ жизни, ни въ своемъ идеалѣ, сколько бы терній ни встрѣтилось у него на пути, сколько бы побѣдъ не торжествовали надъ нимъ „сильные міра“ и „князья вѣка сего“. Пусть исторія сплошь и рядомъ представляетъ собою скорбный листъ, мартирологъ бойцовъ за безсмертную идею *человѣчности*. Пусть сплошь и рядомъ итогъ отдѣльныхъ ея моментовъ выражается словами поэта „нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ“. Отсюда нельзя дѣлать никакихъ нессимитическихъ заключеній уже по одному тому, что взоръ нашъ останавливается на настоящемъ; а нѣтъ ничего болѣе эфемернаго, чѣмъ настоящее, вѣчно отступающее передъ будущимъ и вѣчно обращающееся въ пережитое и изжитое прошедшее. Но Терситы есть именно люди настоящаго, люди безсильно хватающіеся за это ускользающее мгновеніе и вмѣстѣ съ нимъ сходящіе со сцены.

Не революціонеру завидовать участи этихъ „господъ положенія“, которые только потому и кажутся „господами“, что подобно флюгеру, вертятся соотвѣтственно господствующимъ теченіямъ и потому оказываются всегда „приспособленными“. Революціонеръ сознательно отказался отъ мишурнаго торжества въ близкомъ настоящемъ. Онъ сознательно избралъ служеніе далекому будущему, роль его живого воплощенія, носителя и предтечи. Его не можетъ смутить то, что въ настоящемъ, повидимому, торжествуютъ жалкіе межеумки, люди вершка и золотой середины. Онъ не польстится на ихъ дешевые лавры, которые немедленно попадаютъ изъ поэтическаго вѣнка, обрамляющаго чело побѣдителя, въ прозаическій супъ,—въ ту самую чечевичную похлебку, за которую еще древній Исавъ продалъ свое право

Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б.) 4. 16099

первенства. Революціонеръ не продастъ никогда и ни за что этого своего права, съ какими бы мученіями физическаго и моральнаго голода не связывала его безсмысленная, стихійная жестокость „естественнаго хода вещей“, въ которомъ, „даромъ ничто не дается — судьба жертвъ искупительныхъ проситъ“. И потому, когда мы видимъ, что „весь въ крови подъ ношей крестной, истомленъ, влачится правый, между тѣмъ, когда безчестный встрѣченъ почестью и славой“, насъ все-таки не покидаетъ бодрое сознаніе, съ которымъ мы говоримъ про старуху исторію то же, что нѣкогда говорилъ Галилей про землю: „а все-таки она движется!“ Движется, хотя упоенные побѣдою Терситы и воображаютъ порою, что „поставили точку“ ея движенію. Движется, хотя иногда, подобно землѣ же, и кажется на первый взглядъ неподвижною. Не Терситы, конечно, повѣрятъ этому: они вѣдь никогда не вѣрили и Галилею. „Разсказывайте, молъ, сказки-то, утѣшайтесь, а управа-то благочинія—вотъ она!“ И пока управы благочинія, Бастиліи, Петропавловки, Шлиссельбурги благополучно стоятъ на присвоенныхъ имъ мѣстахъ, эти „положительные люди“, герои умѣренности и аккуратности, будутъ увѣрены, что и вся почва подъ ихъ ногами, вся земля въ своемъ цѣломъ такъ же величаво незыблема. Блаженъ, кто вѣруетъ—тепло тому на свѣтѣ! Но мы обладаемъ блаженствомъ другой вѣры, вѣры, переходящей въ знаніе, потому-что она основана на всей предыдущей исторіи—

Мы знаемъ—судьбы неизбѣжная воля,—
Побѣда достанется намъ!

Да и не только *достанется*, но и *достается*. Она, можно сказать, преслѣдуетъ насъ по пятамъ, но не можетъ догнать, ибо мы сами постоянно забѣгаемъ впередъ ея. Мы потому только и не фигурируемъ въ роли довольныхъ, отдыхающихъ побѣдителей, что, по мѣрѣ того, какъ tempora mutantur, и мы mutamur in illis: изъ рабовъ, бившихся подъ знаменами Спартака, мы послѣдовательно превращаемся въ участниковъ жакерій и крестьянскихъ войнъ, въ якобинцевъ и монтаньяровъ, въ чартистовъ и коммунаровъ, въ современныхъ соціалистовъ и революціонеровъ. И вотъ именно поэтому-то насъ не смущаетъ даже и то обстоятельство, что никакіе,

даже самые обдуманные и научно обставленные идеалы общественнаго строя, не вѣчны; что безконечное, не знающее ни предѣла, ни остановки поступательное движеніе колесницы исторіи вѣчно обгоняетъ даже самыя смѣлыя предположенія и мечты прошедшихъ поколѣній. Что изъ того! Пусть даже тѣ конкретныя формы, въ которыхъ рисуется намъ лучшій соціальный строй, черезъ многіе десятки вѣковъ окажутся отсталыми; пусть тѣ, кто тогда ихъ будетъ защищать, окажутся консерваторами или даже реакціонерами. Отъ этого наша правда не становится ложью, и мы—не слѣпцы, обманывающіе самихъ себя. Наша правда—самая подлинная правда, пока она движетъ впередъ исторію; она не ложь до тѣхъ поръ, пока не изжита, пока она не дала человѣчеству всего того содержанія, которымъ была чревата. И служителями неправды, жалкими слѣпцами являемся не мы—ими будутъ лишь тѣ, кто станетъ безсильно хвататься тогда за безсодержательный остовъ когда-то полной жизненнаго историческаго смысла системы, за пустую скорлупу этого, отнынѣ уже начисто выѣденнаго яйца, кто во имя этой никуда негодной скорлупы будетъ ставить задержки и препоны дальнѣйшему движенію. Не они—наши преемники, а „тѣ, другіе, пока невѣдомые избранники“, которые будутъ тогда тѣмъ же воплощеніемъ динамическаго момента исторіи, которымъ нынѣ по мѣрѣ силъ своихъ являемся или пытаемся являться мы.

Такимъ образомъ, „наша конечная цѣль“, сформулированная въ видѣ конкретнаго общественнаго идеала,—не абсолютъ, дальше котораго нѣтъ ничего, а просто общій принципъ, въ которомъ суммируются всѣ наши частныя цѣли,—подобно тому, какъ понятіе „конечной причины“ для настоящаго времени не можетъ совпадать съ метафизическимъ „началомъ всѣхъ началъ“, а можетъ лишь объединять совокупность частныхъ, единичныхъ причинъ. Поэтому различные „положительные люди“ и „постепеновцы“ совершенно напрасно полагаютъ, будто ихъ отъ насъ раздѣляютъ ихъ трезвенность и наша склонность фантазировать о неосуществимомъ совершенствѣ, молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ. Насъ раздѣляетъ нѣчто совершенно другое. Мы, исходя

изъ своего пониманія сущности историческаго процесса, не боимся ни надъ чѣмъ заносить ножъ смѣлой критики. Для насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, нѣтъ ни одной области, которая была бы закрыта для непрерывнаго и безконечнаго воздѣйствія въ коренныхъ основахъ. Типичные же „постепеновцы“ и „реформисты“, если и признаютъ необходимость постоянныхъ измѣненій, то или лишь въ *частностяхъ* существующаго порядка, при незыблемой его основѣ, или лишь въ той или другой *сторонѣ* этого порядка—напр., въ политическомъ строѣ,—тогда какъ они не могутъ подобнымъ же образомъ, постигнуть возможность и необходимость такого же безконечнаго прогресса въ области семьи, собственности, національныхъ отношеній и т. под. Въ связи съ этимъ стоитъ и различіе въ положительномъ содержаніи идеаловъ реформиста и революціонера. На идеалѣ перваго всегда лежитъ печать непосредственной осуществимости, конкретности, умѣренности и аккуратности; идеалъ второго, напротивъ, носитъ чисто принципіальный характеръ и ясенъ лишь въ своихъ основахъ, а не въ деталяхъ. Идеалъ первыхъ чуть чуть не можетъ завтра же цѣликомъ умѣститься въ канцелярскомъ проектѣ за печатью такого-то и такого-то министерства; идеалъ второго, напротивъ, служитъ ему *верховнымъ руководящимъ началомъ* для *оцѣнки* тѣхъ злободневныхъ проектовъ „врачеванія“ соціальныхъ язвъ, которые въ качествѣ панацей постоянно выдвигаются знахарями ублюдочнаго соціаль-роформаторства. И чѣмъ дальше прозрѣваетъ духовный взоръ революціонера, чѣмъ глубже и сильнѣе прорѣзаетъ онъ завѣсу, открывающую отъ насъ идеальное будущее, тѣмъ сильнѣе, само собой разумѣется, несоотвѣтствіе между величиной представляющейся исторической задачи и краткимъ промежуткомъ личной жизни или размѣрами индивидуальныхъ человѣческихъ силъ.

Въ этомъ отношеніи „реформисты“ счастливѣе. Они нашли очень простой способъ избѣгнуть этого несоотвѣтствія: не поднять до высоты задачи свою индивидуальную энергію или индивидуальныя силы путемъ ихъ сочетанія въ рѣшительно дѣйствующую организацію, а, напротивъ того, просто-на-просто съузить свой кругозоръ, смѣнить историче-

скую дальнозоркость на близорукость, изъ-за отдѣльныхъ ближайшихъ деревьевъ не видѣть лѣса и позабыть о его существованіи, приравнявъ его къ „отвлеченной мечтѣ“. Это въ своемъ родѣ „практично“, и несоотвѣтствіе между ограниченностью личной жизни, личныхъ силъ и широтою поставленныхъ „конечныхъ цѣлей“, при этомъ конечно, убываетъ; но за то прямо пропорціонально возрастаетъ для нихъ другое несоотвѣтствіе: между результатами достиженія цѣли и лучшими стремленіями и запросами души... Каждый человѣкъ долженъ имѣть внутри себя нѣкоторое „святое святыхъ“, вокругъ котораго концентрировались бы лучшія силы, лучшія тенденціи его души, которое приподнимало бы его надъ дѣйствительностью, было бы способно пробуждать самый горячій энтузіазмъ и сообщать дѣйствіямъ ту настойчивость, непреклонность и энергію, безъ которой человѣкъ, согласно евангельскому изреченію „подобенъ тростнику, колеблемому вѣтромъ“. Чѣмъ уже и мельче общественный идеалъ, тѣмъ меньше энергія его представителей, тѣмъ меньше ихъ готовность къ самопожертвованію, тѣмъ меньше ихъ смѣлость, рѣшительность въ критическія минуты. Таковъ безжалостный историческій законъ, осуждающій безповоротно „умѣренныхъ прогресистовъ“ всѣхъ временъ и народовъ на извѣстную дряблость, нерѣшительность и слабодушіе въ эпохи тяжелой борьбы и на смѣлость лишь по отношенію къ поверженному врагу, когда, конечно, уже ничего не стоитъ добивать лежачаго, „дѣлить ризы его между собою и объ одеждѣ его метать жребій“...

Вотъ почему, хотя соціалисты-революціонеры и знаютъ, что до извѣстной степени „врагъ нашего врага—нашъ другъ“, и что въ борьбѣ противъ реакціонныхъ силъ имъ до извѣстнаго пункта по дорогѣ съ умѣренными прогрессистами, либералами и т. п.—они не могутъ, ради выгодъ такого союза, поступиться ни единой пядью принципіальной части своей программы. Всякое „самоурѣзываніе“ или „самозапрятываньe“ въ этихъ видахъ было бы самоубійственной работой. „Соціализмъ—величайшая нравственная сила современнаго общества, и упрятать ее подъ спудъ или такъ или иначе ослабить въ Россіи—значило бы добровольно убивать

то, что составляетъ душу и жизнь нашего движенія. Борьба, подобная нашей, держится цѣликомъ на самоотверженіи, на способности единичныхъ личностей отдавать свою жизнь, свободу, все за счастье своей родины. Чѣмъ шире, глубже, всестороннѣе идея этого возможнаго счастья, тѣмъ скорѣе просыпается и тѣмъ громче говоритъ въ человѣческомъ сердцѣ могучій общественный инстинктъ. Никто не отдастъ себя на закланіе ради, скажемъ, расширенія мѣстнаго самоуправленія или иной хотя бы и наиполезнѣйшей частной реформы. Но тысячи людей шли на вольную смерть, когда въ ихъ душѣ вспыхивала вѣра, что счастье человѣчества будетъ куплено этою цѣною".

Когда то эту вѣру могла возбуждать голая идея политической и гражданской свободы; нынѣ эта способность перешла по наслѣдству къ величайшей идеѣ нашего времени — идеѣ соціализма. И вотъ почему даже всѣ тѣ „насущные вопросы" нашего времени, въ родѣ вопроса о политической и гражданской свободѣ, которые въ другихъ странахъ могли разрѣшаться буржуазно-либеральными или демократическо-радикальными партіями, въ Россіи могутъ быть разрѣшены только вмѣшательствомъ *революціоннаго соціализма.*

Та часть программы партіи, которая суммируетъ всѣ ея частныя цѣли и стремленія въ одной „конечной цѣли", естественно, обладаетъ извѣстнымъ постоянствомъ и неизмѣнностью, — конечно, не абсолютной, а лишь относительной, сравнительной. Чѣмъ болѣе революціонной, чѣмъ болѣе исторически-дальнозоркой является партія, тѣмъ долговѣчнѣе и неизмѣннѣе ея идеалъ. Поэтому эту часть программы мы можемъ назвать принципіальной, синтетической или максимальной. Она не приспособляется каждый разъ къ мѣняющимся условіямъ мѣста и времени. Напротивъ, до нея должна быть поднята всякая конкретная дѣйствительность, всякая комбинація мѣстныхъ и временныхъ условій. Конечныя требованія революціоннаго соціализма международны; они общи для всѣхъ современныхъ національностей и государствъ, для отсталыхъ не менѣе, чѣмъ для передовыхъ. Никакое „самобытничество" недопустимо въ сферѣ „національныхъ"

пристроекъ къ общечеловѣческому идеалу и обратно—никакими „исключительными обстоятельствами“ не можетъ быть оправдано даже самомалѣйшее урѣзываніе принципіальной части программы.

Предъявляемыя въ соціалистической программѣ требованія не могутъ однако ограничиться одной принципіальной формулировкой конечныхъ, идеальныхъ цѣлей. Какъ революціонеры, мы люди будущаго. Но это вовсе не значитъ, чтобы мы были не болѣе, какъ мечтателями, фантазерами и утопистами, способными изъ-за будущаго забывать о томъ настоящемъ, въ которомъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Именно потому, что нашъ идеалъ — результатъ нашей исторической дальнозоркости, мы и не можемъ ограничиться только стремленіемъ поставить его, во всей его цѣлостности, на мѣсто существующаго порядка. Прошли тѣ времена, когда революціонный соціализмъ могъ надѣяться осуществить свои конечныя требованія разомъ, цѣликомъ, однимъ ударомъ, перестроивъ одновременно все современное общественное зданіе снизу до верху „однимъ наитіемъ революціоннаго вдохновенія“, какъ превосходно выразился покойный Степнякъ. Приходится искать переходныхъ ступеней. Приходится разсматривать революцію не какъ противоположность эволюціи, а лишь какъ ея моментъ, или даже какъ совокупность многихъ моментовъ, одни изъ которыхъ могутъ носить боевую, другіе—мирную внѣшность. И вотъ, въ каждое данное время, въ каждой отдѣльной странѣ соціалистическія партіи выдвигаютъ нѣкоторую часть своихъ требованій на первый планъ, какъ самыя насущныя, самыя необходимыя въ ближайшемъ будущемъ. Такимъ образомъ наряду съ требованіями основной, принципіальной части программы и во имя этихъ требованій выростаютъ требованія другого рода—ближайшія, минимальныя, прикладныя. Слагаются „платформы“, „программы—минимумъ“—разсчитанныя на болѣе или менѣе долгое время, построенныя правильно или неправильно, раціонально или нераціонально, робко или смѣло...

Въ современной соціалистической терминологіи подъ программой-minimum обычно разумѣется лишь та комбинація

практическихъ требованій, которая разсчитана на періодъ *до* завоеванія власти рабочимъ классомъ, т. е. приноровлена къ борьбѣ въ рамкахъ до-соціалистическаго, слѣд., въ основѣ буржуазнаго общества. Нетрудно, однако, видѣть, что распаденіе программы на конечную цѣль и ближайшія требованія не потеряетъ своего смысла и послѣ рѣшительной побѣды надъ буржуазнымъ строемъ. Въ Манифестѣ Коммунистической Партіи Марксъ рисуетъ первоначальную программу соціалистическаго строительства, имѣющаго цѣлью заложить самую основу, самый фундаментъ соціалистическаго строя. По отношенію къ законченному идеалу соціализма это тоже, если угодно, лишь программа-minimum. Но по отношенію къ программѣ-minimum въ обычномъ смыслѣ этого слова она будетъ, такъ сказать, программой-minimum *второго порядка*. Съ другой стороны, есть соціалистическія партіи, выдвигающія въ видѣ „платформы“—наиболѣе практически-осуществимую часть общей „программы-минимумъ“, т.-е выкраивающія еще „минимумъ“ изъ „минимума“.

Мы здѣсь не будемъ, однако, входить въ особенности всѣхъ этихъ трехъ родовъ построеній—это задача слѣдующей статьи. Намъ достаточно пока охватить ихъ однимъ понятіемъ — понятіемъ *прикладной* части программы, въ противоположность ея *идеальной* сторонѣ или части. Первая носитъ характеръ существенно *аналитическій* и *конкретизированный*, вторая—характеръ *синтетическій* и *абстрактный*. Мы въ дальнѣйшемъ и будемъ говорить о прикладной программѣ вообще, какъ о родовомъ понятіи, т.-е. о томъ мыслимомъ безконечномъ рядѣ смѣняющихся прикладныхъ программъ, совокупность которыхъ, поэтому, есть не противоположность идеалу, конечной цѣли, а какъ бы сливается съ нимъ, представляя собою безконечный процессъ пресуществленія идеальнаго въ реальное, практическое...

Прикладная сторона дѣятельности партіи, по самому своему существу, мѣняется сообразно условіямъ мѣста и времени. Оно вѣчно трансформируется сообразно требованіямъ жизни, да и въ ней самой практически центръ тяжести передвигается отъ одного пункта къ другому, соотвѣтствуя наиболѣе насущнымъ *въ данный моментъ* потребностямъ ре-

волюціонной партіи и тѣхъ слоевъ населенія, интересы которыхъ она ближе всего представляетъ. По мѣрѣ удовлетворенія наиболѣе насущныхъ требованій выдвигаются на первый планъ другія, по степени ихъ важности и неотложности. Такимъ образомъ, въ этой текучей части работы естественнымъ образомъ устанавливается логически и практически необходимая градація многочисленныхъ частныхъ цѣлей партіи, которыя во всей своей совокупности—въ суммѣ безконечныхъ послѣдовательныхъ ступеней—представляютъ вѣчное подготовленіе и осуществленіе идеала. Не всѣ эти частныя требованія одинаково легко осуществимы въ *данный* моментъ, при *данныхъ* условіяхъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, осуществленіе одной изъ частныхъ цѣлей партіи нерѣдко можетъ служить лучшимъ средствомъ приблизить осуществленіе многихъ другихъ. Эти-то два соображенія, изъ которыхъ одно касается вопроса о наименьшей затратѣ усилій и жертвъ, т. е. объ экономіи силъ, а другое—вопроса о наибольшемъ вліяніи, эффектѣ, т. е. объ экономіи результатовъ, и должны играть рѣшающую роль въ выборѣ той задачи (или тѣхъ задачъ), которую партія должна выдвинуть для даннаго момента на первую очередь. Съ одной стороны передъ нами линія наибольшей общественной пользы, эта строгая геометрическая прямая, непосредственно ведущая отъ настоящаго момента къ высшему идеалу соціализма; съ другой, линія наименьшаго сопротивленія, эта извилистая кривая, мѣняющая свое направленіе, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій; и обѣ эти линіи должны быть слиты въ нѣкоторомъ новомъ, раціональномъ единствѣ для того, чтобы получилась тактика живой и практической общественной партіи. Иными словами, партія должна найти между ними среднюю, равнодѣйствующую, и различные этапы этой равнодѣйстующей послѣдовательно должны занимать центральное мѣсто въ Actionsprogramm, какъ говорятъ нѣмцы, въ томъ, что мы назвали бы тактической линіей поведенія партіи.

Само собою разумѣется, что многіе изъ минимальныхъ, конкретныхъ требованій соціально-революціонныхъ партій могутъ быть для нихъ общими—и часто бываютъ общими—съ требованіями различныхъ фракцій умѣренныхъ прогрес-

систовъ, демократовъ, политическихъ либераловъ и радикаловъ, словомъ, вообще „среднихъ“, реформистскихъ партій. Но и здѣсь, между „средними“ и „крайними, между „революціонерами“ и „реформистами“ остается глубокое принципіальное различіе. Даже „минимальная“ программа требованій самой умѣренной изъ фракціи соціализма никогда почти не бываетъ *совершенно тождественной* съ „принципіальной“ частью программы даже самыхъ передовыхъ демократовъ. Дѣло въ томъ, что самое мѣрило для оцѣнки „реформъ“ у тѣхъ и другихъ не одинаково. Для одного реформа должна разъ навсегда возстановить утраченную гармонію наличныхъ отношеній и устранить изъ нихъ существующій антагонизмъ различныхъ общественныхъ элементовъ; для другого она, напротивъ, лишь средство сдѣлать болѣе продуктивной дальнѣйшую борьбу. Для перваго реформа—средство примирить непримиримое, усидѣть между двухъ стульевъ; для второго — лишь приблизить моментъ окончательной побѣды, улучшивъ жизненныя условія, общій физическій и духовный уровень, а слѣдовательно и боевую способность трудящихся классовъ. Поэтому и далеко не всегда одинаковы тѣ „реформы“, тѣ „практическія улучшенія“, которыхъ желаютъ реформистъ и революціонеръ. Послѣдній можетъ одобрить лишь такія „реформы“, которыя будутъ способствовать приближенію его конечной цѣли. Первый же одинаково одобряетъ и такія „реформы“, которыя представляютъ собою не болѣе, какъ красивыя заплатки на ветхой одеждѣ, прикрывающія наиболѣе видные изъяны отживающаго строя; которыя, давая лишь *мнимое* удовлетвореніе назрѣвшей потребности вмѣсто *реальнаго*, только затемняютъ и сбиваютъ съ толку общественное сознаніе. По существу, реформа отнюдь еще не противоположность революціи. Вопросъ въ томъ, при какихъ условіяхъ и *какая* реформа. Есть и такія реформы, которыя, нисколько не ускоряя дальнѣйшей трансформаціи отживающаго строя, могутъ лишь отдалять моментъ окончательнаго историческаго разсчета, лишь подкрѣплять, усиливать силу сопротивленія стараго строя требованіямъ времени. И хотя иной „практикъ“, не видящій дальше своего носа, усмотрѣлъ бы въ подоб-

ныхъ реформахъ нѣкоторое „улучшеніе“, мы, какъ соціалисты-революціонеры, обязаны разоблачать ихъ фальшь, ихъ мишуру, обязаны иногда бороться съ ними, видѣть въ нихъ только палку, вставляемую въ колесо исторіи, чтобы затормозить ея ходъ. Наша прикладная, практическая программа является „практической“ совсѣмъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ „практическое“ есть противоположность „идеальному“. Практическимъ для насъ является лишь то, что служитъ ближайшей, первоначальной стадіей осуществленія идеальнаго; практическое—это для насъ не что иное, какъ идеальное im Werden, въ процессѣ своего воплощенія въ жизнь, идеальное въ своемъ эмбріональномъ фазисѣ.

Въ томъ-то и состоитъ громадное преимущество революціонера, что его взоръ постоянно устремленъ въ будущее, что онъ не ограничивается лишь взвѣшиваніемъ *непосредственныхъ* осязательныхъ результатовъ той или иной реформы, а стремится всегда заглянуть дальше того, что дѣлается у него подъ носомъ. Онъ прекрасно знаетъ, что неожиданная склонность къ реформамъ, проявляющаяся вдругъ у дирижирующихъ элементовъ общества, сплошь и рядомъ является ни чѣмъ инымъ, какъ ловушкой, удочкой, на которую подцѣпляютъ наивныхъ глупцовъ, чтобы примирить ихъ съ существующимъ и разстроить ряды оппозиціи. Такое маргариновое „реформаторство“, идущее обычно сверху и имѣющее цѣлью предупредить подлинную, вынужденную или проведенную *снизу* преобразовательную работу, для прогресса порою гораздо хуже и опаснѣе откровенной и злостной реакціи. У такого „реформаторства“ нѣтъ злѣйшихъ враговъ, чѣмъ революціонеры. И въ этомъ-то пунктѣ опять-таки не можетъ не возникать у нихъ цѣлаго ряда конфликтовъ съ умѣренными прогрессистами.

Тѣ и другіе совершенно различно относятся къ взрывамъ торжествующей реакціи. Для революціонера это—явленіе, происходящее на поверхности политической жизни и потому не всегда вѣрно отражающее то, что совершается въ ея глубинахъ. Она можетъ быть, напр., лишь судорожнымъ, отчаяннымъ порывомъ правительства, чувствующаго, что его дни сочтены, потерявшаго голову и своей безудержной сви-

рѣшостью лишь ускоряющаго собственную кончину. Оно можетъ быть результатомъ объединенія всѣхъ, до того времени разрозненныхъ силъ стараго общества, подъ вліяніемъ развернувшагося во всю глубину и ширину соціальнаго содержанія революціи—и тогда оно знаменуетъ собою полное выясненіе политическаго положенія, рѣзкую и окончательную дифференцировку враждебныхъ другъ другу силъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, заглядывая дальше впередъ, революціонеръ тѣмъ отважнѣе и бодрѣе, окрыленный тѣмъ болѣе смѣлыми надеждами, бросается въ огонь битвы, чѣмъ разнузданнѣе и неудержимѣе разгулъ реакціи. Для реформиста же, къ сожалѣнію, внѣшнее политическое движеніе застилаетъ игру сокровенныхъ пружинъ, его производящихъ, и потому онъ, съ чистымъ сердцемъ привѣтствуя всякую „уступочку“, ни передъ чѣмъ такъ не дрожитъ, какъ передъ перспективой возвращенія реакціи. Вотъ почему нашъ великій сатирикъ, изобразившій эволюціи либерала краткими формулами: сначала „по возможности“, затѣмъ „хоть что-нибудь“ и, наконецъ, „примѣнительно къ подлости“—билъ, увы, въ ахиллесову пяту „умѣренныхъ“ всѣхъ временъ и народовъ...

Революціонеръ разсматриваетъ внѣшнее движеніе политическаго развитія страны, какъ функцію фактическихъ отношеній силы, существующихъ въ данномъ обществѣ, при чемъ мѣриломъ силы общественной группы является цѣлый рядъ факторовъ: ея численность, сознательность и, наконецъ, организованность. Прямо пропорціонально силѣ данной группы растетъ и склонность существующаго порядка считаться съ ея интересами. Поэтому можно было бы сказать, что политическій строй и практикуемая въ его рамкахъ „внутренняя политика“ есть прямое отраженіе этихъ „фактическихъ отношеній силы“ (выраженіе Лассаля), имѣя лишь въ виду ту оговорку, что самое пребываніе у кормила правленія извѣстной общественной группы уже удесятеряетъ ея силы. Государственная административная организація есть своеобразный механизмъ, который, подобно всякимъ другимъ механизмамъ и машинамъ, имѣетъ свойство въ нѣсколько разъ увеличивать первоначальную, прилагае-

мую къ нему живую силу. Цѣль революціонера—создать въ противовѣсъ этой организованной силѣ, дѣйствующей сверху, другую организованную силу, дѣйствующую снизу. Первые шаги этой силы, естественно, вызываютъ усиленное давленіе реакціи, желающей „подавить зло въ зародышѣ". Господствующіе элементы, понятно, стремятся превратить государственную машину всецѣло въ инструментъ репрессіи, въ боевой механизмъ противъ поднявшей голову „гидры революціи". При этомъ, конечно, безжалостно топчутся всѣ драгоцѣнные либераламъ принципы, въ родѣ раздѣленія властей, независимости судебной власти отъ административной, законодательной отъ исполнительной и т. п. пункты либеральнаго катехизиса. И либералы сидятъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, рыдая и плача, раздирая ризы свои, посыпая пепломъ главы и жалуясь на революціонеровъ, которые своими „нетактичными" выходками вызвали реакцію... Чтобы не подливать масла въ огонь, они сами, конечно, рекомендуютъ себѣ и приснымъ „ниже тоненькой былиночки свою голову клонить", чтобы убѣдить, кого слѣдуетъ, что противъ нихъ, политическихъ „сиротиночекъ", нѣтъ надобности ни въ какихъ репрессіяхъ—напротивъ, имъ то, молъ, и нужно открыть свободное поприще для мирнаго и постепеннаго насажденія культуры...

Но между тѣмъ событія развертываются. Здоровое общественное движеніе надолго подавить невозможно. Оно терпитъ порою пораженія, но вновь, какъ фениксъ, возрождается изъ собственнаго пепла. Реакція неоднократно повергаетъ его въ прахъ, на землю; но оно, подобно сказочному великану, набирается новыхъ силъ отъ соприкосновенія съ матерью землей—захватываетъ все глубже и глубже, все болѣе и болѣе широкіе, низшіе слои населенія и вновь съ растущими шансами на побѣду начинаетъ борьбу. Наконецъ, приближается моментъ, когда силы реакціи настолько ослабляются, что изъ ея дрожащихъ рукъ начинаетъ выпадать государственный руль. Но и противоположная, революціонная сила, послѣ множества кровопусканій въ отчаянной борьбѣ, еще не настолько сильна, чтобы занять мѣсто ослабленнаго врага. Равнодѣйствующая силъ, тяну-

щихъ впередъ и удерживающихъ общество на мѣстѣ, колеблется посрединѣ... Тутъ-то обычно вновь воскресаютъ и поднимаютъ голову „умѣренные“. Въ томъ-то и заключается теперь ихъ значеніе, что они не представляютъ такой же опредѣленной и рѣзко-очерченной величины, какъ силы реакціи и революціи. Неопредѣленность итога борьбы даетъ мѣсто у власти неопредѣленнымъ, оппортунистскимъ, промежуточнымъ партіямъ. И вотъ наши рыцари умѣренности и аккуратности съ торжествомъ выступаютъ на арену, чтобы передвинуть немножечко влѣво „точку“ прогресса; выступаютъ, часто съ гордымъ лозунгомъ „ни революціи, ни реакціи“; выступаютъ, гордясь своей способностью къ „положительной и государственной работѣ“, въ пику „апостоламъ голаго отрицанія и разрушенія“; выступаютъ, даже не сознавая, что имъ суждено лишь учесть, лишь отразить на поверхности политической жизни тѣ глубокія перемѣны, которыя произвела въ „фактическихъ отношеніяхъ силы“ революціонная партія...

Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы реформисты были всегда и неизбѣжно враждебны революціонерамъ. Напротивъ. Они часто только воображаютъ себя враждебными имъ, и наоборотъ. На дѣлѣ же они, не сознавая того, выдвигаются на отвѣтственныя и вліятельныя роли усиленіемъ революціонныхъ элементовъ, взаимной компенсаціей силъ революціи и реакціи; и далѣе (быть можетъ, сами не желая того), они облегчаютъ дальнѣйшую работу революціонеровъ, проводя свои хотя бы скромныя реформы, обращая стѣны грозныхъ бастіоновъ реакціи въ мирныя кухни невинной реформаторской стряпни, двигая, наконецъ, по мѣрѣ силъ общую „культуру“. И потому временныя соглашенія ради строго опредѣленной частной цѣли, временныя координаціи силъ революціонеровъ и реформистовъ въ подходящіе моменты и въ подходящихъ формахъ могутъ быть весьма возможны и желательны. Изъ сказаннаго лишь ясно, что, во-первыхъ, утопично думать объ ихъ—хотя бы даже временномъ—„объединеніи“, *сліяніи*; что, во-вторыхъ, даже и для простого координированія, ради общей цѣли, ихъ усилій, какъ самостоятельныхъ и обособленныхъ политическихъ еди-

ницъ приходится преодолѣть множество препятствій. Однимъ изъ нихъ является обычно политическая незрѣлость какъ разъ тѣхъ, кто воображаетъ себя „практическими дѣятелями“, людьми съ „государственнымъ умомъ“. Либералы и умѣренные должны понять, что революціонеры не могутъ отказаться ради ихъ прекрасныхъ глазъ ни отъ соціализма, ни отъ своей глубоко-революціонной тактики, такъ какъ въ томъ и другомъ — не только залогъ силы революціонеровъ, но порою и залогъ быстраго тріумфа реформистовъ. И въ своихъ же собственныхъ видахъ реформисты, пока они еще не исчерпали своей программы и тѣмъ самымъ не превратились въ *консерваторовъ*, должны оказывать поддержку соціализму и революціи, ибо плодами ихъ роста прежде всего, въ упомянутый межеумочный періодъ, воспользуются, всего вѣроятнѣе, они же.

Соціалисты-революціонеры спокойно мирятся съ этимъ. Въ сознаніи всей величины своихъ задачъ, они могутъ сказать себѣ, словами поэта:

Que t'importe la sagesse d'antan, qui va
Distribuant, comme des palmes
Les victoires sûres et calmes;
Ton rêve ardent vole au delà!

Нѣтъ сомнѣнія, и соціалисты-революціонеры въ каждый данный моментъ своимъ напоромъ добиваются и того, чтобы съ ними считались дирижирующіе элементы въ вопросахъ дня, при общественномъ строительствѣ настоящаго. Но для нихъ это лишь попутные результаты первыхъ шаговъ, первыхъ ступеней къ достиженію болѣе свѣтлаго и грандіознаго будущаго. „Любовь къ ближнему“ у нихъ гармонически объединена съ „любовью къ дальнему“.

Итакъ, въ программѣ соціально-революціонной партіи идеальный и практическій моментъ, конечныя и ближайшія цѣли не только не могутъ враждовать между собой, а, наоборотъ, другъ друга дополняютъ, подразумѣваютъ, обусловливаютъ. Безъ практической, насущной программы соці-

ализмъ былъ бы утопіей кабинетнаго мыслителя, мечтой фантазера-идеалиста, вѣрованіемъ фанатика-сектанта. Безъ опредѣленной и ясной конечной цѣли, безъ общественнаго идеала революціонное движеніе было бы тѣломъ безъ животворящаго духа, кораблемъ безъ кормчаго, блужданіемъ по лабиринту дорогъ безъ компаса, безъ путеводной звѣзды, безъ маршрута...

И въ настоящее время, когда такъ часто встрѣчаются „реальные политики", противопоставляющіе идеалу—повседневную борьбу, принципамъ—тактику, и практику—„теоріи", надо особенно рѣзко и опредѣленно подчеркнуть ту истину, что „наша теорія есть лишь обобщенная практика, а наша практика—теорія въ дѣйствіи".

Къ спорамъ о программѣ-минимумъ.

Среди товарищей по направленію давно уже возбуждаетъ немало горячихъ споровъ вопросъ о соотношеніи между программой-максимумъ (или конечною цѣлью) и программой-минимумъ (или программою ближайшихъ принципіальныхъ требованій) соціалистической партіи. Этотъ глубоко важный вопросъ—на первый взглядъ столь отвлеченный и чисто-методологическій—на дѣлѣ связанъ тысячью нитей съ самыми насущными тактическими спорами и злобами дня. Какъ всѣ „проклятые вопросы“ теоріи и практики, онъ уже немало затемненъ застарѣлыми недоразумѣніями, изъ которыхъ нѣкоторыя грозятъ уже пріобрѣсти прочность предразсудка. Эти недоразумѣнія не только мѣшаютъ выясненію вопроса, но и создаютъ атмосферу споровъ не по существу, раздражающихъ спорящія стороны и осложняющихъ товарищескій обмѣнъ мнѣній духомъ нѣкоторой взаимной враждебности, неумѣстной вообще и въ особенности неумѣстной въ данномъ конкретномъ случаѣ. Въ виду важности вопроса и напряженнаго интереса къ нему со стороны многихъ товарищей, я и хотѣлъ бы, насколько это возможно въ узкихъ рамкахъ настоящей статьи, подвергнуть этотъ вопросъ систематическому, методическому анализу и разсмотрѣнію.

Прежде всего—одна основная предварительная оговорка. Я долженъ сказать, что не считаю самаго названія „программа-минимумъ“ особенно удачнымъ. Названіе не выражаетъ того, что характерно для этой части программы; не выражаетъ ни ея назначенія, ни ея содержанія. Ея отличительною чертою, какъ мы далѣе увидимъ, является вовсе

не сведеніе чего-то къ минимуму. Кромѣ того, въ названіи неудачно и то, что рядъ требованій, характеризуемыхъ этимъ словомъ, превращается именемъ „программы-minimum“ какъ будто во что-то особое, самодовлѣющее, какъ будто это какая-то цѣлостная и самостоятельная программа въ программѣ. А между тѣмъ здѣсь на дѣлѣ не можетъ и рѣчи быть о какой-то двойной программѣ, нѣтъ, это лишь логически неразрывная часть единой программы; безъ этой части программа не была бы цѣлостной, потому что не давала бы отвѣта на рядъ вопросовъ, требующихъ такого отвѣта.

Оговорить это полезно прежде всего для того, чтобы возможные споры по этому вопросу шли по существу, велись съ надлежащей серьезностью и поднялись высоко надъ мелочными недоразумѣніями или придирками къ словамъ которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ часто замѣняютъ у противниковъ программы-minimum (анархистовъ или близкихъ къ анархизму элементовъ) аргументацію. Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться къ литературѣ враждебныхъ намъ направленій, отрицающихъ программу-minimum, то поневолѣ поражаешься той идейной скудостью и безсодержательностью, которою она насквозь пропитана. Почти нигдѣ возраженія не идутъ дальше плоскихъ противопоставленій настоящихъ дѣйствительныхъ соціалистовъ какимъ-то соціалистамъ на ущербѣ или соціалистамъ „минимальнымъ“. Или же защитники первосортнаго „максимальнаго“ соціализма избираютъ благую часть, выступая благородными защитниками единой и цѣлостной программы противъ двухпрограммности, противъ якобы „двойной бухгалтеріи“. Иначе говоря, вся эта дешевая аргументація спекулируетъ на неудачное выраженіе „программа-minimum“ и вертится больше вокругъ словъ вмѣсто того, чтобы углубиться въ существо вопроса. Я, впрочемъ, проявилъ бы недостатокъ уваженія къ товарищамъ, если бы предположилъ, что и въ нашей партійной средѣ пренія о такъ называемой программѣ-minimum могли бы спуститься на эту плоскость.

Итакъ, для всѣхъ насъ равно несомнѣнно, что программа должна быть цѣлостна и едина, что никакой двойственности въ ней не должно быть мѣста. Изъ этого слѣдуетъ, что

сумма требованій, которая въ нашей программѣ соотвѣтствуетъ тому, что обычно называется программой-minimum, есть ничто иное, какъ логическое звено единаго построенія, какъ частное примѣненіе того же самаго единаго принципа, который проникаетъ собою всю положительную часть нашей программы. Рѣчь, иными словами, идетъ не о механическомъ сожительствѣ двухъ программъ—максимальной и минимальной, а лишь объ отвѣтахъ на два основныхъ жизненныхъ вопроса—на два различныхъ вопроса, обусловливающихъ различіе отвѣтовъ, хотя они объединены единствомъ общей идеи, единствомъ основнаго программнаго принципа. И сущность вопроса о такъ называемой „программѣ-minimum“ нуждается прежде всего въ выясненіи,—въ чемъ состоятъ эти два различныхъ вопроса, въ разрѣшеніи которыхъ намъ необходимо примѣнить одну исходную точку зрѣнія своей программы.

Эти два различныхъ вопроса обусловливаются двумя типически-различными ситуаціями, въ которыхъ можетъ находиться соціально-революціонная партія. Эта партія можетъ находиться въ большинствѣ или меньшинствѣ, у власти или въ оппозиціи. Отъ зарожденія своего до выполненія всѣхъ своихъ задачъ партія можетъ переживать самыя разнообразныя политическія комбинаціи и положенія, но каждое изъ нихъ можетъ быть подведено подъ тотъ или другой изъ двухъ этихъ типическихъ случаевъ. Конечно, схемы и подраздѣленія, ясныя теоретически, въ жизни могутъ связываться рядомъ незамѣтныхъ переходовъ. Этотъ фактъ, однако, не уничтожаетъ жизненнаго смысла даннаго различія. Какъ, съ одной стороны, ни можетъ быть негласновліятельной большая оппозиціонная партія, и какъ ни слаба можетъ быть власть неокрѣпшаго и слабаго большинства, все-таки ничто въ мірѣ не сгладитъ и не затушуетъ момента побѣды, завоеванія власти, овладѣнія государственнымъ рулемъ, — момента, являющагося рѣзкимъ водораздѣломъ между двумя полосами партійной жизни. Если это вѣрно вообще, то тѣмъ болѣе вѣрно это по отношенію къ партіи соціалистической. Вѣдь ее отъ другихъ партій отличаютъ не мелкіе оттѣнки, не частныя лишь разногласія, а противо-

положность основныхъ цѣлей. Поэтому и переходъ къ ней власти будетъ означать собою крутой переломъ въ жизни, рѣзкій поворотъ въ историческихъ судьбахъ человѣчества.

Программа партіи должна быть полной и единой. Это значитъ, что она должна дать отвѣтъ на то, какъ будетъ вести себя партія и до, и послѣ этого перелома. Единство программы состоитъ въ томъ, что и до, и послѣ него партія останется вѣрна себѣ, вѣрна своему знамени; въ томъ, что духъ партійной дѣятельности будетъ одинаковъ и тамъ, и здѣсь. Общій и основной критерій ея дѣятельности всегда одинъ и тотъ же: соціалистическій идеалъ. Но огромная разница въ положеніи до и послѣ охарактеризованнаго перелома обусловливаетъ собою непосредственное различіе въ формахъ и мѣрилахъ дѣятельности двухъ этихъ эпохъ.

Иногда высказывается мнѣніе, что программа требованій партіи есть лишь программа мѣръ, которыя партія приметъ, когда будетъ у власти; что всякія другія временныя и меньшія требованія, осуществляемыя благодаря вліянію партіи—всякія уступки, которыя дѣлаютъ партіи ея враги,—не заслуживаютъ названія партійной программы, не достойны входить въ ея составъ. Почему же это, однако? Неужели партійная дѣятельность, партійная созидательная работа начинается только съ момента завоеванія ею власти? Неужели только съ этихъ поръ и начинается воплощеніе партійной программы въ жизнь? Неужели весь предыдущій,—гораздо болѣе тяжелый и суровый періодъ борьбы не знаетъ побѣдъ и завоеваній? Неужели все, что практически достается въ этотъ періодъ, покупаемое нерѣдко цѣною кровавыхъ жертвъ, не можетъ называться положительными партійными завоеваніями? А если это не такъ, то почему же система требованій, ближайшимъ образомъ руководящихъ партіей въ это время, не можетъ фигурировать, какъ законная часть партійной программы?

Въ этомъ взглядѣ проскальзываетъ какъ будто отголосокъ того мечтательнаго, не реалистическаго воззрѣнія, по которому вся текущая борьба есть что-то низшее по достоинству, чѣмъ будущая строительная работа. А между тѣмъ именно эта борьба требуетъ такого напряженія дѣйственной

энергіи, что всякая ея недооцѣнка способна сильно ослабить шансы борьбы и оказаться крайне вреднымъ, задерживающимъ факторомъ. Пренебреженіе текущей борьбой, пренебреженіе сложными вопросами, выдвигаемыми ею, можетъ служить лишь показателемъ незрѣлости партіи. Въ періодѣ своего дѣтства именно и свойственно партіямъ вознаграждать себя за практическую слабость, за фактическое безсиліе подробными экскурсіями въ область туманнаго будущаго. Только оно считается достойнымъ вниманія, только его вопросы—заслуживающими конкретной разработки. Настоящее разсматривается лишь какъ чисто подготовительная эпоха, эпоха распространенія своихъ идеаловъ, которые можно хранить въ тѣмъ большей чистотѣ, чѣмъ меньше принимаешь живого участія въ работахъ современной лабораторіи исторической жизни. Это—время, когда царство идей партіи есть царство отвлеченнаго разума, царство „не отъ міра сего“.

Реалистическое воззрѣніе говоритъ иное. Оно столь же обращено на будущее, какъ и на настоящее. Подымаясь высоко головою къ небесамъ, оно ногами твердо стоитъ на землѣ. Оно стремится разсматривать партію съ самаго ея зарожденія, какъ живую, реально-дѣйствующую силу. Программа партіи съ этой точки зрѣнія есть программа всего ея реальнаго дѣйствія. Она сложна и дифференцирована, какъ сложна и дифференцирована самая ея дѣятельность, въ ея историческомъ развитіи проходящая рядъ различныхъ послѣдовательныхъ фазисовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ партія начинаетъ передѣлывать жизнь по своему образу и подобію, только начиная съ момента полной побѣды? Развѣ до этого момента она только копитъ силы, только пробуетъ ихъ, только подготовляется утилизировать въ будущемъ? Нѣтъ! Еще за долго до окончательной побѣды партія уже начинаетъ становиться живою, вліяющею силою. Каждый приростъ своей силы она стремится использовать; увеличеннымъ давленіемъ на другія, враждебныя силы она заставляетъ ихъ считаться съ этимъ приростомъ своей силы. Междоусобія во вражескомъ лагерѣ облегчаютъ ей эту задачу. Ослабленныя взаимной борьбой отдѣльныя

буржуазныя партіи поперемѣнно стремятся нанести другъ другу удары, присоединяя свой натискъ на соперниковъ къ натиску растущей арміи труда. Умѣлою тактикой въ такіе моменты соціалистическая партія можетъ значительно измѣнить въ свою пользу условія дальнѣйшей борьбы.

Текущее законодательство есть функція соотношенія борющихся соціальныхъ силъ, борющихся общественныхъ группъ. Чѣмъ сплоченнѣе, сознательнѣе и активнѣе данный общественный слой, тѣмъ болѣе у него шансовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, заставить считаться со своими интересами. Ростъ арміи труда имѣетъ тѣ же самыя послѣдствія. Правящіе классы начинаютъ реагировать на этотъ ростъ и на эту борьбу тѣми или иными мѣропріятіями—то защитительнаго, то предупредительнаго характера. Иногда уступая силѣ и настойчивости натиска рабочихъ, иногда же думая предупредить ростъ недовольства своимъ режимомъ, они идутъ навстрѣчу тѣмъ или инымъ интересамъ трудящихся классовъ. Чѣмъ сильнѣе становятся послѣдніе, тѣмъ болѣе вырастаетъ эта соціаль-реформаторская работа современнаго государства. Но она носитъ неискренній и двойственный характеръ. Почти всегда, идя навстрѣчу насущной нуждѣ, правящіе классы стараются свой способъ ея удовлетворенія облечь въ такія формы, которыя бы заключали въ себѣ задерживающее начало, примиряя трудящихся съ режимомъ господства ихъ классовыхъ враговъ. Для этого есть два средства: во-первыхъ,—пропитывать полезныя по существу реформы духомъ опеки, обставляя ихъ учрежденіями, осуществляющими патріархальное попечительство надъ народомъ буржуазныхъ элементовъ; во-вторыхъ,—вносить разобщеніе въ среду трудящихся слоевъ, весьма неравномѣрно поднимая ихъ уровень благосостоянія, создавая среди нихъ привилегированныя группы, удовлетворяя преимущественно передъ другими наиболѣе узкіе, непосредственные, профессіонально своеобразные и даже антагонизирующіе интересы отдѣльныхъ группъ. Вся соціаль-реформаторская дѣятельность государства представляетъ собою сложный переплетъ двухъ этихъ тенденцій, одной—исторически-прогрессивной, хотя и вынужденной, хотя и „прогрес-

сивной поневолѣ", — и другой—исторически-реакціонной. При этомъ соціалистическая партія, своею борьбой вынудившая правящіе классы къ соціаль-реформаторской дѣятельности, стоитъ передъ двойной опасностью. Она должна благополучно миновать и Сциллу, и Харибду: Сциллу—огульнаго, мнимо-радикальнаго отрицанія всякихъ реформъ изъ-за тѣхъ хитроумныхъ маневровъ, посредствомъ которыхъ правящіе классы стараются обратить въ свою пользу даже свои невольныя уступки враждебной сторонѣ; Харибду—прекраснодушной, оппортюнистической переоцѣнки этихъ реформъ, являющейся результатомъ игнорированія ихъ изнанки, изнанки нерѣдко реакціонной и приводящей къ плоскимъ компромиссамъ и къ политической системѣ „мирнаго сотрудничества классовъ".

Соціалистическая партія можетъ уже теперь смѣло и съ законной гордостью сказать: „Все, что только до сихъ поръ современнымъ государствомъ было сдѣлано въ пользу трудящихся классовъ, было сдѣлано подъ моимъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ". Но она никогда не забудетъ, что это вліяніе было лишь частичнымъ и неполнымъ, и что поэтому далеко не всякая реформа является дѣйствительнымъ выигрышемъ рабочаго класса. Въ иныхъ изъ этихъ реформъ на ложку меда можетъ приходиться столько же дегтя; бываютъ и такія реформы, которыя сплошь являются обманомъ и ловушкою. Итакъ, задача, передъ которой здѣсь стоитъ соціалистическая партія, заключается въ томъ, чтобы въ лабиринтѣ совершившихся, проектируемыхъ и мыслимыхъ реформъ строго разобраться и заранѣе оріентировать рабочій классъ—какія изъ этихъ реформъ и насколько онъ сможетъ считать своими дѣйствительными завоеваніями, и какія, наоборотъ, онъ долженъ считать мнимыми, обманными реформами, въ которыхъ подъ внѣшней видимостью уступокъ на дѣлѣ скрываются западни и ловушки.

Не нужно думать, будто критерій расцѣнки соціальныхъ реформъ и отличенія въ нихъ полезныхъ и вредныхъ такъ простъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Иногда говорятъ: соціалистическій идеалъ—вотъ критерій. Да, въ конечномъ счетѣ, разумѣется, онъ является критері-

емъ всей нашей дѣятельности. Но это есть именно исходный руководящій принципъ. Поэтому изъ него и нужно вывести болѣе непосредственное мѣрило. А это мѣрило неодинаково для двухъ эпохъ партійной жизни: до и послѣ завоеванія политической власти. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я уже говорилъ, ничто въ мірѣ не можетъ стереть огромнаго принципіальнаго различія между двумя этими политическими положеніями: находится ли власть въ рукахъ буржуазныхъ элементовъ, хотя бы блѣдныхъ и слинявшихъ, или она уже перешла въ руки рабочаго класса, объединеннаго въ соціалистическую партію. Принципіальному различію двухъ этихъ положеній соотвѣтствуютъ и различныя потребности. Есть соціальныя учрежденія, введеніе которыхъ полезно и необходимо, но лишь при томъ условіи, что у государственнаго руля стоитъ рабочая партія; тѣ же самыя учрежденія въ рукахъ буржуазныхъ дирижирующихъ элементовъ были бы нелѣпостью и даже болѣе вредными, чѣмъ полезными. И, наоборотъ, есть цѣлый рядъ мѣропріятій, являющихся для рабочихъ жизненною необходимостью въ эпоху господства капитализма и буржуазіи, въ качествѣ спеціальныхъ гарантій, и потому дѣлающихся излишними и ненужными по уничтоженіи этого господства. Итакъ, исходя изъ того же самаго соціалистическаго идеала, какъ верховнаго критерія, мы приходимъ къ двумъ различнымъ непосредственнымъ мѣркамъ для оцѣнки законодательныхъ мѣръ, сообразно двумъ типически-отличнымъ фазисамъ развитія партіи.

Эта дифференціація непосредственныхъ мѣрокъ и есть то, что обычно обозначается въ терминахъ, какъ я уже сказалъ, не весьма удачныхъ — программа-максимумъ и программа-минимумъ. Какъ видите, рѣчь идетъ здѣсь вовсе не о двухъ программахъ, а о двухъ логически-нераздѣльныхъ частяхъ единой и цѣлостной программы, о примѣненіяхъ къ разнымъ ситуаціямъ однихъ и тѣхъ же принциповъ.

Совокупность тѣхъ мѣръ — всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя, при условіи существованія политической власти еще въ рукахъ буржуазіи, были бы выгодны рабочему классу въ его борьбѣ за соціализмъ, — при чемъ каждая изъ такихъ

мѣръ берется во всей ея мыслимой полнотѣ и широтѣ, — эта совокупность и есть то, что обычно называется программой-minimum. Съ какой же точки зрѣнія можно было бы отрицать принципіально необходимость имѣть такую программу? Да только съ одной — съ той утопической точки зрѣнія, которая выражается въ формулѣ: „все или ничего“. Но это точка зрѣнія практически-безплодная, и ея революціонность лишь мнимая, кажущаяся. Практически она означаетъ: все—въ мечтѣ и фантазіи, и ничего—на дѣлѣ. Но кто же теперь стоитъ на этой точкѣ зрѣнія? Она оставлена даже анархистами. Всѣ реально борющіяся партіи не могутъ относиться съ огульнымъ отрицаніемъ къ политикѣ практическихъ непосредственныхъ завоеваній, къ текущей борьбѣ рабочихъ. А принимая въ ней участіе, всегда приходится частично утилизировать возрастающую силу движенія, реализировать ее въ формѣ уступокъ, облегчающихъ дѣло дальнѣйшей борьбы. Слѣдовательно, фактически приходится самимъ разбираться и оріентировать рабочій классъ въ оцѣнкѣ этихъ уступокъ. Хорошо, сидя въ кабинетѣ, внѣ жизни, относиться съ величественнымъ презрѣніемъ и философскимъ безразличіемъ къ практическимъ результатамъ текущей борьбы. Но каждая изъ такихъ якобы „мелочей“ для согбеннаго подъ каторжнымъ трудомъ пролетарія составляетъ жизненный, насущный интересъ; его подневольная жизнь стоитъ въ гнетущей зависимости отъ сѣти этихъ мелочей; и взобравшись на недосягаемый революціонный Монбланъ, съ котораго всѣ эти уступки гроша мѣднаго не стоятъ и не заслуживаютъ просвѣщеннаго вниманія соціалиста, можно добиться только одного: совершенно оторваться, отрѣзать себя отъ рабочихъ массъ и даже заслужить ихъ законное негодованіе. Да и каковъ же можетъ быть единственный результатъ принятія этой, повидимому, столь гордой формулы: „все или ничего“? Вѣдь хотимъ мы или не хотимъ, а если даже мы одной пропагандой, организаціей и попытками сразу добиться власти возвысимъ активность, сплоченность и сознательность рабочихъ массъ, мы, помимо своего желанія, все-таки дадимъ толчокъ соціаль-реформаторской дѣятельности государства. Эта дѣятельность во всѣхъ случаяхъ

является вѣдь однимъ изъ попутныхъ, побочныхъ результатовъ общаго роста силы рабочаго класса и соціализма. Итакъ, партія, которая бы говорила: „все или ничего“—фактически все равно въ теченіе долгой эпохи вызывала бы къ жизни своимъ косвеннымъ вліяніемъ лишь такого рода мѣры, изъ которыхъ каждая не была бы ни „все“, ни „ничто“, а а лишь „нѣчто“. Въ своемъ мнимо-революціонномъ великолѣпіи эта партія лишь отстранилась бы отъ обдуманной, научной расцѣнки всѣхъ этихъ „нѣчто“. Массы она все равно не убѣдила бы, что для нея судьба и характеръ частичныхъ уступокъ совершенно безразличны. Но, устранившись отъ реальной расцѣнки ихъ благодаря огульному отрицанію, она лишь затруднила бы для массъ дѣло различенія дѣйствительныхъ уступокъ отъ мнимыхъ—а, слѣдовательно, невольно облегчила бы для народныхъ враговъ дѣло втиранія народу очковъ въ глаза и выдачи мнимыхъ уступокъ за дѣйствительныя.

Но, повторяю, теперь сторонниковъ этой гордой формулы днемъ съ огнемъ не отыщешь. Благодаря этому, фактически всѣ партіи участвуютъ въ текущей борьбѣ, помогаютъ добывать частичныя уступки, правильно расцѣнивать ихъ и т. д. А, слѣдовательно, фактически у всѣхъ у нихъ имѣется—хотя бы подразумѣваемая—сумма требованій, которыя они считаютъ полезными при наличности *буржуазнаго* господства. Эта подразумѣваемая сумма—или программа—и служитъ для нихъ непосредственнымъ критеріемъ соціаль-реформаторской дѣятельности государства или фабрично-заводскихъ улучшеній, предпринимаемыхъ отдѣльными хозяевами. Чѣмъ менѣе данное улучшеніе расходится и чѣмъ полнѣе сходится съ соотвѣтственнымъ пунктомъ этой подразумѣваемой суммы, тѣмъ оно желательнѣе и полезнѣе. Такимъ образомъ фактически всѣ партіи стоятъ на точкѣ зрѣнія такъ называемой программы-минимумъ. Разница только въ томъ, что нѣкоторыя на словахъ продолжаютъ громить программы-minimum такъ, какъ будто бы они стояли на точкѣ зрѣнія „все или ничего“. Стыдясь имѣть оффиціальную, обработанную, логически согласованную и стройную программу-minimum, они предпочитаютъ имѣть оффиціозную, закулисную,

подразумѣваемую и находящуюся, такъ сказать, въ сыромъ и безформенномъ видѣ. Они при этомъ иногда также мало подозрѣваютъ, что стоятъ фактически на точкѣ зрѣнія программы-minimum, какъ мало подозрѣвалъ Мольеровскій „мѣщанинъ во дворянствѣ“, что онъ всю жизнь свою говорилъ прозой. Или, точнѣе, они въ своемъ отрицаніи программы-minimum какъ двѣ капли воды похожи на тѣхъ обывателей, которые говорятъ, что не признаютъ философіи и руководятся простымъ здравымъ смысломъ,—не понимая, что на дѣлѣ они тоже имѣютъ, какъ и всѣ люди, свою философію, только смутную, зачаточную. Воображая себя большими, „максимальными“ революціонерами, отрицающіе программу-minimum тоже ее имѣютъ,—только зачаточную и смутную, ибо пренебрегаютъ ея разработкой и сведеніемъ, а потому во всѣхъ практическихъ разсчетахъ вынуждены поступать болѣе эмпирически, а слѣдовательно болѣе случайно, менѣе логично и принципіально. Такого рода „революціонности“ я, разумѣется, не позавидовалъ бы и ея я не пожелалъ бы для нашей партіи.

Итакъ, я считаю твердо установленнымъ, что вопросъ о цѣлесообразности той или другой мѣры или того или другого учрежденія можетъ рѣшаться различно, въ зависимости отъ того, идетъ ли рѣчь объ эпохѣ послѣ или до завоеванія политической власти соціалистической партіей; иными словами, что для двухъ этихъ эпохъ непосредственные критеріи оцѣнки различны. Конкретно это особенно ярко проявляется въ томъ чрезвычайно осторожномъ отношеніи къ центральной государственной власти, которое характерно для нашей партіи, отнюдь не склонной попадать въ избитую колею „государственнаго соціализма“. Мы прекрасно понимаемъ, что какъ ни эволюціонируетъ исторически государство, какъ ни измѣнялось оно, а тѣмъ не менѣе до сихъ поръ въ основѣ оно оставалось государства эксплоататоровъ, органомъ господства буржуазіи и оплотомъ того частно-правового строя, который для пролетарія означаетъ положеніе соціальной зависимости, порабощенія и бѣдствій. Какъ таковое, оно рѣзко отличается отъ трудового народнаго государства, которое поставитъ на общественно-

правовой фундаментъ естественное человѣческое право на существованіе, развитіе и полноту жизни, которая является необходимымъ условіемъ счастья. Государство перваго типа всегда въ корнѣ остается прежде всего организаціей насилія и репрессіи, какой бы позолотою цивилизаціи она ни покрывалась; государство второго типа будетъ, напротивъ того, прежде всего закономѣрной организаціей общественныхъ силъ для закрѣпленнаго нормами публичнаго права обезпеченія основныхъ потребностей личностей, составляющихъ общество. Соотвѣтственно этому въ первомъ случаѣ оно будетъ въ рукахъ господствующаго—идейно или матеріально—буржуазнаго меньшинства, во второмъ же случаѣ оно будетъ въ рукахъ представителей сознательной и солидарной трудящейся массы. Естественно, что отношеніе наше къ тому и другому различно. Для функцій, которыя мы можемъ довѣрить одному, другое можетъ оказаться совершенно не подходящимъ. И потому—кстати сказать—наше опасливое отношеніе къ центральной государственной власти въ буржуазномъ режимѣ ничего не имѣетъ общаго съ анархической боязнью государства. Въ будущемъ обществѣ центральныя государственныя учрежденія будутъ играть ту крупную роль, какая естественно принадлежитъ имъ, какъ высшимъ координирующимъ органамъ народнаго самоуправленія.

Однако, при формулировкѣ такъ называемыхъ „минимальныхъ“ требованій и при опредѣленіи ихъ содержанія приходится считаться не только съ тѣмъ, что ими приходится непосредственно руководиться въ текущей борьбѣ, происходящей въ рамкахъ государства, въ которомъ у кормила правленія стоятъ классовые враги рабочаго народа. Въ связи съ этимъ политическимъ господствомъ классовыхъ враговъ стоитъ другое—экономическое—обстоятельство: наличность частно-правового хозяйственнаго строя, основаннаго на товарномъ обмѣнѣ и конкуренціи, а слѣдовательно, строя, въ которомъ огромную роль имѣетъ капиталъ. Такимъ образомъ, „минимальныя“ требованія суть такія требованія, которыя способны всячески подрывать силу капитала и увеличивать силу труда въ рамкахъ до-соціалистическаго, частно-

правового хозяйственнаго строя. Но для того, чтобы совершенно точно, не сбиваясь, понять это положеніе, чтобы не смѣшивать его съ какимъ-нибудь другимъ, на первый взглядъ звучащимъ одинаково, необходимо прибѣгнуть къ сравнительному методу и сопоставить нашу концепцію программы-minimum съ концепціей соціаль-демократической.

Для соціаль-демократовъ программа-minimum есть программа требованій, проводимыхъ „въ рамкахъ буржуазнаго строя". Но для нихъ эта программа получаетъ иногда еще болѣе близкое опредѣленіе: „требованія, не затрогивающія началъ буржуазнаго строя". Эта на первый взглядъ невинная перифраза на дѣлѣ вовсе не такъ невинна и отражаетъ въ себѣ много такого, что для насъ является абсолютно непріемлемымъ.

По соціаль-демократической концепціи, наступленіе соціализма обезпечивается внутренней логикой капиталистическаго строя. Чѣмъ болѣе развивается капитализмъ, чѣмъ полнѣе его началами пропитывается все общество, чѣмъ болѣе развертываются они до своихъ самыхъ крайнихъ логическихъ послѣдствій, тѣмъ быстрѣе идетъ діалектическое самоотрицаніе этого строя, тѣмъ ближе придвигается переломъ въ сторону соціализма. Приближеніе соціализма прямо пропорціонально развитію до своихъ естественныхъ крайнихъ результатовъ капитализма. Отсюда—двойственное отношеніе къ капитализму, какъ свеобразному „друго-врагу" соціализма и пролетаріата. Необходимо его революціонное уничтоженіе—когда онъ вполнѣ закончитъ свою „историческую миссію" и самъ себя исчерпаетъ. Необходимо крайне бережное къ нему отношеніе,—пока этотъ моментъ еще не пробилъ. Чтобы исчерпать себя, онъ долженъ полнѣе развиться, и не препятствовать ему въ этомъ, не замедлять, а скорѣе способствовать и ускорять это развитіе,—вотъ что будетъ въ интересахъ рабочаго класса. Отсюда и возникновеніе такихъ, на первый взглядъ странныхъ и непонятныхъ политическихъ программъ, которыя на соціалистическую партію готовы возложить, напримѣръ, задачу содѣйствовать активно „введенію деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу". Картинно я бы такъ охарактеризовалъ соціаль-демо-

кратическую концепцію: по ней пролетаріатъ является единственнымъ и законнымъ наслѣдникомъ капитала; но всякій наслѣдникъ заинтересованъ въ непрерывномъ, безпрепятственномъ, возможно болѣе крупномъ и быстромъ накопленіи наслѣдства; итакъ, ему невыгодно все, что ограничиваетъ разростаніе поля дѣятельности наслѣдодателя. Но наслѣдникъ долженъ быть достоинъ своего наслѣдства, долженъ сумѣть имъ распорядиться. На этихъ мотивахъ и построена соціаль-демократическая минимальная программа. Линія поведенія, опредѣляемая ею, совершенно ясна: ея характеръ—выжидательно-оборонительный. Недаромъ какъ-то разъ Бебель на бреславльскомъ партейтагѣ заявилъ, что каждую мѣру онъ взвѣшиваетъ съ двухъ точекъ зрѣнія: не повредитъ ли она непосредственнымъ духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ рабочихъ, и не потревожитъ ли она хода капиталистическаго развитія. Эта боязнь возмутить, потревожить спокойное развитіе началъ буржуазнаго режима, это бережное отношеніе къ его интересамъ чрезвычайно характерно. Пусть колесница капитала шествуетъ впередъ въ силѣ и славѣ своей: не вздумайте какъ-нибудь неосторожно помѣшать ей или закрыть для нея какую-нибудь дорогу или тропинку. Ждите, пока она сама выроетъ яму, въ которую упадетъ. Пока же этого не случилось, ограничивайтесь тѣмъ, что не менѣе старательно охраняйте моральное и физическое здоровье рабочаго класса, этого наслѣдника, спокойно, съ большой выдержкой, выжидающаго, пока наслѣдство не сдѣлается зрѣлымъ плодомъ, готовымъ упасть въ протянувшіяся къ нему руки.

Для насъ эта соціальная философія нисколько не соблазнительна. Мы не думаемъ, будто только и приходитъ свѣта, что черезъ капиталистическое окошко. Для насъ единственное ограниченіе широты революціоннаго размаха содержится въ количествѣ и качествѣ активныхъ силъ, сорганизованныхъ въ соціалистическую армію: а она, по нашему мнѣнію, можетъ вербоваться не только изъ пролетаріата капиталистической промышленности, но также изъ самостоятельныхъ, не капиталистическихъ производителей. Поэтому для насъ не существуетъ того другого ограниченія, тѣхъ

другихъ рамокъ революціонному „дѣланію“, которыя существуютъ для соціаль-демократовъ, т.-е. недостаточной зрѣлости самаго капитализма, какъ такового. Мы не считаемъ себя ни призванными содѣйствовать его созрѣванію, ни обязанными дожидаться его. Вездѣ, гдѣ мы считаемъ возможнымъ по соотношенію активныхъ революціонныхъ силъ, мы готовы стремиться ограничить площадь всевластія капитала; такъ, мы стремимся изъять землю изъ-подъ господства частно-правового режима. Въ борьбѣ противъ буржуазной эксплоатаціи рабочихъ мы также не считаемъ нужнымъ останавливать руку на полуразмахѣ изъ опасенія подорвать или „потревожить“ естественный ходъ развитія капитала. Соціалъ-демократы выступаютъ противъ капитала революціонно лишь съ момента естественнаго довершенія капиталомъ его миссіи; до этого момента они относятся къ капиталу строго эволюціонно, пассивно, оборонительно, частью даже съ „сочувственнымъ нейтралитетомъ“, если не съ прямой поддержкой (что дѣлаешь, дѣлай скорѣе). Мы же считаемъ возможнымъ теперь же относиться къ капиталу революціонно. Въ нашей рабочей программѣ это сказывается на томъ, что свои требованія въ пользу рабочихъ мы выставляемъ безотносительно къ тому, насколько они соотвѣтствуютъ интересамъ дальнѣйшаго развитія капитализма. Такъ, мы выставляемъ требованія минимальной заработной платы, отвергаемыя соціалъ-демократами, въ качествѣ противорѣчащаго основнымъ интересамъ развивающейся индустріи; такъ, въ ней же мы требованіе сокращенія рабочаго времени не ограничиваемъ нормою 8-час. рабочаго дня, а выставляемъ сокращеніе его до крайняго логическаго предѣла, т.-е. въ предѣлахъ прибавочнаго рабочаго времени и т. д. Соціалъ-демократы въ своей программѣ вынуждены совмѣстить, примирить два критерія: интересы развитія капитала и интересы духовнаго и физическаго здоровья рабочихъ. Но такъ какъ интересы эти не являются абсолютно совпадающими, то вся программа выходитъ компромиссомъ между двумя этими началами. Наша программа, наоборотъ, въ своей основѣ едина и цѣлостна. Какъ революціонные соціалисты, мы преслѣдуемъ только интересы рабочаго населенія, исходимъ только изъ

его права на существованіе, требуемъ вездѣ, во всѣхъ областяхъ соціальной жйзни въ наибольшемъ мыслимомъ объемѣ всего того, что еще до перехода власти къ соціалистической партіи и до уничтоженія частно-правовой основы хозяйства можетъ реализовать это право. Тамъ, гдѣ эти наши требованія и практическія попытки въ смыслѣ ихъ осуществленія пойдутъ въ разрѣзъ съ интересами развитія капитала или будутъ подрывать его основы—тѣмъ хуже для капитала. Но на его — „выучку“ и на его творческія силы всецѣло и исключительно своихъ надеждъ и чаяній мы не возлагаемъ; гдѣ обобществленіе труда и собственности не совершается или недостаточно совершается подъ эгидой капитализма, тамъ оно должно быть совершено и будетъ совершено снизу непосредственной творческой работой самой рабочей массы: мы не думаемъ, чтобы послѣднюю въ элизіумъ соціалистическаго строя можно было вогнать только крѣпкой капиталистической дубиной. Итакъ, мы не только имѣемъ и не можемъ не имѣть такъ наз. программу-minimum: мы имѣемъ еще своеобразную революціонную концепцію ея; требовать отказа отъ программы-minimum значить требовать отказа и отъ этого идейно-теоретическаго своеобразія нашего, требовать нашего частичнаго идейнаго обезличенія.

Къ вопросу о „положительныхъ“ и „отрицательныхъ“ сторонахъ капитализма.

Уже давно, очень давно русскіе марксисты утверждаютъ, что только они одни какъ слѣдуетъ поняли ту великую истину, что капитализмъ имѣетъ не только „темныя“, но и „свѣтлыя“ стороны (В. Богучарскій), что онъ есть факторъ, не только разрушающій, но и создающій“ (П. Струве), что онъ имѣетъ не только „отрицательныя“, но и „положительныя“ стороны (Туганъ-Барановскій). Уже давно они твердятъ, что, напротивъ того, „народники“ ни за что не хотятъ видѣть въ капитализмѣ хорошихъ сторонъ, а только одни дурныя, что для народниковъ капитализмъ—„зло“, и только; они и не видятъ, что „это зло есть огромный факторъ культурнаго процесса“ (П. Струве). Отсюда и заключаютъ наши марксисты, что ихъ антагонисты—которыхъ они почти безъ разбору обозначаютъ одною кличкой „народниковъ“—не знаютъ и не понимаютъ Маркса, не цѣнятъ промышленнаго прогресса, и готовы пожертвовать имъ изъ-за своей любви къ „мужичку“, который закостенѣлъ въ своихъ заплесневѣлыхъ „устояхъ“, и котораго промышленный прогрессъ грозитъ вышибить изъ вѣкового сна, освободивъ отъ обузы—земли. Отсюда вытекали, наконецъ, и дальнѣйшіе ихъ выводы — о томъ, что экономическая программа „народничества“ реакціонна, что народничество есть, въ сущности, теченіе мелкобуржуазное, что народники только воображаютъ себя прогрессистами, а на дѣлѣ они консервативны, желая пріостановить „колесо исторіи“, etc., etc.

Уже отсюда видно, насколько „кардинальнымъ“ вопротомъ въ спорѣ между такъ называемыми марксистами и за-

щитниками „идейнаго наслѣдства 70-хъ годовъ“ является вопросъ о „положительныхъ“ и „отрицательныхъ“ сторонахъ капитализма. Вплотную заняться этимъ вопросомъ, разъяснить, въ чемъ, дѣйствительно, сходятся и расходятся здѣсь обѣ стороны и что является въ спорахъ лишь плодомъ недоразумѣнія, кажется мнѣ задачею чрезвычайно важною. Ее однажды поставилъ себѣ въ „Русскомъ Богатствѣ“ Вл. Короленко, взявши исходнымъ пунктомъ для своей статьи слова также человѣка 70-хъ г.г. Н. В. Шелгунова: „Пробуждающійся промышленный геній русскаго народа является новою движущею силою, развитіе которой внесетъ въ жизнь массу новыхъ понятій и отношеній“.

Намѣреваясь въ этой статьѣ освѣтить данный вопросъ въ связи съ той стороною ученія Маркса, на которую, какъ мнѣ кажется, русскіе ученики его обращали до сихъ поръ мало вниманія, я считаю не лишнимъ привести здѣсь важнѣйшія мѣста, въ которыхъ Вл. Короленко довольно удачно сформулировалъ точку зрѣнія школы Н. К. Михайловскаго въ данномъ вопросѣ. „Развитіе промышленнаго генія—говоритъ онъ—есть несомнѣнное благо. Оно усиливаетъ человѣка, его значеніе и силу его мысли среди неосмысленной природы. Оно усложняетъ человѣка и, значитъ, вноситъ также новые моменты въ самую жизнь общества. Такимъ образомъ, необходимость техническаго прогресса не подлежитъ спору. Слѣдуетъ только при всѣхъ дальнѣйшихъ спекуляціяхъ съ этимъ понятіемъ твердо помнить, что „промышленный геній“ и „капитализмъ“—понятія понятія далеко не тождественныя. Капитализмъ есть лишь условіе, и при томъ далеко не лучшее изъ мыслимыхъ условій, сопровождающихъ эволюцію „промышленнаго генія“ человѣчества. Послѣднее есть несомнѣнно благо *само въ себѣ*, родившееся еще въ тѣ древнія времена, когда человѣкъ впервые освѣтилъ мракъ и холодъ ночи открытіемъ огня, и ведущее его въ будущемъ къ безконечнымъ завоеваніямъ.... Капитализмъ же „самъ въ себѣ“ есть лишь временное условіе, внѣшняя оболочка, историческій костюмъ и при томъ такой, въ которомъ европейская идеологія давно уже вскрыла неудобства и прорѣхи, теперь видныя и простому, невоору-

женному глазу. Развитіе промышленнаго генія есть процессъ глубоко „человѣчный“, условіе же, о которомъ мы говоримъ, само въ себѣ, наоборотъ, многими своими сторонами „противочеловѣчно...“ „Намъ приходится, или, вѣрнѣе, пришлось уже принимать вмѣстѣ съ вышеуказаннымъ благомъ и его оболочку, это ясно. Въ первыя времена послѣ освобожденія крестьянъ русскій мыслящій человѣкъ останавливался въ раздумьи на распутьи, такъ сказать, разныхъ дорогъ русскаго прогресса. И ему казалось, что онъ можетъ получить сущность извѣстнаго блага, самое развитіе „промышленнаго генія“ безъ данной его исторической оболочки“.

Исторія во многомъ рѣшила иначе. Это, однако, не значитъ, чтобы соотвѣтствующія усилія „русскаго мыслящаго человѣка“ были напрасны. Исторія, въ концѣ концовъ, всегда представляетъ равнодѣйствующую силъ, тянущихъ влѣво и тянущихъ вправо. И если она по этому самому не совпадаетъ съ тенденціей силъ, влекущихъ ее влѣво, этимъ еще ничего не сказано противъ ихъ raison d'etre. Напротивъ. Въ равнодѣйствующей учтено и дѣйствіе лѣвыхъ силъ. Не будь ихъ вовсе, равнодѣйствующая могла бы отклониться вправо еще сильнѣе. У исторіи нужно запрашивать бо́льше, чтобы получить что-нибудь. И потому на нашъ взглядъ, и сейчасъ, не смотря на всѣ уроки исторіи, — а лучше сказать, въ силу этихъ уроковъ — правы будутъ не тѣ, кто будетъ взывать: „смертный, силѣ насъ гнетущей, покоряйся и терпи“—разъ капитализмъ развивается, „признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“,— а тѣ, кто, по примѣру нашихъ славныхъ предшественниковъ, хотя и будетъ видѣть въ капитализмѣ неизбѣжную временами оболочку желательнаго для насъ развитія „промышленнаго генія“, но въ то же время будетъ дѣлать между тѣмъ и другимъ строгое различіе, и въ каждый данный моментъ будетъ дѣлать все возможное для того, чтобы свести на minimum первое и доводить до maximum'а второе. Высшій критерій остается тотъ же: желательно развитіе производительныхъ силъ, но, по скольку лишь это отъ насъ зависитъ, въ процессѣ *некапиталистической* эволюціи. Для этого должны быть использованы всѣ условія, всѣ формы народной жизни,

всѣ взгляды и привычки, которые могутъ содѣйствовать росту производительныхъ силъ, кооперації, солидарности, и которые въ то же время существуютъ внѣ капитализма, и вызваны (или могутъ быть вызваны) къ жизни не имъ. И, само собой разумѣется, предварительно должна быть расчищена дорога для этой некапиталистической эволюціи—дорога широкая и свободная отъ внѣшнихъ давящихъ препятствій. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ была установлена эта точка зрѣнія, и въ существѣ нѣтъ надобности и сейчасъ отказываться отъ нея.

„Прогрессъ,—продолжаетъ В. Короленко, развернулся въ возможныхъ по данному времени условіяхъ, и благо, которое онъ съ собою несетъ, значительно превышаетъ сопряженныя съ „условіями“ неудобства. Однако, эти неудобства существуютъ, и они громадны... И вотъ почему особенно важно не только помнить, но и никогда не упускать изъ виду, что сущность „промышленнаго генія“—одно, а условія процесса—другое. И поэтому, въ видахъ правильной перспективы... необходимо, чтобы ни одна капля энтузіазма и преклоненія, довлѣющаго „человѣческому благу“, не расточалась на „условія“ и „обстановку“. Между тѣмъ, мы, русскіе люди, очень склонны ко всякимъ преувеличеніямъ и аберраціямъ... Мы считаемъ себя порой какъ бы призванными прославлять не только сущность процесса, но и его обстановку“.

Казалось бы, что эти положенія являются настолько самоочевидной истиной, что ихъ не требуется даже подробно развивать, мотивировать, обосновывать; казалось бы, ихъ совершенно достаточно для того, чтобы разсѣять всякія недоразумѣнія и установить дальнѣйшую почву для серьезнаго и вполнѣ дружескаго обмѣна мнѣній, безъ всякихъ преувеличеній, безъ возведенія мыслей противниковъ въ квадратъ, а тѣмъ болѣе безъ тенденціозныхъ, хотя и безсознательныхъ искаженій. На дѣлѣ, однако, оказалось иное. На статью Вл. Короленко въ различныхъ марксистскихъ и полумарксистскихъ органахъ отозвались возгласами полнаго недоумѣнія. Въ одномъ кратко отвѣчали: о чемъ вы говорите? когда мы завели рѣчь о „промышленномъ геніѣ“, такъ мы именно капитализмъ подъ этимъ и разумѣли! Въ дру-

гомъ—болѣе политично отозвались, что дальнѣйшее обсужденіе того же вопроса покажетъ, насколько тѣснѣе въ реальной дѣйствительности связь „оболочки“ съ „сущностью“ хозяйственнаго блага, чѣмъ это представляется Вл. Короленкѣ. Но „дальнѣйшаго обсужденія“ просто не воспослѣдовало... и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ все осталось по старому [1]). И въ этомъ заключается достаточное основаніе для возвращенія къ вопросу о „положительныхъ“ и „отрицательныхъ“ сторонахъ капитализма.

Пишущій эти строки имѣлъ уже случай вполнѣ опредѣленно высказаться по этому вопросу. „Мы нисколько не отрицаемъ зерна истины въ томъ положеніи, что „капитализмъ заключаетъ въ самомъ себѣ и разрушительныя, и созидательныя силы“, или, согласно другой подобной же формулировкѣ, имѣетъ не только „темныя“, но и „свѣтлыя“ стороны, не только „отрицательныя“, но и „положительныя“. Но мы... во избѣжаніе всякой двусмысленности и всякихъ недоразумѣній, оговариваемся, что „созидательныя“ или „положительныя стороны капитализма, собственно говоря, принадлежатъ *не капитализму, какъ таковому*, т.-е. какъ *опредѣленной формѣ* общественнаго сочетанія силъ,—а самому этому сочетанію силъ, крупному производству, коопераціи, независимо отъ ея формы“ („Р. Б.“ 1900, № 4, стр. 140). Именно этого-то и не видятъ наши марксисты. Они систематически смѣшиваютъ конкретную, преходящую историческую форму съ постояннымъ наростающимъ содержаніемъ, и съ легкимъ сердцемъ относятъ на счетъ *капитализма, какъ такового*, все, что вытекаетъ и изъ первой, и изъ второго. А затѣмъ уже становится нетруднымъ пѣть гимны не только капитализму, но даже и „ростовщичеству-кулачеству“, какъ „фактору прогресса“. Это и есть та самая „аберрація“, про которую говорилъ Вл. Короленко. Аттрибутомъ капитала (т.-е. узкой и тѣсной исторической оболочки развитія производительныхъ силъ, данныхъ общественныхъ рамокъ, въ которыя заключенъ „промышленный

[1]) Такъ, напр., упреки въ „экономической“ реакціонности повторены вновь въ прежней формѣ въ книгѣ г. Бердяева о Н. К. Михайловскомъ.

геній“) неправильно считается то, что на самомъ дѣлѣ причинно связанно съ кроющимся за этой оболочкой содержаніемъ — содержаніемъ, которому въ этой оболочкѣ всегда болѣе или менѣе тѣсно, которое находится со своею оболочкой въ отношеніяхъ постояннаго антагонизма. За иллюстраціей ходить недалеко.

Такъ, напримѣръ, возьмемъ *общественную производительную силу труда.* И по отношенію къ ней не только возможна, но и постоянно имѣетъ мѣсто та же аберрація. Психологическій процессъ, которымъ она создается, проанализированъ Марксомъ съ тѣмъ свойственнымъ ему мастерствомъ, которому мы удивляемся, напримѣръ, въ особенно удачныхъ страницахъ, посвященныхъ характеристикѣ „товарнаго и денежнаго фетишизма“.

Всякая кооперація,—говоритъ Марксъ [1])—какъ простая, такъ и сложная, имѣетъ свойство увеличивать производительность труда. „Сила натиска кавалерійскаго эскадрона, или сила сопротивленія батальона пѣхоты существенно отличны отъ силы натиска и сопротивленія, которую могли бы оказать отдѣльно взятые кавалеристы и пѣхотинцы“. Эта новая, *совокупная* ихъ сила, такимъ образомъ, вовсе не равняется простой, механической суммѣ отдѣльныхъ, индивидуализированныхъ силъ, а значительно превосходитъ ее, даетъ эффекты, которыхъ то же количество силъ въ состояніи разъединенія дать бы не могло. Итакъ, самый фактъ координированности этихъ силъ даетъ извѣстный плюсъ, извѣстный прибавокъ къ итогу произведеннаго ими вліянія. То же и въ производительной дѣятельности. „Точно такъ же сумма механическихъ силъ отдѣльныхъ работниковъ отлична отъ механической силы, развивающейся въ то время, когда множество рукъ участвуютъ сообща и одновременно въ одной и той же нераздѣльной операціи. То дѣйствіе, которое совершаетъ при этомъ комбинированный трудъ, либо *вовсе* не могло бы быть достигнуто одиночными усиліями отдѣльныхъ работниковъ, либо могло бы

[1]) Кап., т. I, стр. 278. (цитирую, какъ и ниже, по второму русскому изданію).

быть исполнено ими только въ гораздо болѣе продолжительный періодъ времени, или только въ ничтожномъ размѣрѣ. Здѣсь дѣло идетъ не только объ увеличеніи, посредствомъ кооперації, индивидуальной производительной силы, но *о созданіи особенной производительной силы* — силы массъ [1]).

Общественная производительная сила труда, слѣдовательно, какъ разъ и проявляется въ томъ плюсѣ, въ той прибавкѣ къ механической суммѣ вліянія изолированныхъ индивидуальныхъ силъ, который вытекаетъ изъ одного факта совмѣстности, совокупности ихъ дѣйствія. Плюсъ этотъ, какъ мы видѣли, отчасти обусловливается общими механическими законами силъ, отчасти, какъ мы увидимъ ниже, чисто-психологическими законами, проявляющимися во всѣхъ явленіяхъ кооперації. „Помимо новой потенціальной механической силы, возникающей изъ сліянія многихъ силъ въ одну общую силу, уже простое общественное соприкосновеніе порождаетъ между работниками въ большей части производительныхъ работъ особенное соревнованіе, особенное возбужденіе духа, которое увеличиваетъ индивидуальную способность къ труду каждаго отдѣльнаго работника". Этотъ психологическій феноменъ генетически однороденъ хотя бы съ тѣмъ, который формулируется пословицей: „на міру и смерть красна" [2]). Психическая энергія толпы, массы совершенно такъ же не можетъ быть сведена на механическую сумму психическихъ энергій отдѣльныхъ лицъ, какъ и механическая сила ея дѣйствія. И тамъ, и здѣсь она выростаетъ въ своеобразную новую силу.

Въ простой формѣ кооперації, при непосредственно-общественномъ контролѣ за ея дѣйствіями, никакой аберрації получиться не можетъ. Всякія мірскія, общинныя, артельныя работы даютъ мѣсто развиться и проявиться *общественной* производительной силѣ и безошибочно показываютъ истинный источникъ созданія этой новой силы—сложеніе, кооперацію, координированіе отдѣльныхъ усилій. Именно этотъ фактъ и отмѣченъ малороссійской пословицей: „громада—великій человѣкъ".

[1]) Кап., I, 278.
[2]) Кап., I, 278—279.

Иное получается при *капиталистическомъ* приложеніи кооперація, *капиталистической* эксплуатаціи „общественной производительной силы труда“. Кооперація наемныхъ работниковъ при ней есть просто дѣйствіе того капитала, который употребляетъ ихъ одновременно для своихъ цѣлей. Взаимная связь ихъ функцій и ихъ единство, какъ одного обширнаго производительнаго тѣла, лежитъ *внѣ ихъ*, а именно въ томъ капиталѣ, который свелъ ихъ и держитъ ихъ вмѣстѣ... [1]) „Рабочіе, какъ независимыя личности, представляютъ собою отдѣльныя единицы, которыя вступаютъ въ нѣкоторое отношеніе къ одному и тому же капиталу, но не одна къ другой. Ихъ кооперація начинается впервые только въ процессѣ труда; но въ процессѣ труда они перестали уже принадлежать самимъ себѣ. Со вступленіемъ въ этотъ процессъ они входятъ въ составъ капитала. Какъ кооперирующіе между собою работники, какъ члены одного работающаго организма, они представляютъ собою только особенную форму существованія капитала. Поэтому, та производительная сила, которую работникъ развиваетъ, какъ общественный работникъ, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, какъ бы само собою, каждый разъ, какъ только работникъ будетъ поставленъ въ извѣстныя опредѣленныя условія; а капиталъ ставитъ его именно въ эти условія. Такъ какъ общественная производительная сила труда не стоитъ капиталу ничего, и такъ какъ, съ другой стороны, она *не можетъ быть обнаружена работникомъ прежде, чѣмъ самый трудъ его уже станетъ принадлежать капиталисту*, то она *представляется производительной силой, дарованной капиталу отъ природы, производительной силой капитала*“ [2]).

Самостоятельный производитель-работникъ, для котораго всѣ отношенія его въ кооперації къ другимъ равноправнымъ работникамъ были совершенно ясны и прозрачны, безошибочно опредѣлялъ источникъ этого приращенія силы. Кооперирующая масса работниковъ есть уже нѣкоторое но-

[1]) Кап., I, 284.
[2]) Кап., I, 286.

вое цѣлое съ новыми, приращенными силами: громада—великій человѣкъ. Для того же работника, сначала насильственно оторваннаго отъ средствъ производства, нагулявшагося, намыкавшагося по бѣлу свѣту въ качествѣ предоставленной собственнымъ силамъ единицы, а потомъ снова „припущеннаго“ къ средствамъ производства, отношенія затемняются. „Капиталъ“ вырастаетъ для него въ самостоятельную производительную силу, тѣ эффекты, которые раньше имъ безошибочно относились на счетъ „громады“ самихъ работниковъ, теперь относятся къ тяготѣющей надъ нимъ громадѣ капитала... Но любопытно, что въ ту же аберрацію легко впадаетъ не только рабочій пролетарій, но даже и его близорукій идеологъ. Если этотъ идеологъ согласенъ признавать живымъ воплощеніемъ трудового принципа только оторваннаго отъ средствъ производства пролетарія; если онъ презрительно отворачивается отъ такого же рабочаго, только отъ средствъ производства еще не оторваннаго; если онъ игнорируетъ всѣ отношенія, создающіяся на почвѣ кооперації самостоятельныхъ производителей, съ презрительной увѣренностью „развѣ что можетъ быть добраго изъ Назарета“—то при такомъ съуженіи своего кругозора и ему нетрудно впасть въ ту же ошибку: замѣтить общественную производительную силу труда лишь какъ аттрибутъ капитала, ибо вѣдь она можетъ быть обнаружена... не прежде, чѣмъ самый трудъ уже станетъ принадлежать капиталисту“, а потому „она представляется производительной силой, присущей капиталу“...

За иллюстраціей этого ходить недалеко. Нашъ экономистъ, М. И. Туганъ-Барановскій, принадлежалъ именно къ числу такихъ *односторонних* идеологовъ труда. Односторонне концентрируя свое вниманіе на созданіи общественной производительной силы подъ эгидой капитала, онъ пришелъ, наконецъ, къ той самой аберрації, которая такъ мастерски обнаружена и выведена, такъ сказать, на чистую воду, его великимъ учителемъ, Марксомъ...

Какъ извѣстно, недавно М. И. Туганъ-Барановскій повѣдалъ со страницъ „Научнаго Обозрѣнія“ urbi et orbi о произведенномъ имъ переворотѣ въ наукѣ—упраздненіи теоріи

Маркса въ ея цѣломъ и выработкѣ изъ ея элементовъ „новой теоріи“. Такъ вотъ, по этой-то новой теоріи, между прочимъ, и выходитъ, что „капиталъ, напримѣръ, такой же реальный факторъ цѣны, какъ и трудъ. Можно относить на долю труда все, создаваемое капиталомъ, но нельзя игнорировать создаваемаго капиталомъ. Въ дѣйствительности, въ производствѣ цѣнныхъ продуктовъ, а слѣдовательно и въ созданіи цѣнности, какъ основы (?) цѣны, участвуютъ какъ трудъ, такъ и капиталъ“. „Въ результатѣ производства получается увеличеніе цѣны: цѣна продукта превышаетъ цѣну затраты, и этотъ избытокъ есть прибыль капиталиста. Откуда является этотъ избытокъ цѣны, а, слѣдовательно, и цѣнности?.. избытокъ этотъ, реально, въ такой же мѣрѣ продуктъ капитала, какъ и труда“. „Въ дѣлѣ созданія прибыли капиталъ эквивалентенъ труду“. „Въ дѣйствительности, трудъ производителенъ какъ разъ въ той же мѣрѣ, какъ и капиталъ“ [1]).

И при болѣе общей постановкѣ вопроса, если мы спросимъ: создаютъ ли новую цѣнность и орудія труда, а не только живой трудъ? возможна та же аберрація и въ силу тѣхъ же условій. Для непосредственнаго производителя или для товарищества непосредственныхъ производителей все дѣло до-нельзя ясно и прозрачно. Если этотъ производитель, вмѣсто того, чтобы прикладывать трудъ непосредственно къ данному процессу производства, часть этого труда затратитъ на изготовленіе вспомогательнаго средства или орудія производства, то, понятно, онъ этимъ съэкономитъ извѣстную часть усилій. Приступивши съ новымъ инструментомъ къ тому же процессу производства, онъ получитъ то же количество продукта при меньшихъ затратахъ труда или при той же затратѣ труда большее количество продуктовъ. Въ чемъ сущность происшедшаго хозяйственнаго измѣненія? Это просто и ясно: въ томъ, что работникъ нашелъ способъ болѣе производительно приложить тотъ же самый трудъ, болѣе цѣлесообразно вмѣшаться въ

---

[1]) М. И. Туганъ-Барановскій „Трудовая цѣнность и прибыль“ стр. 622—623, 632.

стихійную игру природныхъ силъ, вслѣдствіе этого *его трудъ сталъ производительнѣе, ему легче стало отвоевать у природы извѣстное* необходимое для него количество благъ. Эти блага стали доставаться ему дешевле, *цѣнность* ихъ для него понизилась. Ему стоитъ меньшихъ затратъ, меньшихъ усилій, меньшаго напряженія получать эти блага, они обходятся ему не такъ дорого. Переводя съ этого субъективно-психологическаго языка на объективно-научный, мы скажемъ: цѣнность единицы продукта упала вслѣдствіе повышенія производительности труда.

Такъ просто обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія непосреднаго производителя. Для него всякій инструментъ, всякое орудіе — только пассивный продуктъ его собственнаго труда, только мертвый придатокъ къ его рукѣ. Иначе, для производителя, *оторваннаго* отъ средствъ производства и вновь, послѣ долгихъ мытарствъ, къ нимъ „припущеннаго“. Уже не инструментъ по отношенію къ нему есть мертвый, пассивный „придатокъ“ — нѣтъ, онъ самъ „придатокъ къ машинѣ“, по рѣзкому выраженію Маркса. Машина для него уже властная, тяготѣющая надъ нимъ внѣшняя сила. Средства производства, выдѣлившись въ самостоятельную соціальную категорію, какъ бы одухотворились, получили самостоятельное бытіе, выдѣлились въ „независимый факторъ производства“ и выступили съ своеобразными притязаніями даже на полѣ теоретической мысли. Близорукій идеологъ труда, отрозненнаго отъ средствъ производства, задумывается надъ, казалось бы, столь простымъ фактомъ, какъ увеличеніе производительности труда. Ему уже кажется, что въ сравнительной оцѣнкѣ роли труда и машины, послѣдняя несправедливо обижена въ пользу перваго. Почему она — мертвый результатъ, мертвый продуктъ производства? Почему ея цѣнность опредѣляется величиной создавшаго его труда? Почему машина не можетъ сама создавать цѣнности?

„Въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ рѣшительно никакого принципіальнаго различія между человѣкомъ и машиной не существуетъ. Человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны“. Болѣе того, роль машины, „въ

дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ" все растетъ, а роль труда сравнительно все умаляется. „Повышеніе производительности труда есть не что иное, какъ другое выраженіе для обозначенія паденія роли труда въ общихъ затратахъ производства. Понятное дѣло, что если общій результатъ работы Петра и Ивана я считаю работой Петра, то чѣмъ больше сработалъ Иванъ, тѣмъ производительнѣе я долженъ считать трудъ Петра. Марксъ повѣрилъ, что Иванъ, дѣйствительно, ничего не дѣлаетъ, и заключилъ: „если Иванъ беретъ на себя работу Петра—если машина замѣщаетъ рабочаго—значитъ, ихъ общая выработка сокращается". Отсюда и необходимость реформы въ политической экономіи, чтобы исправить ошибку Маркса. „Трудовая теорія цѣнности, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе" [1]).

Словомъ, опять получается тотъ же выводъ: въ дѣлѣ созданія цѣнности капиталъ—и даже болѣе того, средства производства вообще—эквивалентны труду. Производительная сила труда и въ частности его общественная производительная сила — употребляя формулировку Маркса — „представляется производительной силой, дарованной капиталу отъ природы, производительной силой капитала".

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности цѣлаго ряда ошибокъ и смѣшеній, допущенныхъ М. И. Туганъ-Барановскимъ въ его критикѣ экономической теоріи Маркса. Мимоходомъ лишь укажу, какъ грубо смѣшиваетъ онъ роль машины „въ созданіи цѣнныхъ *предметовъ*" съ ея ролью „въ созданіи *цѣнности*", какъ будто *цѣнность* и цѣнный *предметъ*, мѣновая и потребительная цѣнность тождественны! или съ какимъ постоянствомъ онъ смѣшиваетъ роль средствъ производства вообще съ ихъ ролью въ формѣ капитала! Здѣсь М. И. Туганъ-Барановскій насъ интересовалъ лишь въ качествѣ простого примѣра, живой иллюстраціи къ сло-

---

[1]) Ibid., стр. 624—625.

вамъ Маркса о тѣхъ аберраціяхъ, о томъ фетишированіи машины и капитала, которыя вытекаютъ изъ сложныхъ и противорѣчивыхъ явленій буржуазнаго хозяйственнаго строя.

Нетрудно понять, какимъ психологическимъ процессомъ дошелъ М. И. Туганъ-Барановскій до своихъ новыхъ открытій. Онъ явился жертвою того настроенія, которое охватило нашихъ марксистовъ въ ихъ борьбѣ за существованіе съ другими литературно-общественными теченіями. Увлекшись полемикою противъ „народничества", русскіе марксисты принялись на всѣ лады превозносить положительную миссію капитала. Тѣмъ самымъ они встали на „вѣроломную покатость", которая кончалась въ болотѣ вульгарной апологетики капитализма. И увы! далеко не всѣ во-время замѣтили это и спохватились. Большинство сдѣлало цѣлый рядъ шаговъ по наклонной плоскости, одни дальше, другіе ближе. Нѣкоторые сами замѣтили, что оказались совсѣмъ по сосѣдству съ вульгарными экономистами, и—подобно М. И. Туганъ-Барановскому—принялись иронизировать надъ выходками Маркса противъ вульгарныхъ экономистовъ. Оказалось, напримѣръ, что Марксъ, будто-бы, въ сущности, „уступаетъ вульгарнымъ экономистамъ все, чего они требовали" путемъ „хитрой стратегической операціи", исполненной „съ неподражаемымъ искусствомъ", а потомъ торжествуетъ надъ ними мнимую побѣду [1]). Слова „вульгарный" и „буржуазный" столпы нашего марксизма уже заключаютъ въ убійственно-ироническія ковычки, въ которыхъ раньше заковывали только многогрѣшную „интеллигенцію", да любезнаго ей „мужичка".

Сущность той ошибки, въ которую впадаютъ при этомъ наши „марксисты" (послѣ упраздненія ими экономической теоріи Маркса, мнѣ кажется, имѣю право и я не употреблять этого термина безъ ковычекъ), заключается въ слѣдующемъ. *Форму* современной крупной промышленности они смѣшиваютъ съ *содержаніемъ*. Какъ бы ни былъ организованъ хозяйственный строй, какова ни была-бы форма производства,

[1]) М. Туганъ Барановскій, op. cit., стр. 620.

обмѣна и распредѣленія благъ, подъ разными этими оболочками кроется одно и то же наростающее содержаніе — общественный процессъ производства, кооперація силъ, дѣйствующихъ при развивающейся техникѣ и при растущей производительности труда. Въ каждый данный историческій моментъ форма и содержаніе хозяйственнаго положенія народа представляютъ, однако, само собою разумѣется, одно цѣлое. Въ соціальныхъ результатахъ функціонированія этого „цѣлаго“ нужно опредѣлить, что именно изъ этихъ результатовъ является соціальной функціей данной общественной оболочки производственнаго процесса, и что—функціей извѣстной степени, извѣстной высоты развитія самого этого процесса и входящихъ въ него составныхъ элементовъ. Смѣшеніе того и другого, отнесеніе на счетъ общественной формы процесса того, что на самомъ дѣлѣ вытекаетъ просто изъ природы обобществленнаго труда, и наоборотъ—отнесеніе на счетъ природныхъ условій всякаго производства отрицательныхъ явленій, вытекающихъ изъ преходящей общественной организаціи его—такова обычная ошибка вульгарной экономіи. Такъ, мальтузіанство пыталось представить, какъ неизбѣжное слѣдствіе самой природы всякаго производственнаго процесса—несоотвѣтствіе между ростомъ продукта и ростомъ населенія. Марксъ устранилъ это смѣшеніе, доказавъ, что „законъ народонаселенія Мальтуса“ есть законъ, дѣйствующій въ капиталистическомъ строѣ и вытекающій изъ несовершенствъ этого строя, а вовсе не изъ самой природы производственнаго процесса. А вотъ—обратный примѣръ. Вульгарный экономистъ думаетъ найти апологію власти капитала въ томъ обстоятельствѣ, что капиталъ исполняетъ полезную функцію: верховной организаціи, контроля и управленія производствомъ. Это на дѣлѣ ошибочно. Въ современномъ обществѣ „капиталистъ не потому капиталистъ, что онъ въ промышленности всегда играетъ роль распорядителя, но онъ играетъ роль распорядителя въ промышленности именно потому, что онъ — капиталистъ. Главенство въ сферѣ промышленности становится аттрибутомъ капитала, все равно, какъ въ феодальную эпоху начальство на войнѣ и предсѣдательство въ судѣ было аттри-

бутомъ поземельной собственности. Поэтому, Ог. Контъ и его школа могли бы доказать вѣчную необходимость существованія феодальныхъ бароновъ тѣми же доводами, какими они доказывали это по отношенію къ капиталистамъ". Разсматриваемая методологически ошибка вульгарнаго экономиста, утверждаетъ Марксъ, состояла въ слѣдующемъ: „при разсмотрѣніи капиталистическаго способа производства, онъ отождествляетъ функцію управленія, *поскольку она вытекаетъ изъ самой природы общественнаго процесса труда*, съ той же самой функціей, поскольку она обусловливается *капиталистическимъ*, а, слѣдовательно, антагонистическимъ *характеромъ этого процесса*" [1]).

И Марксъ вездѣ самымъ тщательнѣйшимъ образомъ проводитъ это различіе. Такъ, говоря о мануфактурномъ раздѣленіи труда, онъ не упускаетъ случая замѣтить: „наконецъ, это раздѣленіе труда представляетъ особенный родъ кооперації, и многія изъ его *выгодныхъ* сторонъ возникаютъ *изъ общей сущности* кооперації, а не изъ какихъ-либо *спеціальныхъ* достоинствъ *именно этой особенной формы ея*" [2]). Переходя къ введенію въ производство новаго фактора, машины, онъ прибавляетъ: „здѣсь, *какъ и вездѣ*, слѣдуетъ различать увеличеніе производительности, исходящее *отъ развитія общественнаго процесса производства*, отъ увеличенія производительности, зависящаго отъ *капиталистической эксплуатаціи* этого процесса" [3]). Къ сожалѣнію, все это для марксистовъ осталось „тонкостями", которыхъ они „и не примѣтили". Выгодныя стороны развитія производительности труда цѣликомъ, безъ всякихъ разграниченій, для нихъ представляются дѣломъ капитализма—слава же капитализму, и пойдемъ навстрѣчу капитализму! Выгодныя стороны кооперації точно также цѣликомъ относятся на счетъ капиталистической формы кооперації—капитализмъ соединяетъ и обобществляетъ людей,—слава же капитализму, будемъ привѣтствовать всякій шагъ капитализма въ его „торжественномъ шествіи по всѣмъ языкамъ"!

[1]) Кап., I., 285.
[2]) Кап., I., 291.
[3]) Кап., I., 369.

Марксисты совершенно искренно и добросовѣстно убѣждены, что „народники“—враги промышленнаго прогресса. Къ этому заключенію, со своей точки зрѣнія, они пришли вполнѣ логично. Вотъ, напр., какъ разсуждаетъ объ этомъ г. Туганъ-Барановскій въ своей книгѣ о „Русской фабрикѣ“. У Н. К. Михайловскаго онъ нашелъ слѣдующее мѣсто: „Кредитъ, промышленность, эксплуатація природныхъ силъ страны—все это вещи сами по себѣ прекрасныя... Но, тѣмъ не менѣе, всѣ эти сами по себѣ прекраснѣйшія вещи, если онѣ направлены не ко благу непосредственно трудящихся классовъ, а ко благу пирамидальнаго общественнаго цѣлаго, даютъ прискорбнѣйшіе результаты... Развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, если онъ не будетъ особыми путями направленъ ко благу народа, дастъ только средства обирать народъ. Всякому извѣстно, что когда акціонерная компанія беретъ на себя какое-нибудь производство, то она разоряетъ въ раіонѣ своихъ дѣйствій всѣ мелкія хозяйства и вводитъ нищету... Поэтому, всякому понятно, что вся публицистика, ратующая за развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, за умноженіе акціонерныхъ обществъ въ Россіи, за развитіе отечественной промышленности ратуетъ за гибель и нищету русскаго народа“ [1]. Этого для М. И. Туганъ-Барановскаго вполнѣ достаточно. „Такимъ образомъ“,—говоритъ онъ — „мы имѣемъ предъ собой экономическую программу, въ которой развитіе отечественной промышленности прямо объявляется равносильнымъ нищетѣ и гибели русскаго народа. Единственнымъ средствомъ спасенія русскаго народа отъ гибели, *слѣдовательно*, является прекращеніе промышленнаго развитія Россіи“ [2].

Какъ хорошо это „слѣдовательно“! М. И. Туганъ-Барановскій забылъ даже слова своего учителя, Карла Маркса,—„*національное* богатство есть нищета *народа*“. Онъ не видитъ, что слова Н. К. Михайловскаго есть только перефразировка этихъ словъ: вмѣсто *національнаго* богатства поставлено „развитіе *отечественной* промышленности“, вмѣсто „*нищеты* на-

[1] Цитата взята изъ „Собранія сочиненій“ Н. К. Михайловскаго. Т. 1, стр. 833—834.

[2] „Русская фабрика“, т. I, стр. 495.

рода"—„нищета и гибель". Но, можетъ быть, и слова Маркса отскочатъ отъ логики М. И. Туганъ-Барановскаго, какъ отъ каменной стѣны? Можетъ быть, онъ отвѣтитъ: „такимъ образомъ, здѣсь (у Маркса) мы имѣемъ передъ собой экономическую программу, въ которой развитіе національнаго богатства прямо объявляется равносильнымъ нищетѣ народа. Единственнымъ средствомъ спасенія народа отъ нищеты, *слѣдовательно*, является прекращеніе во всѣхъ странахъ роста національнаго богатства".

Логика М. И. Туганъ-Барановскаго прямо подводитъ его подъ убійственный огонь сарказмовъ Маркса, направленныхъ противъ апологетовъ капитализма. Марксъ и не подозрѣвалъ, что его ученики, люди, клянущіеся его именемъ, смогутъ впасть въ такія ошибки, въ такіе „промахи незрѣлой мысли", что въ нихъ станутъ попадать стрѣлы, направленныя противъ ихъ злѣйшихъ враговъ, адвокатовъ существующаго хозяйственнаго строя!

Буржуазный экономистъ,—говоритъ Марксъ,—услышавъ критику соціальнаго вліянія машинъ, впадаетъ въ справедливое негодованіе и спѣшитъ стать на стражу культуры и прогресса. „Онъ уже дальше и не трудится ломать себѣ голову и навязываетъ, сверхъ того, своему противнику нелѣпость, что будто тотъ оспариваетъ не капиталистическое приложеніе машинъ, а самыя машины". „Какое бы то ни было приложеніе машинъ, кромѣ капиталистическаго, для него представляется невозможнымъ... *Стало быть*, всякій, кто разоблачаетъ дѣйствительное положеніе вещей при капиталистическомъ приложеніи машинъ, тотъ врагъ какого бы то ни было ихъ приложенія и врагъ общественнаго прогресса! Разсужденіе это совершенно подобно разсужденію знаменитаго убійцы Bill Sykes'a. „Господа присяжные,—сказалъ онъ,—безъ сомнѣнія горло этого коммивояжера было перерѣзано. Но это не моя вина, а вина ножа! Но развѣ вслѣдствіе такого временнаго неудобства намъ слѣдуетъ отказаться отъ употребленія ножа? Подумайте только, что будетъ съ земледѣліемъ и промыслами безъ ножа? Развѣ онъ не приноситъ спасенія въ хирургіи, развѣ онъ не поучаетъ въ анатоміи? Къ тому же развѣ это не услужливый помощникъ за пир-

шественнымъ столомъ? Если вы уничтожите ножъ, вы ввергнете насъ вновь въ пучину варварства!"

Не такъ ли во многомъ разсуждаетъ и М. И. Туганъ-Барановскій? Онъ убѣжденъ въ необходимости капитализма, какъ чистилища, черезъ которое идетъ путь въ Элизіумъ; онъ преисполненъ негодованія на народниковъ, которые этого не понимаютъ и чуждаются капитализма, какъ чумы. Ну, и прекрасно. Пусть онъ правъ, пусть его взгляды такая же святая истина, какъ то, что Александръ Македонскій былъ великій герой, но зачѣмъ же стулья-то ломать? Къ чему привязываться ко всякой критикѣ капиталистическаго приложенія кредита, капиталистической эксплуатаціи промышленности и техническаго развитія производительныхъ силъ? А между тѣмъ г. Т.-Барановскій такъ именно и поступаетъ. Выслушавши такую критику, онъ „уже дальше и не трудится ломать голову" и „навязываетъ, сверхъ того, своему противнику (Н. К. Михайловскому) нелѣпость, что будто тотъ оспариваетъ не капиталистическое приложеніе" кредита, машинъ, промышленнаго техническаго процесса, а самыя эти вещи. Не то, конечно, чтобы ему такъ-таки „какое-нибудь приложеніе" этихъ вещей „кромѣ капиталистическаго, представлялось невозможнымъ". Нѣтъ, для туманнаго будущаго онъ признаетъ возможность и другихъ формъ ихъ приложенія. Но для настоящаго онъ знаетъ только одинъ путь приближенія къ этому туманному будущему. И всякіе другіе пути для него настолько исключаются, что онъ совершенно забываетъ, такъ ли дѣло обстоитъ съ точки зрѣнія противника. Онъ сразу навязываетъ противнику въ этомъ пунктѣ свою логику: если у него есть хоть тѣнь желанія противопоставить что-нибудь дальнѣйшему *капиталистическому* присвоенію результатовъ техническаго хозяйственнаго прогресса, то, очевидно, онъ не хочетъ и самого этого прогресса, ибо въ иныхъ формахъ онъ по даннымъ условіямъ вплоть до очень далекаго времени невозможенъ. „Но вѣдь вашъ противникъ думаетъ, что очень возможенъ" перебиваете вы его: „вашъ противникъ признаетъ возможность прямого, непосредственнаго перехода самостоятельныхъ производителей къ высшимъ хозяйственнымъ фор-

мамъ; для него возможнымъ представляется не только обобществленіе *сверху*, подъ эгидой капитала, но и обобществленіе *снизу*, при помощи кооперативнаго, общиннаго и муниципальнаго коллективизма; предварительно нужно лишь устранить препятствующія этому „надстройки“ правового и политическаго характера“... Но г. Туганъ-Барановскій непреклоненъ. Онъ и не раздумываетъ надъ вашими словами, а прямо возвращается къ тому мѣсту, на которомъ вы его перебили, чтобы высказать свой готовый выводъ: „*слѣдовательно*, единственнымъ спасеніемъ народа отъ нищеты и гибели является прекращеніе промышленнаго развитія Россіи“. Точь въ точь, какъ въ каррикатурномъ изображеніи Маркса: „*стало быть*, всякій, кто разоблачаетъ дѣйствительное положеніе вещей при капиталистическомъ приложеніи машинъ (а также кредита и пр.), тотъ противъ какого бы то ни было ихъ приложенія и врагъ общественнаго прогресса“.

Это сопоставленіе выйдетъ еще рельефнѣе, если мы заглянемъ въ ту самую статью Н. К. Михайловскаго, изъ которой взята цитата „Русской фабрики“. Что оказывается? тамъ, гдѣ въ цитатѣ г. Т.-Барановскаго стоитъ второе многоточіе, Н. К. Михайловскій говоритъ: „Мы вовсе не претендуемъ на новость и оригинальность взглядовъ, и прямо обращаемся къ примѣру Маркса: „Кому же неизвѣстно, что всякая новая машина, введенная въ пирамидальное общество, прежде всего уменьшаетъ спросъ на человѣческій трудъ, оставляетъ людей безъ заработка?...“ И затѣмъ онъ доказываетъ, что таково же дѣйствіе и многихъ другихъ прекрасныхъ вещей—сочетанія силъ, кредита и пр.; а еще дальше поминаетъ и Маркса, и Зибера, и Чернышевскаго, какъ научныхъ обоснователей отстаиваемой имъ точки зрѣнія. Ничего этого г. Барановскій „и не примѣтилъ“...

Даже еще лучше. Г. Туганъ-Барановскій быстро забываетъ, гдѣ кончаются слова Н. К. Михайловскаго и гдѣ начинается сдѣланный уже самимъ имъ выводъ изъ этихъ словъ. Онъ забываетъ про свое „слѣдовательно“ и дальше говоритъ: „какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, передовые публицисты 70-хъ г.г. пошли еще дальше своихъ предшествен-

никовъ, и г. Михайловскій *прямо и открыто* заявилъ себя противникомъ экономическаго прогресса страны. Дальше идти было некуда“ [1]).

„Некуда“ идти, конечно, было Н. К. Михайловскому и др. „передовымъ публицистамъ“, а М. И. Туганъ-Барановскій сумѣлъ пойти еще дальше, чѣмъ въ приведенныхъ отрывкахъ. Парой строчекъ ниже онъ уже заявляетъ, что „эта своеобразная позиція передовыхъ дѣятелей того времени... заставила ихъ защищать экономическую *реакцію*“. Такъ быстро изъ противника экономическаго прогресса, т.-е. въ худшемъ случаѣ изъ *консерватора* онъ превращаетъ Н. К. Михайловскаго уже въ *реакціонера*. Конечно! Вѣдь „если вы уничтожите ножъ, вы ввергнете насъ вновь въ пучину варварства“! Это ли не прямая реакція?

Бѣда только въ томъ, что „*прямо и открыто*“ въ той же самой статьѣ, которую цитировалъ г. Т.-Барановскій, Н. К. Михайловскій „заявляетъ“ не о своемъ желаніи „уничтожить ножъ и ввергнуть этимъ насъ въ пучину варварства“, а кое о чемъ совершенно противоположномъ. Онъ противопоставляетъ „служителямъ отечественной промышленности“ другихъ служителей, „служителей непосредственно народа, только народа“. Какова же ихъ роль въ изображеніи Н. К. Михайловскаго? „Они не только не провоцируютъ облегченія учрежденія акціонерныхъ компаній, развитія отечественной промышленности, кредита и пр., но постоянно *обращаютъ вниманіе общества на оборотную сторону* этихъ явленій“; они „вырабатываютъ широкую систему спеціально-народнаго кредита“; „вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и привилегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ, они *требуютъ* государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся у него орудій производства и пріобрѣтенія новыхъ; нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерныя компаніи, а *производительныя артели*“... „Что будетъ, спрашиваетъ затѣмъ Н. К. Михайловскій, если всѣ эти домогательства... осуществятся или приблизятся къ осуществленію?“ *Производство* и потребленіе бу-

[1]) „Русская фабрика“, стр. 495.

дутъ конечно *расти* — отвѣчаетъ онъ, — потому что наши гипотетическіе служители *народа и только народа* „и не думаютъ враждовать съ кредитомъ, съ машинами, съ принципомъ сочетанія экономическихъ силъ и всѣми другими помощниками человѣка. Но такъ какъ машины, напримѣръ, они предполагаютъ состоящими въ рукахъ трудящихся классовъ, то машины эти не могутъ еще отнять у кого-нибудь заработокъ. Или, такъ какъ нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерную компанію, подрывающую и раззоряющую въ извѣстной мѣстности мелкія хозяйства, а *соединеніе этихъ самыхъ хозяйствъ*, то понятно, что такому товариществу раззорять некого. Добиваясь національнаго богатства, мы его получаемъ, но получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ нищету народа; добиваясь благосостоянія народа, мы получаемъ и его, *и національное богатство*“ [1]).

Что же это значитъ? Неужели г. Т.-Барановскій не читалъ толкомъ даже той небольшой статейки Н. К. Михайловскаго, которую цитировалъ? Или неужели онъ недобросовѣстно отнесся къ своему противнику, утаивъ отъ публики какъ разъ тѣ мѣста, которыя совершенно противорѣчатъ данному имъ истолкованію словъ Н. К. Михайловскаго? Я думаю, ни то, ни другое. Такъ какъ приведенная нами цитата начинается на той же самой страницѣ, изъ которой бралъ М. И. Т.-Барановскій свои цитаты, то проглядѣть ее онъ, конечно, не могъ. Она представляетъ непосредственное продолженіе и развитіе предыдущихъ, такъ изумившихъ нашего критика положеній. Всякую мысль о тенденціозной недобросовѣстности мы также устраняемъ; считать М. И. Туганъ-Барановскаго способнымъ на нее было бы слишкомъ тяжкимъ оскорбленіемъ по его адресу и мы не имѣемъ права на это. Какъ всякій фанатикъ извѣстной доктрины, г. Барановскій просто не можетъ, физически не въ состояніи ни на минуту перенестись на точку зрѣнія противника, войти въ кругъ его идей, освоиться съ его терминологіей и вкладывать въ его слова тотъ смыслъ, который имъ придавалъ

---

[1]) Н. К. Михайловскій, т. I, стр. 824—835.

самъ авторъ,—а не тотъ, какой придалъ бы имъ г. Туганъ-Барановскій, если бы онъ ихъ произнесъ... Не будучи въ состояніи ни на минуту перенестись на точку зрѣнія своего противника, г. Барановскій, естественно, не можетъ и слѣдить за нитью его аргументаціи. Онъ просто *не понимаетъ*. Слышитъ, и не понимаетъ, какъ будто онъ говоритъ на совершенно другомъ языкѣ. Ключа къ пониманію этого языка у г. Барановскаго нѣтъ, да онъ и не старается отыскать его. Онъ нетерпѣливо слушаетъ наборъ словъ, который ему вовсе непонятенъ, и пропускаетъ его мимо ушей. А когда мелькнетъ въ словахъ противника что-то знакомое, какія-то случайныя созвучія одного языка съ другимъ, то, понятно, г. Барановскій ловитъ ихъ и, само собойразумѣется, истолковываетъ на свой ладъ. Въ результатѣ и получается та „полемика", которою насъ столько времени угощали наши неомарксисты.

Смѣшивая все время въ современной промышленности *форму* съ *содержаніемъ*, г. Барановскій убѣжденъ, что врагъ той конкретной формы, въ которой современная крупная промышленность развивается, есть неминуемо и врагъ всякаго промышленнаго развитія... Если же онъ и наталкивается на противорѣчащія этому утвержденія своего противника, онъ, вѣроятно, совершенно добросовѣстно, принимаетъ ихъ просто за нелогичности, за неумѣніе провести основную точку зрѣнія до конца—а вѣдь за всѣми нелогичностями не угоняешься... И вотъ, г. Барановскій становится въ самое вопіющее противорѣчіе съ истиной, въ то же время, вѣроятно, считая себя совершенно правымъ...

Пусть г. Барановскій все-таки попытается вдуматься въ слова Н. К. Михайловскаго о достиженіи національнаго богатства „только не путемъ раззоренія независимыхъ трудовыхъ хозяйствъ капиталистическими", а путемъ „соединенія этихъ самыхъ хозяйствъ". Можетъ быть, и понявши эти слова, г. Барановскій съ ними не согласится, но я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что онъ прекратитъ всякіе разговоры объ „открытой враждѣ" Н. К. Михайловскаго къ хозяйственному прогрессу. Итакъ, обратимся опять къ той же цитатѣ.

Что говоритъ здѣсь Н. К. Михайловскій? Да то же самое, что говорятъ нынѣ многіе талантливѣйшіе представители за-

падно-европейской демократіи, хотя бы, напримѣръ, Эмиль Вандервельдъ. Въ брошюрѣ послѣдняго, посвященной пятидесятилѣтію выхода въ свѣтъ знаменитаго „манифеста“ Маркса и Энгельса, мы читаемъ, между прочимъ: „можно признать, что въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ дробная земельная собственность и культура обречены на исчезновеніе, точно такъ же какъ должна исчезнуть работа на дому и домашніе промыслы. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы это исчезновеніе должно было непремѣнно произойти въ пользу крупной собственности и капиталистическаго производства, что законъ о трехъ соціологическихъ состояніяхъ—собственности личной, собственности капиталистической и собственности коллективной—дѣйствительно обладаетъ такой неизмѣнной прямолинейностью, какую ему вообще приписываютъ ради удобства пропаганды и опроверженія противниковъ. Преимущество крупной капиталистической культуры надъ мелкой заключается, главнымъ образомъ, въ раздѣленіи труда и ассоціаціи капиталовъ. Но люди никакъ не могутъ себѣ представить, чтобы кооперація могла имѣть успѣхъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже господствуетъ капитализмъ; а между тѣмъ нѣтъ ровно никакого матеріальнаго препятствія къ тому, чтобы отдѣльные земледѣльцы, да и вообще независимые мелкіе производители осуществляли между собою для своей обоюдной выгоды ту же самую ассоціацію капиталовъ, необходимыхъ для производства“.

Въ чемъ разница между словами Вандервельда и Н. К. Михайловскаго? Разница есть, и очень существенная. Слова Михайловскаго взяты нами изъ статьи, написанной въ 1872 г., а Вандервельда—изъ брошюры, появившейся въ 1898 г., т.-е. болѣе, чѣмъ на цѣлую четверть вѣка позднѣе... Четверть вѣка, въ теченіе которой, наконецъ, пришлось отказаться отъ „закона трехъ соціологическихъ состояній“, господствовавшаго благодаря марксизму такъ долго и почти безраздѣльно надъ умами и отвергнутаго такъ верховной судебной инстанціей—жизнью. А г. Туганъ-Барановскій не только навязываетъ мыслящей Россіи вѣру въ этотъ устарѣлый псевдо-законъ, но и наивно принимаетъ невѣріе въ него за „враждебное отношеніе къ экономическому прогрессу“...

„Практическіе дѣятели капиталистическаго производства и ихъ идеологическіе болтуны одинаково неспособны представить себѣ средства производства отдѣльными отъ тѣхъ антагонистическихъ общественныхъ формъ, въ которыхъ они фигурируютъ въ настоящее время,—какъ неспособенъ рабовладѣлецъ представить рабочаго не въ видѣ раба“ — говоритъ, между прочимъ, Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ [1]).

Нео-марксисты впадаютъ въ ошибку, не особенно далеко ушедшую отъ этой. Они не могутъ себѣ представить *развитія* средствъ производства изъ индивидуальныхъ въ общественныя, независимаго и отдѣльнаго „отъ тѣхъ антагонистическихъ общественныхъ формъ, въ которыхъ они фигурируютъ въ настоящее время“.

И вотъ во всякомъ призывѣ на борьбу съ капитализмомъ — если только призывъ этотъ дѣлается во имя всего трудящагося народа, а не во имя одной только категоріи трудящихся — пролетаріата — имъ уже чудится „мелко-буржуазная точка зрѣнія“, и они выступаютъ съ готовымъ обобщеніемъ: „русское народничество вполнѣ мирится съ мелкимъ, разрозненнымъ производствомъ“...

Нужды нѣтъ, что одинъ изъ крупнѣйшихъ писателей, причисляемыхъ ими къ народникамъ, самымъ вразумительнымъ образомъ объясняетъ, что рѣчь идетъ не о самомъ *принципѣ* сочетанія, ассоціаціи силъ, а о различныхъ конкретныхъ воплощеніяхъ этого принципа. Въ глазахъ неомарксистовъ такъ тѣсно сросся самый принципъ съ одной конкретной формой воплощенія,—а именно съ капиталистической формой, что Марксъ какъ будто бы прямо для нихъ писалъ объ одной изъ тѣхъ аберрацій, которыя создаются благодаря антагонистическому характеру буржуазныхъ производственныхъ отношеній, гдѣ все представляется въ перевернутомъ видѣ: „исторически капиталистическая форма кооперації развивается въ противоположность крестьянскому хозяйству и независимой ремесленной промышленности... По сравненію съ послѣдними, капиталистическая кооперація является не какъ *особенная историческая форма*

[1]) Кап., 1, 531.

кооперации, но сама кооперація представляется лишь особой исторической формой, *свойственной капиталистическому* процессу производства и *специфически отличающей его* отъ другихъ способовъ производства“ [1]). Отсюда и выводъ: *стало быть*, врагъ капиталистической формы кооперации, не признающій за ней „положительныхъ сторонъ“, долженъ „мириться съ мелкимъ разрозненнымъ производствомъ“.

Нетрудно видѣть, что въ общемъ эта ошибка нео-марксизма совершенно подобна предыдущей. И основывается она на томъ же смѣшеніи *формы* и *содержанія* крупной промышленности, которое мы видѣли у г. Т.-Барановскаго, когда онъ признавалъ капиталъ и трудъ эквивалентными въ созданіи общественной производительной силы. Это сходство указывается и Марксомъ; „*подобно тому*, какъ общественная сила труда, развивающаяся вслѣдствіе кооперации, является какъ производительная сила капитала, *точно такъ же* и сама кооперація является какъ специфическая форма капиталистическаго процесса производства, въ отличіе отъ процесса производства отдѣльныхъ независимыхъ работниковъ“ [2])...

Но вѣдь въ томъ то и дѣло, что это — иллюзія, оптическій обманъ, такъ какъ не капитализмъ породилъ кооперацію и техническій прогрессъ, и не капитализмомъ ихъ прогрессъ покончится, да и въ настоящее время капитализмъ — далеко не единственный рычагъ ихъ развитія. „Кооперацію въ процессѣ труда можно наблюдать уже при самомъ началѣ человѣческой культуры“, считаетъ нужнымъ тутъ же напомнить Марксъ; или, говоря уже цитированными выше словами Вл. Короленко, кооперація, какъ и техническій прогрессъ, „есть, несомнѣнно, благо само въ себѣ, родившееся еще въ тѣ древнія времена, когда человѣкъ освѣтилъ мракъ и холодъ ночи открытіемъ огня, и ведущее его въ будущемъ къ безконечнымъ завоеваніямъ... Капитализмъ же „самъ въ себѣ“ есть лишь временное условіе, внѣшняя оболочка, историческій костюмъ“...

Для рѣшенія проблемы о такъ называемыхъ „положительныхъ“ и „отрицательныхъ“ сторонахъ капитализма это раз-

[1]) Кап. I, 287.
[2]) Кап., I, 287.

личеніе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Всякій разъ, когда мы имѣемъ дѣло съ одной изъ этихъ „положительныхъ“ или „отрицательныхъ“ сторонъ, мы должны разобраться, вытекаетъ ли она—говоря приведенными выше словами Маркса, „изъ самой природы общественнаго процесса труда“ или же „обусловливается капиталистическимъ, а слѣдовательно антагонистическимъ характеромъ этого процесса“. И если бы наши нео-марксисты вглядѣлись хорошенько въ соотвѣтствующія мѣста „Капитала“, то они убѣдились бы, какая крупная ошибка говорить *о положительныхъ сторонахъ капитализма, какъ такового.*

Марксъ говоритъ, что въ эпоху мануфактуры „*положительная сторона* дѣленія труда и кооперації въ мастерскихъ обнаружилась именно въ томъ, что сдѣлала трудъ рабочихъ производительнѣе“ [1]). Уже было указано относительно раздѣленія труда въ мануфактурѣ, что „многія изъ его выгодныхъ сторонъ возникаютъ изъ общей сущности кооперації, а не изъ какихъ-либо спеціальныхъ достоинствъ этой именно формы ея“. И дальше мы увидимъ, что „положительныя стороны“ современной крупной промышленности вытекаютъ изъ общей сущности, изъ содержанія ея, а не изъ формы. Такъ, напримѣръ, по словамъ Маркса, „*крупная промышленность* технически устраняетъ мануфактурное раздѣленіе труда, съ его прикрѣпленіемъ человѣка на всю жизнь къ какой-нибудь спеціальной операціи, но въ тоже время *капиталистическая форма* крупной промышленности воспроизводитъ это дѣленіе труда еще чудовищнѣе на настоящихъ фабрикахъ — обращеніемъ рабочаго въ живой придатокъ къ машинѣ“ и т. д. [2]). Или, тремя страницами дальше: „*по самой природѣ своей*, крупная промышленность требуетъ перемѣны занятій рабочихъ, непостоянства работы, всесторонней подвижности рабочаго. Съ другой стороны, *въ своей капиталистической формѣ*, она воспроизводитъ старое дѣленіе труда, съ его окаменѣлыми спеціальностями. Мы уже видѣли, какъ это безусловное противорѣчіе—между техническими потребностями крупной промышленности и присущимъ ей обще-

[1]) Кап. I, 376.
[2]) Кап., I, 423.

ственнымъ характеромъ — уничтожаетъ всякую опредѣленность, прочность, обезпеченность положенія рабочаго; постоянно угрожаетъ вырвать у него изъ рукъ вмѣстѣ съ средствами труда и средства существованія; постоянно стремится вмѣстѣ съ упраздненіемъ его спеціальнаго занятія сдѣлать и его самого излишнимъ. Намъ также извѣстно, какъ это противорѣчіе порождаетъ чудовищность запасной промышленной арміи, содержимой въ нищетѣ, для того, чтобы всегда находиться въ распоряженіи капитала; какъ оно ведетъ къ принесенію человѣческихъ жертвъ изъ среды рабочаго класса; къ самой безразсудной тратѣ рабочихъ силъ и къ погромамъ, вызываемымъ общественной анархіей, которая всякій экономическій прогрессъ превращаетъ въ общественное бѣдствіе. Это — *сторона отрицательная*“ [1]). Или, еще дальше: „ясно, что составъ коллективнаго рабочаго персонала изъ лицъ обоего пола и самыхъ различныхъ возрастовъ при соотвѣтственныхъ обстоятельствахъ долженъ обратиться въ источникъ человѣческаго развитія, хотя *его грубая капиталистическая форма*, гдѣ рабочій служитъ для процесса производства, а не процессъ производства для рабочаго, есть источникъ нравственной порчи и рабства“ [2]).

Трудно, мнѣ кажется, ярче и рельефнѣе показать, до какой степени противоположны по своему историческому значенію данная конкретная форма крупной промышленности и ея содержаніе. Насколько послѣднее является *положительнымъ началомъ*, настолько же первая — *отрицательнымъ* и *разрушительнымъ*. Они находятся въ отношеніяхъ рѣзкаго антагонизма. Капитализмъ, *какъ таковой*, никакихъ положительныхъ сторонъ не имѣетъ. Все, что кажется его „положительными сторонами“, при болѣе глубокомъ анализѣ оказывается функціей не капиталистической формы промышленности, а ея содержанія, которому всегда въ этой формѣ болѣе или менѣе тѣсно. Насколько тѣсно — это зависитъ какъ отъ степени развитія *содержанія*, такъ и отъ степени развитія *формы*. Содержаніе можетъ всецѣло напол-

[1]) Кап., I, 426.
[2]) Кап., I, 429.

нить форму и даже перерости ее; форма можетъ развиться на счетъ содержанія и даже подавлять его развитіе. Въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ условій хозяйственнаго развитія каждой данной страны, въ ней можетъ установиться различное отношеніе между *формой* и *содержаніемъ*, *а*, соотвѣтственно этому, и между развитіемъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ промышленнаго строя. Развитіе *отрицательныхъ* его сторонъ — caeteris paribus — прямо пропорціонально развитію его капиталистической *формы* и обратно пропорціонально развитію *содержанія*. Съ другой стороны, развитіе его *положительныхъ* сторонъ, наоборотъ, прямо пропорціонально развитію этого *содержанія* и обратно пропорціонально развитію капиталистической *формы* его эксплоатаціи.

Этотъ законъ *частично* уже развитъ въ первомъ томѣ „Капитала“ и во всякомъ случаѣ логически вытекаетъ изъ даннаго въ немъ анализа. „Экономія средствъ производства—говоритъ, напр., въ одномъ мѣстѣ Марксъ—впервые систематически проводимая машиннымъ производствомъ съ самаго его возникновенія и сопровождаемая самымъ безразсуднымъ расточеніемъ рабочей силы и лишеніемъ нормальныхъ условій, требуемыхъ для работы, — экономія эта, въ настоящее время, *тѣмъ болѣе выдвигаетъ впередъ свою отрицательную и человѣкоубійственную сторону, чѣмъ менѣе* развиты въ данной отрасли промышленности общественная производительная сила труда и техническое основаніе для комбинированія рабочихъ процессовъ“ [1]). Но такъ какъ, благодаря обнаруженной выше аберраціи, общественная производительная сила труда кажется созданіемъ *капитала*, то понятно, что близорукіе идеологи труда въ тѣхъ странахъ, гдѣ капиталистическая форма промышленности развивается въ ущербъ содержанію, вѣчно плачутся на *недостаточное* развитіе капитализма, какъ на причину бѣдственной хозяйственной депрессіи, вѣчно призываютъ спасительный капитализмъ и зовутъ страну „идти на выучку къ капитализму“.

Какъ рѣшительно выражается М. И. Туганъ-Барановскій,

---

[1]) Кап., т. I, стр. 405.

„единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ капитализма заключается въ его дальнѣйшемъ развитіи“ [1]).

Это положеніе было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что нѣтъ и не можетъ быть такихъ конкретныхъ условій въ развитіи страны, которыя бы привели къ систематическому развитію капиталистической формы промышленности на счетъ содержанія, и, слѣдовательно, къ тому, что ростъ отрицательныхъ сторонъ капитализма сталъ бы въ ней обгонять ростъ положительныхъ, творческихъ сторонъ. Далѣе, это положеніе было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что нѣтъ и такихъ *отраслей производства*, въ которыхъ вторженіе капитализма производило бы тотъ же результатъ, т.-е. рѣшительно неблагопріятное соотношеніе между положительными и отрицательными, творческими и разрушительными сторонами хозяйственнаго строя. А между тѣмъ по меньшей мѣрѣ вѣроятно, что Марксъ и Энгельсъ допускали и то, и другое. Первое—для странъ, которыя могутъ испытать „всѣ страданія современнаго развитія безъ его благъ и наслажденій“ и „въ одно прекрасное утро увидѣть себя на уровнѣ европейскаго паденія, безъ того, чтобы когда бы то ни было находиться на уровнѣ европейской эмансипаціи“ [2]); второе—для такихъ, напримѣръ, отраслей производства, какъ лѣсоводство и земледѣліе (Марксъ, какъ извѣстно, считалъ „развитіе отрицательной стороны современнаго земледѣлія“ „*безсмертной заслугой*“ Либиха и др.).

Эти исключенія и оговорки надо имѣть въ виду тѣмъ, кто желаетъ обобщить и превратить въ „супра-историческую истину“ частичный отзывъ Маркса относительно Германіи 1867 г.: „мы страдаемъ не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостаточности такого развитія“. Не говоря уже о томъ, что въ 1844 г. онъ и относительно Германіи держался иного взгляда,—достаточно вспомнить, какъ рѣшительно протестовалъ уже однажды

---

[1]) „Фабрика, etc.“ стр. 411.

[2]) К. Марксъ въ своемъ „Введеніи къ философіи права Гегеля“ см. Fr. Mehring, „Geschichte etc.“ стр. 126 (I т.).

самъ Марксъ противъ превращенія его *конкретныхъ* сужденій въ абстрактныя и *всеобщія*.

Впрочемъ, помимо всего этого, данное утвержденіе Маркса можетъ быть понято cum grano salis, и въ этомъ видѣ оно глубоко вѣрно. Да, есть такія „непосвященныя“ (profane) страны, которыя *фатально* обречены страдать не только отъ развитія капиталистическаго производства (поскольку оно—капиталистическое), но и отъ *недостаточности* этого развитія (поскольку оно все-таки есть развитіе производства, хотя и въ капиталистической формѣ). Иначе говоря, это и есть страны, въ которыхъ *капиталистическая форма* промышленности развивается быстрѣе содержанія и часто на счетъ этого содержанія. Для всего типа хозяйственнаго развитія этихъ странъ имѣетъ силу характеристика, которая приложима лишь къ нѣкоторымъ неблагопріятнымъ фазамъ развитія другихъ странъ, странъ—избранницъ.

Но надъ всѣми этими различеніями, конечно, наши неомарксисты и не задумывались, когда въ противовѣсъ народничеству начинали пѣть гимны „положительнымъ“, „свѣтлымъ“ сторонамъ капитализма.

Они забыли даже о томъ, какъ Марксъ ядовито высмѣивалъ Прудона за то, что „по его мнѣнію всякая экономическая категорія имѣетъ двѣ стороны—хорошую и дурную“, такъ что „онъ разсматриваетъ категоріи, какъ мелкій буржуа разсматриваетъ великихъ историческихъ дѣятелей: Наполеонъ великій человѣкъ; онъ сдѣлалъ много добра, но онъ принесъ также много зла“. Всѣ марксисты полны самаго убійственнаго презрѣнія къ Прудону и его „мелкобуржуазности“, тѣмъ болѣе убійственнаго, чѣмъ менѣе съ нимъ знакомы. Но именно поэтому имъ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, помнить, чѣмъ въ этомъ пунктѣ Марксъ отличается отъ Прудона. По мнѣнію Маркса, Прудонъ въ каждомъ экономическомъ явленіи различалъ хорошую и дурную сторону, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ противорѣчіе; это противорѣчіе должно быть залѣчено нѣкоторымъ коррективомъ, извѣстной мѣрой, которая бы парализовала дурную сторону, неудобство даннаго явленія. Иначе разрѣшалъ дѣло Марксъ. Онъ сводилъ всѣ *отрицательныя* стороны къ данной

формѣ промышленности—формѣ капиталистической; всѣ же положительныя онъ сводилъ къ совершенно другому началу—самому общественному процессу труда, взятому независимо отъ формы. И вотъ почему вмѣсто соціальнаго реформаторства онъ ставилъ въ итогѣ совершенно иную, гораздо болѣе радикальную задачу—*полнаго устраненія* капиталистической формы промышленности, чтобы общественный процессъ производства могъ развивать свои положительныя стороны свободно и безпрепятственно, въ формѣ *непосредственно-общественной*. Вмѣсто искусственно придуманныхъ мѣръ для устраненія всѣхъ золъ капитализма при неприкосновенности самыхъ основъ буржуазнаго режима, гарантирующихъ сохраненіе его положительныхъ сторонъ (это Марксъ уподоблялъ стремленію уничтожить папство, оставивъ католицизмъ), въ системѣ Маркса стоитъ замѣна одного принципа—другимъ.

Но — возразятъ намъ — вѣдь капитализмъ даетъ усиленный толчекъ развитію производительныхъ силъ, примѣненію техническихъ усовершенствованій; этотъ толчекъ дается именно капитализмомъ, капитализмомъ, какъ таковымъ. Та бѣшеная погоня за рынками, которая при капитализмѣ неизбѣжна, она-то вѣдь и заставляетъ отдѣльныхъ капиталистовъ удешевлять и улучшать свое производство. Не будь капитализма, не будь этой борьбы за рынки, не было бы и этого могучаго стимула къ прогрессу промышленности! А если такъ, то очевидно, что и нѣкоторыя *специфическія* черты *капиталистическаго* порядка имѣютъ свои положительныя стороны.

Дѣлая такое возраженіе, забываютъ, что буржуазная конкурренція есть лишь частное проявленіе, частный видъ болѣе общаго фактора—соревнованія между людьми. И болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы капиталистическая форма соревнованія стояла къ соревнованію an und für sich въ лучшемъ отношеніи, чѣмъ капиталистическая форма сочетанія силъ и раздѣленія труда къ самому принципу того и другого. Не говоря уже о непомѣрномъ безплодномъ расточеніи силъ, обусловливаемомъ этой формой конкурренціи, упомянемъ, что благодаря антагонизму интересовъ, прямой борьбой за

существованіе между отдѣльными производителями страшно затрудняется распространеніе многихъ изобрѣтеній и усовершенствованій (такъ, напр., всевозможные „секреты производства“ имѣютъ спеціальною цѣлью мѣшать такому распространенію; то же значеніе имѣютъ привиллегіи на изобрѣтенія etc.). Кромѣ того, технически лучшее производство при капитализмѣ далеко не всегда въ то же время экономически выгоднѣйшее. Тотъ же Марксъ доказалъ, напримѣръ, что капиталистическое примѣненіе машинъ по необходимости съуживается сравнительно съ некапиталистическимъ: капиталисту машина выгодна не тогда, когда она экономитъ больше труда, чѣмъ сколько затрачено на ея производство, а лишь тогда, когда она экономитъ больше *оплаченнаго* труда, когда стоитъ дешевле, чѣмъ замѣщаемыя ею рабочія руки. Капиталистъ не считаетъ ту часть труда, которая достается ему даромъ, экономія отъ примѣненія машины въ этой части труда для него не экономія. И такъ, капитализмъ и здѣсь только узкая и тѣсная рамка „промышленнаго генія“.

Но, говорятъ намъ, капитализмъ создаетъ въ массѣ людей ту психологію, которую мы называемъ специфически пролетарской. Пусть концентрація этихъ людей въ индустріальныхъ центрахъ „вытекаетъ изъ самой природы общественнаго процесса труда“ независимо отъ капиталистической формы его; пусть данная форма дѣлаетъ эту концентрацію болѣе механической, чѣмъ это было бы при другихъ условіяхъ. Но своеобразная *пролетарская* психика—это ужъ, конечно, дѣло „капитализма, какъ такового“, какъ опредѣленной формы промышленнаго строя. А если такъ, то не является ли это безусловно „положительной стороной капитализма“ въ точномъ и строгомъ смыслѣ этихъ словъ! Вѣдь эта психика есть рычагъ прогресса, факторъ историческаго движенія!

Это выраженіе можетъ быть обобщено, и оно цѣликомъ содержится въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ той же „Нищеты философіи“ Карла Маркса: „Феодальное производство, въ свою очередь, заключало въ себѣ два непримиримыхъ элемента, которые называютъ также *хорошей и дурной стороной*

феодализма, не замѣчая при этомъ, что дурная сторона, въ концѣ концовъ, всегда беретъ верхъ надъ хорошей. *Именно дурная сторона, обусловливая собою борьбу, создаетъ историческое движеніе*".

Вся соль здѣсь—въ послѣдней фразѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что она въ извѣстномъ смыслѣ выражаетъ собою святую истину [1]). Еще бы! Капитализмъ, какъ таковой, какъ данная конкретная форма, и притомъ именно своей *отрицательной, человѣкоубійственной* стороной и вызываетъ противъ себя оппозицію, и даетъ начало опредѣленному общественному движенію, арена котораго—цѣлый міръ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели *это* вліяніе можно отмѣтить, какъ „положительную сторону" капитализма? Но тогда и всякая мерзость имѣетъ свою „положительную сторону", ибо, конечно, нѣтъ такой мерзости на землѣ, которая бы не принуждала человѣчество что-нибудь создать ей въ противовѣсъ. И чѣмъ огромнѣе, чѣмъ ощутительнѣе она, тѣмъ „положительнѣе" ея роль; чѣмъ она хуже, тѣмъ, слѣдовательно, она лучше!

Холода, стужи, вьюги, сырость и морозы имѣютъ положительную сторону: они создали строительное и портняжье искусство, шитье и архитектуру. Лихорадка имѣетъ положительную сторону: она заставила открыть дѣйствіе хинина. Всѣ болѣзни, включая чуму и сифилисъ, имѣютъ положительную сторону: онѣ—двигатели медицины. Воровство имѣетъ положительную сторону: безъ него не было бы замочныхъ издѣлій. Давайте же подрядъ пѣть гимны всѣмъ этимъ „положительнымъ факторамъ"! Пусть они развиваются какъ можно сильнѣе, до nec plus ultra, ибо такимъ образомъ они будутъ давать самый сильный толчекъ развитію благодѣтельной медицины, архитектуры и пр., и пр. Пусть существуютъ утописты, которые хотятъ пріостановить развитіе этихъ благодѣтельныхъ въ послѣднемъ счетѣ факторовъ (чумы, мора и пр.). Эти утописты хотятъ задержать колесо исторіи, они—консерваторы и даже болѣе того—реакціонеры. Повидимому, ихъ тайныя намѣренія—вернуть человѣчество

[1]) Кстати же, эта „святая истина" въ то же время выражена въ вполнѣ діалектической формѣ: „дурная сторона" какъ разъ и оказывается „положительной", обусловливающей прогрессъ—Гегелевское противорѣчіе!

ко временамъ первобытнаго варварства, лишить его и медицины, и архитектуры, не говоря уже о машинномъ производствѣ и объ употребленіи ножей. Довольно утопій! Пойдемъ на выучку къ капитализму, пойдемъ на выучку также къ чумѣ, язвѣ, „трусу, гладу, огню и мечу и нашествію иноплеменныхъ“. Это—лучшіе учителя человѣчества! „Единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ, приносимыхъ ими, заключается въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи“. „Это зло есть огромный факторъ культурнаго прогресса“, скажемъ мы, слегка перефразируя М. И. Туганъ-Барановскаго и г. Струве.

О, мудрецы, мудрецы, проваливающіеся въ свое собственное глубокомыслiе!

Вернемся, однако, отъ общей формулировки разсматриваемаго возраженія къ частной. Рѣчь шла о пролетарской психикѣ. Разберемся же въ ней серьезно. Въ созданіи этой психики приходится отмѣтить два основныхъ вліянія. Одно идетъ отъ „самой природы общественнаго процесса труда“, другое — спеціально отъ капиталистической его оболочки. Когда мы разсматриваемъ совокупное дѣйствіе обоихъ этихъ началъ, намъ трудно разобраться, что именно приносится однимъ, и что—другимъ. Но дѣло быстро разъяснится, когда мы анализируемъ тѣ случаи, гдѣ дѣйствуютъ порознь—или первый, или второй изъ указанныхъ факторовъ: или общественный процессъ труда, развивающійся въ некапиталистической формѣ, или капиталистическая форма эксплоатаціи труда безъ общественнаго процесса производства. Тогда тотчасъ же между двумя этими крайними полюсами распредѣлятся и всѣ „положительныя“ и „отрицательныя“ стороны того, что мы называемъ пролетарской психикой. Съ одной стороны, мы будемъ имѣть, скажемъ, героевъ Максима Горькаго, у которыхъ тоже „пролетарская“ психологія; всѣ они—déclassés, выбитые хозяйственной эволюціей изъ тѣхъ или иныхъ „устоевъ“ жизни, но не испытавшіе или лишь въ слишкомъ малой степени испытавшіе дисциплинирующую сторону „общественнаго процесса труда“. И не характерно ли, что въ нашей странѣ, гдѣ, какъ уже было выше сказано, капиталистическая форма промышленности въ своемъ развитіи обгоняетъ содержаніе, отрицательныя, разрушительныя стороны ея преобладаютъ надъ положительными—

не характерно ли, что послѣ Левитова, а отчасти и Рѣшетникова, Горькій уже третій крупный художникъ, сосредоточивающій свое вниманіе на „резервной арміи“ пролетаріата, надъ которой хозяйственный прогрессъ прошелъ всѣми своими темными сторонами, и почти никакими—свѣтлыми? Не характерно ли, что мы въ то же время до сихъ поръ не имѣемъ художника, который далъ бы намъ типы пролетаріевъ другого рода, на которыхъ новѣйшая хозяйственная жизнь наложила отпечатокъ своихъ общественныхъ организаціонныхъ началъ?

Въ противовѣсъ героямъ Максима Горькаго, полнымъ стихійнаго отрицанія и вражды ко всякимъ цѣпямъ и узамъ, налагаемымъ общественностью, возьмемъ другую картину, прямо противоположнаго характера. Мы перенесемся на противоположный конецъ Европы, въ тотъ особый, своеобразный мірокъ, который описываетъ намъ Э. Вандервельдъ, въ своей статейкѣ о „внутренней организаціи бельгійской рабочей партіи“. Она, по его словамъ, представляетъ болѣе, чѣмъ обыкновенную партійно-политическую организацію. Нѣтъ, она представляетъ гораздо болѣе многостороннее и въ то же время единое цѣлое, нѣкоторымъ образомъ „государство въ государствѣ, коллективистическій эмбріонъ среди капиталистическаго общества“. Луи Варлэ такъ характеризуетъ одну изъ типичныхъ „федерацій“, на которыя распадается вся организація въ цѣломъ: „она состоитъ изъ цѣлаго ряда учрежденій, которыя имѣютъ цѣлью удовлетворить всѣ потребности рабочаго, втянуть въ сферу своего вліянія всѣ стороны его соціальнаго бытія и жизнедѣятельности, создать коллективистскій микрокосмъ, гдѣ каждый членъ можетъ найти все, что можетъ быть ему полезно или интересно“.

„Возьмемъ для примѣра — говоритъ Вандервельдъ — пекаря или разносчика хлѣба изъ Брюссельскаго „Народнаго дома“. Какъ акціонеръ товарищества, онъ принимаетъ участіе въ прибыляхъ соразмѣрно величинѣ своего потребленія; какъ производитель, онъ работаетъ въ *своей* хлѣбопекарнѣ 8 часовъ ежедневно, при 5-ти франковомъ вознагражденіи ($+2^1/_2\%$ прибыли); какъ потребитель, онъ закупаетъ въ *своихъ* лавкахъ себѣ хлѣбъ, мясо, колоніальные товары,

молоко и масло (продукты устроенной на коллективистскихъ началахъ Герфелингенской молочной), одежду, начиная со шляпы и кончая сапогами, уголь, табакъ, книги, газеты; словомъ, все, что онъ зарабатываетъ, исходитъ отъ партіи; все, что онъ расходуетъ—исключая квартирной платы, налоговъ и мелкихъ покупокъ „мимоходомъ“—идетъ въ партію. Все, что онъ дѣлаетъ, начиная отъ своей повседневной работы, и кончая служеніемъ тѣмъ или инымъ образомъ распространенію партійныхъ идей—по воскресеньямъ—опять-таки дѣлается для партіи. Такимъ образомъ, въ каждомъ изъ нашихъ индустріальныхъ центровъ образуется среда, которая почти совершенно изолирована отъ вліянія окружающаго буржуазно-капиталистическаго міра и внутри которой—группа передовыхъ дѣятелей, до мозга костей проникнутыхъ тѣми началами, на которыхъ зиждется весь этотъ мірокъ“.

Такъ совершается процессъ духовнаго и матеріальнаго „обобществленія“ трудящихся независимо отъ капиталистической формы, отъ благодѣтельнаго вліянія которой данная „среда“ тщательно „изолируется“...

Вотъ—два крайнихъ полюса. Съ одной стороны, чистое организаціонное вліяніе общественнаго процесса труда, освобожденнаго отъ антагонистической формы съ ея пертурбаціонными вліяніями; какъ результатъ—духъ солидарности и братства. Съ другой—столь же чистое вліяніе антагонистическихъ формъ общественнаго процесса производства—и въ результатѣ—босякъ Максима Горькаго, инстинктивно отчужденный отъ всего окружающаго, чувствующій глухую вражду и антагонизмъ ко всѣмъ окружающимъ его общественнымъ началамъ,—но и только; не болѣе. Между этими двумя крайностями расположился цѣлый рядъ переходныхъ ступеней сверху до низу, по возрастающимъ степенямъ развитія капиталистической формы эксплоатаціи съ присущими ей отрицательными вліяніями и по нисходящимъ степенямъ развитія *содержанія*, общественнаго процесса труда съ присущими ему вліяніями положительнаго характера.

Во всякомъ случаѣ и здѣсь, на данномъ конкретномъ примѣрѣ, мы снова видимъ, что если „дурная сторона, обу-

словливая собою борьбу, создаетъ историческое движеніе"— то само по себѣ это вліяніе „дурной стороны" чисто отрицательнаго характера и можетъ даже не оплодотворять этого движенія, этой борьбы никакимъ творческимъ началомъ [1]). Творческое же начало появляется лишь въ той мѣрѣ, въ какой есть на лицо вліянія, исходящія отъ развивающагося общественнаго процесса труда—пробивается ли онъ сквозь тѣсныя рамки капиталистической организаціи или свободно, самостоятельно зарождается среди трудящагося населенія, питаясь порой остатками старыхъ общинныхъ или артельныхъ традицій. Болѣе глубокій анализъ въ каждомъ частномъ случаѣ опредѣлитъ, изъ какихъ сторонъ хозяйственной жизни выростаютъ тѣ или иные элементы пролетаріатской психологіи. Кромѣ того, необходимо всегда имѣть въ виду, „что соотношенію положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ капитализма" въ опредѣленіи этой психики принадлежитъ рѣшающая роль лишь caeteris paribus, ибо жизнь многосложна, и производственныя отношенія—лишь одна изъ ея сторонъ, далеко не исчерпывающая всей картины...

Какія же еще можно привести основанія въ пользу того положенія, что капитализмъ, *какъ таковой*, имѣетъ не только отрицательныя, но и положительныя стороны? Какія могутъ быть еще оправданія для тѣхъ славословій творческому и культурному вліянію капитализма, которыя такъ рѣжутъ нашъ слухъ въ произведеніяхъ многихъ русскихъ марксистовъ? Какія еще оправданія для рѣзкихъ обвиненій противъ „народничества", не примѣтившаго, будто бы, „положительныхъ сторонъ" современной „власти денегъ"?

Быть можетъ, намъ укажутъ, что капитализмъ смѣнилъ еще болѣе грубыя формы эксплоатаціи человѣка человѣкомъ? Быть можетъ, въ этомъ его „положительная заслуга"? О да, конечно, кто же станетъ отрицать, что съ этой „высшей" точки зрѣнія капитализмъ есть прогрессивное начало. Въ этомъ смыслѣ прогрессивно и крѣпостное право, ибо оно

[1]) Какъ ни идеализируетъ порою Горькій своихъ героевъ, однако, даже въ его изображеніи болѣе чѣмъ ясно, что въ ихъ идейномъ настроеніи нѣтъ ни признака какихъ-либо *положительныхъ* началъ—одно стихійное, безпредметное отрицаніе.

смѣнило собою рабство; въ свою очередь, прогрессивное начало можно открыть и въ рабствѣ—ибо оно смѣнило собою людоѣдство.

Какой непритязательный народъ эти господа объективисты, которые во всемъ умудряются открыть „положительную сторону“. Та мораль, которую они извлекаютъ изъ исторіи, напоминаетъ мнѣ мораль буддиста, у котораго спросили: „что скажешь ты о человѣкѣ, который тебя обругаетъ?“ Буддистъ отвѣтилъ: „я скажу: вотъ хорошій и добрый человѣкъ, который только обругалъ меня, а не ударилъ: другой на его мѣстѣ могъ бы и это сдѣлать“.—„Ну, а если онъ тебя ударитъ?“—„Я скажу: вотъ добрый и хорошій человѣкъ, онъ не избилъ меня, а только ударилъ“.—А если онъ тебя изобьетъ?„—„Я скажу: вотъ добрый и хорошій человѣкъ, который, избивая меня, не лишилъ меня жизни“.—„Ну, а если онъ тебя станетъ убивать?“—„Я подумаю: вотъ добрый и хорошій человѣкъ, который избавляетъ меня отъ всѣхъ горечей и страданій бреннаго земного существованія!“

Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, это стремленіе мѣркой прошлаго оцѣнивать настоящее? Такъ поступаютъ обычно буржуазные апологеты, когда сравниваютъ положеніе современнаго рабочаго съ положеніемъ дикаря, и находятъ, что какъ бы плохо положеніе перваго ни было, онъ уже не ходитъ, подобно послѣднему, безъ штановъ, не пьетъ изъ пригоршни, не живетъ въ пещерѣ и т. п.,—слѣдовательно, „прогрессивнаго начала“ и „положительныхъ сторонъ“ въ тягостной пролетарской долѣ отрицать нельзя. Всякій марксистъ, какъ нельзя болѣе правильно, отвѣтитъ на это, что положеніе рабочихъ надо оцѣнивать совершенно другой мѣркой, мѣркой настоящаго и будущаго, а не давно-прошедшаго. Почему же они не остаются вѣрными себѣ и въ вопросѣ о тѣхъ „положительныхъ сторонахъ капитализма“, которые насъ интересуютъ? Зачѣмъ въ этомъ вопросѣ они напоминаютъ тѣхъ историковъ, про которыхъ Марксъ какъ-то выразился, что имъ старуха исторія, какъ древній іудейскій богъ одному изъ своихъ вѣрныхъ слугъ, показываетъ только свое a posteriori?

Рѣшительно никакой логической необходимости во всемъ

этомъ не было. Исключительно полемическія увлеченія противъ „народничества“ заставили нашихъ „марксистовъ“ занять ту двусмысленную позицію, которая заставляла ихъ порою вести рѣчи, пахнувшія прямо „апологіей власти денегъ“ и составлявшія въ этомъ отношеніи печальный „признакъ времени“.

М. И. Туганъ-Барановскій въ своей „Фабрикѣ“ не разъ съ негодующей ироніей говоритъ о томъ, что его и его единомышленниковъ хотятъ выставить „апологетами капитализма“. Разъ навсегда нужно опредѣленно высказаться по этому поводу и устранить возможность всякихъ перетолкованій и недоразумѣній. Само собой разумѣется, что никто и не подумаетъ никогда обвинять Т.-Барановскаго и др. въ прислуживаніи капиталу. И если слова объ „апологіи власти денегъ“ онъ хочетъ понять именно въ этомъ смыслѣ, то здѣсь никто не виноватъ, кромѣ самого г. Туганъ-Барановскаго и его чрезмѣрно уязвленнаго самолюбія. Рѣчь шла и теперь идетъ только объ одномъ. Гг. Струве, Туганъ-Барановскій и др. черезчуръ увлеклись обличеніемъ „народничества“. Соперничая другъ съ другомъ, стараясь побить рекордъ въ отысканіи у народниковъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ, они впали въ крайности и преувеличенія прямо невѣроятныя. Достаточно было найти у какого-нибудь народника пару словъ объ отрицательной, разрушительной работѣ капитала, чтобы обвинить его въ идеализаціи стараго натуральнаго хозяйства и разрозненнаго мелкаго производства, въ отрицаніи техническаго прогресса, чуть-чуть не въ крѣпостничествѣ... А мотивировка этихъ обвиненій и полемика противъ „народническихъ нападокъ на капитализмъ“ окончательно увлекали нашихъ авторовъ внизъ по наклонной плоскости.

Вотъ, для примѣра, нѣсколько тирадъ, которыя безъ малѣйшаго удивленія вы встрѣтили бы, конечно, въ любой либерально-плутократической газетѣ, но которыя не могутъ не звучать диссонансомъ въ устахъ соціалиста-демократа:

„Техническая нераціональность хозяйства, а *не капитализмъ*—вотъ тотъ врагъ, который отнимаетъ хлѣбъ насущный у нашего крестьянина. Если капиталистическій строй

и исполненъ противорѣчій, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что капитализмъ всюду, гдѣ онъ ни существуетъ, виноватъ во всѣхъ бѣдствіяхъ"... „Не капитализмъ—виновникъ крестьянской бѣдности"... „Капитализмъ же, или вѣрнѣе, товарное производство указываетъ выходъ изъ этого положенія. Онъ дѣлаетъ возможнымъ и вынуждаетъ техническую раціональность". „Въ непосильности податей капитализмъ *совершенно не при чемъ*". „Я не знаю книги, которая бы болѣе убѣдительно, чѣмъ „Національная система" (Листа), говорила объ исторической неизбѣжности и *законности* капитализма въ широкомъ смыслѣ слова"... „Національная система" Листа—побѣдная пѣснь торжествующаго капиталистическаго производства, во всеуслышаніе провозглашающая его культурно-историческую мощь и побѣдное шествіе по всѣмъ языкамъ". „Вся современная матеріальная и духовная культура тѣсно связана съ капитализмомъ [1]): она выросла или вмѣстѣ съ нимъ или на его почвѣ". „Такимъ образомъ, капитализмъ не только зло, но и могущественный факторъ культурнаго прогресса,—факторъ, не только разрушающій, но и созидающій". „Признаемъ же нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму". „Россія должна развивать у себя промышленный капитализмъ... Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической страной". „Если государство по какимъ-либо соображеніямъ желаетъ укрѣплять не крупное, а мелкое землевладѣніе, то, при данныхъ экономическихъ условіяхъ, оно можетъ достигнуть этой цѣли не тѣмъ, что будетъ *гоняться за неосуществимымъ экономическимъ равенствомъ въ средѣ крестьянства*, а только путемъ поддержанія его жизнеспособныхъ элементовъ, путемъ созданія изъ нихъ экономически-крѣпкаго крестьянства". „Политика, которая направится на созданіе *такого* крестьянства, будетъ *единственно разумной* и *прогрессивной* политикой" etc., etc.

Это пишетъ не нашъ извѣстный протекціонистъ и поклонникъ капитализма г. Менделѣевъ, и не г. А. С. Суворинъ,

---

[1]) Мимоходомъ: эта „тѣсная связь" не бываетъ ли иногда похожа на тѣсную связь повѣшеннаго съ его висѣлицей? *В. Ч.*

а—человѣкъ совершенно другого колибра — г. П. Струве. Словъ нѣтъ, одна нѣмецкая пословица весьма справедливо говоритъ, что если два совершенно различныхъ человѣка говорятъ одно и то же, то это одно и то же—не одно и то же. Словъ нѣтъ, г. Струве говоритъ не только то, что приведено нами выше, а и многое такое, чего не скажутъ никакіе Суворины и никакіе Менделѣевы. Но ненормально уже и то, что такіе люди, какъ Струве, иногда впадаютъ въ тонъ Менделѣевыхъ, а ненормальность эта опять таки вызывается полемическими увлеченіями противъ народничества и вызваннымъ ими игнорированіемъ очень существенныхъ различеній Маркса.

Мы не придираться хотимъ. Употребляйте себѣ, сколько хотите, терминъ „положительныя стороны капитализма“:— для краткости и мы готовы употреблять этотъ терминъ, оговорившись только, что подъ этимъ, строго говоря, разумѣются вовсе не положительныя стороны капитализма, какъ такового, а лишь кроющееся подъ этою соціальною формою *содержаніе*, у котораго съ данною формою лишь временное соединеніе и которое по своему генезису представляется совершенно самостоятельнымъ началомъ. Но не упрекайте же и насъ за то, что мы, будто бы, хотимъ видѣть только темныя стороны капитализма, и не дѣлайте изъ этого столь быстрыхъ и неосновательныхъ выводовъ, какъ, напр., будто бы мы просто-на-просто враги всякаго экономическаго прогресса. Иначе мы вправѣ будемъ заявить, что вы существо этого прогресса не отдѣляете отъ его временной формы, т.-е. впадаете въ обычную ошибку апологетовъ буржуазіи. Мы вправѣ будемъ сказать, что у васъ получается „апологія власти денегъ“, хотя у васъ это—невольный грѣхъ, тогда какъ у заправскихъ, сознательныхъ апологетовъ—вольный.

Различеніе между формой и содержаніемъ современной крупной промышленности разсѣетъ многое множество тѣхъ недоразумѣній, въ которыя вы впадали въ вашей полемикѣ противъ „Н. К. Михайловскаго и передовыхъ публицистовъ его лагеря“. И вы скоро увидите, что $^9/_{10}$ вашихъ нападокъ на то, что вы называли „народничествомъ“, состоитъ изъ такихъ недоразумѣній. Вы увидите, что основные, дѣйстви-

тельно кардинальные вопросы, въ отвѣтахъ на которые можетъ получиться дѣйствительное, а не мнимое и раздутое расхожденіе, часто оставались въ тѣни, просто потому, что обѣ спорящія стороны говорили на разныхъ языкахъ и плохо понимали другъ друга.

Каковы тѣ общія условія, которыми опредѣляется то или иное отношеніе между положительными и отрицательными сторонами современной крупной промышленности, между ея формой и ея содержаніемъ? Является ли это отношеніе различнымъ только для послѣдовательныхъ фазъ процесса развитія крупной промышленности? Или оно различно и для различныхъ отраслей производства? Или, наконецъ, въ связи съ этимъ оно различно и для различныхъ народохозяйственныхъ организмовъ, взятыхъ въ цѣломъ? Далѣе: какое значеніе имѣетъ это различіе въ отношеніяхъ а) для выработки тѣхъ или иныхъ чертъ пролетарской психики, б) психики буржуазіи, какъ соціально-политическаго типа, в) для того или другого настроенія интеллигенціи, г) для тактики передовыхъ партій, и, въ частности, д) для отношенія передовыхъ партій къ такимъ явленіямъ народной и общественной жизни, которыя могутъ облегчать развитіе „промышленнаго генія“ помимо капиталистической формы (кооперативное движеніе, общинное землевладѣніе, общинный и муниципальный коллективизмъ).

За этими общими вопросами, какъ естественное ихъ дополненіе, встанетъ конкретный вопросъ о томъ, какова комбинація условій, опредѣляющая для Россіи это соотношеніе положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ современной крупной промышленности? И какія естественныя слѣдствія вытекаютъ отсюда для тѣхъ, кто въ своей практической дѣятельности желаетъ не рабски копировать тактику тѣхъ или иныхъ сосѣдей, а самостоятельно найти путь, соотвѣтствующій всѣмъ особенностямъ окружающей его обстановки?

Какъ бы ни рѣшались различными людьми и различными литературно-общественными фракціями всѣ эти вопросы, сколько бы „разногласій“ ни получалось въ результатѣ, во всякомъ случаѣ споръ будетъ продолжаться уже по существу дѣла и будетъ основываться на взаимномъ понима-

ніи, а не просто на произвольномъ или непроизвольномъ извращеніи чужихъ взглядовъ, которое грозитъ дойти до того, что одна сторона будетъ обвинять другую въ стремленіи заставить человѣчество ползать на четверенькахъ, обходясь не только безъ ножей и вилокъ, а даже и безъ носовыхъ платковъ, а та, въ свою очередь, будетъ обвинять первую въ прислуживаніи къ капитализму. Идя этимъ путемъ, можно, конечно, наговорить другъ другу много непріятностей, можно вызвать много личнаго раздраженія и даже ненависти (причемъ tertius gaudens будетъ, съ одной стороны, настоящій апологетъ капитализма, а съ другой—настоящій сторонникъ „добраго стараго времени“),—только не разъяснить вопросъ.

И ужъ во всякомъ случаѣ результатомъ такого болѣе вдумчиваго отношенія къ дѣлу должно быть то, что въ общее сознаніе, независимо отъ всякихъ фракціонныхъ разногласій, войдетъ старая истина, недурно выраженная словами Вл. Короленко: сущность „промышленнаго генія“—одно, а условія процесса—другое. И поэтому, въ видахъ правильной перспективы необходимо, чтобы ни одна капля энтузіазма и преклоненія, довлѣющаго „человѣческому благу“, не расточалась на „условія“ и „обстановку“...

Національно-капиталистическіе типы.

I.

Если, отвлекаясь отъ частностей, сравнивать между собою общее направленіе и характеръ марксовскаго анализа народно-хозяйственной жизни съ такимъ же направленіемъ и характеромъ наиболѣе цѣнныхъ изслѣдованій настоящаго времени, то въ нихъ можно подмѣтить значительную разницу. Въ то время, какъ Марксъ повсюду ищетъ *общихъ* законовъ капиталистической продукціи, стараясь построить гипотетическую идеально-среднюю линію ея развитія — современная наука пошла отъ общаго къ частному, конкретизировала свои изслѣдованія, и, не отказываясь опираться на марксовскую дедукцію, ограничила значеніе ея выводовъ, признала ихъ условный характеръ и дополнила дедукцію индукціей.

Нѣсколько примѣровъ будетъ достаточно, чтобы иллюстрировать это положеніе—и мы намѣренно возьмемъ эти примѣры изъ самыхъ различныхъ областей.

Въ своемъ цѣнномъ трудѣ объ „Эволюціи современнаго капитализма“ Гобсонъ говоритъ: „Я въ особенности старался избѣжать ошибки неправильнаго упрощенія дѣла; именно этимъ грѣшатъ лица, полагающія, что всѣ виды промышленности одинаково подчинены однимъ и тѣмъ же экономическимъ законамъ и одинаково подвержены однимъ и тѣмъ же опасностямъ и недостаткамъ. Я имѣлъ въ виду показать, что лишь изученіемъ природы каждаго изъ отдѣльныхъ видовъ промышленной дѣятельности мы можемъ придти къ правильному опредѣленію роста промышленнаго и связаннаго съ нимъ торговаго дѣла, и что для этого мы

должны изслѣдовать какъ природу обрабатываемаго матеріала, такъ и механическія и торговыя условія разсматриваемаго рода промышленности, характеръ спроса на различные продукты и, въ концѣ концовъ, взаимодѣйствіе этихъ различныхъ характеризующихъ факторовъ. Только послѣ спеціальнаго изученія подобнаго рода мы получаемъ возможность узнать различные виды и формы, которыя могутъ принимать различныя отрасли промышленности...“

Въ связи съ этимъ, Гобсонъ, оцѣнивая значеніе и природныхъ различій, и международнаго раздѣленія труда, и возможности для одной страны учиться отъ другой,—находитъ нелегкимъ дѣломъ „судить о томъ, насколько вѣроятно, что промышленное развитіе одной страны можетъ быть подобнымъ промышленному развитію другой“. „Существуетъ, пожалуй, общее стремленіе преувеличивать неизмѣнность и общепримѣнимость законовъ, по которымъ промышленность развивается изъ небольшихъ, простыхъ, однородныхъ формъ въ широкія чрезвычайно сложныя разнородныя формы“. Между тѣмъ, безусловно констатируя извѣстное „подобіе въ развитіи“, слѣдуетъ рѣшительно возстать противъ его „фаталистической интерпретаціи“ и противъ шаблонизированія. „Уже одинъ тотъ фактъ, что такое движеніе въ другой странѣ уже относится къ области прошедшаго, исключаетъ необходимость точнаго слѣдованія“. Нелѣпо думать, что въ отсталой странѣ „каждый шагъ долженъ быть сдѣланъ въ томъ же направленіи, съ тою же скоростью и тѣмъ же способомъ“; напротивъ, она можетъ „сократить много ступеней этого развитія, или даже совершенно опустить ихъ, или пройти иначе“.

Переѣдемъ Ламаншъ и отъ ультра-умѣреннаго Гобсона перейдемъ къ ультра-радикалу Жоржу Сорелю. Онъ также указываетъ, по совершенно другому поводу, что не слѣдуетъ „отождествлять всѣ виды труда“ по ихъ общему вліянію на рабочаго — въ частности, по тому специфическому вліянію, которое оказываетъ на классовую психологію профессія. „Человѣкъ — не пассивный инструментъ, движенія котораго даны какъ бы геометрической формулой; нужно знать, какимъ конкретнымъ образомъ онъ приспособляется

къ своему труду; идя этимъ путемъ, придется поставить вопросы хотя бы, напр., изъ области психологіи вниманія, вопросы, которыя нельзя разрѣшить однимъ общепримѣнимымъ выводомъ, но придется ставить особо для каждаго отдѣльнаго рода занятій. Марксъ разсматривалъ *расу*, какъ существенный факторъ въ исторіи человѣческой промышленности; но марксисты не много изслѣдованій произвели въ этой идейной плоскости, потому что они и вообще крайне пренебрежительно и невнимательно отнеслись къ технологической дифференціаціи въ экономіи и резонировали больше въ духѣ вульгарной демократической традиціи, привыкшей все и вся нивеллировать... Это особенно замѣтно во всемъ что пишется такимъ множествомъ соціалистовъ по вопросу о капиталистической концентраціи, безъ всякаго вниманія къ тѣмъ различіямъ, которыя обособляютъ между собою отдѣльныя отрасли промышленности". Переходя къ связи, которая существуетъ между индивидуальными чертами индустрій и таковыми же чертами отдѣльныхъ національныхъ организмовъ, Сорель находитъ, что и здѣсь „неточно говорить, будто теперь всѣ національныя соціалистическія партіи суть не что иное, какъ простыя отдѣленія одной и той же великой пролетарской арміи", въ дѣйствительности, едва ли не правильнѣе будетъ сказать, что „по крайней мѣрѣ, существуетъ столько же видовъ соціализма, сколько великихъ націй", съ нѣкоторымъ правомъ можно говорить, что „есть столько же соціализмовъ, сколько расъ, и Густавъ Ле-Бонъ въ своей „Психологіи соціализма" попытался освѣтить огромныя различія, которыя, съ этой точки зрѣнія, существуютъ между соціализмомъ латинскихъ и англо-саксонскихъ народовъ". [1]) А ученикъ Сореля, Гюберъ Лагарделль, въ своей статьѣ „Mannheim, Rome, Amiens", еще болѣе утрируя это положеніе, даже говоритъ: „Существуетъ только національные соціализмы. Развитіе рабочаго класса въ каждой странѣ зависитъ отъ условій экономической, исторической и политической среды. Ошибаются, когда говорятъ о единствѣ интернаціональнаго соціализма"... [2]).

[1]) G. Sorel, introduction къ „Le socialisme et l'agriculture" G. Gatti.
[2]) „Le Mouvement Socialiste", octobre 1906, № 179.

И даже Карлъ Каутскій — „самъ“ Каутскій! — сдѣлалъ шагъ въ сторону того же отрицанія „единаго пути“... Въ своей работѣ объ „Американскомъ и русскомъ рабочемъ“ онъ касается мнѣнія, высказаннаго Зомбартомъ, что „Соединенные Штаты являются страною наивысшаго капиталистическаго развитія,—поэтому, ихъ хозяйственная организація является прообразомъ нашего будущаго“. Присоединяясь, съ опредѣленной оговоркой, къ этому мнѣнію, онъ—правильно или нѣтъ, это другой вопросъ—ищетъ для Германіи еще и другого дополнительнаго прообраза. Причина этого такова: „До шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія Англія могла служить другимъ странамъ классическимъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣромъ капиталистическаго общества и всѣхъ его тенденцій; *но въ настоящее время подобной страны нѣтъ*“.

Но, отказавшись отъ единаго шаблона въ дѣлѣ сужденія объ эволюціи отдѣльныхъ національныхъ государствъ, Каутскій не могъ не отказаться также и отъ шаблоннаго уподобленія другъ другу всѣхъ отдѣльныхъ отраслей промышленности,—ибо оба эти вопроса тѣсно связаны другъ съ другомъ; своеобразіе въ эволюціи отдѣльныхъ странъ въ извѣстной мѣрѣ сводится на специфическія особенности отдѣльныхъ отраслей промышленности, преобладающихъ въ данной странѣ въ силу международнаго раздѣленія труда. Натискъ ревизіонизма въ аграрномъ вопросѣ пробилъ первую брешь въ старой все-нивеллирующей системѣ марксизма. Онъ подорвалъ почву подъ „аналогическимъ методомъ“ механическаго подведенія агрикультуры подъ нормы и законы высшихъ отраслей индустріи. На бреславлскомъ конгрессѣ марксистская ортодоксія, восторжествовавъ надъ сторонниками аграрной программы, заплатила за эту побѣду довольно дорогою цѣною: включеніемъ въ резолюцію Каутскаго признанія, что аграрная эволюція имѣетъ свои законы, отличающіе ее отъ эволюціи индустріальной. Впослѣдствіи Давидъ, въ своемъ трудѣ о „Соціализмѣ и сельскомъ хозяйствѣ“ пытался закрѣпить признанные всѣми специфическія черты аграрной эволюціи отъ индустріальной, обосновавъ ихъ въ принципіальной противоположности между “органическимъ“ и „механическимъ“ производствомъ. И

Каутскій не могъ найти иного возраженія противъ него, какъ сдѣлавъ новый шагъ въ смыслѣ отказа отъ шаблоновъ, въ смыслѣ уступки конкретизирующему, индуктивному направленію. Онъ попытался указать, что разныя отрасли сельскаго хозяйства далеко не идентичны, что однѣ изъ нихъ обладаютъ большими, другія—меньшими чертами типически-„механическаго“ производства; и что, съ другой стороны, элементы производства „органическаго“ въ различныхъ дозахъ содержатся и въ многихъ подраздѣленіяхъ промышленности обрабатывающей. „Въ каждой отрасли производства—читаемъ мы въ его брошюрѣ „Соціализмъ и сельское хозяйство“ [1])—есть свои особенности и свои собственные законы. Это относится не только къ промышленности, но и къ сельскому хозяйству. Горное дѣло — тоже самостоятельная категорія. Тамъ продуктъ вообще не производится, а только извлекается изъ нѣдръ земли. Особую категорію опять образуетъ транспортное дѣло. И тутъ продукты не производятся, а перемѣщаются“. „И въ самой промышленности существуютъ громадныя различія, напримѣръ, между механическимъ и химическимъ производствомъ. Въ послѣднемъ также трудъ стоитъ на второмъ планѣ. Тамъ, такъ же, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, машина не играетъ такой громадной роли, какъ въ механической промышленности“. „Нѣтъ такой отрасли труда, которая была бы болѣе противоположна механической промышленности, чѣмъ больничное дѣло“. И, наконецъ, „такія же фундаментальныя различія мы находимъ и въ предѣлахъ самого сельскаго хозяйства“.

Все это очень остроумно и вѣрно, но не значитъ ли это прятаться „отъ дождя да въ воду“? Въ самомъ дѣлѣ, если обо всѣхъ этихъ своеобразіяхъ и противоположностяхъ вспоминать не только для надобности полемики, мимоходомъ,—то eo ipso выдвигается цѣлый рядъ новыхъ проблемъ, требующихъ своего разрѣшенія. И прежде всего, послѣ такого признанія не приходится уже говорить „вообще “о творческой роли] капитализма,—и вмѣсто шаблонныхъ гимновъ

---

[1]) Пер. Андреева, изд. „Новый міръ“, стр. 25—26.

его „обобществляющей“ роли приходится обстоятельно разрѣшить вопросъ о *мѣрѣ и степени* творческаго и разрушительнаго его вліянія для различныхъ крупныхъ отраслей промышленности, каждой въ отдѣльности. Пока же мы этого не имѣемъ, до тѣхъ поръ мы имѣемъ не научныя истины, а лишь субъективныя фантазіи на тему о подготовленіи самимъ капитализмомъ будущаго соціалистическаго строя. И то же приходится сказать о прохожденіи всѣхъ стадій или классовъ „капиталистической школы“, цѣлыми странами, цѣлыми великими современными національностями. Таковъ неизбѣжный логическій выводъ изъ положеній, которыя, какъ мы только что видѣли, находятъ себѣ теперь общее признаніе среди теоретиковъ соціализма.

Такъ обстоитъ съ этимъ вопросомъ въ настоящее время. Но не такъ обстояло оно, когда мнѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пришлось ребромъ поставить его въ „Русскомъ Богатствѣ“, по поводу первыхъ уступокъ, сдѣланныхъ въ немъ германскимъ марксизмомъ въ лицѣ „ревизіониста“ Герца. Тогда эти уступки были еще „ересью“.

„Дедуктивный геній Маркса—говорилъ Герцъ—изъ изслѣдованія англійской формы капитализма, принятой за типическую, вывелъ извѣстную простую и общую формулу. Теперь рѣчь идетъ о томъ, что нельзя болѣе безъ дальнѣйшихъ разсужденій и оговорокъ примѣнять ее къ измѣнившимся обстоятельствамъ и переносить на другіе народно-хозяйственные организмы. Согласно тому же экономическому матеріализму, и самый великій геній не могъ предвидѣть и принять во вниманіе всѣ эти новые, позднѣе явившіеся факты. Крупная заслуга Маркса состоитъ прежде всего въ томъ, что онъ изъ подавляющей и запутанной массы единичныхъ явленій извлекъ и открылъ главныя движущія силы, опредѣляющія движенія общества. Но никогда не отрицалъ Марксъ значенія модифицирующихъ, видоизмѣняющихъ факторовъ, „эмпирическихъ обстоятельствъ, природныхъ условій, расовыхъ отношеній, извнѣ дѣйствующихъ историческихъ вліяній и т. п.“, далѣе—силы традиціи, значенія побочныхъ психологическихъ мотивовъ; всегда, когда только онъ разсматривалъ какія-либо конкретныя, спеціальныя отношенія,—онъ давалъ въ своей

оцѣнкѣ „мелкихъ привходящихъ моментовъ“ образцовые примѣры умѣнья тонко подмѣчать, считаться и взвѣшивать... Послѣдователи Маркса, напротивъ того, находили въ большинствѣ случаевъ болѣе удобнымъ и легкимъ, вооружившись линейкой историческаго матеріализма, выводить грубыми и прямыми линіями общій абрисъ явленія, вмѣсто того, чтобы прослѣживать всѣ изгибы его очертаній съ гравировальнымъ рѣзцомъ тщательной и детальной исторической работы. Въ этомъ отношеніи они не похожи на Маркса. Если въ началѣ было достаточно намѣтить общую тенденцію, общее направленіе движенія, то, чѣмъ далѣе мы подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе сказывается необходимость принимать во вниманіе многочисленныя мелкія привходящія обстоятельства, какъ различные природные, историческіе, психологическіе, національные факторы. Упрекъ, что такимъ образомъ историческій матеріализмъ будетъ искаженъ примѣсью „идеологіи“—безсмысленъ. Именно принципъ „матеріализма“ [1]), идея необходимости всего совершающагося, соотношенія всѣхъ причинъ и слѣдствій требуетъ того, чтобы принимался въ разсчетъ каждый факторъ. Для такого „матеріализма“ нѣтъ „главныхъ“ и „мелкихъ“ причинъ, но только „причины“ просто. И если каждый „идеологическій“ моментъ можно вывести и объяснить матеріалистически, — что для насъ является установленнымъ a priori, — такъ этимъ онъ еще не выбрасывается изъ міра. По своему происхожденію, генезису, это могутъ быть „вторичные“ факторы, но дѣйствуютъ они съ тою же силою и точно такимъ же образомъ, какъ и „первичные“ [2]).

Итакъ, не покидая совершенно почвы историческаго матеріализма, Герцъ дѣлаетъ уже большія уступки, значительно обезвреживающія недостатки этой односторонней теоріи. Далѣе, онъ рѣшительно отвергаетъ всякое превращеніе схемы Маркса, лишь намѣчающей въ самыхъ общихъ чертахъ основное направленіе процесса соціальнаго развитія человѣчества, въ готовый шаблонъ для всякой отдѣльной страны

---

[1]) Герцъ, конечно, неправъ: не „матеріализма“, а „реализма“.

[2]) Hertz, „Die Agrarischen Fragen etc.“, S. 98 – 99.

или всякой отдѣльной отрасли производства. Здѣсь вопросъ долженъ рѣшаться не догмами, не теоріями, не дедукціями изъ предвзятыхъ положеній, а вполнѣ и исключительно спеціальнымъ изученіемъ фактовъ. Понятно, какую важность имѣетъ постановка ребромъ этого вопроса для насъ, русскихъ. Давно пора подвергнуть его самому внимательному изученію въ международной соціалистической литературѣ, къ сожалѣнію, очень мало знакомой со взглядами такъ называемой „русской соціологической школы", которая не можетъ и никогда не могла помириться съ „упрощеннымъ" рѣшеніемъ вопроса о судьбахъ капитализма въ Россіи, которое исчерпывалось одной общей фразой: „Россія пойдетъ по тому же самому пути, по которому шла и западная Европа".

Выдѣляя нѣсколько главныхъ народнохозяйственныхъ тѣлъ, на которыя распадается „Европа", — напр., Великобританію, Францію, Германію, Австрію, Италію, Россію—мы несомнѣнно найдемъ въ ихъ экономической структурѣ и много общихъ чертъ, и не меньше своеобразныхъ, существенно различныхъ. Возникаетъ вопросъ: какое значеніе, какой смыслъ имѣютъ эти различія? Преходящи они или болѣе или менѣе постоянны? Въ зависимости отъ того, какой отвѣтъ будетъ данъ на эти вопросы, мы получимъ два рѣзко различныхъ направленія. Одни скажутъ, что названныя страны различаются между собой просто какъ различныя ступени одной и той же лѣстницы, какъ одинъ и тотъ же организмъ въ разныхъ стадіяхъ своего развитія,—или, говоря безъ метафоръ, ихъ различаетъ лишь то, что они переживаютъ различные моменты одного и того же, общаго для всѣхъ процесса соціальнаго развитія. Другіе, напротивъ, усматриваютъ разницу не исключительно въ томъ, что одна страна ушла въ данный моментъ нѣсколько дальше другой отъ общей исходной точки по общему пути, но что и *весь циклъ состояній*, переживаемый каждой изъ этихъ странъ, имѣетъ нѣчто своеобразное; иными словами, что разница не только въ ступеняхъ и моментахъ, но и въ общемъ характерѣ,—можно сказать, въ самомъ *типѣ* ихъ развитія [1]).

[1]) Напомню, что этотъ терминъ—*типы* соціальнаго движенія—употреб-

Приверженцы перваго—догматическаго—направленія опираются на извѣстную фразу Маркса, въ которой говорится, что наиболѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна показываетъ отсталымъ странамъ только картину ихъ собственной будущности; приверженцы второго—критическаго—опираются, подобно Герцу, на указанія самого Маркса, что онъ изслѣдовалъ только общее направленіе, къ которому тяготѣетъ процессъ, не предрѣшая вопроса, насколько и какъ можетъ онъ модифицироваться въ зависимости отъ различныхъ конкретныхъ, мѣстныхъ условій, и, стало быть, не претендуя на указаніе какого-то всеобщаго, обязательнаго для всѣхъ и въ этомъ смыслѣ „супра-историческаго“ закона.

„Мы не можемъ признать—говоритъ Герцъ—существованія одной всеобщей формы капитализма. Онъ проявляется только въ отдѣльныхъ народно-хозяйственныхъ организаціяхъ, какъ *національный* капитализмъ; даже относительно высшій пунктъ его развитія опредѣляется различнымъ образомъ въ зависимости отъ природныхъ и историческихъ особенностей каждой отдѣльной страны“ [1]).

Послѣдовательнѣе проводя ту точку зрѣнія, на которую становится Герцъ, слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, выразиться еще рѣшительнѣе, рѣзче и опредѣленнѣе. Можно ожидать не только того, что специфическія особенности данной страны скажутся *даже* на высшемъ пунктѣ ея капиталистическаго развитія; можно ожидать, что на этомъ высшемъ пунктѣ своеобразныя, типическія черты скажутся гораздо яснѣе и рельефнѣе, чѣмъ на первоначальныхъ стадіяхъ.

ляется Вернеромъ Зомбартомъ, который принимаетъ три основныхъ типа, обозначая ихъ „ради простоты“ какъ англійскій, французскій и нѣмецкій. См. „Soziale Bewegund im neunzehnten Jahrhundert“ Iena, 1897, S. 24.

[1]) 1. c., 10—11. Ср. у В. Зомбарта о національномъ характерѣ особенностей соціальнаго движенія, op. cit., S. 27 etc. Ср. также: Каблуковъ, „Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи“, Москва 1899 г. стр. 7 или его же „Эконом. хронику“ въ журн. „Юрид. Вѣстн.“ 1883 г. № 5: „Условія эти (опредѣляющія относительное значеніе капитализма для страны и послѣдовательный ходъ его эволюціи) въ каждой странѣ различны. Поэтому, ходъ развитія капитализма не можетъ повторяться съ одинаковой правильностью и быть вполнѣ тождественнымъ во всѣхъ странахъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, если справедливо мнѣніе догматиковъ, то, напримѣръ, современное положеніе народнаго хозяйства Англіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ картина будущаго положенія промышленности Россіи; напротивъ, если справедливо мнѣніе ихъ антагонистовъ, то по мѣрѣ своего развитія русскій капитализмъ будетъ не приближаться къ англійскому, а давать своеобразные результаты, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе проявлять черты своего отличія отъ него, ибо, развиваясь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ какъ разъ всѣ свои *типическія* черты,—черты, свойственныя *именно ему*. Англійскій и русскій капитализмъ, оба взятые на низшихъ ступеняхъ своего развитія (а не въ одинъ и тотъ же историческій моментъ, конечно), должны представлять гораздо больше чертъ сходства, чѣмъ они же въ пору своего крайняго развитія: это потому же, почему въ высокой степени сходны между собою эмбріональныя формы животныхъ, столь не похожихъ другъ на друга въ пору зрѣлости. На зарѣ развитія промышленной жизни, когда капитализмъ еще только нарождается,—формы его въ различныхъ странахъ слишкомъ мало индивидуализированы, проявленія его носятъ слишкомъ общій характеръ. Бросаются прежде всего въ глаза самыя общія свойства капитализма, какъ такового, тѣ его черты, которыя присущи ему во всякое время и при всякихъ условіяхъ: разрушеніе натуральнаго хозяйства, втягиваніе продукта труда непосредственныхъ производителей въ круговоротъ товарнаго обращенія, отлученіе работниковъ отъ средствъ производства, стягиваніе ихъ въ крупныя фабрики, первоначальное накопленіе... Только впослѣдствіи, вставъ на ноги, достигнувъ эпохи зрѣлости, капитализмъ развертываетъ всѣ свои потенціи, показываетъ, что онъ въ силахъ сдѣлать съ данной страной, при данныхъ естественныхъ и историческихъ условіяхъ, какія метаморфозы можетъ онъ въ ней произвести и на какую высоту можетъ онъ ее поставить въ хозяйственномъ, политическомъ и общекультурномъ отношеніяхъ.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать въ высшей степени замѣчательнымъ слѣдующій фактъ. Въ то время какъ раньше у догматиковъ любимою цитатой изъ Маркса было

упомянутое мѣсто объ Англіи, какъ живой указательницѣ будущаго экономически отсталыхъ странъ, въ послѣднее время отъ нихъ же приходится слышать совершенно иныя рѣчи. Герцъ зло смѣется надъ тѣмъ, что, возражая Бернштейну, большинство его противниковъ твердитъ, что онъ на все смотритъ сквозь англійскіе очки, что его утвержденія, предсказанія и совѣты годятся для Англіи и не годятся для Германіи, гдѣ всѣ отношенія представляются совершенно иными [1]). И Каутскій, защищаясь отъ этого упрека, подробно развиваетъ ту мысль, что Англія *перестала* (sic) быть *типомъ* промышленнаго развитія для другихъ странъ, что ея развитіе въ послѣднее время пошло слишкомъ односторонне: она превращается въ денежный шкафъ міра и т. п. Мы видимъ въ этомъ нѣчто большее, чѣмъ полемическія уловки и увертки. Каутскій говоритъ совершенно искренно. Англійскій капитализмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ достигаетъ высшихъ пунктовъ своего развитія, яснѣе и рельефнѣе проявляетъ и свои типическія, исключительно ему свойственныя особенности. Считать его циклъ образцомъ и нормой для другихъ странъ становится болѣе невозможнымъ,—отсюда и поворотъ въ образѣ мыслей догматиковъ. Очень возможно, что теперь „нормой“ для нихъ сдѣлается Германія,—конечно, до новой смѣны.

Предыдущими разсужденіями мы близко подошли къ рѣшенію пресловутаго вопроса о „самобытности“ или „несамобытности“ экономическаго развитія Россіи. Пойдетъ ли Россія „своимъ путемъ отличнымъ отъ того пути, которымъ идетъ Западная Европа“? Или она „пойдетъ тѣмъ же самымъ путемъ, что и Западная Европа“? Самая постановка вопроса въ такой формѣ является архаической, ирраціональной. Какой такой „Западной Европѣ“ мы противополагаемъ Россію? Развѣ эта „Европа“ представляетъ собою какое-то однородное цѣлое, развѣ она объединена единой хозяйственной структурой? Развѣ, напримѣръ, различіе между Испаніей и Англіей меньше, чѣмъ между Испаніей и Россіей?

---

[1]) См., напр., Protokoll üb. Verhandlungen des Parteitages zu Stutgardt, Berl. 1898, S. 128—129.

Или неужели Германіи и Скандинавскія государства имѣютъ менѣе правъ составить два различныхъ типа, чѣмъ Россія и Австрія, Россія и Италія?

Качественно или только количественно отличается экономическая эволюція Россіи отъ эволюціи западно-европейскихъ государствъ? Опять таки на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить ни въ ту, ни въ другую сторону безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Если расположить главнѣйшія европейскія страны въ одинъ рядъ, по ихъ относительному сходству, то и Россія найдетъ на одномъ изъ крайнихъ концовъ этого ряда принадлежащее ей по праву мѣсто; но если сопоставить ее съ одною изъ странъ, нашедшихъ свое мѣсто на противоположномъ полюсѣ, напр., съ Англіей, то различіе будетъ настолько рѣзкимъ, что терминъ „качественный“ для обозначенія этого различія будетъ вполнѣ умѣстнымъ.

Быть можетъ, нѣкоторыхъ такое рѣшеніе не удовлетворитъ, какъ слишкомъ „эклектическое“. Но что же дѣлать? Положеніе эклектиковъ, что „истина всегда посрединѣ“, въ общей формѣ, разумѣется, и пошло, и нелѣпо. Но вѣрно и несомнѣнно то, что противъ всякой крайности и односторонности можно всегда придумать такую прямо противоположную, но столь же нелѣпую крайность и односторонность, что бѣдняжка истина будетъ равно близка или, лучше сказать, равно далека отъ той и отъ другой, т.-е. какъ разъ окажется на этой пошлой золотой серединѣ. Такъ и въ вопросѣ о пресловутой самобытности или несамобытности нашей экономической исторіи и промышленнаго развитія. Справедливо замѣчаетъ по этому поводу П. Н. Милюковъ, что въ большинствѣ областей жизни „историческое развитіе совершается у насъ въ томъ же направленіи, какъ совершалось и вездѣ въ Европѣ. Это не значитъ, что оно приведетъ въ частности къ совершенно тожественнымъ *результатамъ*, но тожественности мы не встрѣтимъ и между отдѣльными государствами Запада,—каждое изъ нихъ представляетъ *настолько глубокія различія и своеобразія*, что самое подведеніе ихъ подъ одну рубрику „западныхъ государствъ“ можетъ имѣть только весьма *условное* и *относительное* зна-

ченіе“ [1]). Слѣдовательно, нѣтъ какой-то общей, универсальной формы капитализма, черезъ всѣ стадіи развитія которой должна была бы пройти всякая страна въ силу желѣзной экономической необходимости.

И когда теперь намъ настойчиво твердятъ, что Россія должна и должна пойти тѣмъ же путемъ, что и Западная Европа, — то это кажется какимъ-то запоздалымъ отголоскомъ старины, какимъ-то анахронизмомъ. Да и какъ же иначе, когда подобная постановка вопроса настолько же устарѣла, какъ и другая, подобная ей—„быть“ или „не быть“ въ Россіи капитализму? Когда-то и этотъ споръ былъ важнымъ, насущнымъ, животрепещущимъ; онъ волновалъ сердца и умы, изъ-за него было переломано не мало полемическихъ копій. Сильнѣйшіе умы были имъ заняты; Марксъ, „самъ“ Марксъ рѣшилъ его на двое, признавая возможность пойти и въ ту, и въ другую сторону... Но прошли времена... И нѣтъ больше спору о томъ, „быть“ или „не быть“ капитализму—спорятъ лишь о „судьбахъ капитализма въ Россіи“ и судьбахъ Россіи при капитализмѣ. Жизнь непререкаемо рѣшила прежніе вопросы и поставила новые. Прошла эмбріональная фаза капитализма, дифференцировались его различные національные типы—и споръ о путяхъ „Россіи“ и „Запада“ былъ упраздненъ, оставалось лишь анализировать своеобразныя черты различныхъ типовъ и этимъ конкретнымъ анализомъ дополнять абстрактную, „идеально-среднюю“ организацію капиталистическаго производства, построенную Марксомъ. Капитализмъ занялъ въ Россіи свое мѣсто, и, худо ли, хорошо ли, „заработалъ“,—приходилось изслѣдовать результаты его развитія въ спеціальной обстановкѣ Россіи, при данныхъ историческихъ условіяхъ времени и мѣста; приходилось набрасывать „очерки нашего пореформеннаго хозяйства“, изучать „фабрику, что она даетъ населенію и что у него беретъ“.

И опять таки кажется какимъ-то страннымъ анахронизмомъ, когда появляются люди, чрезвычайно гордые тѣмъ

---

[1]) П. Н. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры“, т. I, стр. 220.

обстоятельствомъ, что они не вѣрятъ въ возможность для Россіи миновать стадію капитализма; когда они съ какимъ-то непонятнымъ задоромъ ломятся въ открытую дверь, вызывая на бой ряды прошлыхъ поколѣній, упрекая ихъ въ утопическихъ, несбыточныхъ мечтахъ и выставляя на видъ свою трезвенность и положительность, запоздавшую по крайней мѣрѣ на четверть вѣка... Русскій человѣкъ, говорятъ, вообще заднимъ умомъ очень крѣпокъ. Нѣсколько десятилѣтій спустя ему не трудно быть въ иномъ вопросѣ проницательнѣе самого Маркса, и, какъ дважды два четыре, доказать, что для Россіи и послѣ паденія крѣпостного права не могло быть двухъ путей развитія, двухъ возможностей, а только одна и притомъ именно та, которая случилась. Тѣмъ болѣе, что это, несомнѣнно, гораздо болѣе легкое и простое занятіе, чѣмъ изучать своеобразныя черты нашего доморощеннаго капитализма въ отличіе отъ другихъ, рядомъ существующихъ типовъ...

Намъ совершенно непонятно то полемическое настроеніе, которымъ продиктованы эти запоздалыя нападки на упованія и надежды „поколѣнія семидесятыхъ годовъ“... Конечно, у него было не мало увлеченій, оптимизма, неосновательной вѣры. Преодолѣніе капитализма нерѣдко представлялось нашимъ отцамъ „такъ близко, такъ возможно“... Но, во первыхъ, не будь этой вѣры, по всей вѣроятности, поколѣніе 70-хъ годовъ не сдѣлало бы того, что оно сдѣлало, не смогло бы снести тотъ тяжелый крестъ, который достался ему на долю. Только вѣра въ чрезвычайную близость завѣтной цѣли могла такъ вдохновить, такъ наэлектризовать цѣлое поколѣніе, исполнить его такой жаждой подвига и такими силами для его совершенія. А во вторыхъ... во вторыхъ, надо не забывать, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. И такъ ли велики были ихъ ошибки? Не являются ли, напротивъ, *такія* ошибки обычнымъ достояніемъ самыхъ крупныхъ людей въ пору Sturm-und Drang-Period'овъ? Возьмемъ хотя бы Маркса,—реалиста до мозга костей, котораго нельзя упрекнуть въ недостаточной оцѣнкѣ „объективныхъ условій, независящихъ отъ человѣческой воли и желаній“, И онъ отдалъ дань этой общей человѣческой слабости, и

ему казалось слишкомъ „близко и возможно“ то, что оказалось впослѣдствіи гораздо болѣе далекимъ, и онъ искалъ въ свое время для своей родины—Германіи „иныхъ, болѣе короткихъ путей развитія“... Такъ что современные его послѣдователи вынуждены защищать его отъ упрека въ преувеличеніи скорости темпа историческаго развитія указаніемъ на то, что „тому, кто ясно видитъ цѣль, дорога всегда кажется короче“... [1]).

Поколѣніе 60-70 гг. искало этой болѣе короткой дороги къ цѣли, минуя капитализмъ, черезъ общину и артель. Что суровая дѣйствительность во многомъ насмѣялась надъ ихъ надеждами—неоспоримо. Но это еще не основаніе продѣлывать ту-же ошибку въ противоположномъ направленіи: увлекаться примѣромъ передовыхъ капиталистическихъ странъ и переоцѣнивать реформирующее вліяніе русскаго капитализма. А именно такая переоцѣнка слышится намъ въ извѣстныхъ формулахъ: „русскій буржуа—первый русскій европеецъ“, „признаемъ же нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“.

Мы нисколько не отрицаемъ, что „капитализмъ заключаетъ въ самомъ себѣ и разрушительныя, и созидательныя силы“ [2]), или, согласно другой подобной же формулировкѣ, имѣетъ не только „темныя“, но и „свѣтлыя“ стороны [3]), не только „отрицательныя“, но и „положительныя“ [4]). Но мы, во-первыхъ, во избѣжаніе всякой двусмысленности и всякихъ недоразумѣній, оговариваемся, что „созидательныя“, или „положительныя“ стороны капитализма, собственно говоря, принадлежатъ не капитализму, какъ таковому, т.-е. какъ опредѣленной *формѣ* общественнаго сочетанія силъ,—а самому этому сочетанію силъ, крупному производству, коопераціи, независимо отъ ея *формы*. Положительныя стороны крупнаго производства проявляются не *благодаря* его вре-

---

[1]) Mehring, Gesch. der Deutsch. S. D., Erst. Th., Stutg. 1897, S. 230.

[2]) В. Зубковъ. „По поводу одной статьи въ „Русскомъ Богатствѣ“, „Сѣв. Курьеръ“, № 45.

[3]) В. Богучарскій въ „Нов. Словѣ“, 1897 г., VIII, стр. 122.

[4]) Мы предпочитаемъ эту послѣднюю терминологію, употребляемую и Марксомъ въ I т. „Капитала“.

менной и преходящей капиталистической оболочкѣ, а *несмотря на нее.* Это во-первыхъ. А во вторыхъ, мы не думаемъ, чтобы повсюду, во всѣхъ странахъ и во всѣхъ областяхъ производства, взаимное отношеніе созидательныхъ и разрушительныхъ, отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ капитализма представлялось одинаковымъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ одной универсальной формы капитализма, нѣтъ одинаковаго шаблона для всѣхъ странъ и всѣхъ отраслей промышленности. Напротивъ, въ однихъ—пропорціональное отношеніе положительныхъ сторонъ капитализма къ отрицательнымъ можетъ быть рѣшительно благопріятнымъ, въ другихъ же, наоборотъ, столь же рѣшительно неблагопріятнымъ; въ однѣхъ странахъ, въ однѣхъ отрасляхъ производства, въ силу извѣстныхъ условій, капитализмъ будетъ функціонировать, главнымъ образомъ, какъ паразитъ, въ другихъ—какъ могущественнѣйшій культурный факторъ. Между этими двумя крайностями будетъ лежать цѣлый рядъ промежуточныхъ стадій. Отъ Англіи черезъ Францію и Германію, далѣе черезъ Австрію и Италію къ Россіи—мы имѣемъ цѣлую лѣстницу странъ, расположенныхъ по возрастающимъ степенямъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ капитализма и по убывающимъ степенямъ его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, было-бы наивностью думать, что достаточно явиться въ данной странѣ буржуазно-капиталистическимъ отношеніямъ, чтобы вмѣстѣ съ ними *въ той же самой мѣрѣ* явилась и та „капиталистическая выучка", которая до нѣкоторой степени вознаграждаетъ за то, что „у капитала изо всѣхъ поръ, съ головы до ногъ, сочится кровь и грязь". Нѣтъ, тысячу разъ возможно преимущественное развитіе какъ разъ этихъ мрачныхъ, тѣневыхъ сторонъ капитализма, при относительно минимальномъ развитіи „выучки", т.-е. вообще творческой работы, подготовляющей элементы новой хозяйственной формаціи. Въ этомъ случаѣ получится слѣдующее: капиталистическій паразитизмъ будетъ распространенъ въ данной странѣ, какъ нигдѣ, его сѣтями будетъ опутано все населеніе; но формальное господство капитализма по преимуществу будетъ ограничиваться сферой эксплоатаціи, мало проникая въ сферу

реорганизаціи самаго производства на новѣйшихъ началахъ. Легкость поверхностнаго, внѣшняго подчиненія некапиталистическихъ производителей и высасыванія изъ нихъ жизненныхъ соковъ приведетъ къ тому, что развитіе капитализма будетъ идти болѣе въ ширь, чѣмъ въ глубь, и никогда въ ней не будетъ поздно сказать: „насъ давитъ не только развитіе капитализма, но и *недостатокъ* этого развитія“,—точнѣе недостатокъ развитія его творческихъ сторонъ при избыткѣ разрушительныхъ [1]).

Съ этой точки зрѣнія не меньшей наивностью (и въ силу тѣхъ же причинъ) будетъ и отожествленіе понятій „буржуа“ и „европеецъ“, убѣжденіе, что появленіе и усиленіе буржуазіи должно въ равной мѣрѣ сопровождаться европеизаціей нашей родины. Все это не болѣе, какъ поверхностныя обобщенія, основанныя на самой простой аналогіи съ историческою жизнью наиболѣе передовыхъ изъ западно-европейскихъ государствъ, все это, въ концѣ концовъ, то же шаблонизированье, то же чисто механическое распространеніе свойствъ единичныхъ и даже исключительныхъ явленій на всѣ явленія даннаго рода. Правда, въ свое время въ извѣстныхъ странахъ буржуазія съумѣла блестяще вписать свое имя въ исторію европейской культуры. Но сравнимъ колебанія въ настроеніи буржуазіи по разнымъ странамъ и разнымъ эпохамъ,—и мы констатируемъ фактъ, чуть-ли не имѣющій значенія настоящаго историческаго закона: степень прогрессивности и либерализма буржуазіи—разумѣется, *при прочихъ равныхъ условіяхъ*—оказывается прямо пропорціональной положительнымъ сторонамъ капитализма и обратно-пропорціональной его отрицательнымъ сторонамъ. Несмотря на цѣлый рядъ осложняющихъ вліяній, которыя не могутъ не затемнять чистаго проявленія этого закона, дѣйствительность его довольно ясно выступаетъ изъ самаго непосредственнаго разсмотрѣнія фактовъ.

Обратимся-же къ фактамъ.

---

[1]) Напомнимъ, что къ этому и сводится діагнозъ, поставленный общему ходу нашего хозяйственнаго развитія въ самомъ серьезномъ изслѣдованіи по экономикѣ Россіи,—„Очеркахъ нореформеннаго хозяйства“ г. Николая—она.

II.

Какія условія, по мнѣнію Герца, являются рѣшающими при опредѣленіи типа или характера „національнаго капитализма“?

„На образованіе національнаго капитализма вліяютъ, во-первыхъ, естественныя условія — почвенныя, климатическія, географическія; возможность болѣе легкаго или болѣе труднаго сообщенія, взаимодѣйствіе и комбинація различныхъ природныхъ факторовъ.

„Во-вторыхъ — историческіе моменты: наличность уцѣлѣвшихъ предшествующихъ хозяйственныхъ формъ, сложившагося народнаго характера и народныхъ потребностей, послѣдующее вліяніе различныхъ политическихъ формъ.

„Въ третьихъ—соединеніе обоихъ первыхъ моментовъ, что и представляется самымъ частымъ случаемъ. Вопросы, которые слѣдуетъ соединять съ этимъ, таковы, напр.: существуетъ ли еще въ данной странѣ свободная, незанятая земля, или вся она уже находится въ частномъ владѣніи.

„Свободное мѣновое хозяйство достигаетъ господства при всѣхъ этихъ различныхъ комбинаціяхъ самымъ различнымъ образомъ. На иныя изъ этихъ условій оно простираетъ свое уравнивающее, нивеллирующее вліяніе (интернаціональный моментъ); по отношенію къ упорной живучести другихъ ему остается только одно средство—примѣниться, приспособиться къ нимъ (національный моментъ)...

„Исторически-національные моменты часто только еще обостряютъ давленіе и эксплоатацію такъ называемаго „нормальнаго“ капитализма, подъ которымъ обычно разумѣютъ англійскій“ [1]).

Впрочемъ, Герцъ тотчасъ же оговаривается, что онъ, съ своей стороны, совершенно не признаетъ ни за какимъ видомъ капитализма какой-то особой „нормальности“. Обозначеніе это можетъ вести къ ошибкамъ. Чѣмъ, напр., американскій капитализмъ менѣе „нормаленъ“, нежели англійскій? Гдѣ основанія, по которымъ бы можно было признать какой

---

[1]) Герцъ, op. cit. S. 11—12.

либо изъ существующихъ видовъ капитализма „анормальнымъ“? Такихъ основаній нѣтъ—всѣ виды равно нормальны, равно соотвѣтствуютъ тѣмъ конкретнымъ условіямъ, той мѣстной обстановкѣ, въ которой имъ приходилось развиваться.

Какъ уже упоминалось выше, въ этомъ пунктѣ взгляды Герца вполнѣ сходятся со взглядами Зомбарта, о книгѣ котораго Герцъ, между прочимъ, отзывается съ большой похвалой [1]). Указавъ, что „нормальною“ обычно называютъ эволюцію той страны, въ которой она приняла наиболѣе законченныя, яркія и рѣзкія формы, Зомбартъ говоритъ: „существо ошибки, въ которую впадаютъ при такого рода воззрѣнія, заключается въ томъ, что названіемъ „нормальнаго“ обозначаютъ какъ разъ ненормальнѣйшее изъ когда бы то ни было существовавшихъ направленій эволюціи; потому что соціальное развитіе Англіи могло сложиться такъ, какъ оно сложилось, именно только благодаря цѣлому ряду совершенно особенныхъ, изъ ряду вонъ выходящихъ условій... Если мы примемъ за объективный масштабъ „нормальности“ развитія средній, нормальный ходъ современной капиталистической эволюціи—а это на самомъ дѣлѣ единственный масштабъ, находящійся въ нашемъ распоряженіи,—то съ гораздо бо́льшимъ правомъ можно будетъ даже сказать: на континентѣ развитіе является нормальнымъ, а въ Англіи—ненормальнымъ. Но мнѣ думается, что для науки было бы приличнѣе вовсе покинуть эту классификацію эволюціи на „нормальныя“ и „ненормальныя“,—а вмѣсто этого лучше обратиться къ изслѣдованію причинъ, благодаря которымъ въ разныхъ странахъ возникли различныя конкретныя формы, въ которыхъ воплотилась эволюція общества“ [2]).

Для Англіи причины эти извѣстны. Это, во-первыхъ, ея островное положеніе. Оно, съ одной стороны, безконечно облегчало торговыя сношенія съ прочими странами, содѣйствуя широкому развитію парового транспорта; съ другой стороны, это островное положеніе служило естественной обо-

---

[1]) „Die Agrarischen Fragen“, S. 11.
[2]) „Die Bewegung im XIX Jahrh.“, S. 24—25.

роной страны отъ внѣшнихъ враговъ, сберегало для производительной дѣятельности массу силъ, которыя иначе были бы поглощены милитаристической организаціей. Эти благопріятныя условія оказывали, кромѣ того, существенное косвенное дѣйствіе, не мало способствуя выработкѣ независимаго, гордаго и энергическаго характера британца,—черты національнаго характера, съ необыкновенной яркостью запечатлѣвшіяся въ безсмертныхъ драмахъ Шекспира. И недаромъ онъ, устами одного изъ своихъ героевъ, вдохновенно воспѣваетъ

этотъ островъ, царственно-могучій,
Самой природой созданную крѣпость
Противу войнъ и всяческой заразы,
Счастливѣйшее племя, въ маломъ—міръ,
Роскошный перлъ въ сверкающей оправѣ
Серебрянаго моря, для него
Служащей и стѣной, и рвомъ надежнымъ,
На зависть всѣхъ, не столь счастливыхъ странъ.

Во-вторыхъ, надо указать нѣкоторыя почвенныя условія, въ особенности богатыя залежи каменнаго угля, послужившія на долгое время основой развитія фабрично-заводскаго дѣла въ Англіи. Въ-третьихъ—комбинація этихъ природныхъ и историческихъ условій, которая привела къ болѣе раннему выступленію Англіи на путь капиталистическаго развитія, доставила ей возможность ранѣе другихъ захватить свободные рынки и обезпечила за нею надолго „монопольное положеніе въ міровой промышленности“ [1]). Общій типъ промышленнаго развитія Англіи, благодаря этому, характеризуется наибольшимъ перевѣсомъ положительныхъ, творческихъ сторонъ капитализма надъ отрицательными, разрушительными, и чѣмъ болѣе развивался англійскій капитализмъ, тѣмъ болѣе развивалась и эта его характерная черта. Въ эпоху „первоначальнаго накопленія“, первыхъ шаговъ капитализма на пути расчищенія себѣ почвы и отлученія (часто насильственнаго) непосредственныхъ производителей отъ орудій производства — въ эту эпоху промышленное развитіе Англіи представляло больше всего сходныхъ чертъ съ ка-

---

1) Зомбартъ, op. cit., S. 29.

питалистическимъ развитіемъ другихъ государствъ; но, по мѣрѣ достиженія имъ эпохи зрѣлости, сильнѣе проявлялись черты его своеобразія, оригинальности. Надо далѣе замѣтить, что такъ какъ Англія раньше другихъ странъ выступила на путь капиталистическаго развитія, то и самый процессъ преобразованія формъ производства растянулся въ ней на бо́льшій періодъ времени, могъ идти наиболѣе ровно и постепенно (поскольку можно говорить о ровности въ примѣненіи къ капиталистическому строю, основная черта котораго—извѣстная порывистость и непостоянство). Не нужно было сразу переходить отъ первобытныхъ способовъ производства къ послѣднему слову новѣйшей техники, какъ это пришлось позднѣе отсталымъ странамъ; не такъ быстро, слѣдовательно, шло вытѣсненіе человѣка машиной; дать вытѣсняемымъ занятіе путемъ расширенія производства и основанія новыхъ предпріятій было не такъ трудно, и приращеніе рынковъ требовалось для этого не столь внезапное и большое, чтобы удовлетвореніе этой потребности сдѣлалось слишкомъ затруднительнымъ. Конечно, дѣло шло и здѣсь далеко не безъ шероховатостей и задержекъ; но въ общемъ, взятый во всемъ своемъ цѣломъ, процессъ капиталистическаго развитія страны совершался при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Созданіе новыхъ источниковъ существованія массъ не отставало, а скорѣе обгоняло и разрушеніе старыхъ „устоевъ“ ихъ жизни, и приростъ населенія. Въ результатѣ—промышленный расцвѣтъ, ростъ спроса на трудъ, относительно незначительная безработица, и, наконецъ, „склонность и способность предпринимателя, загребающаго большіе барыши, лучше оплачивать наемный трудъ, такимъ образомъ, до извѣстной степени дѣлясь съ рабочимъ сыплющимся на промышленность золотымъ дождемъ“ [1]). Отсюда—maximum довольства и спокойствія массъ, maximum прочности всѣхъ общественныхъ связей, несмотря на крайнее развитіе капитализма, а слѣдовательно, и классовыхъ противоположностей. Конечно, рабочіе не могли не бороться съ хозяевами изъ-за рабочаго дня, заработной платы и т. п.; но

[1]) Зомбартъ, op. cit. S. 29.

борьба эта легче улаживалась на почвѣ взаимныхъ уступокъ и соглашеній [1]). Имѣя всегда синицу въ рукахъ, рабочія массы въ Англіи меньше думали о журавлѣ въ небѣ, меньше увлекались планами всеобщаго и радикальнаго переустройства всѣхъ общественныхъ отношеній; рабочее движеніе стало носить отпечатокъ практичности, иногда слишкомъ узкой, вошло въ колею профессіональнаго, трэдсъ-юніонистскаго движенія, и—въ противоположность рабочему движенію континента—не только потеряло свой противогосударственный характеръ, но даже оказывалось, порой наилучшимъ оплотомъ противъ всякихъ увлеченій.

Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, приходилось англійской буржуазіи бояться „краснаго призрака“; персонифицируя всѣ блага промышленнаго расцвѣта, она болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могла здѣсь отождествлять свои интересы съ интересами всей страны; здѣсь ей было легче, чѣмъ гдѣ-либо, найти себѣ и союзниковъ въ различныхъ классахъ общества, и безкорыстныхъ, талантливыхъ и убѣжденныхъ „идеологовъ“—защитниковъ изъ міра людей мысли. Чувствуя, такимъ образомъ, подъ своими ногами твердую почву, англійская буржуазія прежде всего отличается однимъ качествомъ—солидностью. Она преисполнена спокойнымъ сознаніемъ силы и чувствомъ собственнаго достоинства. Ея моральное вліяніе, прочные корни, которые пущены ею въ экономической жизни страны, ея образованность и культурность—все заставляетъ ее твердо держаться за свободныя учрежденія; и въ de jure монархической Англіи эти учрежденія на практикѣ давно являются гораздо болѣе прочными и дѣйствительными, чѣмъ въ республиканской Франціи. Правда, англійская буржуазія заражена шовинизмомъ; но этотъ шовинизмъ естественъ, прежде всего потому, что для нея нужны внѣшніе рынки; погоня

---

[1]) „Третейскіе суды и примирительныя камеры являлись очень полезнымъ средствомъ для избѣжанія стачекъ... крайне невыгодныхъ въ то время, когда условія рынка складывались вполнѣ благопріятно и каждый день работы обѣщалъ хорошій барышъ“... (Зомбартъ, op. cit. S. 30). Для дальнѣйшей характеристики Франціи любопытно замѣтить, что законъ о третейскихъ судахъ и примирительныхъ камерахъ въ ней до самаго послѣдняго времени оставался мертвою буквой.

за ними—необходимое условіе ея существованія. Но этотъ шовинизмъ дѣлитъ съ буржуазіей чуть-ли не вся нація. И не удивительно. Почти все населеніе Англіи живетъ и кормится около крупной промышленности и за ея счетъ; судьбы его тѣсно связаны съ судьбами англійскаго экспорта, и всякій ударъ, нанесенный ему на международномъ рынкѣ, былъ бы въ то же время рѣшительнымъ ударомъ благосостоянію рабочихъ массъ. Итакъ, какъ бы ни была несимпатична внѣшняя политика, направляемая англійской буржуазіей, послѣдняя внутри страны, во внутреннихъ отношеніяхъ является крупнѣйшей культурно-политической силой. Она въ полной мѣрѣ обладаетъ хладнокровіемъ, свойственнымъ всякой настоящей силѣ, и потому никогда не прочь отъ своевременныхъ уступокъ духу времени. Ей чуждо лихорадочное стремленіе отчаяннаго игрока поставить всю свою судьбу въ зависимость отъ одной шальной ставки. Нѣтъ, политическая игра англійской буржуазіи—игра серьезная, обдуманная и осторожная; поистинѣ, нигдѣ въ такой степени не оцѣнено значеніе компромисса, какъ въ Англіи [1]).

Наконецъ, въ томъ же смыслѣ имѣло немаловажное значеніе для Англіи еще одно, чисто историческое условіе—наличность сильной поземельной аристократіи, оставшейся въ наслѣдство отъ норманскаго завоеванія и установившагося вслѣдъ за нимъ феодальнаго порядка. Порядокъ этотъ такъ глубоко пустилъ корни, что капитализмъ не могъ его совершенно уничтожить, не могъ добиться неограниченной свободы мобилизаціи земельной собственности и долженъ былъ приспособиться ко всѣмъ этимъ майоратамъ, фидеикомиссамъ и другимъ бастіонамъ лэндлордизма. Уже Марксъ отмѣтилъ, что проистекающій отсюда традиціонный антагонизмъ между буржуазіей и аграріями, вигами и торіями, много способствовалъ постепенному улучшенію положенія рабочаго класса. И тѣ, и другіе должны были заигрывать съ нимъ, чтобы привлечь его на свою сторону. При этомъ

---

[1]) Ср. характерное въ этомъ отношеніи соч. Дж. Морлея „О компромиссѣ“ (есть русскій переводъ).

естественно, что тори, дѣйствуя въ подрывъ вигамъ, выдвигали на первый планъ развитіе фабричнаго законодательства, а виги мстили аграріямъ—тори, принимая подъ свое покровительство „бѣднаго земледѣльческаго рабочаго". Въ этомъ антагонизмѣ заключается не послѣдній двигатель всего англійскаго прогресса.

Картина сильно мѣняется, когда мы переходимъ къ Франціи. Въ ряду великихъ державъ она является второй по времени выступленія на путь буржуазно-капиталистическаго развитія. Ей пришлось, поэтому, съ перемѣннымъ счастьемъ выдержать главную часть борьбы за промышленное преобладаніе съ Англіей, борьбы въ одиночку, т.-е. при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. На ея долю досталось наибольшее число ударовъ отъ могучей соперницы. Поперемѣнныя удачи и неудачи въ этой борьбѣ составляютъ одинъ изъ важныхъ элементовъ порывистаго и непостояннаго развитія Франціи. Эпохи промышленнаго расцвѣта нерѣдко смѣнялись въ ней эпохами такихъ длительныхъ и суровыхъ кризисовъ, во время которыхъ совершенно улетучивались всѣ блага капитализма и во всей мрачной наготѣ возставали его отрицательныя и разрушающія стороны. Сильные промышленные кризисы бывали постоянными предтечами всѣхъ кровавыхъ переворотовъ, которые переиспытала Франція [1]).

Въ промышленной борьбѣ между Англіей и Франціей противники били другъ друга не только рублемъ, но и дубьемъ. Такъ, Англія пользуется великой французской революціей и войной республики съ монархической Европой для того, чтобы блокадой французскихъ береговъ убить внѣшнюю торговлю своего врага. Но извѣстно, что „капиталистическое производство вообще не существуетъ безъ внѣшней торговли" [2]). Во Франціи разражается ужасный

---

[1]) Ср. примѣры въ „Klassenkämpfe in Frankreich", S. 4. (Einleitung). „Die Welthandelskrise von 1847 die eigentliche Mutter der Februar-und Märsrevolutionen gewesen war..." „...Die seit Mitte 1848 allmälig wider eingetretene, 1849 und 1850 zur vollen Blüthe gekommene industrielle Prosperität die belebende Kraft der neuerstarkten europäischen Reaktion war. Das war entscheidend".

[2]) „Капиталъ", т. II, стр. 359.

экономическій кризисъ; онъ вызываетъ крайнее обостреніе всѣхъ общественныхъ отношеній, стремленіе всѣхъ соціальныхъ группъ завладѣть государственной машиной, ожесточенную борьбу за власть, конечную побѣду самыхъ крайнихъ элементовъ, представляющихъ интересы голодной улицы,— таксу на съѣстные припасы и объявленіе чуть ли не всѣхъ богатыхъ врагами отечества... Буржуазія ударяется въ реакцію и бросается въ объятія военной диктатуры. Наполеонъ I поправляетъ до нѣкоторой степени дѣло; отмстивъ Англіи континентальной системой, онъ улучшаетъ для Франціи условія сбыта и возстановляетъ соціальный миръ внутри Франціи. Но англійскія деньги неустанно работаютъ надъ созданіемъ новыхъ и новыхъ коалицій противъ могучаго врага—континентальная система и основанная на ней искусственная монополія Франціи трещитъ по всѣмъ швамъ отъ гигантскаго развитія контрабанды, прямого уклоненія многихъ правительствъ отъ выполненія своихъ обязательствъ и т. д. Наконецъ, побѣдительницей въ этой вѣковой борьбѣ выходитъ — не Франція, растерявшая значительную часть своихъ колоній, и до сихъ поръ не безъ страха отступающая передъ Англіей гдѣ-нибудь въ Фашодѣ...

Неудачѣ этой борьбы, думается намъ, въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ приписать и тотъ фактъ, что во Франціи преимущественно развились тѣ отрасли промышленности, которыми не занималась Англія. А это, со своей стороны,— согласно остроумной гипотезѣ Зомбарта — наложило глубокую печать на характеръ значительной массы французскаго промышленнаго населенія.

„Значительная часть специфически французской промышленности, благодаря свойственной ей организаціи въ небольшія мастерскія (ateliers), все еще носитъ характеръ мелкаго производства, — полу-ремесленный характеръ... въ значительной мѣрѣ это, такъ сказать, „художественная“ индустрія. Такова, напримѣръ, ліонская шелковая промышленность, таковы многочисленныя отрасли парижской индустріи, занятыя изготовленіемъ предметовъ роскоши. Она стоитъ въ рѣзкой противоположности съ крупнымъ массовымъ производствомъ (Stapelindustrie) Англіи—каменноуголь-

ной, желѣзодѣлательной, хлопчатобумажной промышленностью. Французскій рабочій, ouvrier, въ Ліонѣ прямо такъ и называемый „maître ouvrier“, благодаря такому направленію и организаціи многочисленныхъ отраслей производства Франціи, носитъ гораздо болѣе индивидуалистическій, слѣдовательно, мелкобуржуазный оттѣнокъ, чѣмъ пролетарій другихъ странъ“.

Этимъ, по мнѣнію Зомбарта, слѣдуетъ объяснить, во-первыхъ, то сильное вліяніе, которое мелкая буржуазія имѣла на пролетарское движеніе во Франціи. Тѣмъ же вліяніемъ мелкобуржуазнаго строя Франціи, по мнѣнію Зомбарта, слѣдуетъ объяснить большую распространенность въ ней ученій, соединяющихъ крайній соціальный радикализмъ со столь же крайнимъ и рѣзко выраженнымъ индивидуализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, естественно, что въ то самое время, когда рабочій крупной, колоссальной промышленности считаетъ вполнѣ практичнымъ и осуществимымъ только замѣщеніе частнаго предпринимателя реформированнымъ государствомъ,— рабочій мелкой промышленности болѣе вѣритъ въ мелкую производительную ассоціацію, свободную и независимую отъ всякаго давленія „сверху“. Естественно, что главной задачей при этомъ и выдвигается уничтоженіе этого давленія, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, и того историческаго элемента, отъ котораго оно можетъ исходить. Далѣе, тѣмъ же мелкобуржуазнымъ строемъ Франціи, по его мнѣнію, слѣдуетъ объяснить и малую способность французскаго пролетаріата къ широкой, массовой организаціи, его узко-сектантскій духъ, склонность раздробляться на мелкія фракціи, кружки и клубы, дающіе такъ много мѣста игрѣ личныхъ самолюбій маленькихъ диктаторовъ, политическихъ величинъ, которыя дивятъ „свой только муравейникъ“. Исторія французскихъ рабочихъ партій чуть не сплошь является исторіей проистекающихъ отсюда мелочныхъ дрязъ, интригъ и раздоровъ, часто едва прикрываемыхъ фиговымъ листкомъ „принципіальныхъ разногласій“.

Далѣе, во Франціи приходится учесть вліяніе еще одного, очень важнаго обстоятельства историческаго характера. Какъ мы уже видѣли, въ Англіи антагонизмъ между индустрі-

альной буржуазіей—вигами—и поземельной аристократіей—тори—сильно способствовалъ улучшенію положенія рабочаго класса и мирному, постепенному характеру развитія страны. Во Франціи же великая революція 1789 г. съ корнемъ вырвала значительную часть феодальнаго дворянства, раздробила латифундіи, пустила ихъ съ аукціона и, такимъ образомъ, радикально перемѣнила личный составъ французскаго землевладѣнія. Но этимъ самымъ она поставила передъ французскимъ пролетаріатомъ вмѣсто двухъ взаимно антагонистичныхъ силъ—одну буржуазную массу. Борьба должна была идти одинъ на одинъ, и немудрено, что при матеріальной и организаціонно-политической раздробленности французскаго пролетаріата передовые кружки и группы пріобрѣтаютъ склонность къ заговорщической тактикѣ... Бланкизмъ [1]) такое же специфическое порожденіе французской жизни, какъ прудонизмъ или другія школы „libertaire'овъ".

Если мы сюда еще прибавимъ страстный, увлекающійся темпераментъ романской расы [2]) и слѣды вліянія старой „системы опеки", великолѣпно формулированной въ извѣстной фразѣ: „государство—это я", то намъ будутъ ясны всѣ важнѣйшіе составные элементы типа соціальнаго движенія Франціи, вѣчно конвульсивнаго, вѣчно возбужденнаго, непостояннаго, то вспыхивающаго яркимъ фейерверкомъ, то моментально угасающаго при встрѣчѣ съ серьезными препятствіями...

Въ связи съ этимъ интересна и общая характеристика французской буржуазіи, данная однимъ вдумчивымъ наблюдателемъ западно-европейской жизни:

---

[1]) Здѣсь я разумѣю не современную группу Вальяна — сильно слинявшіе осколки стараго бланкизма—а общій методъ дѣйствія, которому Бланки далъ свое имя.

[2]) І. Ле-Бонъ въ своей „Psychologie du socialisme" тяготѣетъ даже къ мысли, что существуетъ столько же соціализмовъ, сколько расъ, и въ особенности налегаетъ на различія между латинскою и англосаксонскою расами. Преувеличенія и поверхностность этой книжки, какъ справедливо указываетъ Сорель, тѣсно связаны съ тѣмъ, что ея психологическія опредѣленія извлечены крайне односторонне, изъ наблюденій надъ дирижирующими, привилегированными слоями современныхъ націй.

„Буржуазія Франціи представляется мнѣ одной изъ самыхъ талантливыхъ и энергичныхъ буржуазій Европы. Она привыкла къ господству, выработала солидныя качества для защиты этого господства. И въ то же время она обладаетъ, такъ сказать, „общественными талантами", прикрывающими черезчуръ грубыя формы ея владычества: наука, искусство, техника находятся до сихъ поръ подъ ея сильнымъ вліяніемъ.

„Вообще она свободолюбива, гораздо свободолюбивѣе нѣмецкой, итальянской буржуазіи, хотя видитъ въ этой свободѣ прежде всего возможность проводить свою точку зрѣнія, проводить свои интересы, подавлять враждебные элементы: отсюда обвиненіе въ якобинствѣ, которое представители стараго стиля бросаютъ ей въ лицо. Ни одна буржуазія не отличается и такою жестокостью въ подавленіи народныхъ возстаній. Въ противоположность англійской практической буржуазіи, она заходитъ на этомъ пути гораздо дальше, чѣмъ даже подсказываетъ ей непосредственный интересъ... Трудно предположить, чтобы при столкновеніи ея правъ съ правами пролетаріата она пошла на компромиссъ, на важныя уступки безъ самой ожесточенной борьбы (какъ это можно ожидать, наоборотъ, отъ болѣе хладнокровной англійской буржуазіи); она скорѣе рискнетъ потерять все, чѣмъ уступить хоть что-нибудь.

„Съ этимъ-то и связано ея инстинктивное скрытое тяготѣніе къ диктатурѣ, а стало быть, при условіяхъ, существовавшихъ доселѣ,—и къ цезаризму. Къ нему она прибѣгаетъ въ критическіе моменты, чтобы поправить „игру свободныхъ учрежденій", чтобы силой пріостановить, даже, если можно, разбить часы исторіи, разъ ей покажется, что они забѣгаютъ слишкомъ впередъ ея строя жизни. Не удастся ей задушить врага въ рамкѣ „справедливыхъ законовъ",—она можетъ кинуться въ объятія Наполеона I, Наполеона III". [1])

Эта яркая, прекрасная характеристика французской буржуазіи ясно намѣчаетъ и черты ея превосходства надъ буржуазіями Германіи, Австріи, Италіи, и тѣ черты, въ кото-

---

[1]) Н. Кудринъ. „Письмо изъ Франціи", „Русск. Бог." 1895, № 11.

рыхъ она, наоборотъ, уступаетъ англійской. Послѣдующее изложеніе должно еще болѣе усугубить это впечатлѣніе яркости отличій.

Теперь мы переходимъ къ Германіи. Выше уже было сказано, что на первыхъ ступеняхъ развитія промышленности въ странѣ бываетъ трудно распознать *типъ* будущаго развитого капиталистическаго хозяйства. Всѣ эмбріональныя формы слишкомъ расплывчаты и неопредѣленны. Не мудрено, что Марксъ, при всей его проницательности, могъ схватить только одну сторону вопроса о „судьбахъ капитализма въ Германіи", именно, ту, что Германія не можетъ разсчитывать на такой же гладкій и ровный путь развитія, какъ и Англія. Марксъ слишкомъ увлекся этой стороной и впалъ въ крайность, утверждая, что для Германіи весьма вѣроятенъ слѣдующій исходъ—она испытаетъ „всѣ страданія современнаго развитія безъ его благъ и наслажденій", и въ одно прекрасное утро она увидитъ себя на уровнѣ европейскаго паденія, безъ того, чтобы когда бы то ни было находиться на уровнѣ европейской эмансипаціи" [1]).

Марксъ исходилъ при этомъ изъ совершенно правильной точки зрѣнія, которую не всегда понимаютъ его послѣдователи. Онъ отнюдь не признавалъ одного шаблона для капиталистическаго развитія всѣхъ странъ, одинаковаго уровня развитія отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ капитализма повсюду. Марксъ только преувеличилъ быстроту темпа экономическаго развитія и потому ошибся въ данномъ конкретномъ случаѣ приложенія совершенно безукоризненной общей точки зрѣнія. Отсюда и ложные выводы для практики. Позднѣе Энгельсъ рѣшительно и откровенно призналъ, что Марксъ и онъ впали въ ошибку.

„Исторія доказала намъ и всѣмъ, кто думалъ такъ же, какъ и мы, что мы были неправы"—читаемъ мы въ одной изъ предсмертныхъ работъ Энгельса [2]). „Она выяснила, что положеніе экономическаго развитія на континентѣ тогда еще

---

[1]) Цитирую по Мерингу, вышеупомянутое сочиненіе, т. I, стр. 126.

[2]) Einleitung къ „Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850". Berlin 1895 г., S. 8. Это вступленіе помѣчено 6-мъ марта 1895 года.

далеко не было созрѣвшимъ для устраненія капиталистическаго строя; она доказала это тѣмъ экономическимъ переворотомъ, который охватилъ послѣ 1848 г. весь континентъ, даровалъ крупной индустріи дѣйствительное право гражданства во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ, наконецъ, и въ Россіи, а изъ Германіи сдѣлалъ прямо таки индустріальную страну перваго ранга,—и все это на капиталистическомъ основаніи, которое, слѣдовательно, въ 1848 г. было еще весьма способнымъ къ расширенію". Не однѣ отрицательныя, но и положительныя стороны капитализма могли еще въ достаточной, хотя и послѣдовательно уменьшающейся степени сказаться на многихъ странахъ.

Если сравнить германскую индустрію съ англійской и французской, то несомнѣнно, что она ближе подойдетъ къ типу первой. Отличіе прежде всего придется отмѣтить въ томъ, что Германія никогда не могла и мечтать хотя бы о самой кратковременной монополіи на всемірномъ рынкѣ. Времена этой монополіи даже для самой Англіи все болѣе и болѣе отодвигаются въ глубокую даль невозвратнаго прошлаго. Итакъ, развивая крупную промышленность по англійскому типу, Германія создавала основу для столь же сплоченнаго и организованнаго рабочаго движенія, какъ въ Англіи; но не обладая тѣмъ исключительнымъ перевѣсомъ положительныхъ сторонъ капитализма надъ отрицательными, который характеризуетъ эту послѣднюю, Германія не давала своему рабочему классу соблазновъ уйти въ узкую политику настоящей минуты, ближайшихъ интересовъ „здороваго эгоизма"; поэтому формы, въ которыя вылилось движеніе, оказались совершенно иныя [1]). Германіи приходилось выступить на путь капиталистическаго развитія уже тогда, когда онъ сдѣлался торною дорогой и когда на немъ тѣснилось уже множество конкуррентовъ. Протиснуться среди нихъ было дѣломъ нелегкимъ, и если вообще вѣрна пословица, что „въ дракѣ шкуры не жалѣютъ", то тѣмъ болѣе

[1]) Профессіональная, чисто экономическая организація рабочаго класса всегда сильно отставала отъ политической, и только въ послѣднее время обращаетъ на себя больше вниманія, чѣмъ прежде.

молодому германскому капитализму не приходилось въ пылу борьбы жалѣть шкуру рабочаго класса, выносившаго на своей спинѣ все это „промышленное процвѣтаніе“. Это, конечно, не могло не настраивать послѣдняго на болѣе радикальный ладъ.

Съ другой стороны, болѣе позднее выступленіе Германіи на путь промышленнаго развитія представляло и нѣкоторую своеобразную выгоду: ей не пришлось на первыхъ же порахъ выдержать что нибудь вродѣ того же промышленнаго поединка съ Англіей, отъ котораго въ свое время такъ пострадала Франція. Кромѣ Германіи, въ это время не только Франція, Италія, Бельгія, Австро-Венгрія, Россія, но и молодыя капиталистическія государства другихъ частей свѣта, какъ Соединенные Штаты и Японія, также потянулись за рынками, и Англіи уже приходилось идти на уступки, дѣлиться и размежевываться со всѣми. Отсюда, по крайней мѣрѣ, вытекала бо́льшая ровность и постоянство условій промышленнаго развитія, чѣмъ это было для Франціи. Нельзя кстати не замѣтить, что въ полномъ соотвѣтствіи съ этою ровностью и постоянствомъ дѣйствовали національно-расовыя черты германскаго характера — извѣстная выдержанность, хладнокровіе и методичность, то, что обычно сходитъ за пресловутую „нѣмецкую аккуратность“. Въ извѣстномъ письмѣ Г. Лопатина, передающемъ его разговоръ съ Энгельсомъ преимущественно о русскихъ дѣлахъ, приведенъ отзывъ Энгельса объ этой чертѣ нѣмцевъ: „Нѣмцы совершенно лишены революціонной *инціативы*. По своему, дѣло идетъ у нихъ прекрасно. Но ждать отъ нихъ почина нечего, Они могутъ быть подтолкнуты на революціонный путь только другими народами, въ данный историческій моментъ — Россіей“, благодаря которой у нихъ „по своему дѣла идутъ прекрасно“, но которые нуждаются въ періодическихъ внѣшнихъ встряскахъ, ибо у нихъ абсолютно отсутствуетъ революціонная иниціатива. Аналогичные отзывы мы неоднократно встрѣчаемъ и въ письмахъ Энгельса къ Ф. А. Зорге, вотъ нѣсколько примѣровъ. „Развитіе англо-саксонской расы съ ея старо-германской свободой идетъ своеобразно, медленно и зигзагообразно..“ „Англо-саксонская раса — эти проклятые

шлезвигъ-гольштинцы, какъ Марксъ ихъ всегда называлъ,— и безъ того тяжело ворочаетъ мозгами, а ея европейская и американская исторія (экономическій прогрессъ и преобладающее мирное развитіе въ политическомъ отношеніи) еще болѣе способствовала развитію этого ея качества“ [1]).

Теперь слѣдуетъ отмѣтить еще своеобразную комбинацію привходящихъ моментовъ чисто-историческаго характера. Съ одной стороны, Германію отличала отъ Франціи и сближала съ Англіей наличность антагонизма между старымъ феодальнымъ „юнкерствомъ“ и новорожденною буржуазіей. Но, съ другой стороны, въ ней былъ и кромѣ рабочаго класса еще одинъ элементъ, который могъ для своего укрѣпленія использовать этотъ антагонизмъ. То была сильная монархическая власть, выдвинутая необходимостью патріотической борьбы за пангерманское объединеніе.

При первыхъ же проблескахъ либерально-буржуазной оппозиціи, политическій тактъ Бисмарка сразу нашелъ самый простой и вѣрный путь подорвать ее въ самомъ корнѣ. Германская буржуазія не могла имѣть тѣхъ корней въ массахъ населенія, какъ англійская, и къ тому же на нее не могъ не дѣйствовать устрашающимъ образомъ примѣръ Франціи, гдѣ буржуазіи уже не разъ приходилось сводить кровавые счеты со своимъ историческимъ наслѣдникомъ. И вотъ дарованное Германіи сверху всеобщее и прямое избирательное право выдвигаетъ на широкую арену политической жизни рабочую партію и ставитъ буржуазію между двухъ огней. Кризисъ буржуазнаго либерализма не заставляетъ себя долго ждать,—блудный сынъ возвращается подъ родительское крыло, и осуществляется знаменитый „картель“ партій порядка подъ верховнымъ покровительствомъ центральной власти, умѣло балансирующей между интересами аграріевъ и крупныхъ фабрикантовъ, и примиряющей ихъ—порою не безъ труда—различными подачками то въ ту, то въ другую сторону.

Со своей стороны, рабочая партія, получивъ, довольно неожиданно для себя, почти безъ всякой борьбы, даромъ, свободный доступъ въ парламентъ, поспѣшила использо-

[1]) Письма І. Ф. Беккера, І. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. къ Зорге. Изд. П. Г. Даугре, С.П.Б. 1907, стр. 436.

вать новую позицію и быстро увеличивала свою численность. Чтобы не подавать повода вновь отнять у рабочихъ это драгоцѣнное право участія въ управленіи, въ ея интересахъ было строго ограничиваться легальной парламентской работой. „Наши дѣла идутъ гораздо лучше съ помощью законныхъ средствъ, чѣмъ съ помощью незаконныхъ“... „На почвѣ законности мы пріобрѣтаемъ силу, мы процвѣтаемъ (pralle Muskeln und rothe Backen bekommem) и не предвидимъ конца своему существованію“—таковы характерные отзывы бывшаго революціонера 48 года, Энгельса [1]). Такимъ образомъ, движеніе по своему духу явилось синтезомъ англійскаго и французскаго: въ теоріи, въ постановкѣ конечныхъ цѣлей—радикализмъ французовъ, въ практической политикѣ—эволюціонизмъ, если угодно, даже оппортунизмъ англичанъ [2]). Даже „исключительные законы“, какъ коррелативъ ко всеобщему избирательному праву, проведенные усиліями „картеля“, не могли выбить рабочую партію изъ ея неуязвимой легальной позиціи и рухнули, не достигнувъ цѣли. Ростъ рабочей партіи принялъ размѣры, не предвидѣнные хитроумной тактикой Бисмарка, и единственнымъ ея выигрышемъ было то, что клинъ между либерально-манчестерской буржуазіей и пролетаріатомъ былъ вбитъ еще глубже, еще прочнѣе. И теперь въ рабочей средѣ твердо вкоренилось убѣжденіе, что „германское бюргерство сдѣлалось слишкомъ малодушнымъ и неразвитымъ, чтобы провести свои буржуазно-демократическія требованія. Тѣ самыя требованія, которыя сдѣлались въ Англіи и Франціи законами, германское бюргерство было неспособно осуществить; теперь за малыми исключеніями, оно вовсе отъ

[1]) Die Klassenkämpfe ets ss. 17—18.

[2]) „Bis zu einem gewissen Grade sind wir Alle Opportunisten“—изъ рѣчи Бебеля, см. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Hannover, Berlin 1899, s. 125. Ср. также отзывъ Конрада Шмидта въ анкетѣ по поводу Ганноверскаго партейтага, предпринятой берлинскими „Monatshefte“ (1899, Heft XII, December): „In dem ganz allgemeinen Sinne, dass unsere Politik mit den in der jeveiligen ökonomisch-politischen Lage gegebenen Möglichkeiten rechnen, dass unsere Taktik, um überhaupt etwas zu erreichen, diesen Möglichkeiten sich anpassen muss — ist natürlich die ganze Partei opportunistisch oder possibilistisch“.

нихъ отказывается". Отсюда практическій выводъ: „поэтому, мы всегда съ гордостью подчеркивали, что въ Германіи мы имѣемъ двойную задачу—кромѣ нашей основной цѣли, еще исполнить тѣ задачи, которыя въ другихъ странахъ исполнила буржуазія" [1]).

Эту отсталость германской буржуазіи Энгельсъ въ предисловіи къ „Der deutsche Bauernkrieg" объяснялъ тѣмъ, что „нѣмецкая буржуазія имѣла несчастіе по излюбленной нѣмецкой манерѣ придти слишкомъ поздно. Ея расцвѣтъ приходится какъ разъ на періодъ, когда буржуазія всѣхъ западноевропейскихъ странъ начинаетъ политически регрессировать" [2]). То же читаемъ мы у Маркса въ его „Die moralisirende Kritik und die kritische Moral", направленной противъ К. Гейнцена: „Германская буржуазія такъ сильно запоздала, что начинаетъ свою борьбу съ абсолютной монархіей и пытается основать свое политическое преобладаніе въ тотъ самый моментъ, когда во всѣхъ передовыхъ странахъ буржуазія уже вступила въ ожесточенную борьбу съ рабочимъ классомъ, и когда ея политическія иллюзіи въ европейскомъ сознаніи уже пережиты... Нѣмецкая буржуазія уже оказывается противопоставленной пролетаріату, прежде чѣмъ онъ успѣлъ политически конституироваться, какъ классъ". Уроки чужой исторіи висятъ надъ ней кошмаромъ съ самаго дѣтства. „Господа буржуа знаютъ, что чернь становится въ революціяхъ слишкомъ дерзкой, и потому пытаются, какъ только могутъ, мирнымъ путемъ, безъ революціи, превращать абсолютную монархію въ буржуазную" [3]).

Отсюда она „склонна съ самаго начала къ измѣнѣ народу и къ компромиссу съ вѣнценоснымъ представителемъ стараго общества" (ib., III, 213), „безконечно боязливѣе, чѣмъ англійская и французская, готова дрожа покинуть поле битвы, какъ только является хоть малый шансъ „возвраще-

---

[1]) См. Protokoll über Verhandlungen des Parteitages zu Halle, Berlin 1890, s. 164 (изъ p. Liebknesht'a); Prot. üb. Verh. des Part. zu Hannover, Berlin 1899, ss. 154—155 (тоже).

[2]) Vorbemerkung, s. 7.

[3]) „Aus dem litterarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels u. F. Lassale", B. II, u. s. 469—470.

нія анархіи"; т.-е. дѣйствительной, рѣшительной борьбы". (ib. 291).

И во Франціи буржуазія переживала приступы реакціонной лихорадки, но между той и другой большая разница. „Во Франціи буржуазія становилась во главѣ контръ-революціи уже послѣ того, какъ низвергала всѣ заставы, стоявшія поперекъ дороги къ господству ея собственнаго класса. Въ Германіи же она плетется униженно въ хвостѣ у абсолютной монархіи и феодализма, хотя она еще не обезпечила себѣ самыхъ элементарныхъ условій гражданской свободы. Во Франціи она выступала, какъ деспотъ, и дѣлала свои собственныя контръ-революціи. Въ Германіи она выступаетъ, какъ рабыня и дѣлаетъ контръ-революціи своего деспота. Во Франціи она побѣждала, чтобы смирять народъ. Въ Германіи она сама смирялась, чтобы только народъ не побѣдилъ" (ib. 198).

Передъ нами остается еще Австрія, находившаяся еще въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ для промышленнаго развитія въ капиталистической формѣ. Изъ неблагопріятныхъ условій мы прежде всего отмѣтимъ одно, географическаго характера: это—неблагопріятное пропорціональное отношеніе длины прибрежной границы къ общей площади страны [1]). Это отношеніе благопріятнѣе для Германіи, еще благопріятнѣе для Франціи, самое благопріятное—для Англіи.

Для характеристики „типа національнаго капитализма" Австріи предоставимъ слово Герцу. Онъ мастерски рисуетъ въ этомъ отношеніи параллель между Австріей и Германіей. „Тамъ, въ Германіи, мы видимъ энергическій хозяйственный подъемъ, хотя и отзывающійся на рабочемъ классѣ часто весьма жестоко; здѣсь—несмотря на родство происхожденія, единства расы, сходства природныхъ условій—застой во всѣхъ областяхъ, недостатокъ духа предпріимчивости, политическая испорченность... Согласно одной поговоркѣ, австрійскій предприниматель въ благопріятныя времена не вводитъ никакихъ улучшеній и нововведеній пото-

[1]) Что, конечно, имѣетъ важное значеніе для развитія парового транспорта.

му, что играетъ на биржѣ, а въ неблагопріятныя—потому, что долженъ уплачивать разницу... Поговорка эта по крайней мѣрѣ недурно выражаетъ общій духъ положенія вещей.

„Повсюду, во всѣхъ культурныхъ странахъ мы видимъ лихорадочное соперничество изъ-за азіатскаго рынка; скоро не останется ни одного городка Малой Азіи, гдѣ бы не былъ приложенъ нѣмецкій, французскій, англійскій или бельгійскій капиталъ; а между тѣмъ австрійскій промышленникъ сидитъ себѣ спокойно, огражденный высокими покровительственными пошлинами, въ четырехъ стѣнахъ своего синдиката (ни одна страна не картелирована въ такой степени, какъ Австрія), да заполняетъ вопросный листокъ, который ему прислало высокое правительство, для того, чтобы узнать, какимъ образомъ можно ему помочь всего лучше и, натурально, всего дешевле,точь-въ-точь, какъ какой-нибудь милый мальчикъ Фрицъ или Карлъ наканунѣ Рождества кладетъ въ свои башмаки листочекъ съ записью своихъ пожеланій, чтобы ночью, пока онъ спитъ, младенецъ-Христосъ исполнилъ ихъ... Конечно, иностранный капиталъ при такомъ положеніи вещей массами стремится въ Австрію, ища себѣ приложенія, точь-въ-точь, какъ мы это видимъ въ Азіи, за Балканами и въ другихъ нецивилизованныхъ странахъ.

„Быть можетъ, виной этому просто бюрократическая опека, какъ это часто думаютъ? Но она сама—болѣе слѣдствіе, чѣмъ причина...

„Вообще тѣ страны, которыя работаютъ въ большихъ размѣрахъ для экспорта, должны нуждаться въ болѣе свободной организаціи для производства, чѣмъ тѣ, которыя, главнымъ образомъ, ограничиваются удовлетвореніемъ внутренняго рынка, какъ Австрія; подобнымъ же образомъ въ болѣе свободной организаціи скорѣе нуждаются тѣ страны, которыя вывозятъ произведенія искусствъ и роскоши, графическіе, химическіе и т. п. продукты,—чѣмъ тѣ, которыя вывозятъ предметы массоваго потребленія, зерно, текстильные товары... Есть еще сотни факторовъ, которые нужно принять во вниманіе.

„Все можетъ быть объяснено только исторически. Свою долю участія могло здѣсь имѣть тѣсное соединеніе круп-

наго помѣстнаго землевладѣнія (латифундій) съ индустріей,— соединеніе, которое до извѣстной степени не давало у насъ мѣста для такого шумнаго движенія аграріевъ, какъ въ Германіи. Исчерпывающее изложеніе во всякомъ случаѣ должно обратиться назадъ, вплоть до временъ первоначальнаго зарожденія австрійской индустріи“ [1]).

Понятно, что въ странѣ, гдѣ подобнымъ образомъ складывались всѣ экономическія отношенія, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы движеніе пролетаріата улеглось въ руслѣ профессіональнаго движенія, или въ сколько-нибудь широкой мѣрѣ направилось на прямое экономическое творчество, созданіе въ широкихъ размѣрахъ потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій. — Внѣшнія условія для этого были слишкомъ неблагопріятны. Нечего было ждать улучшенія положенія рабочаго класса и отъ доброй воли и уступчивости другихъ общественныхъ классовъ. Не для чего было, наконецъ, и династіи заигрывать съ рабочимъ классомъ и выдвигать его въ подрывъ какому-нибудь другому. „Здѣсь надо искать причинъ, почему у насъ—говоритъ Гертцъ—конечно, мало видовъ на основаніе „индустріальной демократіи“ при помощи сильныхъ профессіональныхъ союзовъ, какъ это представляетъ Бернштейнъ; въ Австріи съ давнихъ поръ центръ тяжести лежитъ на завоеваніи государственной машины“. [2]) Эти слова особенно цѣнны въ устахъ Гертца, который является горячимъ сторонникомъ Бернштейна почти во всѣхъ пунктахъ его критики теоретическаго и практическаго марксизма.

Послѣ всего сказаннаго выше не будетъ неожиданностью слѣдующая характеристика австрійской „либеральной буржуазіи“: „Она только и дѣлала, что нарушала свои либеральные принципы... Въ устахъ австрійскихъ буржуазныхъ либераловъ либеральные принципы всегда останутся пустыми словами. C'est la fatalité... Дѣло въ томъ, что чѣмъ позже выступаетъ страна на путь буржуазнаго развитія, тѣмъ сильнѣе выдыхается творческое, идейное значеніе бур-

[1]) Hertz, Die Agrarischen Fragen, Ss. 29—30.
[2]) Die Agrarischen Fragen, S. 30.

жуазіи. Въ Англіи и Франціи буржуазія играла въ высшей степени прогрессивную, преобразовательную роль, и не только въ сферѣ политики, но и въ сферѣ умственной дѣятельности; тамъ она выступала на историческую сцену, окруженная яркимъ блескомъ вызваннаго ею идейнаго движенія. Въ Германіи уже это проявляется въ значительно болѣе слабой степени. Въ Австріи же идейная, творческая роля буржуазіи сводится къ нулю". А Энгельсъ еще въ предисловіи къ „Крестьянской войнѣ въ Германіи" говорилъ, что въ Австріи буржуазія „не умѣетъ господствовать, безсильна и ровно ни къ чему неспособна. Только одно она и знаетъ—неистовствовать противъ рабочихъ, какъ только тѣ начинаютъ приходить въ возбужденіе. Да и вообще она остается у государственнаго руля единственно потому, что такъ нужно Венгріи" [1]).

Ну, а Россія? Какова въ ней „творческая роль" буржуазіи во всѣхъ областяхъ жизни умственной, художественной, общественной, научной, etc., etc.?

У насъ развитъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, особый, спеціальный видъ капитализма, именно капиталистическій паразитизмъ, т.-е. эксплуатація капиталомъ непосредственныхъ производителей безъ соотвѣтственной реорганизаціи производства изъ мелкаго, примитивнаго—въ крупное, основанное на приложеніи новѣйшей технологіи.

Чѣмъ позднѣе выступаетъ страна на путь промышленнаго развитія, тѣмъ—caeteris paribus—въ болѣе короткій періодъ времени приходится ей пережить тѣ метаморфозы, которыя связаны съ завоеваніемъ капитализмомъ внутренняго рынка, разрушеніемъ натуральнаго хозяйства, отлученіемъ производителей отъ средствъ производства, замѣщеніемъ ручного труда—машиннымъ и т. д.; тѣмъ рѣзче для нея хозяйственный переворотъ; тѣмъ концентрированнѣе общая сумма бѣдствій и страданій, съ нимъ связанныхъ; тѣмъ труднѣе перевѣсить ихъ созданіемъ новыхъ основъ жизни, т.-е. новыхъ формъ производства, дающихъ работу и насущный кусокъ хлѣба „освобождаемымъ" рабочимъ рукамъ.

---

[1]) Vorbemerkung zur Engels's „Der deutsche Bauernkrieg", s. 5.

Много отнимая у населенія и мало давая ему, капитализмъ, естественно, не испытываетъ недостатка во враждебномъ къ себѣ отношеніи, но чувствуетъ большой недостатокъ въ союзникахъ всякаго рода изъ среды этого населенія. Въ частности, ему труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, найти себѣ подходящихъ идеологовъ, теоретиковъ-защитниковъ [1]).

Съ другой стороны, въ такой странѣ, при затрудненіяхъ на иностранныхъ рынкахъ, при трудности даже въ своей странѣ удержаться передъ натискомъ иностранныхъ товаровъ и иностранныхъ капиталовъ, для буржуазіи пропорціонально возрастаетъ потребность во внѣшней поддержкѣ, покровительствѣ, даже опекѣ... И въ этомъ заключается разгадка того факта—почему въ Россіи съ давнихъ временъ установился прикрытый византійско-императорской мантіей тройственный союзъ между бюрократіей, дворянствомъ и торгово-промышленнымъ классомъ.

Словомъ, мы возвращаемся къ тому же, съ чего начали. Прогрессивное, творческое значеніе, или, если угодно, „европеизмъ“ буржуазіи прямо пропорціоналенъ положительнымъ сторонамъ капитализма и обратно пропорціоналенъ его отрицательнымъ сторонамъ; точно также (подразумѣвая всегда caeteris paribus) онъ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ времени выступленія страны на путь капиталистическаго развитія.

---

[1]) Одинъ изъ нашихъ марксистовъ говоритъ: „Являясь наиболѣе образованнымъ классомъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ классомъ, не принимающимъ непосредственнаго участія въ общественномъ производствѣ, а стало быть и не задѣтымъ непосредственно борьбой между участниками этого производства, *интеллигенція наиболѣе способна понимать интересы капиталистическаго общества въ его цѣломъ*, ставить себѣ такія цѣли, которыя *соотвѣтствуютъ интересамъ наиболѣе быстраго всесторонняго развитія этого общества*“ („Новое Слово“, 1897 г., ноябрь, ст. А. Егорова „Народничество прежде и теперь“, стр. 54). На нашъ взглядъ, это положеніе—типичный образецъ все-обобщающаго *шаблона*. Мы противопоставимъ ему наше положеніе—caeteris paribus, антибуржуазность, демократическій идеализмъ интеллигенціи обратно пропорціоналенъ положительнымъ сторонамъ капитализма и прямо пропорціоналенъ его отрицательнымъ сторонамъ. Въ этомъ обстоятельствѣ мы склонны искать причинъ относительно сильнаго развитія демократическаго духа въ нашей интеллигенціи.

Тѣ же положенія можно провѣрить особо, занявшись спеціально условіями развитія соціализма въ отсталыхъ странахъ, въ странахъ, гдѣ преобладаетъ земледѣліе. Италія и Венгрія представляютъ особенно много аналогіи съ нашею родиной. Нашъ марксизмъ, ослѣпленный сіяніемъ побѣдъ германской соціальдемократіи—побѣдъ, кстати сказать, весьма платоническихъ, и дающихъ странное зрѣлище яркаго контраста между внѣшней численной силой и практическимъ безсиліемъ партіи — это всегда игнорировалъ. Но давно, давно пора покончить съ этимъ самодержавіемъ германскаго шаблона. А единственный путь для этого — пониманіе особенностей развитія важнѣйшихъ національныхъ хозяйственныхъ организмовъ, въ связи съ особенностями ихъ политической эволюціи. Только тогда мы осуществимъ идею Маркса: „Одна нація можетъ и должна учиться у другой“,—но осуществимъ не слѣпо, не путемъ механическаго и случайнаго подражанія, а путемъ критической провѣрки и самостоятельной переработки примѣнительно къ условіямъ *нашей* реальной дѣйствительности, со всѣми ея своеобразіями.

Соціализмъ въ отсталыхъ странахъ.

Приступая въ настоящей статьѣ къ характеристикѣ нѣкоторыхъ сторонъ соціалистическаго движенія въ Венгріи и Италіи, я чувствую потребность предварительно выяснить общій смыслъ и значеніе избранной мною темы. Въ нашей литературѣ какъ-то *непринято* останавливать много вниманія на соціалистическомъ движеніи этихъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, чему у нихъ учиться? Другое дѣло — англійское, нѣмецкое, французское движеніе. У рабочихъ партій этихъ странъ обширный опытъ, строго выработанная и выдержанная тактика, богатая и славная исторія, наконецъ, обстоятельная теоретическая обосновка практическихъ требованій и средствъ борьбы. Здѣсь есть что изучать и есть чему учиться. Но рабочее движеніе Италіи, а тѣмъ паче Венгріи? Ему еще только что исполнилось совершеннолѣтіе, оно только недавно встало на собственныя ноги и вышло изъ періода младенчества. Казалось естественнымъ, что и литература наша не обращаетъ особенно большого вниманія на соціалистическое движеніе въ этихъ странахъ.

Такое отношеніе однако кажется намъ нѣсколько одностороннимъ и неправильнымъ. Оно можетъ повести и, дѣйствительно, ведетъ къ очень важнымъ ошибкамъ. Общій типъ ошибокъ этого рода превосходно охарактеризованъ Марксомъ въ „Манифестѣ коммунистической партіи“. Онъ рѣзко критикуетъ представителей нѣмецкаго „истиннаго соціализма“ за то, что они слѣпо копировали тактику французскихъ соціалистовъ, забывая, что вмѣстѣ съ французскими программами они не могли перенести въ свою роди-

ну и французскихъ экономическихъ условій, которымъ эти программы соотвѣтствовали... Намъ важно не только то, какой степени исторической зрѣлости достигло соціалистическое движеніе въ данной странѣ; намъ важно и то, какова была его арена, въ какой комбинаціи условій времени и мѣста приходилось ему вырабатываться и опредѣлять свою программу и тактику; насколько эти условія близки къ условіямъ нашего собственнаго движенія или далеки отъ нихъ. И если въ смыслѣ исторической зрѣлости соціалистическое движеніе Венгріи и Италіи не представляетъ особеннаго интереса, и потому съ грѣхомъ пополамъ еще можно оправдать третированіе его, какъ малозначащаго, то, наоборотъ, обѣ эти страны выдвигаются на первый планъ, если рѣчь пойдетъ о большемъ или меньшемъ сходствѣ условій развитія соціализма въ этихъ странахъ сравнительно съ условіями его развитія въ нашей родинѣ.

Наше время есть время международнаго рынка, международнаго раздѣленія труда и международной экономической борьбы. Эта высшая „международная“ стадія, въ которую все болѣе и болѣе вступаетъ современный буржуазный міръ, представляетъ собою по существу лишь дальнѣйшее расширеніе, дальнѣйшее развитіе той общей тенденціи, которую обнаружилъ капитализмъ при первомъ же своемъ зарожденіи. Прежде капитализмъ ставилъ во взаимную зависимость различныя отдѣльныя хозяйства внутри страны; теперь онъ ставитъ въ такую же взаимную зависимость между собою цѣлыя страны. Прежде,—несмотря на упорное стремленіе отдѣльныхъ хозяевъ держаться, пока возможно, за натуральное хозяйство, удовлетворяя собственными средствами всѣмъ своимъ потребностямъ,—сквозь это упорное стремленіе пробился желѣзный законъ раздѣленія, дифференцированія занятій. Нынѣ подобное же раздѣленіе, дифференцированіе происходитъ и между цѣлыми странами. Несмотря на стремленіе каждой изъ нихъ по возможности собственными силами удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, производить внутри государства все необходимое для личнаго и производительнаго потребленія и, такимъ образомъ, развиться въ замкнутое, самодовлѣющее хозяй-

ственное цѣлое, обстоятельства оказываются сильнѣе этихъ стремленій: и желѣзный законъ международнаго раздѣленія труда принуждаетъ отдѣльныя націи отказаться отъ фантома „самобытности“ этого рода и взять на себя преимущественно извѣстныя, опредѣленныя функціи при удовлетвореніи потребностей международнаго рынка. Наконецъ, подобно тому, какъ конкурренція между отдѣльными хозяевами—это исправленное и дополненное изданіе дарвиновской чисто-зоологической „борьбы за существованіе“—фатально вездѣ приводила и приводитъ къ возвышенію немногихъ на счетъ побѣжденнаго большинства, точно такъ же и международная экономическая борьба привела къ раздѣленію странъ на экономически-господствующія и страны-данницы, на цвѣтущія капиталистическія страны и на страны, истощаемыя капитализмомъ. Въ различныхъ странахъ въ разной мѣрѣ опредѣлилось пропорціональное соотношеніе положительныхъ, творческихъ, свѣтлыхъ сторонъ капитализма и отрицательныхъ, разрушительныхъ, темныхъ его сторонъ...

„Одна нація можетъ и должна учиться у другой“, сказалъ К. Марксъ. Но само собою разумѣется, что возможность учиться, перенимать, взятая, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи, прямо пропорціональна сходству хозяйственныхъ типовъ странъ и обратно пропорціональна различіямъ между страною-образцомъ и страною-ученицей. А, между тѣмъ, что же мы постоянно видимъ? Почти всегда, когда намъ предлагаютъ учиться примѣромъ другихъ странъ,—какія страны избираются въ качествѣ моделей, образцовъ? Англія, Бельгія, Германія, еще разъ Англія, еще разъ Бельгія, еще, еще и еще разъ Германія, Германія, Германія... Что же касается тѣхъ странъ, которымъ въ системѣ международнаго раздѣленія труда выпала менѣе видная и блестящая роль, которымъ досталась на долю болѣе сѣренькая и незавидная участь,— какъ тѣ же Венгрія или Италія—такъ въ своихъ познаніяхъ о характерѣ соціалистическаго движенія въ этихъ странахъ громадное большинство революціонеровъ откроетъ огромные пробѣлы. Для иныхъ же соціалистическое движеніе этихъ странъ, пожалуй, и вовсе будетъ какою-то невѣдомой землей. А, вѣдь,

между тѣмъ, наша родина по типическимъ особенностямъ своего хозяйственнаго развитія до сихъ поръ стояла и стоитъ ближе всего къ этимъ послѣднимъ, обдѣленнымъ капиталистическими благами странамъ, а вовсе не къ первымъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Да то, что, благодаря указанному пробѣлу въ нашихъ познаніяхъ, мы сами себя отрѣзываемъ отъ наиболѣе поучительнаго опыта борьбы, происходящей при наиболѣе аналогичныхъ съ нашими условіяхъ; что мы односторонне прилѣпляемся всѣми своими помышленіями къ опыту, можетъ быть, болѣе яркому и блестящему, но зато недосягаемо далекому. А, вѣдь, намъ это знакомство нужно вовсе не для платоническаго восхищенія, а для дѣятельнаго утилизированія. Но какъ утилизировать чужой примѣръ, когда самыя обстоятельства дѣятельности, когда самыя условія борьбы почти несоизмѣримы?

Отсюда и множество ошибокъ, въ которыя мы легко впадаемъ при самомъ искреннемъ и усердномъ стремленіи воспользоваться чужимъ опытомъ, позаимствоваться чужимъ умомъ,—ошибокъ, смотрѣть на которыя со стороны, конечно, „было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“...

Есть, напр., страны, политическое развитіе которыхъ такъ далеко ушло впередъ, что борьба за элементарныя общественныя права для нихъ уже давно почти завершенное дѣло. Въ области политики имъ остается сдѣлать лишь такія завоеванія, что концентрація всѣхъ силъ на нихъ становится все болѣе и болѣе анахронизмомъ. И вотъ въ этихъ передовыхъ странахъ развивается стремленіе если ужъ не перенести центръ тяжести, то, по крайней мѣрѣ, отдѣлить значительную часть силъ на борьбу чисто экономическую,—на созиданіе профессіональныхъ союзовъ и промышленныхъ кооперацій всѣхъ видовъ, словомъ, на организаціи, удовлетворяющія ближайшимъ, непосредственнымъ, повседневнымъ запросамъ жизни рабочаго люда. И вотъ, не желая отстать отъ „Европы“, и мы начинаемъ „вѣровать въ мощь вспомогательныхъ кассъ“, проповѣдывать важное непосредственное значеніе всякихъ легальныхъ организацій, существующихъ съ благосклоннаго разрѣшенія благопопечительнаго начальства...

Есть страны, экономическое процвѣтаніе которыхъ создало необычно благопріятныя условія для стачечной борьбы; гдѣ капиталисты, пожиная колоссальные барыши на международномъ рынкѣ, напрягали всѣ усилія на захватъ новыхъ и новыхъ районовъ сбыта; гдѣ ростъ производства и спроса на рабочія руки открывалъ возможность сильнѣйшаго повышенія заработной платы; гдѣ фабриканты болѣе всего нуждались въ безостановочномъ, лихорадочномъ функціонированіи производительной машины и, во избѣжаніе ея досадныхъ и убыточныхъ пріостановокъ, сравнительно легко соглашались (выражаясь словами Зомбарта объ англійскихъ промышленникахъ) „дѣлиться сыплющимся на нихъ золотымъ дождемъ и со своими рабочими“. Въ такихъ странахъ легко развивался узко практическій трэдъюніонизмъ, и даже передовые рабочіе находили выгоднымъ не мѣшать политики въ дѣло рабочихъ союзовъ, объединять для непосредственной экономической жатвы всѣхъ рабочихъ независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій... И опять мы не захотѣли отстать отъ „Европы“: краткаго и эфемернаго процвѣтанія нѣкоторыхъ отраслей промышленности, временнаго увеличенія спроса на квалифицированныхъ рабочихъ при ихъ недостаткѣ было достаточно, чтобы успѣхъ нѣсколькихъ стачекъ при этихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ вскружилъ намъ голову. Мы забыли обо всемъ: о сравнительной чахлости нашего доморощеннаго капитализма, о его трогательной дружбѣ съ русскимъ абсолютизмомъ, о близости промышленнаго кризиса, о нищетѣ массъ населенія, о наплывѣ изъ деревень дешевыхъ рабочихъ рукъ, сбивающихъ заработную плату... Мы все забыли, мы начертали передъ собой въ воображеніи широкую столбовую дорогу чисто экономической борьбы, мы возвели голый, односторонній „стачкизмъ“ въ цѣлую всеобъемлющую и всеисчерпывающую политическую программу...

Есть страны, въ которыхъ, благодаря международному раздѣленію труда, имѣетъ мѣсто чуть-чуть не атрофія сельскаго хозяйства и земледѣлія и гипертрофія высшихъ отраслей индустріи. И, рабски копируя ихъ, мы спеціализи-

ровали свою программу на интересахъ фабрично-заводскаго пролетаріата. Нѣсколько времени тому назадъ никто бы и не повѣрилъ, что возможно въ Россіи появленіе соціалистической программы, которая бы не обмолвилась *ни единымъ словомъ* о политической роли и значеніи многомилліонной трудящейся крестьянской массы. Но таковы факты: „Манифестъ Россійской Соціаль-Демократической рабочей партіи“ (1898 г.) изданъ какъ будто въ странѣ, гдѣ крестьянство представляетъ такое ничтожное меньшинство населенія, о которомъ не стоитъ и говорить...

Есть, наконецъ, страны, гдѣ расцвѣтъ капитализма способенъ ослѣплять своимъ блескомъ даже лучшія интеллектуальныя силы; гдѣ буржуазія обладаетъ не только экономической, но и политической, и даже интеллектуальной мощью; гдѣ, вдобавокъ, широкая политическая свобода представляетъ большое удовлетвореніе людямъ науки, людямъ мысли, людямъ умственнаго труда — этому цвѣту націи, на культивированіе котораго уходитъ много лучшихъ соковъ народнаго организма. Въ этихъ странахъ существующій строй можетъ привлекать къ себѣ сердца громаднаго процента интеллигенціи, и требуется большая прозорливость, чтобы разглядѣть сквозь казовую сторону и изнанку цивилизаціи. И, глядя на такія страны, мы забыли, что наша родина представляетъ діаметральную противоположность имъ; что политическій гнетъ и произволъ, отсутствіе элементарныхъ правъ личности, грубѣйшія формы эксплоатаціи, холопскій духъ буржуазіи способны лишь толкать въ протестующій лагерь все честное, все живое, все, обладающее непомраченнымъ умомъ и не заскорузлымъ сердцемъ. Мы все это забыли, и, чтобы не отстать отъ «Европы», стали твердить, что не можетъ быть добраго изъ Назарета, что преданные интересамъ рабочихъ интеллигенты такъ же рѣдки, какъ бѣлыя вороны, и что поэтому рабочіе должны относиться съ недовѣріемъ ко всему, что идетъ отъ интеллигенціи.

Мнѣ думается, что такихъ прискорбныхъ промаховъ и ошибокъ было бы, можетъ быть, меньше, если бы чаще заглядывали въ лѣтописи соціалистическаго движенія не толь-

ко такихъ странахъ, какъ хотя бы Англія и Германія, но и такихъ, какъ, наприм., Венгрія или Италія... И въ этомъ — смыслъ темы, избранной нами для настоящей статьи...

* * *

По общему складу своей хозяйственной жизни Венгрія во многомъ напоминаетъ Россію. Во-первыхъ, это — страна по преимуществу земледѣльческая; обработка земли (включая сюда лѣсные промыслы) занимаетъ болѣе 62-хъ процентовъ всего населенія. Венгерская индустрія въ общемъ развита весьма слабо (въ различныхъ отрасляхъ собственно такъ называемой промышленности работаетъ немногимъ болѣе 5-ти процентовъ населенія) и разсчитана почти исключительно и всецѣло на внутренній рынокъ. Бебель назвалъ даже однажды Венгрію „полуварварской страной". Настоящая, современная капиталистическая промышленность существуетъ въ Венгріи какихъ-нибудь 35—40 лѣтъ. Она пересажена сюда изъ-за границы и даже по личному составу предпринимателей до сихъ поръ является, главнымъ образомъ, дѣломъ рукъ иностранцевъ. И это несмотря на то, что венгерское правительство стремится всѣми силами создать рядъ „собственныхъ" крупныхъ индустріальныхъ центровъ; несмотря на то, что предпринимательскій капиталъ никогда не встрѣчалъ отказа въ поддержкѣ и покровительствѣ со стороны власти, особенно, если дѣло касалось созданія или введенія въ странѣ какой-нибудь новой отрасли промышленнаго дѣла. Благодаря этому, получился усиленный приливъ въ страну иностранныхъ капиталовъ, преимущественно изъ Австріи и Германіи. Но эти иностранные капиталы устремлялись въ страну, руководимые, главнымъ образомъ, чисто спекулятивными и коммерческими цѣлями. Чего-либо крупнаго въ области производства они почти что не создали. Полемъ ихъ дѣятельности была, главнымъ образомъ, столица, гдѣ близость къ правительству съ его щедротами и милостями лучше и проще всего гарантировала успѣхъ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ страны, особенно на границѣ съ Австріей, образовался еще рядъ небольшихъ индустріальныхъ оазисовъ. Вотъ и всѣ результаты усиленныхъ заботъ и хлопотъ.

Само собою разумѣется, что оплачивалъ все это покровительство капиталу изъ своей тощей мошны трудящійся деревенскій людъ. Обѣднѣніе его шло впередъ быстрыми шагами, тѣмъ болѣе, что ликвидацію феодальнаго порядка и крѣпостной зависимости венгерскіе крестьяне оплатили дорогой цѣной—цѣной земельной экспропріаціи [1]). Стѣсненные со всѣхъ сторонъ крупными помѣстьями магнатовъ, страдая отъ малоземелья, отъ тяжкихъ арендныхъ условій, отъ задолженности и податного гнета—крестьяне раззорялись, массами устремлялись въ города. Но тамъ, велѣдствіе малаго развитія индустріи, ихъ ждала та же нужда и то же горе.

„Врядъ ли—говоритъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей современнаго венгерскаго рабочаго движенія, Эрнстъ Гарами („Sozialismus in Ungarn“)—врядъ ли въ какой-нибудь другой странѣ такъ плохо оплачиваются рабочія руки и такъ мало защищаются интересы рабочихъ, какъ въ Венгріи. Желающіе бѣжать отъ деревенской нужды и стремящіеся въ столицу деревенскіе рабочіе, образуя достаточную резервную рабочую армію, только могли удержать на самой низкой ступени заработную плату и общія условія труда“.

Такимъ образомъ, венгерскій капитализмъ развертывалъ, что называется, „во всю“ свои темныя, мрачныя стороны, безпрепятственно развивалъ свою разрушительную дѣятельность. Что же касается созидательной стороны, то этимъ обстояло „тихо“... Читая описаніе положенія массъ венгерскаго народа, невольно хочется воскликнуть, вспоминая нашу многострадальную родину: mutato nomine, de te fabula narratur!—перемѣни лишь имя, и сказка говорится о тебѣ.

Да и одна ли Венгрія? Положимъ, что Венгрія еще слишкомъ молодая страна, подобно Россіи („тысячелѣтняя моя отроковица“! — какъ восклицаетъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ), что она еще вся въ будущемъ. Но вотъ передъ нами старая страна, надъ которой пронеслось болѣе двухъ

---

[1]) По даннымъ Stat. Monatsschrift въ 1890 г. въ рукахъ 230 ч. сосредоточилось почти четыре милліона іоховъ (іохъ=0,52 дес.), въ среднемъ отъ 8 до 9 тыс. дес. на каждаго; далѣе, около $14\frac{1}{2}$ милл. іоховъ было въ рукахъ приблизительно 5,200 влад. (болѣе чѣмъ $1\frac{1}{2}$ тыс. дес. на каждаго). И въ то же время было болѣе $1\frac{1}{2}$ мил. крестьянскихъ хозяйствъ, изъ которыхъ каждое владѣло менѣе чѣмъ $2\frac{1}{2}$ дес. земли.

тысячелѣтій цивилизаціи,—Италія. Въ лицѣ венеціанскихъ и генуэзскихъ купцовъ она еще, можно сказать, въ незапамятныя времена выступила на арену мірового рынка. И что же? Мы видимъ въ Италіи ту же безотрадную картину: капитализмъ развивается, но съ преобладаніемъ отрицательныхъ сторонъ надъ положительными, разрушительнаго вліянія надъ созидательнымъ.

„Упадокъ сельскаго хозяйства и образованіе земельнаго пролетаріата,—говоритъ Джіовани Лерда („Der Sozialismus in Italien“) — дали толчекъ къ усиленію промышленной дѣятельности; подъ вліяніемъ этого образовались отдѣльные важные промышленные центры, какъ Миланъ, Туринъ, Венеція и т. п.; но ни до смѣшного низкая заработная плата, ни покровительственныя пошлины не были до сихъ поръ въ состояніи создать дѣйствительное процвѣтаніе индустріи; этому должны были сильно препятствовать, во-первыхъ, недостатокъ капиталовъ и невѣрность ихъ помѣщенія, а во-вторыхъ, заграничная конкурренція и частые кризисы... Италія, вслѣдствіе недостаточнаго экономическаго развитія, — которое отчасти было обусловлено относительной жизненностью старыхъ хозяйственныхъ формъ,—испытываетъ на себѣ лишь отблескъ капиталистическаго развитія другихъ странъ“.

При такихъ условіяхъ, понятна относительная сила обломковъ стараго феодальнаго строя — крупныхъ землевладѣльцевъ.

„Съ одной стороны — читаемъ мы у другого итальянскаго соціаль-демократа Олиндо Малагоди („La révolution prolétarienne en Sicile“) — мы имѣемъ всемогущую земельную ренту, властно диктующую свои условія; съ другой—слабый, рахитическій, сильно раздробленный капиталъ, не смѣющій вступить съ представителями земельной ренты въ великую экономическую борьбу и стремящійся наверстать свое самой безсовѣстной эксплоатаціей рабочихъ“.

Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться въ приложимости ко всей Италіи той характеристики, которую даетъ собственно хозяйственному положенію Сициліи извѣстный соціалистическій писатель Сальвіоли („Le latifundium Sicilien et son mode d'exploitation“): именно, что въ ней

„всѣ пороки и темныя стороны капитализма выросли на старомъ феодальномъ стволѣ и заставили народъ—въ особенности же крестьянство — выносить на себѣ гнетъ разомъ обоихъ этихъ режимовъ“. „Приходится заключить—пишетъ другой авторъ [1])—что, быть можетъ, нѣтъ другой та-

[1]) Nap, Calajanni „La question agraire en Sicile“. Ср. его же книгу: „In Sicilia. Gli avvinementi e le cose“ (Roma, 1894).

кой страны въ Европѣ, гдѣ бы были очевидны и болѣе глубоки всѣ бѣдствія, которыя являются элементами обостреннаго соціальнаго вопроса. Въ Италіи, быть можетъ, болѣе, чѣмъ, гдѣ бы то ни было проявляются самыя сложныя угрожающія проблемы преступности, проституціи, эмиграціи, пауперизма, невѣжества, физической деградаціи расы и огромной смертности"...

Почтенный авторъ, повидимому, не знаетъ Россіи или забываетъ о ней... Иначе онъ не сказалъ бы своего „болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было"...

Но, быть можетъ, всѣ эти бѣдствія суть явленія временныя и преходящія? Можетъ быть, они—лишь неизбѣжныя принадлежности первоначальныхъ ступеней развитія капитализма; и потому имъ суждено отходить въ вѣчность помѣрѣ того, какъ итальянскій капитализмъ будетъ подниматься по дальнѣйшимъ восходящимъ ступенямъ своей неизбѣжной, опредѣленной „имманентными законами" эволюціи.

Увы! если *спрятаться* отъ дѣйствительности хотя бы подъ сѣнь самыхъ радужныхъ пророчествъ относительно будущаго нетрудно, то *уйти* отъ дѣйствительности нельзя... Тамъ, гдѣ теоретики соціализма не теряютъ ни на минуту живой связи съ практической работой, съ непосредственной жизнью, съ той лабораторіей, въ которой творится исторія,— тамъ дѣйствительность ежечасно и ежеминутно напоминаетъ о себѣ; тамъ трудно удовлетвориться ролью страуса, прячущаго голову подъ крыло и наивно воображающаго себя въ безопасности; тамъ съ непреодолимой силой пробиваетъ себѣ дорогу трезвое отношеніе къ дѣйствительности. Вотъ почему вмѣсто розовыхъ надеждъ на будущія перемѣны наши авторы болѣе склонны разсматривать неблагопріятное соотношеніе положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ капитализма, какъ типичную черту всего цикла хозяйственной эволюціи Венгріи и Италіи, какъ принадлежность не той или другой *ступени* ихъ экономическаго развитія, а самого *типа* этого развитія.

Вотъ что говоритъ, напримѣръ, объ Италіи сторонній наблюдатель, германскій марксистъ Поль Эрнстъ („Soziales aus Italien" въ сборн. „Das neue Jahrhundert"):

„Нищета сельскаго населенія всегда является спутникомъ капитализма въ періодъ его юности. Если бы индустрія испытывала сильный подъемъ

то можно было бы думать, что это—явленіе преходящее, и съ подъемомъ промышленной жизни наступятъ и для страны лучшія времена. Но не такъ обстоитъ дѣло съ Италіей. Въ сущности, мы встрѣчаемъ въ ея промышленности застой... Частью она этимъ обязана своему историческому положенію, тому, что слишкомъ поздно (?) выступила на всемірный рынокъ и не обладаетъ такими преимуществами, благодаря которымъ она могла бы отбить у другихъ странъ ихъ кліентовъ. Что же касается внутренняго рынка, то здѣсь повсюду ей ставитъ препятствія бѣдность народа".

Теоретикамъ „самодовлѣющаго капитализма", съ точки зрѣнія которыхъ капитализмъ ни въ какихъ внѣшнихъ рынкамъ не нуждается, ибо самъ своимъ развитіемъ создаетъ себѣ рынокъ и, такъ сказать, можетъ питаться собственными соками,—этимъ теоретикамъ, конечно, должны показаться странными эти слова П. Эрнста, марксиста, и въ то же время разсуждающаго о внѣшнемъ рынкѣ, какъ „народникъ". Имъ я напомню лишь слова К. Маркса.

„Индустріальная буржуазія можетъ господствовать только тамъ, гдѣ современная индустрія преобразовала соотвѣтственно своимъ потребностямъ всѣ отношенія собственности; эту силу индустрія можетъ пріобрѣсти *только тамъ, гдѣ она завоевала всемірный рынокъ, ибо національныя границы для ея развитія недостаточны*".

Итакъ, въ Италіи, какъ и въ Венгріи, мы замѣчаемъ усиленное развитіе самыхъ рѣзкихъ формъ капиталистической эксплуатаціи при минимальномъ развитіи тѣхъ вліяній капитализма, которыя входятъ въ составъ понятія объ „исполненіи капитализмомъ его исторической миссіи"—подготовленія соціалистическаго строя. Въ связи съ этимъ находится и сила остатковъ феодально-помѣщичьяго строя, такъ что про Италію можно сказать почти съ тѣмъ же правомъ, какъ и про Венгрію, что въ ней

„господствующимъ классомъ является не столько буржуазія, сколько представители крупнаго землевладѣнія" (Neue Zeit, 1897—98, № 22).

И тамъ, и здѣсь буржуазія ретива лишь въ исканіи протекціонныхъ мѣропріятій, неохотно выступаетъ въ качествѣ борющейся силы противъ феодально-бюрократическихъ началъ и довольствуется по большей части тѣмъ, что, прислуживаясь къ высшимъ, спѣшитъ наквитать свое на низшихъ усиленной ихъ эксплуатаціей, усиленнымъ на нихъ давленіемъ.

Все это, какъ мы видимъ, до поразительности напоминаетъ нашу родную „русскую дѣйствительность“... У насъ только все это происходитъ въ еще болѣе откровенномъ и неприкрашенномъ видѣ.

Я не знаю лучшей иллюстраціи для характеристики русскаго капитализма и русской буржуазіи, какъ та оргія, которой предавалось „всероссійское купечество“ во время торгово-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда ярмарочные тузы и биржевой комитетъ (съ неизмѣннымъ Саввой Морозовымъ во главѣ) справляли именины своего сердца и своего кармана, принимали сановныхъ гостей, произносили торжественныя, ликующе-побѣдныя рѣчи, послужившія М. Горькому образцомъ для тѣхъ гимновъ русской буржуазіи, которые онъ вкладываетъ въ уста одного изъ героевъ романа „Ѳома Гордѣевъ“ во время пирушки „именитыхъ гражданъ“. Помните ли, какъ нашумѣла тогда одна изъ нижегородскихъ газетъ инспирированной тѣмъ же биржевымъ комитетомъ статьей, перечислявшей всѣ чудеса, которыя уже подарило нашей родинѣ „всероссійское купечество“, и, въ заключеніе, восклицавшей въ самозабвеніи, что оно „*все* можетъ“! Въ этомъ восклицаніи олицетворяется для меня все, такъ сказать, духовное нутро нашей отечественной буржуазіи. Это восклицаніе невольно вызываетъ въ памяти другую, аналогичную фразу другого выразителя чувствъ и чаяній буржуазіи, французскаго аббата Сійеса: „что такое сейчасъ третье сословіе?—Ничто.—Чѣмъ оно должно быть?—*всѣмъ*“.

Какъ похожи и какъ, въ то же самое время, глубоко непохожи другъ на друга двѣ эти формулы! Какихъ два различныхъ типа невольно вызываютъ они въ воображеніи! И удивительно ли? Одна изъ этихъ формулъ—вѣдь это почти нечленораздѣльный звукъ, удовлетворенное урчаніе въ глубинѣ сытаго желудка самодовольнаго „буржуя“; другая... другая есть формула надвигавшейся революціи, требованіе самаго коренного переворота всѣхъ общественныхъ отношеній. Одна выражаетъ чувства буржуазіи, *приспособившейся* къ полу-дворянскому, полу-бюрократическому абсолютизму, другая—чувства буржуазіи, сознающей свою силу, свою спо-

собность двигать горами, управлять народомъ и государствомъ, вести за собою массы и не приспособляться, а приспособлять. Въ то самое время, какъ свободолюбивый французскій буржуа понималъ, что, только разрушивъ до основанія феодально-самодержавный порядокъ, онъ сдѣлается „всѣмъ“,—русскій, преданный „Богъ-престолъ-атечеству“ буржуй мирно поглядываетъ на задніе ходы и выходы канцелярій, департаментовъ и министерствъ, гдѣ сидитъ уже такъ много „своихъ людей“, выходцевъ изъ той же среды, юркихъ дѣльцовъ и воротилъ,—и, похлопывая себя по туго набитому карману, самодовольно восклицаетъ: „вотъ она, мошна-матушка! *Все* можетъ“!..

Правда, у насъ есть немало людей, полагающихъ, что если на „Западѣ“, въ „Европѣ“ буржуазія была свободолюбивой и либеральной, то современемъ и у насъ буржуазія „должна“ преобразиться въ этомъ смыслѣ. Г. Плехановъ въ началѣ 90-хъ гг. даже печатно заявилъ, что какъ ни смѣшны, какъ ни грубы россійскіе Деруновы и Колупаевы, однако, они, несомнѣнно, будутъ имѣть свой „періодъ бурныхъ стремленій“ [1]). Это пророчество впервые было высказано имъ, впрочемъ, еще въ началѣ 80-хъ гг. и по сіе время благополучно ждетъ своего осуществленія. При всѣхъ подобныхъ пророчествахъ забываютъ, что эти аналогіи съ „Европой“ вѣчно грѣшатъ однимъ и тѣмъ же. Люди забываютъ, что есть Европа и Европа, что буржуазія Венгріи и Италіи уже не та, что буржуазія Англіи и Франціи; что степень либерализма буржуазіи вовсе не есть какое-то мистическое свойство, въ опредѣленной дозѣ „внутренно-присущее“ буржуазіи, какъ таковой: что степень ея либерализма (или ея реакціонности) есть явленіе производнаго, вторичнаго характера, зависитъ отъ цѣлаго ряда условій времени и мѣста, а потому и мѣняется не только отъ страны къ странѣ, но отъ одной исторической эпохи къ другой.

---

[1]) Иронія исторіи: около того же времени совѣщаніе московскихъ фабрикантовъ, приглашенное правительствомъ высказаться о своихъ потребностяхъ и нуждахъ, выставило въ первую голову... отмѣну запрещенія спускать въ Москву-рѣку отбросы и нечистоты съ фабрикъ. Поистинѣ, „бурное стремленіе“ загадить и засорить все кругомъ себя!

И если бы наши охотники строить аналогіи и пророчества на будущее не забывали этого, то они увидѣли бы, что въ связи съ нѣкоторыми особенностями экономическаго развитія обликъ буржуазіи послѣдовательно мѣняется къ худшему, начиная отъ Англіи и Франціи и переходя черезъ Германію и Австрію къ Венгріи и Италіи, а далѣе къ Россіи, которая въ этомъ отношеніи является достойнымъ „увѣнчаніемъ зданія“; что, независимо отъ этихъ мѣстныхъ особенностей, и въ общемъ настроеніи всеевропейской буржуазіи совершается замѣтная эволюція вправо. А потому они поняли бы, что именно теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, можно ожидать въ такой странѣ, какъ Россія, эволюціи Колупаевыхъ и Разуваевыхъ въ сторону „бурныхъ стремленій“.

Если наша буржуазія превосходно себя чувствуетъ подъ теплымъ крылышкомъ абсолютизма, оберегающаго ее отъ всякихъ серьезныхъ покушеній со стороны рабочаго класса; если ради всевозможныхъ протекціонныхъ мѣръ, субсидій, воспособленій, премій, нормировокъ, гарантій, ввозныхъ пошлинъ и т. п., она готова мириться съ привилегированнымъ положеніемъ дворянства; если въ наличности твердой самодержавной власти она видитъ лучшее ручательство свободнаго и безпрепятственнаго выкачиванія прибавочной стоимости изъ трудящихся,—то въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго для того, чей приговоръ не ограничивается исторіей такъ называемыхъ „классическихъ“ странъ капитализма. Правда, Венгрія и Италія—страны конституціонныя. Но достаточно вспомнить, какія мѣры были приняты во время разгара соціалистическаго движенія въ Сициліи противъ тамошнихъ fasci, союзовъ рабочихъ и крестьянъ, чтобы выяснилось, до какой степени урѣзано пользованіе этими конституціонными гарантіями, какъ неконституціонно можно поступать при этой конституціи съ рабочимъ людомъ, до какой степени въ такихъ случаяхъ просто и легко превращается эта конституція въ негодный листъ бумаги. Едва ли не еще выразительнѣе примѣръ Венгріи. Въ этой „конституціонной“ странѣ не только рабочіе и крестьяне отстранены отъ контроля надъ государственными дѣлами: въ ней крестьяне не имѣютъ даже права коалицій; ихъ союзы распускаются,

собранія разгоняются; за стачки ихъ наказываютъ; ихъ газеты систематически конфискуютъ; проводятъ чисто крѣпостническіе законы о наймѣ на сельскія работы, законы, какъ двѣ капли воды похожіе на наши отечественные проекты саратовскаго предводителя дворянства г. Кривскаго. Нѣчто аналогичное этому можно найти развѣ только въ иныхъ балканскихъ государствахъ, гдѣ либерализмъ бумажныхъ конституцій—самъ по себѣ, а фактическое самодержавіе многоголовой бюрократической гидры—само по себѣ. Этотъ порядокъ по существу дѣла вовсе ужъ не такъ далекъ отъ нашего русскаго режима, гдѣ буржуазія, собственно говоря, давно имѣетъ свою „неписанную конституцію". При всей гибкости и приспособляемости чисто бумажныхъ конституцій къ интересамъ сильныхъ міра, ненаписанная конституція все-таки еще удобнѣе для процвѣтанія гнета и эксплуатаціи.

* * *

Переходимъ теперь къ характеристикѣ рабочаго движенія названныхъ странъ, причемъ предоставимъ слово—во избѣжаніе всякихъ упрековъ въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу—самимъ дѣятелямъ соціальдемократическаго лагеря.

„Вплоть до самаго недавняго времени—говоритъ Э. Гарами въ уже цитированной выше статьѣ—въ Венгріи можно было говорить о соціальдемократическомъ движеніи только среди однихъ индустріальныхъ рабочихъ. Поэтому, движеніе ограничилось почти исключительно полемъ крупной индустріи Будапешта и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ".

Идеи соціализма были занесены сюда, какъ и сама индустрія, изъ-за границы, вмѣстѣ съ нѣмецкими рабочими. Поэтому, соціальдемократическая доктрина—особенно первое время — процвѣтала въ Венгріи въ ея чистой нѣмецкой формѣ, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. Лишь впослѣдствіи начался трудный и медленный процессъ ея переработки примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, процессъ, еще далеко не закончившійся и по настоящее время. Венгерскій пролетаріатъ представлялъ благодарную почву для распространенія идей соціализма, какъ можно видѣть изъ предыдущаго; вся обстановка его жизни естественно

вызывала недовольство своимъ положеніемъ и оппозиціонное настроеніе.

„И, такимъ образомъ, уже въ теченіе многихъ лѣтъ въ Будапештѣ и нѣкоторыхъ другихъ индустріальныхъ оазисахъ возникло относительно сильное соціальдемократическое движеніе. Но уже въ силу одной этой замкнутости въ ограниченныхъ мѣстныхъ рамкахъ оно не могло пріобрѣсти большее значеніе. Благодаря безобразному избирательному праву и такому же законодательству о печати и союзахъ, у рабочаго класса была отнята возможность выступить въ единомъ великомъ, охватывающемъ всю страну движеніи. Кромѣ того, этотъ рабочій классъ почти не имѣлъ никакого соприкосновенія съ остальной страной: отсутствовало прочное и широкое основаніе, на которомъ можно было бы утвердить рычагъ для болѣе крупныхъ дѣйствій“... „При относительно еще слабомъ индустріальномъ рабочемъ движеніи—пишетъ другой правовѣрно марксисткій авторъ статьи „Von der Bauernbewegung in Ungarn“ въ „Neue Zeit“—здѣсь ни съ чьей стороны не могли бы принять въ серьезъ хотя бы, напримѣръ, попытку идти путемъ, выбраннымъ бельгійцами—генеральную стачку для завоеванія всеобщаго избирательнаго права,—или же копировать шумное движеніе въ пользу того же всеобщаго избирательнаго права на австрійскій образецъ“.

Этимъ фактомъ и объясняется, что, спустя нѣкоторое время, такъ много обѣщавшее вначалѣ своимъ быстрымъ ростомъ венгерское рабочее движеніе зашло какъ будто на время въ тупой переулокъ...

„Такъ и оставалось соціальдемократическое движеніе индустріальныхъ рабочихъ безъ существеннаго значенія, несмотря на благородную, не отступающую предъ жертвами работу многихъ самоотверженныхъ людей, стоявшихъ во главѣ партіи. Нормальное соціальдемократическое движеніе можетъ развиться и добиться побѣдъ лишь тамъ, гдѣ есть достаточно почвы для его расширенія, его пропагандистской дѣятельности, гдѣ есть достаточно широкое поприще для битвъ, но никогда тамъ, гдѣ оно, благодаря господствующимъ въ странѣ условіямъ, изолировано въ нѣкоторой тѣсно ограниченной области. Тамъ у него отнята возможность завоевать для своихъ идей цѣлыя огромныя массы населенія; и если бы даже историческій возрастъ движенія измѣрялся десятилѣтіями, оно вѣчно будетъ ходить въ дѣтскихъ башмакахъ и никогда не исцѣлится отъ болѣзней, свойственныхъ ребяческому возрасту. Такія болѣзни, конечно, присущи всякой партіи при ея возникновеніи; но онѣ скоро исчезаютъ, если на лицо имѣется и возможность и способность все къ большему и большему расширенію“.

Гдѣ же этого нѣтъ, тамъ движеніе легко окажется въ застоѣ, а его „дѣтскія болѣзни“ примутъ затяжную форму.

„Такъ было и здѣсь. Раздоры и распри, разъединявшіе идейныхъ братьевъ—эти болѣзни дѣтства нашей партіи—съ теченіемъ времени не уменьшались, а все учащались и обострялись. Ихъ слѣдуетъ разсматривать, если можно такъ выразиться, какъ разряженіе накопляющагося недовольства малыми успѣхами партіи. Истинныхъ причинъ недостаточности этихъ успѣховъ не знаютъ и обвиняютъ за нихъ взаимно другъ друга... Такъ истратились понапрасну или оставили борьбу многія лучшія силы“...

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи уже по самой ея величинѣ и многолюдности даже движеніе, замыкающееся въ опредѣленныя тѣсныя рамки, не можетъ такъ быстро попасть въ тупой закоулокъ, какъ это случилось въ Венгріи. Но если для движенія, взятаго въ его цѣломъ, и далеко до такого закоулка, то въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ дѣло обстоитъ иначе. Такъ какъ въ Россіи крупная промышленность довольно сильно сконцентрирована въ опредѣленныхъ районахъ, а не распредѣлена равномѣрно по всей территоріи, то множество городовъ и округовъ остаются внѣ ея „обобществляющаго“ вліянія. Индустріальныхъ рабочихъ въ нихъ крайне мало; для революціонной дѣятельности интеллигентныхъ силъ поприще заранѣе ограничено: искать точки приложенія силъ внѣ фабричнаго пролетаріата нѣтъ охоты, разъ думаешь, что этотъ пролетаріатъ есть единственный истинно революціонный классъ. И вотъ, для лучшихъ элементовъ изъ интеллигенціи и рабочихъ остается дилемма: или бѣжать туда, гдѣ поприще шире (что далеко не всегда возможно) или, оставаясь на мѣстѣ, въ значительной мѣрѣ вариться въ собственномъ соку. А нѣтъ ничего хуже положенія, при которомъ заранѣе извѣстно, что рядъ обстоятельствъ, отъ нашей воли независящихъ, кладетъ въ такомъ-то пунктѣ предѣлъ дальнѣйшему развитію дѣла [1]). Мѣстности, въ которыхъ создается, благодаря этому,

---

[1]) Иногда и не только для отдѣльныхъ мѣстъ, а для цѣлаго движенія сравнительно небольшихъ національностей опасенія и боязнь этого рода могутъ сильно обостряться. Такъ, напр., многіе мыслящіе евреи революціонеры уже теперь глубоко задумываются надъ вопросомъ: такъ какъ евреи сильно разбросаны повсюду въ перемежку съ населеніемъ другихъ національностей, и такъ какъ еврейское рабочее движеніе опередило очень сильно движенія этихъ другихъ національностей, то не наступитъ ли въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени такой моментъ, когда ев-

„перепроизводство революціонной интеллигенціи“—непріятно поражаютъ своимъ настроеніемъ, нравами, духомъ... Покойный Степнякъ прекрасно рисовалъ съ натуры тѣ „веселенькіе пейзажики“, которые встрѣчаются на этой почвѣ.

„Въ нѣкоемъ городѣ имѣются два философа, согласные между собою во всемъ, кромѣ какого-нибудь пятаго колеса въ революціонной телѣгѣ. Казалось бы, нѣтъ ничего проще, какъ, убѣдившись въ своей непримиримости, мирно разойтись и либо приняться прямо за дѣло, либо, опоясавъ свои чресла, идти каждому своей дорогой въ страну равнодушныхъ и ослѣпленныхъ, никогда не слыхавшихъ новаго слова, и подготовлять почву, вербуя тамъ новыя силы, новыхъ сторонниковъ. Но философы предпочитаютъ идти другъ къ другу, и проводятъ они дни, недѣли и мѣсяцы, надсаживаясь въ безплодныхъ препирательствахъ все о томъ же пятомъ колесѣ, пока полиція не прибѣжитъ на шумъ и не отправитъ ихъ къ якутамъ доканчивать споръ на свѣжемъ воздухѣ. Если же оба философа наберутъ себѣ малую дружину, то идутъ опять же другъ къ другу, и начинается все тоже препирательство, то же топтанье на одномъ мѣстѣ, съ неизбѣжной „выработкой общихъ программъ“, „планами соглашеній“ и всей обычной революціонной волокитой, пока полиція не прикончитъ дѣла на этотъ разъ уже цѣлымъ погромомъ“ [1]).

А такая практика естественно покровительствуетъ и „византійской страсти къ революціонной догматикѣ“, и той „нетерпимости, которая дѣлаетъ для насъ непереноснымъ всякое разногласіе“, и благодаря которой люди

„ухитряются разъединиться до полнаго отсутствія внутренней связи, подчасъ до неспособности, даже до нежеланія понимать другъ друга [2])“.

Нѣтъ сомнѣнія, что то „перепроизводство революціонной интеллигенціи“, о которой мы говоримъ, нужно понимать съ большой оглядкой. Во-первыхъ, оно обнаруживается далеко не всюду, а лишь мѣстами. Во-вторыхъ, по самому своему существу оно подобно перепроизводству товаровъ въ капиталистическомъ обществѣ. Фактъ перепроизводства

рейское движеніе приблизительно заполнитъ или почти заполнитъ свои естественныя границы, и жизнь выдвинетъ мучительный вопросъ: а что же дальше? неужели сидѣть и ждать у моря погоды? Способы рѣшенія этого вопроса различны, но мы по понятнымъ причинамъ не хотимъ выступать въ роли судьи въ этомъ спорѣ.

[1]) С. Степнякъ. „Чего намъ нужно“. Изд. Фонда В. Р. П., 1892, стр. 13—14.

[2]) Ibid.

товаровъ нисколько не исключаетъ другого факта, по видимости противорѣчащаго первому, а именно, что потребности значительной части населенія остаются неудовлетворенными. Точно такъ же и фактъ перепроизводства интеллигенціи нисколько не исключаетъ того факта, что „жатва велика, а дѣлателей мало“. Все дѣло, стало быть, просто въ узкой постановкѣ дѣла, въ узкомъ фундаментѣ, на которомъ зиждутся—въ первомъ примѣрѣ сбытъ и потребленіе продуктовъ, во второмъ—приложеніе революціонныхъ силъ. Съ одной стороны, цѣлые широкіе слои населенія—напр., крестьянство—остаются внѣ революціоннаго воздѣйствія; съ другой, многое множество революціонныхъ силъ не находитъ дѣятельности, соотвѣтствующей ихъ склонностямъ, ихъ способностямъ или внѣшнимъ условіямъ ихъ личной жизни.

Еще не совсѣмъ прошло то время, когда работа среди фабричныхъ рабочихъ считались въ кружкахъ единственнымъ революціоннымъ занятіемъ. И въ то же время *всѣхъ* революціонныхъ силъ это занятіе никогда не могло ни поглотить, ни удовлетворить. Въ столицахъ и крупныхъ промышленныхъ центрахъ тяжесть полицейскихъ условій и соображенія конспираціи заставляли ограничивать число лицъ, непосредственно сносящихся съ рабочими, безусловно необходимымъ минимумомъ. Въ провинціи къ этому присоединилась малочисленность рабочихъ. Далѣе, для пропаганды въ рабочей средѣ требуются особыя, специфическія способности. И вотъ, значительное количество интеллигентныхъ силъ вынуждено было искать какихъ-нибудь другихъ способовъ проявлять себя. Оставляя въ сторонѣ тѣхъ, кто тратилъ время на междуфракціонную борьбу, оставляя въ сторонѣ студенческую молодежь, находящую лишь временный исходъ въ организаціи для борьбы за академическую свободу, мы получимъ два пути, каждый изъ которыхъ порознь могъ дать занятіе, конечно, не всей „резервной рабочей арміи“ русской революціи, а лишь одной изъ ея главныхъ составныхъ частей. Первый изъ этихъ путей—распространеніе пропагандистской и агитаціонной дѣятельности также и на деревню; понятно, что онъ имѣетъ особенное значеніе для провинціальныхъ

революціонеровъ. Второй путь—это путь заговора и террора, столь отрицаемыхъ русскими учениками Маркса. Онъ имѣлъ всегда особенное значеніе для революціонеровъ, скопляющихся въ крупныхъ центрахъ. Кромѣ того, первый путь особенно соотвѣтствуетъ склонностямъ и способностямъ натуръ широкихъ, общительныхъ, проповѣдническихъ, охваченныхъ жаждой прозелитизма; второй—склонностямъ и способностямъ натуръ, у которыхъ преобладаетъ личная энергія сосредоточенность, революціонный пылъ.

Здѣсь не мѣсто, конечно, обсуждать цѣлесообразность и своевременность тѣхъ или иныхъ средствъ борьбы. Мы ограничиваемся въ настоящемъ очеркѣ обсужденіемъ ихъ лишь съ одной спеціальной точки зрѣнія: способности ихъ давать широкое примѣненіе наличнымъ иниціативнымъ силамъ революціи. Параллель съ Венгріей показываетъ намъ, что въ странахъ извѣстнаго хозяйственнаго типа—того типа, классическимъ образцомъ котораго является, между прочимъ, и Россія—ограниченіе работы предѣлами индустріальнаго пролетаріата ведетъ къ перепроизводству революціонной интеллигенціи (по крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстахъ), къ растущей неудовлетворенности значительной части дѣятелей, къ усиленію между нами „тренія“, переходящаго въ раздоры, расколы и междуфракціонныя распри. Съ этимъ можетъ согласиться всякій, даже и тотъ, кто безусловно отрицательно относится не только къ заговорщицкой и террористической дѣятельности, но и къ работѣ среди крестьянства. Онъ прибавитъ лишь, что это неизбѣжное зло, что его причина—вовсе не недостатки программъ, а фатальные недостатки самой русской жизни, неизбѣжные спутники экономической отсталости Россіи, которымъ суждено исчезнуть лишь вмѣстѣ съ этой отсталостью. Что же касается самихъ фактовъ, то они—налицо, ихъ отрицать трудно. Возьмемъ нѣсколько характерныхъ иллюстрацій изъ соціальдемократической литературы. Объ одномъ видномъ пропагандистѣ среди рабочихъ Иваново-Вознесенскаго района А. Ѳ. Орѣховѣ намъ писали въ его некрологѣ:

„Послѣднее время А. Ѳ. былъ особенно мраченъ; онъ часто говорилъ, что работать при современныхъ полицейскихъ условіяхъ крайне трудно,

а *ждать, пока эти условія измѣнятся, слишкомъ долго . . . Воробьиными шагами А. Ѳ. не могъ удовлетвориться*: для него, *энергичнаго*, обладающаго здоровьемъ и физическими силами, требовалось *широкое поле* дѣятельности" [1]... О другой подобной же натурѣ—кончившемъ самоубійствомъ Н. В. Ефимовѣ—намъ сообщаютъ: „*Медленное* въ его глазахъ развитіе движенія *не удовлетворило его протестующей души*, другой формы работы онъ не нашелъ" [2].

Какъ это далеко отъ того первоначальнаго розоваго оптимизма, съ которымъ выступилъ на арену борьбы нашъ русскій марксизмъ! Гдѣ та гордость, съ которой онъ противополагалъ себя прочимъ фракціямъ, будто бы фатально ведущимъ движеніе путемъ иллюзіи къ разочарованію и пессимизму? Гдѣ та увѣренность, съ которой онъ рекомендовалъ свой путь, свои средства борьбы, какъ единственно гарантирующія прочные, безостановочные и скорые успѣхи! Нѣтъ, все чаще и чаще слышатся тревожные голоса, высказываются горькія опасенія... Самая высокая нота въ этомъ духѣ прозвучала на страницахъ „Рабочаго дѣла", въ статьѣ В. И—на:

„Невольно рождается вопросъ: преодолѣетъ ли, однако, русскій рабочій всѣ грозныя силы, которыя противъ него выдвигаются? Не задавитъ ли, въ дѣйствительности, правительство наше молодое и неокрѣпшее рабочее движеніе?" [3].

Чрезмѣрный оптимизмъ всегда влечетъ за собою реакцію въ противоположную сторону. И вотъ почему критика преувеличенныхъ надеждъ на силу *исключительно пролетарскаго* движенія при своеобразныхъ условіяхъ Россіи — критика, исходившая изъ соціально-революціоннаго лагеря—была въ высшей степени умѣстна и необходима. Исторія неопровержимо докажетъ это, и предъ ея верховнымъ судомъ померкнутъ всякія вольныя и невольныя инсинуаціи, изъ которыхъ выходило, будто требованіе *трезваго, чуждаго иллюзій* отношенія къ индустріальному пролетаріату, его численности и силѣ, въ сущности, есть не что иное какъ *неуваженіе* къ

---

[1]) „Рабочее движеніе въ Ив.-Возн. районѣ" изд. Союза Р. Соц.-Дем. стр. 32.

[2]) „Изъ раб. движ. въ Одессѣ и Николаевѣ", стр. 30.

[3]) „Раб. Дѣло" № 4—5, стр. 43.

пролетаріату и „оскорбленіе величества“ рабочаго движенія. Но насъ не смущаютъ подобныя обвиненія и мы попрежнему остаемся чужды всякаго идолопоклонства. Попрежнему мы убѣждены, что ни изъ чего не нужно создавать себѣ иллюзій, ибо въ противномъ случаѣ самыя лучшія вещи могутъ оказаться для насъ гибельными. Всякая лишняя иллюзія, всякое лишнее преувеличеніе грозитъ намъ лишнимъ разочарованіемъ. А тяжелыя условія нашей борьбы, настолько тяжелыя, что подобныхъ имъ трудно подыскать въ исторіи, сулятъ намъ въ будущемъ слишкомъ много всякихъ ударовъ для того, чтобы мы сами подбавляли ихъ себѣ своимъ оптимистическимъ подкрашиваніемъ реальной дѣйствительности.

Кромѣ того, каждая не оправдавшаяся надежда, какъ опять-таки превосходно доказываетъ примѣръ Венгріи, стихій новызываетъ вмѣстѣ съ неудовлетворенностью и раздоры... Разъ движеніе не идетъ впередъ такъ быстро, какъ на это надѣялись,—очевидно, была сдѣлана какая-то ошибка... И вотъ, авторъ брошюры „Объ агитаціи“ приходитъ первый къ заключенію

„что первые шаги русскихъ соціалистовъ были невѣрны, и что въ интересахъ дѣла тактика ихъ должна быть измѣнена, чтобы не рисковать въ концѣ своего пути остаться столь же безсильными, какъ и въ началѣ“ [1]).

Ошибка, по его мнѣнію, состояла въ перевѣсѣ пропаганды надъ агитаціей, и соціаль-демократы должны больше выдвинуть впередъ послѣднюю.

Что касается газеты „Искра“, такъ она въ своемъ первомъ же номерѣ находитъ, напротивъ, что соціаль-демократія не смогла удержаться отъ крайностей въ переходѣ отъ пропаганды къ агитаціи, а „Заря“ доказываетъ, что именно авторъ брошюры „Объ агитаціи“ пересаливаетъ въ смыслѣ оттиранія на второй планъ пропаганды. Авторы „Рабочей мысли“, „Credo“ и т. п. находятъ, что неуспѣхъ зависитъ отъ того, что революціонеры слишкомъ пересаливаютъ въ „политикѣ“ и пренебрегаютъ „экономикой“. Груп-

[1]) „Объ агитаціи“. Изд. Союза Р. Соц.-Дем., 1896, стр. 3.

па Осв. Труда съ своей стороны видитъ все зло въ „экономизмѣ“. По мнѣнію же „Рабочаго Дѣла“, обѣ стороны пересаливаютъ и вредятъ этими пересолами рабочему движенію, вѣренъ же только средній путь...

Все это — проявленія внутренняго броженія, но мы надѣемся, что изъ него, въ концѣ концовъ, выбродится чистое вино. Уже и теперь замѣтно, что почти всѣ фракціи видятъ выходъ изъ современнаго печальнаго положенія, съ одной стороны, въ дальнѣйшемъ расширеніи русла движенія (въ частности, почти всѣ начинаютъ признавать въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ возможность и своевременность работы въ деревнѣ), а съ другой стороны — въ усиленіи *интенсивности* движенія, въ примѣненіи болѣе рѣшительныхъ, болѣе революціонныхъ пріемовъ борьбы.

И примѣръ Венгріи, какъ нельзя болѣе, способенъ служить дальнѣйшимъ стимуломъ въ этомъ направленіи. Послушаемъ опять Гарами.

„Въ то время, какъ положеніе дѣлъ въ столицѣ было до такой степени неутѣшительнымъ, въ деревнѣ подготовлялась почва для большого соціальдемократическаго движенія сельскихъ работниковъ... Товарищи изъ столицы не много заботились о провинціи; кажется, они тоже не ожидали многаго отъ „антиколлективистскаго крестьянскаго черепа“. О планомѣрной агитаціи въ деревнѣ не могло быть и рѣчи. Нашими агитаторами—агитаторами противъ собственной воли—явились правительство и помѣщики“.

Какъ видимъ, все такъ же, какъ въ Россіи... Аналогія еще дополняется тѣмъ, что притѣсненія помѣщиковъ вызвали цѣлый рядъ аграрныхъ волненій, безпорядковъ, усмиреній, число которыхъ росло и росло; что появились первые крестьянскіе союзы; что венгерское правительство разослало властямъ секретный циркуляръ, во многомъ подобный циркуляру нашего министерства внутреннихъ дѣлъ, извѣстному подъ именемъ циркуляра „о мужицкомъ своеволіи“...

Къ чему же привело все это? Да къ тому, что движеніе, сначала носившее мѣстный характеръ, все разрасталось, ширилось, и, наконецъ, отдѣльныя струйки его слились въ одно широко захватывающее теченіе.

„Естественно, что при такихъ условіяхъ идеи соціализма, какимъ бы то ни было способомъ попадая въ среду сельскихъ работниковъ, играли

роль искры, брошенной въ порохъ. Съ одушевленіемъ хватались за нихъ сельскіе работники; вскорѣ большая часть ихъ [1]) была выиграна для соціальдемократіи. Это проникновеніе соціальдемократическихъ идей въ деревню совершилось совсѣмъ незамѣтно, въ тиши. Хотя и замѣчали общее броженіе и недовольство, но не думали, что движеніе сдѣлалось столь опредѣленно соціалистическимъ. Даже товарищи изъ столицы были поражены, когда соціалистическій характеръ движенія выступилъ на свѣтъ Божій по случаю открытаго возмущенія, провоцированнаго согласно предписанію сверху властями... Передъ нами неожиданно появились крестьяне, которые не только высказывали соціалистическія идеи, но и дѣйствительно проводили ихъ въ жизнь. При послѣдовавшемъ за возмущеніемъ процессѣ всѣ были изумлены при видѣ того, въ какой ясности и чистотѣ внѣдрились взгляды современнаго соціализма въ „антиколлективистскій крестьянскій черепъ“.

Жизнь, какъ это часто случается, застала врасплохъ кабинетную доктрину. Но къ чести венгерскихъ соціалистовъ нужно сказать, что они вскорѣ вняли голосу дѣйствительности.

„Скоро было замѣчено—говоритъ Гарами—что, по мѣрѣ того, какъ завоевывалась деревня, открывалась и возможность для крупныхъ успѣховъ всего движенія, и вскорѣ началась планомѣрная агитація въ деревнѣ съ цѣлью использовать въ интересахъ нашей партіи всеобщее недовольство“.

Въ самомъ дѣлѣ, съ расширеніемъ движенія возрасла и его интенсивность, его революціонность. Административныя мѣры вынудили крестьянъ мѣстами—къ столкновеніямъ съ войскомъ, мѣстами—къ замѣнѣ явныхъ организацій тайными. Идея всеобщей стачки для завоеванія политическихъ правъ, прежде столь химеричная, получила новую силу и новые шансы, но въ то же время пріобрѣла и новую форму: цѣлый рядъ соціаль демократическихъ крестьянскихъ конгрессовъ рѣшилъ, что забастовка сельскихъ рабочихъ въ разгарѣ страдной поры будетъ самымъ чувствительнымъ ударомъ для дворянства, имѣющаго едва ли не наиболѣе сильное вліяніе на законодательство. Наконецъ, съ расширеніемъ работы среди крестьянства деревня мало-по-малу перестаетъ быть поставщицей „штрейкберхеровъ“, оборван-

[1]) Конечно, самая разница въ территоріальной величинѣ Венгріи и Россіи въ этомъ отношеніи представляла обстоятельство, болѣе благопріятное для первой.

ныхъ и голодныхъ бѣдняковъ, готовыхъ работать за мѣдные гроши и сбивающихъ заработную плату организованныхъ рабочихъ. Напротивъ, въ послѣднее время Будапештъ могъ сдѣлаться ареной крупныхъ уличныхъ демонстрацій безработныхъ, требовавшихъ всеобщаго избирательнаго права и работы...

Въ этомъ отношеніи согласны даже всѣ корреспонденты ортодоксально-марксисткаго „Neue Zeit“, редактируемаго К. Каутскимъ [1]).

„Болѣе двухъ десятилѣтій—пишетъ одинъ изъ нихъ—соціальдемократія въ Венгріи была похожа на слабое, тепличное растеніе; если же она въ самое послѣднее время, наконецъ, начинаетъ развиваться сильнѣе, и въ качествѣ представительницы рабочаго класса, пріобрѣтаетъ шансы вскорѣ занять ту же позицію въ политической жизни страны, которую занимаютъ родственныя партіи въ западныхъ странахъ,—то этимъ она въ немалой степени обязана быстро крѣпнущему крестьянскому движенію“. Другой, не менѣе ревностный марксистъ, Пауль Энгельманъ, рѣшается по этому поводу даже на самыя широкія обобщенія и пророчества. „Революціонизированье индустріальнаго пролетаріата—говоритъ онъ—приняло направленіе своего пути отъ запада къ востоку. Крестьянско-соціалистическое движеніе Венгріи даетъ намъ право надѣяться, что революціонизированье сельскохозяйственнаго пролетаріата откроетъ свое шествіе съ противоположной стороны—съ востока на западъ. И эти два пылающіе факела,—брошенные съ двухъ противоположныхъ сторонъ—уничтожатъ, сотрутъ съ лица земли всю систему эксплоатаціи человѣка человѣкомъ!“

Однако, въ виду новаго направленія практической дѣятельности потребовалось сдѣлать кое-какія перестройки и въ доктринѣ. Вопреки ходячимъ марксистскимъ взглядамъ о реакціонности крестьянства, стремящагося „поворотить назадъ колесо исторіи“, объ „идіотизмѣ деревни“ и т. п.;

---

[1]) См. „Die Feldarbeiterbewegung in Ungarn“ N. Z. 1893—94. № 33.— Paul Engelmann, „Zwei sozialdemokratischen Bauern-Kongresse“, N. Z., 1896—97. № 26—ae—, „Von der Bauernbewegung in Ungarn“, N. Z., 1897—98, № 22. Мы не можемъ здѣсь подробно остановиться на средствахъ аграрной борьбы въ Венгріи. Скажемъ лишь вкратцѣ, что центръ тяжести повседневной борьбы для батраковъ лежалъ, конечно, въ стачечномъ движеніи, а для самостоятельныхъ крестьянъ—въ коммунальной борьбѣ. Въ настоящее время управленіе многими сельскими общинами находится въ рукахъ соціалистовъ. Надо полагать, что ихъ работа внесетъ немало новаго и цѣннаго въ теорію и практику движенія, получившаго имя „Gemeinde-Sozialismus“ (коммунальный, общинный соціализмъ).

вопреки подхваченному у Шеффле словечку объ „антиколлективистскомъ крестьянскомъ черепѣ“; вопреки, наконецъ, столь же знаменитому положенію Лассаля о реакціонномъ характерѣ даже такого явленія, какъ крестьянскія войны— вопреки всему этому венгерскіе соціалисты въ аграрномъ вопросѣ заняли совершенно иную позицію. Они полагаютъ, что, говоря словами того же Гарами,

„для каждаго непредубѣжденнаго человѣка должна быть твердо установлена слѣдующая истина: обитатели деревень столь же мало застрахованы отъ соціалистическаго яда, какъ и любой изъ другихъ трудящихся слоевъ человѣчества“.

Согласно заявленію на Будапештскомъ партейтагѣ другого виднаго соціаль-демократа, А. Сабо, не вызвавшему среди окружающихъ ничего, кромѣ одобренія,

„ошибаются всѣ тѣ, кто разсматриваетъ рабочій вопросъ, борьбу неимущихъ противъ имущихъ, какъ что-то новое. Эта борьба такъ же стара, какъ и сама частная собственность. Эта борьба съ теченіемъ времени лишь перемѣняла свои формы. Крестьянскія войны въ XVI вѣкѣ подъ предводительствомъ Донсы,—войны, которыя въ школахъ расписываются, какъ нѣчто ужасное,—были также не чѣмъ инымъ, какъ борьбой тружениковъ противъ знати, угнетенныхъ противъ угнетателей...“

Наконецъ, на томъ же партейтагѣ, получившемъ привѣтственныя письма Энгельса, Каутскаго и др., было рѣшено переименовать „венгерскую соціальдемократическую *рабочую* партію“ просто въ „венгерскую соц.-дем. партію“,— въ виду того, что терминъ „рабочая“ можетъ быть понятъ населеніемъ въ томъ смыслѣ, что партія защищаетъ лишь интересы индустріальнаго пролетаріата. Осторожность, думается намъ, чрезмѣрная!

И этотъ примѣръ Венгріи для насъ глубоко поучителенъ. Я не хочу сказать, что у насъ все пойдетъ такъ, какъ въ Венгріи; нѣтъ, я скептически отношусь ко всякимъ пророчествамъ по аналогическому методу. Для насъ важна *практика* нашихъ венгерскихъ товарищей, а въ ней всего важнѣе тѣ черты, которыя представляютъ результатъ приспособленія вывезенной изъ-за границы программы къ своеобразнымъ условіямъ Венгріи,—къ такимъ своеобразнымъ условіямъ, которыя въ ней общи съ Россіей. И намъ не слѣдуетъ замыкаться въ средѣ фабрично-заводскаго проле-

таріата. Не нужно забывать другихъ слоевъ населенія и — прежде всего — трудовой массы крестьянства. Во многихъ случаяхъ это важно еще и потому, что необходимо дать просторъ пропагандистскому энтузіазму самихъ рабочихъ, указывая (напр., въ провинціи) выходъ ихъ силамъ въ пропагандѣ среди деревенскаго населенія, съ которымъ они сохранили и сохраняютъ живую связь. Не нужно представлять городскимъ рабочимъ ихъ интересы и ихъ дѣло чѣмъ то обособленнымъ и самодовлѣющимъ. Необходимо, напротивъ, подчеркивать для нихъ ждущую ихъ почетную миссію — быть лишь передовымъ отрядомъ всего русскаго трудящаго народа, его авангрaдомъ, представителемъ и выразителемъ его интересовъ, нуждъ и нарождающихся стремленій. Вотъ чему учитъ насъ, между прочимъ, примѣръ Венгріи, и вотъ что нами нерѣдко игнорируется благодаря тому, что мы больше всего обращаемъ вниманіе на примѣры передовыхъ странъ, гдѣ гипертрофія индустріи на счетъ земледѣлія естественно превратила фабрично-заводской пролетаріатъ почти въ единственный и во всякомъ случаѣ въ высшей степени преобладающій элементъ соціалистическаго движенія. Тамъ часть можетъ быть почти безошибочно принимаема за цѣлое—здѣсь же это можетъ вести лишь къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ.

* * *

Обратимся къ обзору нѣкоторыхъ сторонъ соціалистическаго движенія въ Италіи. Первое, что при этомъ бросается въ глаза русскому революціонеру, напоминая ему исторію революціонной борьбы на его далекой родинѣ—это та роль, которую играла въ движеніи интеллегенція.

Въ этомъ отношеніи интересна та характеристика, которую даетъ итальянскому соціализму (особенно въ первыхъ стадіяхъ его развитія) Джіовани Лерда [1]). Лерда — правовѣрный марксистъ. Мы, впрочемъ, намѣренно цитируемъ марксистовъ, чтобы ихъ свидѣтельство было убѣдительнымъ и для нераздѣляющихъ наши мнѣнія. Что же касается до со-

[1]) „Der Sozialismus in Italien“.

гласныхъ съ нами, то и мы рекомендуемъ каждый разъ принимать во вниманіе своеобразную марксисткую призму, сквозь которую у цитируемыхъ авторовъ должны преломляться впечатлѣнія жизни, и дѣлать соотвѣтственную поправку — въ однихъ случаяхъ путемъ извлеченія корня n—ной степени, въ другихъ—противоположенымъ путемъ—возведенія въ надлежащую степень... Въ частности, существованія „призмы“ не слѣдуетъ забывать, когда рѣчь пойдетъ объ интеллигенціи, ибо преуменьшеніе ея роли, скептическое и чрезмѣрно ироническое къ ней отношеніе есть наслѣдственный грѣхъ весьма и весьма многихъ марксистовъ.

„Соціализмъ—говоритъ Джіовани Лерда про первыя фазы его существованія въ Италіи—имѣлъ совершенно академическій характеръ. Это былъ нѣкотораго рода диллетантизмъ (?!), поглощавшій жертвы самоотверженія и дѣйственной энергіи безъ всякаго или почти безъ всякаго вліянія на массы. Рабочій стоялъ въ сторонѣ, настроенный враждебно или равнодушно, такъ что Италія представляла собой зрѣлище совершенно отличное отъ движенія въ другихъ культурныхъ государствахъ, — зрѣлище соціалистической рабочей партіи, составленной почти исключительно изъ буржуазныхъ элементовъ“.

Какъ видите, Лерда забылъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ соціализмъ также явился на первыхъ порахъ и оставался очень долгое время теченіемъ, составленнымъ „почти исключительно“ изъ отщепенцевъ привилегированныхъ классовъ,—что не помѣшало ему сорганизоваться въ сильную партію, наполнявшую одно время весь цивилизованный міръ громомъ своихъ подвиговъ. И если бы Лерда объ этомъ вспомнилъ, то онъ, конечно, не преминулъ бы поставить вопросъ: чѣмъ объяснить эту особенность соціалистическаго движенія въ Италіи и Россіи? Отъ какихъ глубже лежащихъ особенностей соціальнаго строя, общихъ для обѣихъ странъ, зависитъ *эта* особенность? А разъ поставивши этотъ вопросъ, Лерда, конечно, увидѣлъ бы, что если, скажемъ, въ Италіи и Россіи *все* соціалистическое движеніе окрашено значительной ролью, которую въ немъ играла интеллигенція, то въ другихъ странахъ бывали по крайней мѣрѣ отдѣльные моменты прилива и отлива интеллигентныхъ силъ; а кромѣ того, онъ увидѣлъ бы, что, въ общемъ, именно по-

слѣднее время отмѣчено для всѣхъ почти культурныхъ странъ усиленнымъ тяготѣніемъ интеллигентныхъ силъ къ соціализму. Это—фактъ, обратившій на себя серьезное вниманіе многихъ соціалистическихъ партій. Вопросъ о значеніи такъ называемыхъ intellectuels служитъ уже яблокомъ раздора между различными фракціями соціалистической партіи во Франціи; на тему „Akademiker und Sozialismus“—въ Германіи усиленно препираются на частныхъ и общихъ партейтагахъ. И тамъ, и здѣсь создается цѣлая литература этого вопроса. Отсюда уже можно высказать догадку, что, вѣроятно, современный фазисъ соціальной эволюціи Европы начинаетъ обнаруживать тѣ же самыя черты, которыя характеризуютъ собою *всѣ* фазисы, *весь циклъ* соціальной эволюціи Италіи и Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объясняютъ теоретики усиленное отпаденіе интеллектуальныхъ силъ націи отъ знамени буржуазно капиталистическаго режима и притокъ ихъ въ ряды революціоннаго соціализма? „Да тѣмъ, что теперь все сильнѣе и сильнѣе развертываются „противорѣчія“ капиталистическаго строя; что „историческая миссія“ его кончается; что если раньше буржуазно капиталистическая оболочка, подобно скорлупѣ орѣха, содѣйствовала созрѣванію зерна—развивающихся производительныхъ силъ—то теперь она сдавливаетъ его, представляетъ помѣху его дальнѣйшему развитію и потому должна распасться. „Изъ формы развитія производительныхъ силъ капитализмъ становится ихъ узами“. Итакъ, если мы развитіе производительныхъ силъ назовемъ *содержаніемъ* хозяйственной эволюціи, а соціальную оболочку—характеръ управленія производствомъ, отношенія собственности и распредѣленія—*формой*, то мы получимъ слѣдующую формулировку вышесказаннаго: когда *форма* хозяйственнаго строя достигала максимума гармоніи съ его *содержаніемъ*, то интеллигенція могла не только за страхъ (и не только за „презрѣнный металлъ“), а и за совѣсть выступать съ апологіей существующаго буржуазнаго строя. Напротивъ, чѣмъ больше нарушается эта гармонія, чѣмъ болѣе форма развивается въ ущербъ содержанію, тѣмъ рѣшительнѣе лучшія интеллигентныя силы устрем-

ляются на исканіе новыхъ соціальныхъ формъ [1]) Но отношеніе между формой и содержаніемъ хозяйственнаго строя есть величина перемѣнная. Перемѣнною величиной является и степень тяготѣнія интеллигенціи къ противоположнымъ принципамъ—индивидуализма и соціализма.

Какая же гипотеза естественно возникаетъ въ нашемъ умѣ, если мы видимъ двѣ-три страны, въ которыхъ за все время ихъ пріобщенія къ современной буржуазной культурѣ интеллигентныя силы являлись необычайно виднымъ факторомъ соціалистическаго и революціоннаго движенія? Прежде всего естественно предположить, что весь циклъ хозяйственной эволюціи этихъ странъ характеризуется преобладаніемъ *формы* капиталистической эксплоатаціи надъ *содержаніемъ* протекающаго въ рамкахъ этихъ формъ процесса развитія производительныхъ силъ. Но именно это мы и констатировали для Италіи, Венгріи и Россіи, когда говорили, что въ этихъ странахъ наименѣе благопріятно отношеніе между отрицательными и положительными, разрушающими и созидательными, свѣтлыми и темными сторонами капитализма. Степень тяготѣнія интеллигенціи къ соціализму (опять-таки caeteris paribus) прямо пропорціональна положительнымъ и обратно пропорціональна отрицательнымъ сторонамъ капитализма, или, иными словами, обратно пропорціональна степени гармоніи между формой и содержаніемъ современнаго хозяйственнаго строя.

Такова, кажется мнѣ, формулировка, наиболѣе удовлетворительно охватывающая существенныя общія черты цѣлаго ряда общественныхъ фактовъ. Почти всѣ передовыя капиталистическія страны переживали время, такъ сказать, историческихъ именинъ буржуазіи, когда она, „во цвѣтѣ надежды и силы“ выступала, какъ исторически прогрессивный факторъ, богатая не только матеріальными, но и интеллектуальными средствами. Капитализмъ, конечно, всегда истощалъ и разрушалъ старые хозяйственные устои, но рядомъ съ этимъ онъ и созидалъ — созидалъ гораздо болѣе

---

[1]) Конечно, при всемъ этомъ разсужденіи каждый разъ молчаливо подразумѣвается: caeteris paribus (при равенствѣ прочихъ условій).

просторное, свѣтлое и красивое общественное зданіе. И чѣмъ болѣе сильна была буржуазія своею творческою ролью, чѣмъ больше зиждилось на возведенномъ ею фундаментѣ благосостояніе цѣлыхъ большихъ слоевъ населенія,—тѣмъ крѣпче, тѣмъ здоровѣе были корни, которые она пускала въ странѣ, тѣмъ независимѣе и могущественнѣе чувствовала она себя, тѣмъ свободолюбивѣе выступала она противъ феодально-монархическихъ привилегій. И рука объ руку съ *либерализмомъ* буржуазіи шла *буржуазность* людей либеральныхъ профессій, тружениковъ интеллигентныхъ ремеселъ. Расцвѣтъ творческихъ сторонъ капитализма ослѣплялъ интеллигенцію страны и приковывалъ ее къ тріумфальной колесницѣ буржуазіи. Люди, не забывавшіе изъ-за блестящаго внѣшняго покрова нѣкоторыхъ существенныхъ изъяновъ новаго порядка, являлись поистинѣ „бѣлыми воронами“. Требовалась особенно высокая нравственная чуткость, особенная умственная сила и проницательность, чтобы плыть „противъ теченія“, чтобы отдать свои силы на служеніе рабочему люду, который въ сравненіи съ „носителями цивилизаціи“, буржуазными классами, казался представителемъ грубой физической силы, не носившимъ въ себѣ никакихъ задатковъ высшей культуры. И лишь позднѣе миражъ началъ разсѣиваться, обстоятельства складываться иначе, роли перемѣняться.

Иначе дѣло обстояло въ странахъ иной формаціи—странахъ „отсталыхъ“, странахъ—данницахъ, странахъ, въ которыхъ развитіе *содержанія* соціальной эволюціи вѣчно отставало отъ развитія ея антагонистическихъ *формъ*. Здѣсь буржуазія выступала въ крайне неприглядномъ видѣ, болѣе всего, какъ самая беззастѣнчивая хищница; созиданіе ею новыхъ источниковъ, новыхъ устоевъ жизни населенія вѣчно отставало отъ подрыванія старыхъ, шедшаго ускореннымъ темпомъ; буржуазія больше отнимала у страны, чѣмъ одаряла ее, сѣя, такимъ образомъ, кругомъ себя глухое, подавленное недовольство. Это лишало ее точки опоры въ другихъ слояхъ населенія и принуждало къ тѣсному союзу съ другими паразитическими общественными элементами, абсолютизмомъ, бюрократіей и даже—по возможности—съ

обломками феодальнаго дворянства, какъ ни трудно было миролюбиво раздѣлять съ послѣднимъ правительственныя щедроты. Уже этимъ она была способна оскорбить и оттолкнуть отъ себя даже не особенно изощренное нравственное чувство. Но ея интересы сталкивались съ интересами интеллигенціи и болѣе непосредственнымъ образомъ. Чѣмъ менѣе созидающимъ элементомъ являлась буржуазія, тѣмъ меньше нуждалась она въ интеллектѣ, какъ служебномъ орудіи, тѣмъ меньшій спросъ предъявляла она на рынкѣ на умственный трудъ. Съ другой стороны, чѣмъ больше являлась буржуазія силой разрушающей, тѣмъ болѣе сокращала она спросъ на интеллигентный трудъ со стороны некапиталистическихъ слоевъ общества—чему иллюстраціи мы еще увидимъ ниже. Наконецъ, слѣдуетъ учесть еще одно важное условіе: передъ интеллигенціей странъ, позднѣе пріобщившихся къ буржуазной цивилизаціи, стоялъ всегда уже готовый опытъ передовыхъ странъ, готовая критика ихъ внутреннихъ, скрытыхъ, но тѣмъ болѣе опасныхъ болѣзней и язвъ. Немудрено, что въ виду всей совокупности этихъ условій интеллигенція странъ такого соціальнаго типа съ самаго начала явилась поставщицей главныхъ кадровъ всевозможныхъ демократическихъ, идеалистическихъ и соціально-революціонныхъ теченій.

Характеристика, которую даетъ Лерда положенію въ Италіи интеллигентнаго пролетаріата, весьма любопытна. Она прекрасно иллюстрируетъ наши общія положенія. Само собою понятно, что развитіе отрицательныхъ сторонъ капитализма насчетъ положительныхъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что количество свободныхъ, незанятыхъ рабочихъ силъ—резервная рабочая армія—растетъ относительно быстрѣе, а обезпеченная работой армія труда—относительно медленнѣе. И это относится не только къ ручному, физическому, но и къ умственному труду. „Крайне многочисленно“, по свидѣтельству нашего автора, въ Италіи

„представленъ также другой видъ пролетаріата, обнаруживающій постоянную тенденцію къ численному возрастанію: это интеллигентный пролетаріатъ. Мелкая буржуазія и мелкіе землевладѣльцы ставятъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы дѣти ихъ заняли какую-нибудь изъ либераль-

ныхъ профессій. Отчасти объясняется это тѣмъ, что они неособенно надѣются на будущность своего промысла или своего имѣнія, отчасти просто изъ предразсудка, будто человѣку, снабженному дипломомъ или титуломъ, все лучше удается, чѣмъ прочимъ смертнымъ... Если вспомнить общія соціальныя отношенія страны и малокультурность массъ, то будетъ легко понять, что эти молодые люди, которые въ такомъ громадномъ числѣ вынуждены пускаться въ погоню за мѣстами и за заработкомъ, будучи неспособными или не желая идти по отцовскимъ жизненнымъ дорогамъ, сначала быстро проѣдаютъ маленькое наслѣдство, если оно было, а подъ конецъ впадаютъ въ нужду и вынуждаются довольствоваться самымъ жалкимъ уровнемъ существованія".

Другой авторъ, Одиндо Малагоди [1]), рисуя картину сицилійскаго крестьянскаго возстанія, заключаетъ такъ:

„Мы видѣли, что всѣ главы агитаціи были доктора, адвокаты, профессора—словомъ, представители того класса, который можно охарактеризовать удачнымъ выраженіемъ Адама Смита: „кліентела буржуазіи". Ужасный экономическій кризисъ, переживаемый теперь Италіей, поразилъ ихъ сильнѣе, чѣмъ кого-либо. Наши университеты ежегодно выбрасываютъ изъ своихъ стѣнъ огромный контингентъ безработныхъ и деклассированныхъ... Наша индустрія, наша рахитическая коммерція ихъ болѣе не поглощаетъ... Итальянская буржуазія, потрясенная кризисомъ, въ концѣ концовъ, не въ состояніи поддерживать свои собственныя креатуры, и они, деклассированные элементы современнаго общества, находясь безъ работы и предрасположенные, такимъ образомъ, къ революціи, подпадаютъ подъ вліяніе соціалистическихъ идей, и, дезертируя изъ рядовъ буржуазнаго класса, устремляются къ пролетаріату и пробуютъ его поднять".

Нѣкоторыя аналогіи съ Россіей напрашиваются здѣсь сами собою. Многимъ, вѣроятно, памятна та травля на интеллигенцію, которая была начата въ 80-хъ годахъ реакціонной прессой, особенно послѣ 1-го марта. Поднялись крики объ опасности, которой угрожаетъ государству обнаружившееся перепроизводство интеллигенціи, чрезмѣрное количество недоучившихся, или хотя и доучившихся, но необезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи молодыхъ людей, которые-де и составляютъ кадры всевозможныхъ „нигилистическихъ, соціалистическихъ и террористическихъ шаекъ". Памятны проекты о сокращеніи числа университетовъ, о допущеніи въ учебныя заведенія лишь дѣтей благородныхъ и богатыхъ родителей, и тому подобные, порою еще болѣе нелѣпые и

[1]) „La révolution prolétarienne en Sicile".

утопическіе планы вырвать зло (т.-е. интеллигенцію) съ корнемъ. Утопическіе—потому что и самому государству и насажденному имъ капитализму, и среднимъ классамъ вообще необходимы дешевые интеллигентные работники. А дешевы интеллигентные работники только тогда, когда ихъ много, когда предложеніе интеллигентнаго труда превышаетъ спросъ, когда конкурренція между ищущими работы велика. При всей ненависти къ интеллигенціи, какъ политической силѣ, правящіе верхи сами вынуждены создавать и взращивать тотъ классъ людей, который составляетъ главный контингентъ революціоннаго „мыслящаго пролетаріата“ — образованныхъ разночинцевъ. И этотъ классъ, не взирая на періодически возобновляющуюся реакціонную травлю, все растетъ и растетъ, усиливаясь и усиливаясь. И этотъ классъ не можетъ не видѣть, что въ то самое время, когда многіе его сочлены сидятъ безъ работы, когда на ихъ трудъ нѣтъ спроса, въ то же самое время соотвѣтственныя потребности массы населенія остаются неудовлетворенными. Они прекрасно понимаютъ, что будь большинство трудящагося народа хоть немножко побогаче, хоть немножко просвѣщеннѣе и культурнѣе—какое моментально получилось бы увеличеніе спроса на трудъ учителей, докторовъ, адвокатовъ и т. под.! Собственный кровный интересъ толкаетъ ихъ къ народу и ставитъ въ антагонизмъ съ паразитическими элементами общества, истощающими народный организмъ. Въ настоящее время эти разночинные элементы въ особенности группируются вокругъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. На эти органы правительство свалило значительную долю хлопотъ какъ разъ по удовлетворенію настоятельнѣйшихъ потребностей населенія: народная медицина, школьное дѣло, продовольствіе и т. п. Если прибавить сюда всевозможныя оцѣночныя и статистическія работы, необходимыя для мало-мальски раціональной постановки важнѣйшихъ функцій земства, то станетъ ясно, что засѣдающіе въ управахъ помѣщики нуждаются въ цѣлой массѣ работниковъ со спеціальной подготовкой и съ такими незначительными потребностями, чтобы удовлетворяться скромнымъ земскимъ жалованьемъ. При невозможности для земскихъ „кадыковъ“

сколько-нибудь серьезнаго контроля надъ всѣми сторонами этой дѣятельности пріобрѣтаетъ особенное значеніе добросовѣстность служащихъ. И не вина почтенныхъ земскихъ дѣятелей или „отцовъ города“, что всѣмъ этимъ требованіямъ—дешевизна, полная добросовѣстность и широкая подготовка—удовлетворяютъ люди, 90 проц. которыхъ—„красные“. При всемъ нерасположеніи къ послѣднимъ *приходится* пользоваться ихъ услугами, *приходится* волей-неволей и подчиняться—по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени—ихъ вліянію. Болѣе высокій умственный уровень и безупречная нравственность—силы, съ которыми нельзя не считаться...

Въ прошломъ году надѣлала много шуму рѣчь самарскаго вице-губернатора, который обратилъ вниманіе земскаго собранія на то, что въ земскихъ дѣлахъ, помимо вліянія „лицъ правительственныхъ и представителей мѣстныхъ обывателей“, замѣчается еще „вліяніе третьяго элемента“, который

„состоитъ изъ особей, обладающихъ большимъ запасомъ научныхъ, теоретическихъ познаній, которыя поднимаютъ и завоевываютъ имъ авторитетъ въ мѣстномъ обществѣ, нерѣдко доставляя торжество отвлеченному принципу надъ практическими данными“.

Его вліяніе не предусмотрѣно закономъ, считающимъ гарантіей успѣшнаго теченія земскихъ дѣлъ рѣшающую роль только двухъ первыхъ элементовъ; фактически растущее вліяніе еще „третьяго“ въ его глазахъ является чѣмъ-то чуть-чуть не въ родѣ обхода закона.

„Случается—скорбитъ онъ — что представители сословій, безъ достаточно провѣренныхъ основаній, внемлютъ слову интеллигентовъ, хотя бы то были не болѣе, какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь вслѣдствіе ссылки на науку или на поученіе газетныхъ и журнальныхъ писателей. Внѣшній видъ этихъ словъ заманчивъ, но внутренній—чреватъ опасностями“.

Представители третьяго элемента лелѣютъ въ умахъ различныя „грезы“, которыя, правда, „носятъ лишь фантастическій характеръ“, но по отношенію къ которымъ, тѣмъ не менѣе, нельзя забывать, что онѣ—„допустивъ въ основаніи политическія тенденціи“—могутъ имѣть „вредную сторону“...

И этотъ „третій элементъ“, конечно, сидитъ не въ одномъ только земствѣ, гдѣ онъ почему-то особенно бросился въ

глаза самарскому „недремлящему оку“. Онъ вездѣ. Образованный разночинецъ, работникъ всѣхъ видовъ интеллигентныхъ ремеселъ выросъ въ обширный общественный слой, сильный своей умственной и нравственной энергіей, впечатлительностью, подвижностью, иниціативой, — цѣлымъ рядомъ качествъ, какъ нельзя болѣе подходящихъ для роли „революціонной бациллы“. Пора это высказать ясно и отчетливо. Нельзя закрывать глаза на дѣйствительность, подъ тѣмъ предлогомъ, что интеллигенція не представляетъ собою чего-то цѣлаго, ибо, дескать, всякій классъ имѣетъ свою интеллигенцію. Конечно, интеллигенція состоитъ не сплошь изъ соціалистовъ и революціонеровъ, но развѣ хотя бы индустріальный пролетаріатъ состоитъ сплошь изъ таковыхъ? Въ каждомъ классѣ есть своя дифференцировка, свои верхи и низы, тянущіе въ разныя стороны. Въ связи какъ съ этимъ, такъ и съ другими причинами каждый классъ даетъ партизановъ разнымъ партіямъ, разнымъ теченіямъ жизни. Интеллигентные разночинцы остаются во всякомъ случаѣ своеобразной соціальной единицей, несомнѣнной общественной силой, настроеніе которой не случайная, а вполнѣ опредѣленная величина,—это тоже гиря на чашкѣ вѣсовъ, съ которой необходимо считаться. Мы этого дѣлать не хотѣли, боясь „самобытничества“, такъ какъ де въ тѣхъ странахъ Западной Европы, на которыхъ концентрировалось наше вниманіе, мы не подмѣчали аналогичныхъ явленій...

Но мы теперь видимъ, что и въ „Европѣ“ тоже имѣются страны, гдѣ „интеллигенція“ играла очень и очень видную роль. Такова хотя бы Италія. Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить, что слово „интеллигенція“ можетъ быть понимаемо не только въ смыслѣ особой экономической категоріи (труженики интеллигентныхъ ремеслъ, представители спеціально умственнаго труда), а въ смыслѣ категоріи идеологической, какъ сознательнѣйшая, наиболѣе развитая умственно и нравственно часть націи. Оба эти понятія часто смѣшиваются въ виду того, что они охватываютъ отчасти (но не вполнѣ) совпадающія явленія жизни. Наибольшій контингентъ „интеллигенціи“ во второмъ смыслѣ слова прежде всего доставляется „интеллигенціей“ въ первомъ смыслѣ.

Но къ ней быстро присоединяется не только цвѣтъ трудящихся классовъ, а и люди другого рода,—отщепенцы буржуазныхъ слоевъ общества, силою ума и чувства поднявшіеся надъ своимъ классовымъ положеніемъ, надъ обычными интересами, аппетитами и предразсудками своего класса.

Любопытенъ съ этой точки зрѣнія смотръ, который производитъ инціаторамъ и руководителямъ крестьянско-рабочаго сицилійскаго революціоннаго движенія Олиндо Малагоди.

„Боско—молодой чиновникъ изъ Палермо, служившій конторщикомъ въ торговомъ домѣ; Де Феличе—бывшій чиновникъ префектуры; Барбато—докторъ изъ Piano dei Greci; Монтальто — адвокатъ. Предсѣдатель fascio (союза) въ Кампобелло былъ адвокатъ Антонино Скутіери; въ Соммативо—Калоджеро—бывшій коммунальный секретарь Грасси; въ Кастельтермини—школьный учитель Джузеппе Бивона. Въ fasci принимали участіе не только крестьяне и рабочіе, но и много разныхъ служащихъ, студентовъ и даже чиновниковъ, состоящихъ на государственной и общественной службѣ. Извѣстно, напримѣръ, какъ одинъ мировой судья систематически совѣтовалъ рабочимъ—конечно, подъ секретомъ—записываться въ fasci. Другой членъ магистратуры, имѣвшій собственное состояніе, вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя дѣлу пропаганды. Прибавимъ къ этому, что въ то же время въ сицилійскихъ университетахъ многіе профессора проповѣдовали соціализмъ съ высоты каѳедры. Медицинскій факультетъ въ Палермо былъ цѣликомъ соціалистическимъ...

„Но этого еще мало. Знаменательно другое явленіе. Среди вожаковъ сицилійскаго движенія слѣдуетъ отмѣтить—благодаря своей численности, они имѣютъ важное значеніе—богатыхъ собственниковъ. Такъ, въ Каникатти президентомъ fascio былъ богатѣйшій собственникъ Гаэтано Рава, пожертвовавшій свое состояніе для соціалистическаго дѣла. Въ Кастельтермини проявлялъ всѣ свои симпатіи дѣлу другой богатый собственникъ, сынъ сенатора Франческо Перецъ Ло-Буэ. Среди наиболѣе активныхъ молодыхъ дѣятелей, которые, между прочимъ, больше всего помогали партіи и своими денежными средствами, былъ молодой баронъ Кольнаго, князь де-Бочина, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ членовъ сицилійской феодальной аристократіи и мн. другіе [1]).

---

[1]) Ср. также Росси „Die Bewegung in Sizilien“. О томъ же свидѣтельствуетъ и Колайани: „слѣдуетъ замѣтить, что немало организаторовъ союзовъ принадлежатъ къ буржуазному классу; нѣкоторые очень состоятельны (agiatissini), какъ Баллерини; кое-какіе, чрезвычайно богатые принадлежатъ къ высшей аристократіи, какъ маркизъ Діо-Монтэмаджіоре и князь ди-Куто“ („In Sicilia“, 18),

При этомъ такъ и вспоминается наше хожденіе въ народъ, гдѣ тоже на ряду съ разночинцами беззавѣтно отдавались дѣлу и „кающіеся дворяне“—мировые судьи, богатые помѣщики, генеральскія и сенаторскія дѣти, офицеры арміи и флота, и т. п., и т. п. И къ нимъ вполнѣ примѣнимы слова, которыя даже такой правовѣрный марксистъ, какъ Малагоди, говоритъ объ итальянскихъ „интеллигентахъ“:

„Среди этихъ юныхъ пропагандистовъ соціалистическихъ идей, конечно, были прекрасные типы,—образованные, истинные рыцари гуманности“.

Плоха же будетъ та политическая программа, которая не оцѣнитъ должнымъ образомъ этихъ жизненныхъ фактовъ.

* * *

Намъ осталось разсмотрѣть исторію отношеній между итальянской революціонной интеллигенціей и городскимъ рабочимъ движеніемъ.

Современная соціалистическая партія въ Италіи произошла изъ сліянія двухъ отдѣльно возникшихъ партій. Одна изъ нихъ была независимой партіей самихъ рабочихъ, другая—соціалистической партіей, составленной изъ образованныхъ людей, отщепенцевъ привилегированныхъ классовъ.

Что касается первой, то вотъ что разсказываетъ о ней Джіовани Лерда.

„Эта рабочая партія, которая въ короткій срокъ много разъ мѣняла и свое имя, и свою программу, имѣла весьма существенное значеніе. Она устраивала организаціи среди рабочихъ различныхъ верхне-итальянскихъ городовъ, поощряла къ образованію рабочихъ союзовъ и существенно работала надъ ихъ укрѣпленіемъ, организовывала стачки и занималась многими вопросами чисто практическаго характера, надъ которыми никогда не задумывался соціалистъ-доктринеръ“.

Такими яркими красками описываетъ Лерда достоинства этой партіи. Но у него же мы встрѣчаемъ въ высшей степени осторожныя и сдержанныя указанія и на другую сторону медали. Оказывается, что программа этой рабочей партіи

„при своей неполнотѣ и неясности, имѣла ясно выраженный практическій характеръ, требуя непосредственныхъ, злободневныхъ реформъ въ пользу рабочаго населенія и выставляя основное положеніе—поддерживать при политическихъ выборахъ только такихъ кандидатовъ, которые сами принадлежатъ къ рабочему классу".

Такимъ образомъ, достаточно ясно, что это движеніе носило узко практическій характеръ, подобно старому англійскому тредъ-юніонизму; что экономическая организація и стачкизмъ были его главными орудіями: что оно характеризовалось извѣстной профессіонально-робочей исключительностью... Мы видимъ, что Лерда, упрекавшій соціалистовъ-интеллигентовъ въ „академичности" и даже какомъ-то „дилетантизмѣ", несмотря на признаніе за ними „подвиговъ самоотверженія и дѣйственной энергіи",—что этотъ самый Лерда далеко не такъ строго относится къ независимой партіи.... Тѣмъ цѣннѣе однако въ нашихъ глазахъ всѣ его признанія, которыя заставляютъ считать недостаточно безпристрастнымъ его отношеніе къ двумъ этимъ элементамъ итальянскаго движенія. Оказывается, между прочимъ, что и соціализмъ этой рабочей партіи былъ весьма проблематичнымъ.

„Съ многихъ сторонъ—продолжаетъ Лерда—эта рабочая партія выставлялась какъ реакція противъ чисто теоретическаго направленія первыхъ соціалистическихъ пропагандистовъ. Въ дѣйствительности она была не что иное, какъ естественное выраженіе измѣнившихся экономическихъ условій страны, и произошла почти что независимо отъ вывезенныхъ изъ-за границы соціалистическихъ идей. Конечно, нѣкоторые неясно формулированные въ ея программѣ принципы можно разсматривать, какъ отраженіе доктринъ, распространявшихся въ массѣ соціалистами [1]); однако несомнѣнно, что, въ концѣ концовъ, рабочая партія не была ни соціалистической, ни даже дѣтищемъ соціализма. Она была просто живымъ выраженіемъ хозяйственнаго гнета, который день ото дня становился въ Италіи невыносимѣе. Она поступала въ тѣсномъ смыслѣ слова сообразно марксовскому афоризму: „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ" и держалась замкнуто, отстраняясь отъ всякаго общенія какъ съ цѣлыми партіями, такъ и съ отдѣльными лицами, если они не принадлежали къ рабочему классу..."

---

[1]) Кстати сказать, что признаніе не совсѣмъ то вяжется съ приведеннымъ выше утвержденіемъ Лерды, что дѣятельность интеллигентной фракціи соціалистовъ была „академической", безъ всякаго вліянія на „массы" и т. п.

Невольно и здѣсь приходятъ на память аналогичныя явленія изъ русской дѣйствительности...

„Осенью 1899 года—читаемъ мы, напримѣръ, въ брошюрѣ о „рабочемъ дѣлѣ въ Харьковѣ"—создалась совершенно особая независимая рабочая организація... Особенность этой организаціи—ея отрицательное отношеніе къ интеллигенціи, отведеніе ей чисто служебной роли („ваше дѣло—доставлять литературу и деньги, дѣло мы сами будемъ дѣлать, говорили главари — рабочіе этой организаціи)... Кстати сообщимъ, что и до сихъ поръ среди рабочихъ здѣсь имѣются представители подобнаго воззрѣнія на интеллигенцію, осложняющагося и нѣкоторыми другими чертами, въ частности культомъ „чисто рабочаго движенія". По мнѣнію сторонниковъ этого направленія, необходимо строго различать рабочее движеніе отъ революціоннаго; послѣднее будто бы не имѣетъ ничего общаго съ первымъ и есть дѣло одной интеллигенціи".

И это не единичное и не чисто мѣстное явленіе. Пишущему эти строки приходилось столкнуться съ еще болѣе рѣзкой формулировкой этого взгляда устами одного петербургскаго рабочаго-механика: послѣдній говорилъ, что

„въ Россіи есть двѣ разныхъ (sic) соціалистическихъ партіи: одна—это рабочіе: они хотятъ свое положеніе улучшить; другая—это студенты (!); они хотятъ правительство свергнуть долой.

Не въ томъ же ли самомъ Петербургѣ нѣсколько энергичныхъ рабочихъ организовали въ 1899 г. „Группу самоосвобожденія рабочаго класса", которая въ своемъ воззваніи проповѣдывала организацію „на почвѣ повседневныхъ, реальныхъ интересовъ рабочаго, на почвѣ борьбы за условія его существованія и труда"? Воззваніе говорило также, что „интеллигенція по старой памяти слишкомъ самообольщается на счетъ своего значенія", „считаетъ себя какой-то особенной силой", представляетъ какой-то „ареопагъ, въ который меньше всего допускаются какъ разъ тѣ, чьи интересы берется защищать этотъ трогательный союзъ интеллигентовъ", тогда какъ въ немъ—въ этомъ „ареопагѣ"—на ряду съ истиннымъ идеологомъ рабочаго класса сплошь и рядомъ встрѣчается и „пылкій революціонеръ, величающій себя лишь по недоразумѣнію идеологомъ пролетаріата"... Отсюда и необходимость для рабочихъ „взять свое дѣло въ свои собственныя руки", „выступить новой, самостоятельной группой самоосвобожденія рабочаго класса"... Наконецъ, отмѣтимъ еще, что въ соціальдемократической литературѣ са-

маго послѣдняго времени встрѣчаются указанія еще на т. н. „иваново-вознесенское или мыслительское направленіе“, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ будто бы аналогичное выше охарактеризованному направленію среди рабочихъ; въ Искрѣ“ сообщалось о собраніяхъ рабочихъ въ Саратовѣ, при чемъ „интеллигенція не приглашалась“, ибо „въ этомъ нѣтъ никакой надобности, интеллигенція вообще не должна мѣшаться въ рабочія дѣла“. „Искра“ утверждаетъ, что среди мѣстныхъ рабочихъ пріѣзжими петербургскими рабочими проповѣдуется „отрицаніе необходимости борьбы за политическую свободу, значенія интеллигенціи для рабочаго движенія и проч.“.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ же узкимъ, насквозь проникнутымъ цеховымъ, профессіональнымъ душкомъ движеніемъ, какъ то было и въ Италіи. Мы знаемъ, что повсюду нѣкоторая склонность къ такого рода узкой практичности и профессіональной замкнутости замѣчалась среди рабочей аристократіи, среди лучше оплачиваемой, квалифицированной части рабочихъ. И—что особенно интересно — цеховая исключительность этихъ „избранниковъ пролетаріата“ только однимъ своимъ остріемъ направлена вверхъ, въ сторону интеллигенціи, другимъ же—внизъ, въ сторону необученныхъ рабочихъ и въ особенности крестьянъ. Такъ, Н. Колайани, между прочимъ, пишетъ:

„Наши рабочіе—городскіе и индустріальные—какъ уже это было замѣчено проф. Нитти въ „Revue d'economie politique“ Ш. Жида, не только малочисленны, но и составляютъ до настоящаго времени аристократію труда, которая съ пренебреженіемъ относится къ громадной массѣ крестьянъ“.

Нѣчто подобное — увы! — встрѣчается въ иныхъ рабочихъ кругахъ и у насъ. Отсылаемъ читателей къ изданнымъ „Рабочимъ Дѣломъ“ брошюрамъ „Положеніе тверскихъ рабочихъ“ и „Чему насъ учитъ Никольская стачка“. Тамъ вы увидите, что съ одной стороны, стоятъ постоянные квалифицированные фабричные рабочіе, съ высокимъ уровнемъ потребностей („штиблеты, пальто, калоши, носовые платки, часы, мѣховое зимнее платье—часто по послѣдней

модѣ"), съ другой стороны, простые ткачи, перекочевавшіе, что называется, прямо изъ-подъ сохи да подъ ружье, лѣтомъ часто возвращающіеся въ деревню и привыкшіе къ минимуму потребностей („лапти, грубыя лохмотья вмѣсто одежды, пустыя щи" и т. под.). И вотъ первые глядятъ на послѣднихъ свысока, зовутъ „деревенщиной", „зимовалами", „сѣрыми" или просто „лаптями"; послѣдніе же считаютъ первыхъ, очевидно, „зазнавшимися"...

Возникаетъ вопросъ, какую же тактику усвоила себѣ соціалистическая партія въ Италіи (состоявшая, какъ мы видѣли, изъ интеллигенціи) къ этому узкому экономическому теченію? Какія сложились отношенія между двумя этими общественными силами? Каковъ былъ результатъ ихъ столкновенія на одной и той же исторической аренѣ, и какую роль сыграла при этомъ революціонно-соціалистическая интеллигенція?

Какъ свидѣтельствуетъ Лерда, оказалось вотъ что: независимая рабочая партія

„зародилась съ ограниченнымъ пониманіемъ причинъ и основаній хозяйственнаго гнета, съ туманнымъ и неопредѣленнымъ критеріемъ для предстоящей дѣятельности и насчитывала въ своихъ рядахъ слишкомъ мало независимыхъ и образованныхъ элементовъ, чтобы органически развиваться въ полнотѣ силъ, какъ это необходимо для достиженія достаточнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Было естественно и логично, что прежде всего со стороны соціалистовъ была сдѣлана попытка къ сближенію... Они пытались привлечь къ себѣ рабочую партію, чтобы образовать вмѣстѣ съ ней *единую* партію... Это была долгая и нелегкая работа, которая, наконецъ, была приведена къ концу усиліями нашихъ интеллигентнѣйшихъ товарищей".

Именно, на Мантуанскомъ объединительномъ конгрессѣ (1886 г.) было положено начало сближенію, а на Генуэзскомъ (1892 г.) дѣло завершилось образованіемъ единой „итальянской соціалистической партіи" (partito socialista italiano).

„Съ этихъ поръ и корпоративно-профессіональное рабочее движеніе освободилось отъ того узкаго, мелочнаго духа, которымъ раньше характеризовалось. Хотя съ одной стороны, при извѣстныхъ условіяхъ—именно, предполагая достаточную широту и глубину руководящихъ взглядовъ—корпоративизмъ можетъ приносить чрезвычайно большую пользу экономическому развитію рабочаго класса, зато обычно онъ можетъ выродиться—и,

дѣйствительно, выраждается—въ борьбу исключительно за профессіональные интересы, которая ослабляетъ и разрушаетъ то чувство солидарности, которое должно объединять всѣхъ работниковъ безъ различія".

Это объединеніе тоже весьма поучительный примѣръ для русскихъ революціонеровъ. И ему не мѣшало бы послѣдовать. А что же мы вмѣсто этого видимъ? У насъ въ средѣ самихъ интеллигентовъ-соціалистовъ то и дѣло прорываются теченія, приспособляющіяся къ узкому экономизму, поддерживающія его во всемъ, даже въ недовѣрчивомъ отношеніи ко всему идущему отъ интеллигенціи. За послѣдніе годы фактовъ этого рода накопилась тьма. Вотъ вамъ „Рабочая мысль" съ ея замалчиваніемъ соціализма и политической свободы и съ самыми нетактичными выходками противъ интеллигенціи. Вотъ соціальдемократическая брошюра, въ которой интеллигентъ—ссыльный революціонеръ—посрамляется рабочимъ, предъявляющимъ ему „мозолистыя руки" и „съ убійственной ироніей" произносящій своеобразное обвиненіе: „эхъ, вы, ин-тел-лиген-ція"! Вотъ прокламація покойнаго Центральнаго Комитета Московскаго Рабочаго Союза, выступающая противъ студенческаго движенія на томъ основаніи, что оно имѣетъ „неклассовый" характеръ, и рекомендующая студентамъ „разъединеніе вмѣсто объединенія" (1896 г.). Вотъ прокламація кіевскихъ соціалъ-демократовъ, умоляющая сознательныхъ рабочихъ предотвратить участіе ихъ товарищей въ демонстраціи по поводу трагической кончины Вѣтровой, демонстраціи организуемой соціалистами-революціонерами: въ противовѣсъ этому прокламація приглашаетъ призывать рабочую массу на *экономическую* борьбу (1897 г.). Вотъ позднѣйшая прокламація Кіевскаго Соціальдемократическаго Комитета, отлучающая рабочихъ, принимавшихъ участіе въ противоправительственной демонстраціи 6-го мая (организованной соціалистами-революціонерами и „Рабочей Волей") „отъ братской семьи рабочихъ всего міра" [1]). Вотъ странная „ошибка", вслѣдствіе которой изъ написанной *самими рабочими* прокламаціи исчезаютъ всѣ политическія требованія, послѣ

[1]) Противъ столь нетактичнаго акта сочла необходимымъ рѣшительно высказаться и газета „Искра" (№ 5, стр. 4).

того, какъ она побывала въ соціальдемократической типографіи [1]). Вотъ цѣлый рядъ первомайскихъ прокламацій различныхъ „комитетовъ“ съ требованіями свободы *рабочихъ* союзовъ и кассъ, суда присяжныхъ *по дѣламъ о стачкахъ* и т. п. Еще понятно, когда стихійно возникшее среди самихъ рабочихъ движеніе запечатлѣно на первыхъ порахъ узостью и односторонностью; но когда интеллигентные руководители движенія, богатые знакомствомъ съ опытомъ Западной Европы, вмѣсто того, чтобы расширять характеръ движенія, сами его суживаютъ, эта тактика должна подвергнуться рѣшительному осужденію.

Конечно, въ Германіи экономическая организація и экономическая борьба, которыя одно время были оттѣснены на задній планъ разгаромъ политической работы, теперь вновь протискиваются впередъ. Конечно, громадное значеніе чисто экономическихъ организацій доказано и бельгійскимъ и англійскимъ рабочимъ движеніемъ. Но нельзя же забывать своеобразіе хозяйственныхъ условій этихъ странъ. Стачечное, профессіональное, вообще чисто экономическое движеніе всегда оказывалось тѣмъ болѣе продуктивнымъ, чѣмъ болѣе цвѣтущимъ былъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время національный капитализмъ. Именно въ Англіи и притомъ въ эпоху гигантскаго расцвѣта ея власти на рынкахъ оказывались наиболѣе уступчивыми и покладистыми фабриканты: отсюда и узкая практичность, и „благоразумный эгоизмъ“ англійскихъ тредъ-юніоновъ. И если теперь та же прѣсная „трезвенная“ нота зазвенѣла въ рѣчахъ теоретиковъ и практиковъ бернштейніанства, то матеріальной подкладкой этого явленія служитъ опять-таки необычный (до кризиса послѣдняго времени) подъемъ германской промышленности, мѣстами съ успѣхомъ выбивающей изъ позицій даже англійскую, не говоря уже о французской. Наоборотъ, экономическая борьба тѣмъ меньше можетъ претендовать на самодовлѣющее значеніе, чѣмъ неблагопріятнѣе въ странѣ соотношеніе отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ

---

[1]) Указаніе на это см. въ „Рабочемъ Дѣлѣ“ и „Vademecum“'ѣ Г. Плеханова.

капитализма. Даже такой ярый бернштейніанецъ, какъ Ф. О. Гертцъ, вынужденъ признать, обрисовавши характерныя черты австрійскаго капитализма, что „здѣсь надо искать причинъ, почему у насъ, конечно, мало видовъ на основаніе „индустріальной демократіи“ при помощи сильныхъ профессіональныхъ союзовъ, какъ это представляетъ Бернштейнъ; въ Австріи съ давнихъ поръ центръ тяжести лежитъ на завоеваніи государственной машины“. Мы видѣли, что Венгрія въ этомъ отношеніи нимало не отличается отъ Австріи. То же самое находимъ мы и въ Италіи. „Что касается чисто экономической организаціи пролетаріата, то легко понять, что она въ Италіи не могла далеко уйти впередъ. Хозяйственныя условія страны, въ которой крупная индустрія мало развита, въ которой сельское хозяйство кое-какъ влачитъ свое существованіе, на половину разбитое параличемъ, стѣсненное устарѣлыми способами производства и заграничной конкурренціей,—хозяйственныя условія такой страны не позволяютъ создать достаточное организованное сопротивленіе... Капиталистическое хозяйство на нашемъ полуостровѣ все еще находится въ эмбріональномъ состояніи, и поэтому итальянскій пролетаріатъ едва-едва можетъ находить въ той средѣ, въ которой онъ живетъ, необходимые элементы для систематическаго сопротивленія эксплуатаціи“. Что же послѣ этого приходится сказать о Россіи, гдѣ къ тому же правительственный гнетъ еще болѣе затрудняетъ эту борьбу?

Мы уже говорили, что „избранники пролетаріата“ нерѣдко обнаруживаютъ тенденцію замыкаться въ узкіе профессіональные интересы и проявлять цеховую исключительность. Но это только одна сторона медали. Съ другой стороны, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ та же самая лучше поставленная часть рабочаго класса становится лучшимъ и энергичнѣйшимъ авангардомъ движенія. И это тоже понятно. Обладая сравнительно съ другими слоями трудящихся большимъ матеріальнымъ достаткомъ и большимъ досугомъ, обладая, далѣе, извѣстной профессіональной подготовкой, эти элементы выдѣляются изъ рабочей массы также своей интеллигентностью, болѣе подготовлены

къ воспріятію отвлеченныхъ идей и теорій, болѣе другихъ способны увлечься и проникнуться широкими, отдаленными перспективами общественной борьбы. Нужно только, чтобы соціально-революціонная пропаганда настойчиво и опредѣленно била въ эту сторону. Тѣ слои трудящагося населенія, которые болѣе обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, именно поэтому и нуждаются въ подчеркиваніи идеологическаго момента, въ широкомъ этическомъ освѣщеніи соціальныхъ проблемъ. Нужно, чтобы въ нихъ сильнѣе заговорила *нравственная* струна, какъ естественный атрибутъ высоко развитого интеллекта. Нѣтъ ничего опаснѣе и самоубійственнѣе для революціоннаго соціализма, какъ бояться отпугнуть отъ себя эти элементы слишкомъ смѣлой и радикальной программой, какъ разбавлять ее водицей и обрабатывать примѣнительно къ духу „умѣренности и аккуратности". Напротивъ, во что бы то ни стало нужно стараться поднять ихъ *выше* ихъ узенькихъ профессіональныхъ интересовъ; нужно пытаться вдохнуть въ нихъ идеалистическій духъ, разжечь въ ихъ груди искру Прометеева огня, пробудить сознаніе солидарности со всѣмъ „труждающимся и обремененнымъ" народомъ, наполнить ихъ сердца энтузіазмомъ къ общему великому дѣлу освобожденія Россіи отъ гнета абсолютизма, подъ крылышкомъ котораго такъ тепло и привольно живется всѣмъ паразитическимъ элементамъ, всѣмъ эксплуататорамъ рабочаго класса!

И пусть не говорятъ намъ, что эти требованія суть только „безпочвенное увлеченіе интеллигента", что „съ рабочимъ нужны иныя рѣчи". Это невѣрно. Въ такомъ движеніи, путь котораго усѣянъ камнями, терніями и волчицами, когда грядущій день сулитъ много испытаній, а плоды ихъ въ сколько-нибудь широкомъ объемѣ „дано узрѣть лишь дальнему потомству"—въ такомъ движеніи отсутствіе идеалистической струны равносильно ослабленію силы и настойчивости борьбы, равносильно вялости, дряблости, мертвечинѣ... И наиболѣе живые и смѣлые духомъ рабочіе это чувствуютъ. Недаромъ же на страницахъ „Рабочей Мысли" одинъ изъ такихъ рабочихъ въ письмѣ въ редакцію прямо-таки *умоляетъ* интеллигентныхъ рыцарей умѣренности и аккуратности:

„Огня больше! жизни больше, а не сухой схоластики! Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его шеѣ, охъ, какъ знаетъ! Надо только, чтобы съ перваго же слова его сердце забилось сильнѣй и онъ не удержался, чтобы не сходить къ сосѣду, и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой не передалъ ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается сердце при видѣ такой тьмы человѣческихъ насилій“... „Дайте проще и яснѣй сказать своему брату горячее слово, чтобы онъ разогнулъ мозолистую руку и смирилъ разгулявшагося паразита-хозяина. Дайте ей создать настроеніе, при которомъ бы глаза рабочаго сверкали огнемъ негодованія въ любой моментъ появленія предъ нимъ разныхъ мерзавцевъ, а не туманились робкой покорностью человѣка, привыкшаго видѣть во всякой сволочи своего покровителя...“

Вотъ они, золотыя слова! Впрочемъ, теперь уже многіе соціалъ-демократы начинаютъ сознавать, что нашему движенію въ его теперешнемъ видѣ сильно недостаетъ размаха, энтузіазма, темперамента. Итальянцевъ, быть можетъ, выручаетъ еще и горячая южная кровь, текущая въ ихъ жилахъ и не скованная сѣверными морозами...

Да, намъ есть чему и въ этомъ пунктѣ поучиться у итальянскихъ соціалистовъ! Вы уже видѣли, какъ умѣло устранили они дисгармонію между ближайшими практическими нуждами рабочихъ и отдаленными идеалистическими цѣлями интеллигенціи, какъ побороли они давнюю шероховатость отношеній и доставили торжество объединительному принципу. Не менѣе умѣло устранили они и шероховатость во взаимныхъ отношеніяхъ между городскими рабочими и крестьянствомъ.

Итальянскіе соціалисты поняли, что, такъ какъ „главнымъ источникомъ производства и богатства Италіи является деревня [1]) (Gatti), то отсюда „проистекаетъ важность аграрнаго вопроса“ (N. Colajani). Вотъ почему, по словамъ того же Колайани,

„наиболѣе интеллигентные соціалисты увидѣли необходимость направить свою пропаганду на деревню. *Именно этой перемѣнѣ тактики* слѣдуетъ приписать успѣхи, которые сильно обезпокоили правительство“.

Еще недавно итальянскіе соціалисты съ гордостью указывали на замѣчательные результаты, достигнутые ихъ дере-

[1]) Значеніе земледѣлія и деревни въ хозяйственномъ организмѣ Италіи превосходно выяснено въ книгѣ Gerolamo Gatti „Agricultura é Socialismo“ (Milano Palermo, 1900), изъ которой мы и беремъ эту цитату.

венской пропагандой: во время сильнаго городского стачечнаго движенія крестьяне и мѣщане ближайшихъ мѣстностей закладывали свои дома и поля, чтобы оказать должную поддержку стачечникамъ и не дать хозяевамъ сломить ихъ сопротивленіе! Въ лѣтописяхъ современнаго соціалистическаго движенія найдется не много такихъ поистинѣ трогательныхъ явленій, какъ этотъ поступокъ людей, относимыхъ, согласно обычной марксистской классификаціи, въ разрядъ „мелкой буржуазіи“...

Но самая эта классификація въ рукахъ итальянскихъ соціалистовъ должна подвергнуться существенной перестройкѣ. Толкованіе, согласно которому всѣ, не принадлежащіе къ пролетаріату, тѣмъ самымъ принадлежатъ къ буржуазіи, теряетъ кредитъ. Сами пролетаріи разсматриваются лишь какъ часть трудящагося класса, т.-е. людей, источникомъ существованія которыхъ является *трудъ*, какъ политикоэкономическая категорія, независимо отъ того, утратили они свою хозяйственную самостоятельность или нѣтъ.

Только что, какъ сообщаетъ „Vorwaerts“ (№ 281, отъ 1 дек. 1901), закончился въ Болоньѣ конгрессъ итальянскихъ сельскихъ работниковъ, объединенныхъ въ національную федерацію и примкнувшихъ къ соціализму *). Предсѣдателемъ конгресса былъ соціалистъ Андреа Коста, въ числѣ видныхъ участниковъ—Энрико Ферри и Турати. На конгрессѣ было представлено почти 150000 организованныхъ сельскихъ работниковъ: поденщиковъ, половниковъ, мелкихъ крестьянъ—какъ арендаторовъ, такъ и землевладѣльцевъ.

Три теченія проявились на конгрессѣ: одно—ортодоксально-марксистское, другое—промежуточное, и третье—наиболѣе близкое къ нашимъ взглядамъ — стоявшее за органическое объединеніе движенія трудового крестьянства съ движеніемъ сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Въ общемъ, побѣду одержало именно это *третье* теченіе, лишь съ нѣкоторыми уступками въ пользу теченія средняго.

Настоящій „твердокаменный“ марксизмъ былъ представленъ не блестяще — главнымъ образомъ, делегатами изъ Пармы и Страделлы—Уттини и Перотти. Эти послѣдніе требовали исключенія изъ федераціи мелкихъ собственниковъ,

какъ класса не пролетарскаго, не зависящаго прямо отъ патрона и не эксплоатируемаго *непосредственно*. Интересы этого класса, какъ такового, въ общемъ діаметрально противоположны интересамъ класса настоящихъ наемныхъ рабочихъ. Среднее теченіе было представлено такими крупными именами, какъ, напримѣръ, Турати и Ферри. Какъ представители двухъ разныхъ теченій въ общей партійной политикѣ (Турати—умѣренный, Ферри—радикалъ), они приходили къ своему рѣшенію съ разныхъ сторонъ. Турати откровенно оттѣнялъ, что главный мотивъ *за* организаціи и мелкихъ собственниковъ—таковъ: „Мелкій собственникъ, во всякомъ случаѣ, есть политическая сила, въ которой мы нуждаемся; это большая сила, съ которой намъ абсолютно необходимо считаться". Затѣмъ, полагая, что въ крестьянинѣ соединено, такъ сказать, два естества—рабочее и собственническое—онъ отсюда выводилъ свое рѣшеніе: съ одной стороны, не слѣдуетъ мелкую собственность подкрѣплять противъ индустріализма, съ другой—можно и должно пользоваться мелкой собственностью (рабочей ея стороной) для усиленія классовой борьбы. Ферри, со своей стороны, также находилъ, что какъ часть мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, такъ, въ особенности, мелкіе фермеры, а также издольщики, могутъ и должны входить въ федерацію; онъ, однако, полагалъ, что объединеніе ихъ *вмѣстѣ съ наемными рабочими въ однихъ и тѣхъ же союзахъ* могло бы повести къ затемнѣнію въ повседневной борьбѣ идеи классоваго антагонизма. Онъ высказывался, далѣе, противъ допущенія въ составъ федераціи, на ряду съ „союзами сопротивленія", также и кооперативныхъ товариществъ, ибо послѣднія, хотя и улучшаютъ положеніе своихъ членовъ, но и не могутъ быть разсматриваемы, какъ одна изъ формъ организаціи классоваго сопротивленія. Ферри предлагалъ, кромѣ того, раздѣлить федераціи на двѣ секціи, при чемъ въ одну изъ нихъ должны были входить наемные рабочіе, а въ другую—фермеры, издольщики и мелкіе собственники. Эта двойственность организаціи соотвѣтствовала бы двойственности положенія мелкой собственности лишь частью, а не вполнѣ, сходящейся въ интересахъ съ наемнымъ трудомъ; это—два элемента, „для

которыхъ общимъ является возмущеніе противъ современнаго положенія вещей, но у которыхъ есть также свои особенные интересы, весьма часто могущіе приходить къ столкновенію".

Главнымъ представителемъ *третьяго* теченія являлся назначенный докладчикомъ по этому вопросу *Жино Муріальди*; на его аргументаціи мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Онъ выступалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, съ одной стороны, за допущенія мелкихъ крестьянъ, издольщиковъ и фермеровъ въ „лиги сопротивленія" батраковъ, что облегчается частымъ соединеніемъ въ одномъ лицѣ самостоятельнаго земледѣльца съ работникомъ по найму на крупнаго землевладѣльца. Конечно, есть фермы и земледѣльцы, сами пользующіеся наемнымъ трудомъ; такимъ въ „лигахъ сопротивленія" нечего дѣлать; надо дѣлать строгое различіе между разными категоріями, поверхностно обозначаемыми однимъ и тѣмъ же терминомъ „фермеровъ" или „мелкихъ собственниковъ"; трудно лишь установить чисто формальный критерій различныхъ этихъ категорій, въ виду сложности и разнообразія случаевъ, и потому правильнѣе разсматривать каждый данный случай отдѣльно. „Какъ бы то ни было,— говорилъ онъ,—требованія наемныхъ рабочихъ относительно улучшеній своего положенія почти вездѣ и почти всегда встрѣчаютъ благосклонный пріемъ со стороны мелкихъ фермеровъ и мелкихъ собственниковъ. Съ какой же стати отталкивать лиги этихъ работниковъ, разъ онѣ нисколько не мѣшаютъ движенію, разъ онѣ могутъ даже, въ исключительныхъ случаяхъ, помогать матеріальными средствами, превышающими значительно средства другихъ работниковъ (слѣдуя благородному примѣру мелкихъ собственниковъ Помзины, которые заложили свою собственную землю, чтобы помочь крестьянскимъ организаціямъ); вѣдь и сами онѣ эксплоатируются классомъ капиталистовъ, такъ какъ, обрабатывая земли, обладающія извѣстной цѣнностью, не только не получаютъ полностью плодовъ своей работы, влачатъ жизнь, настолько же жалкую, какъ и наемные рабочіе". Это важно, между прочимъ, и потому, что при такой организаціи „наемные сельско-хозяйственные рабочіе не рискуютъ,

что въ случаѣ стачки мелкіе собственники согласятся, на большій или меньшій срокъ, замѣнить ихъ на прерванной работѣ. Очень возможно, что у нѣкоторыхъ мелкихъ собственниковъ будетъ нѣсколько свободныхъ дней во время жатвы, періода, наиболѣе благопріятнаго, конечно, для подобныхъ стачекъ; надо поставить дѣло такъ, чтобы у нихъ не явилось искушенія воспользоваться этимъ досугомъ и измѣнить наемнымъ рабочимъ".

Съ другой стороны, не менѣе желательно, чтобы наемные рабочіе входили въ крестьянскія организаціи, хотя бы чисто экономическія, напримѣръ, кооперації, что съ чисто хозяйственной точки зрѣнія вовсе не будетъ ненормальностью: „При участіи въ нихъ наемныхъ рабочихъ, эти учрежденія, особенно потребительныя товарищества, будутъ сбывать болѣе регулярно и по лучшимъ цѣнамъ предметы непосредственнаго потребленія, какъ напримѣръ, маисъ и вино".

Въ своемъ заключительномъ словѣ Муріальди указалъ, что борьба противъ сложныхъ и разнообразныхъ формъ капиталистической эксплоатаціи можетъ выразиться не только въ стачкѣ, но можетъ вестись и другими средствами, напримѣръ, при помощи кооперацій мелкихъ собственниковъ. Но есть кооперації и кооперації. „Само собой разумѣется, что эти кооперації должны остаться классовыми учрежденіями" въ противоположность тѣмъ коопераціямъ, которыя основываются клерикалами и либералами: „единственная цѣль послѣднихъ—это доставить участникамъ то небольшое количество выгодъ, которое достаточно, чтобы заставить ихъ терпѣливо сносить бремя бѣдствій, еще тяготѣющихъ надъ ними, оставивъ заботу о полномъ освобожденіи; чтобы пріучить ихъ болѣе, чѣмъ когда-либо, ввѣрить свою судьбу всецѣло въ руки буржуазіи". Въ этихъ кооперацияхъ они стараются объединять мелкихъ фермеровъ и земледѣльцевъ съ крупными хозяевами, порою привлекая и наемныхъ рабочихъ. Но существованіе такихъ кооперації такъ же мало можетъ дискредитировать принципъ кооперації, какъ существованіе „желтыхъ синдикатовъ"—принципъ движенія синдикальнаго.

„Мы не затемняемъ пониманія классовой борьбы, принимая мелкихъ собственниковъ, которые симпатизируютъ нашему идеалу, но не могутъ освободиться отъ мелкой собственности и сдѣлаться наемными рабочими. Значитъ они собственники не по своему выбору; это *трагическая необходимость*; будучи по существу наемными рабочими, какъ всѣ другіе, они по виду, по формѣ являются собственниками".

Настаивая, въ противоположность Ферри, на допущеніи кооперацій, Муріальди настаивалъ также на необходимости опредѣленнаго подраздѣленія внутри федераціи: „Важно также, чтобы кооперації, заключая федеративные союзы съ лигами—не расплывались въ нихъ, не теряли бы своей физіономіи. Въ самомъ дѣлѣ, кооперація—организмъ очень нѣжный, чувствительный, не только съ точки зрѣнія соціальной, но особенно въ отношеніи своихъ коммерческихъ операцій. Наконецъ, полезно и даже необходимо, чтобы ассоціаціи мелкихъ собственниковъ заключали федеративные союзы съ союзами другихъ тружениковъ земли".

Выгоды этой формы организаціи онъ видѣлъ въ томъ, что при ней сельско-хозяйственные рабочіе будутъ энергично поддерживать мелкихъ собственниковъ во всякомъ политическомъ предпріятіи, затѣянномъ ими, и укрѣпятъ деревенскія кооперації, участвуя въ тѣхъ изъ нихъ, которыя служатъ потребительнымъ нуждамъ. „Дѣло идетъ, стало быть, не столько о договорѣ, заключенномъ между двумя ассоціаціями различнаго или аналогичнаго характера, сколько о родовой связи между двумя формами, въ которыя должна выливаться единая по существу ассоціація, чтобы приноровить свои усилія къ двоякому характеру преслѣдуемой организаціей цѣли и тактики!"

Такова была эта аргументація. Насколько крупна была ея побѣда, показываютъ принятыя съѣздомъ резолюціи.

„Принимая во вниманіе, что не смотря на очевидныя различія, раздѣляющія земледѣльческихъ работниковъ—трудящихся за плату, трудящихся изъ доли урожая, мелкихъ арендаторовъ и мелкихъ крестьянъ собственниковъ—всѣ земледѣльческіе работники подвергаются одинаковой эксплуатаціи какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны государства;

„Принимая во вниманіе, что только дѣятельность всѣхъ эксплоатируемыхъ, основанная на гуманистическомъ и цивилизующемъ принципѣ солидарности, можетъ обезпечить дѣлу моральнаго, политическаго и хозяйственнаго освобожденія трудящагося класса достаточную силу и вѣсъ,—

„Конгрессъ сельскихъ работниковъ высказывается за необходимость объединить въ одномъ національномъ союзѣ всѣ кооперативныя и профессіональныя товарищества: именно, организаціи тѣхъ работниковъ, которыя охватываютъ на основѣ классовой борьбы совокупность слѣдующихъ трудящихся классовъ: сельскихъ батраковъ и чернорабочихъ, издольщиковъ, мелкихъ арендаторовъ и крестьянъ, если послѣдніе самолично обрабатываютъ свою собственную или арендованную землю".

Таково было важнѣйшее рѣшеніе этого конгресса, послѣ котораго одинъ изъ лидеровъ соціалистической партіи, Филиппо Турати, выразилъ надежду, что вступленіе въ соціалистическую партію сельскихъ работниковъ обозначаетъ обновленіе соціализма („eine Neubelebung des Sozialismus").

Нѣсколькими добавленіями, кромѣ того, регулированы другіе относящіеся сюда вопросы. Такъ, согласно предложенію Рейна, „федерація будетъ раздѣляться на двѣ большія вѣтви: въ первую будутъ записаны всѣ организаціи, основанныя на базисѣ классовой борьбы или сопротивленія; во вторую — всѣ иныя организаціи труженниковъ земледѣлія, которыя признаютъ главною цѣлью соціализацію земли, какъ одно изъ основныхъ средствъ производства". „Что касается мелкихъ арендаторовъ, издольщиковъ и собственниковъ, то ихъ пріемъ въ отдѣльныя организаціи земледѣльческихъ рабочихъ долженъ зависить отъ факта ихъ заинтересованности въ улучшеніи положенія тѣхъ категорій рабочихъ, къ которымъ относятся эти организаціи".

Итакъ, не только былъ положительно рѣшенъ вопросъ о допущеніи трудового крестьянства въ составъ организаціи, противъ чего возставали итальянскіе ультра-фіолетовые марксисты; былъ рѣшенъ положительно и вопросъ о допущеніи въ организацію кооперативныхъ товариществъ, противъ чего возставали „средніе" элементы; вопросъ о раздѣленіи организаціи на вѣтви былъ рѣшенъ въ духѣ доклада Муріальди; въ томъ же духѣ, т.-е. положительно, былъ рѣшенъ и вопросъ о допущеніи мелкихъ крестьянъ въ организаціи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; и развѣ только

въ оговоркѣ, ставящей опредѣленное условіе этого допущенія, можно, вооружась микроскопомъ, замѣтить подобіе уступки „среднему“ теченію, ибо эта оговорка какъ бы молчаливо подразумѣваетъ возможность, если не расхожденія, то по крайней мѣрѣ, несхожденія интересовъ двухъ категорій земледѣльческихъ труженниковъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ.

Впрочемъ, этимъ рѣшеніемъ своимъ болонскій конгрессъ только подтвердилъ уже раньше фактически сдѣланныя направленіемъ Муріальди и др. завоеванія. Уже въ серединѣ 1901 года Александро Скіави отмѣчалъ существованіе 25 кооперативныхъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ, среди которыхъ были такія, какъ „кооперативная ассоціація крестьянъ провинціи Реджіо“, состоящая изъ „boari“, издольщиковъ, фермеровъ и мелкихъ крестьянъ, и имѣвшая 30 секцій; еще въ октябрѣ 1900 г. въ Монтмагно происходилъ конгрессъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, по иниціативѣ соціалистовъ; на этомъ конгрессѣ было рѣшено обратить особенное вниманіе на развитіе кооперацій, при чемъ цѣлью ихъ выставлялось не „увѣковѣченіе“ мелкой собственности, а, напротивъ, „развитіе того духа солидарности, который составляетъ душу коллективизма“. Все это сопровождалось широкимъ распространеніемъ среди крестьянъ той идеи, что „кооперації классовыя должны имѣть тенденцію къ коллективистской организаціи земледѣльческаго производства и коллективной собственности на землю“.

Чтобы, наконецъ, коснуться фактовъ послѣдняго времени, упомянемъ о болонскомъ конгрессѣ 1905 года, на который съѣхались представители союзовъ Эмиліи и Ломбардіи. На этомъ конгрессѣ въ особенности Веццани настаивалъ на необходимости оказывать давленіе на выборные совѣты коммунальные и провинціальные съ цѣлью добиваться сдачи непосредственнымъ производителямъ, *на коллективныхъ началахъ*, по возможно болѣе низкой цѣнѣ, обширныхъ необработанныхъ земель, нынѣ находящихся во владѣніи государства и муниципій. Въ резолюціи, принятой по этому поводу, указывается, между прочимъ, что отдѣльный „арен-

даторъ не долженъ получать въ аренду участокъ слишкомъ большой для того, чтобы всецѣло его утилизировать собственнымъ трудомъ и трудомъ своей семьи", что „земледѣльческіе работники должны всюду, гдѣ это возможно, добиваться полученія въ коллективную аренду земель, принадлежащихъ государству, коммунѣ или благотворительнымъ учрежденіямъ", и что, наконецъ, „національный секретаріатъ долженъ поддерживать и поощрять образованіе кооперацій работниковъ для исполненія общественныхъ работъ и для эксплоатаціи земли".

Все это—шаги въ томъ же направленіи, въ какомъ была составлена резолюція перваго болонскаго конгресса.

Конечно, не сразу итальянскіе соціалисты рѣшились занять такую позицію въ аграрномъ вопросѣ. Новымъ взглядамъ приходилось пробиваться сквозь плотный слой теоретическихъ предразсудковъ. Впервые, что называется, „взломала ледъ" сицилійская аграрная революція. Историческое значеніе ея поэтому чрезвычайно важно. „Современное рабочее движеніе — пишетъ Малагоди — было до сихъ поръ почти исключительно дѣломъ индустріальнаго населенія; движеніе въ Сициліи выдвигаетъ на арену сельское населеніе и бросаетъ, такимъ образомъ, новую гирю на вѣсы соціальнаго вопроса. Это движеніе, быть можетъ, является для земледѣльческаго движенія тѣмъ же самымъ, чѣмъ явилась Парижская коммуна—для индустріальнаго". И вотъ, столь важное событіе однако же застигло при своемъ зарожденіи врасплохъ, можно сказать, всю организованную итальянскую соціаль-демократію. Тотъ же самый Малагоди разсказываетъ объ этомъ чрезвычайно поучительно... и въ то же время немножко наивно. Дѣло какъ разъ происходило на Генуэзскомъ конгрессѣ 1892 г., во время сліянія въ одну партію соціально-революціонной интеллигенціи и организованныхъ для экономической борьбы рабочихъ. Присутствовавшіе на конгрессѣ были, впрочемъ, довольно немногочисленны, и почти всѣ представляли собою индустріальные центры наиболѣе богатыхъ промышленныхъ провинцій: Эмиліи и Ломбардіи. Надо полагать, что всѣ глядѣли на крестьянство, еще не обратившееся въ пролетаріатъ, какъ на

безнадежно отсталую консервативную массу. И вотъ, къ нимъ вдругъ

„пришло извѣстіе о неожиданномъ прибытіи нѣсколькихъ сицилійцевъ для присутствія на конгрессѣ. Это были два молодыхъ человѣка—Гарибальди Боско и баронъ Кольнаго. Интеллигентные и симпатичные люди, они сразу сошлись со старыми соціалистами. Они выдѣлились на конгрессѣ, были замѣчены, говорили о тѣхъ fasci, которые имъ удалось организовать и которые уже насчитывали нѣсколько тысячъ членовъ; сообщая объ этомъ, они возвѣщали о наступленіи колоссальнаго движенія. Слушая ихъ, мы, отлично знающіе, какихъ усилій намъ стоило подвинуть соціалистическое движеніе среди самаго передового пролетаріата Верхней Италіи,—мы улыбались, думая о легендарной силѣ воображенія южанъ“...

Здѣсь поражаетъ, конечно, не то, что двое юношей-соціалистовъ, быть можетъ, дѣйствительно преувеличивали—впрочемъ, какъ оказалось, не *размѣръ* сицилійскаго движенія, а только его шансы на удачу, его прочность и т. п. Здѣсь гораздо характернѣе настроеніе старыхъ, испытанныхъ дѣятелей, не ожидавшихъ ничего подобнаго тому, что имъ разсказывали, и потомъ вынужденныхъ, подобно Малагоди, сознаться:

„однако нѣсколько мѣсяцевъ спустя, явились факты, которые подтверждали то, что говорили намъ два молодые соціалиста“...

Такъ мало вѣрили они въ воспріимчивость крестьянства или въ способность интеллигенціи поднять его, или въ то и другое вмѣстѣ, что сочли смѣшной тарасконадой предсказаніе событій, которыя

„быть можетъ, являются для сельскаго населенія тѣмъ же, чѣмъ Парижская коммуна была для городского“...

Отсюда новый урокъ—не такъ слѣпо вѣрить въ кабинетныя доктрины, прислушиваться ежеминутно къ біенію пульса текущей жизни и чутко отзываться на всѣ зарождающіеся въ ней новые запросы, новыя потребности. Только при этомъ условіи возможна широкая, разносторонняя, энергичная, жизненная соціально-революціонная партія! Только при этомъ условіи она можетъ идти не въ хвостѣ событій, а впереди ихъ, только при этомъ условіи она будетъ движущимъ, динамическимъ, творческимъ факторомъ современности!

* * *

Мы разсмотрѣли наиболѣе существенныя для насъ особенности итальянскаго и венгерскаго соціалистическаго движенія. Перевѣсъ земледѣлія надъ индустріей, неблагопріятное соотношеніе между свѣтлыми и темными сторонами капитализма, реакціонность буржуазіи, необходимость подчиненія экономической борьбы борьбѣ политической, крупная роль революціонной интеллигенціи, недостаточность одной пропаганды среди индустріальнаго пролетаріата, возможность и плодотворность попытокъ вовлечь въ движеніе и крестьянство, гармоническое соединеніе подъ общимъ знаменемъ трехъ элементовъ—работниковъ умственнаго, земледѣльческаго и фабричнаго труда, — образовавшихъ своеобразный тройственный союзъ, обезпечившій безостановочное развитіе соціалистическаго движенія, указавшій ему выходъ изъ тупого переулка между фракціонныхъ распрей и дрязгъ и сообщившій ему новую силу и новый размахъ— таковы наиболѣе интересныя особенности общественнаго развитія этихъ странъ. Сходство многихъ чертъ ихъ соціальнаго строя съ основными чертами соціальнаго строя Россіи бросается въ глаза, и мы старались показать, какъ много поучительнаго именно поэтому представляетъ для насъ соціалистическое движеніе Венгріи и Италіи.

Но въ нашей родинѣ мы наталкиваемся еще на одну огромную по своему значенію особенность: существованіе чисто азіатскаго бюрократизма, вооруженнаго однако всѣми техническими средствами европейской культуры... И если лучшее противоядіе противъ многихъ золъ нашей жизни мы можемъ легко найти, учась изъ опыта соціалистическихъ партій наиболѣе близкихъ къ нашей по своему характеру странъ, то противъ этого спеціальнаго зла мы и тамъ не найдемъ спеціальныхъ противоядій. Ихъ мы должны найти въ своемъ собственномъ революціонномъ опытѣ.

Нѣкоторыя особенности развитія Россіи.

Въ исторіи развитія политическаго самосознанія нашихъ командующихъ классовъ займетъ очень видное мѣсто „Всеподданнѣйшій отчетъ государственнаго контроля за 1902 г.“. Этотъ документъ вообще чрезвычайно интересенъ, и не только потому, что онъ предназначался для весьма ограниченнаго „потребленія“, а слѣдовательно, отличается откровенностью, свойственной немногимъ оффиціальнымъ документамъ. Нѣтъ, онъ, кромѣ того, дѣйствительно составляетъ крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ пониманія соціальнаго положенія Россіи, и потому на его заключеніяхъ стоитъ остановиться подробнѣе. Они показываютъ, что наши правящіе круги теперь сами убѣдились, сами передъ собою признаются въ томъ фіаско, которое претерпѣла экономическая политика самодержавія. То величественное зданіе національной русской индустріи, которое, казалось, готово было оправдать предсказаніе русскаго марксизма, что въ ближайшемъ будущемъ Россія „изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической страной“ — это пышное зданіе оказывается построеннымъ на песцѣ, фундаментъ подъ нимъ расползается, стѣны даютъ трещины и нуждаются въ многочисленныхъ подпоркахъ...

Казалось бы, вся та правительственная фабрикація фабрикантовъ, продажа всей Россіи въ руки всероссійскаго купечества, которая началась съ 70-хъ г. г. и дошла до своего апогея во время финансоваго царства великаго Вышнеградскаго и еще болѣе великаго Витте, — поставила таки наконецъ „отечественную промышленность“ на ноги. Вышнеградскій и Витте, эти два негласныхъ уполномоченныхъ, какъ бы делегированныхъ русской плутократіей въ составъ петербургскаго правительства, недаромъ стояли на стражѣ

той „неписанной конституціи“, который добился нашъ торгово-промышленный классъ. И однако... и однако въ четырехъ стѣнахъ министерскихъ и дворцовыхъ кабинетовъ уже раздаются зловѣщія признанія, что переживаемый промышленностью нашей кризисъ нельзя болѣе разсматривать, какъ какую то преходящую случайность. Государственный контролеръ, скрѣпя сердце, разбиваетъ золотую мечту нашихъ финансовыхъ маговъ и волшебниковъ о прочномъ состояніи наиболѣе высоко развитыхъ и наиболѣе быстро шагавшихъ впередъ вѣтвей національной индустріи, и въ первую очередь—промышленности металлургической. Онъ долженъ признать, что въ этой грандіозной скачкѣ впередъ „возникло весьма много предпріятій на нездоровой спекулятивной почвѣ; огражденныя отъ иностраннаго соперничества высокимъ таможеннымъ тарифомъ, не приспособленныя къ требованіямъ народнаго рынка, разсчитанныя, главнымъ образомъ, на казенные заказы, неразсчетливо устроенныя и неумѣло управляемыя, не обладая достаточными оборотными средствами, предпріятія такого рода, въ сущности являлись нежизнеспособными уже съ самаго возникновенія своего...“ И никакія ухищренія финансовой черной и бѣлой магіи не могли отвратить того, что должно было случиться: „наступила пора вынужденной ликвидаціи предшествовавшихъ грюндерскихъ увлеченій по насажденію у насъ промышленности“...

Размѣры предстоявшей „ликвидаціи“ были такъ огромны, связанныя неизбѣжно съ нею потрясенія въ хозяйственной жизни страны казались столь опасными для „сохраненія общественнаго порядка и спокойствія“ со стороны массъ индустріальнаго пролетаріата, которымъ предстояло остаться безъ заработка, — что „власть имущія“ сферы вынуждены были прибѣгнуть къ совершенно экстраординарнымъ мѣрамъ вспомоществованія „ахъ бѣднымъ“ капиталистамъ. Для этого пришлось усиливать сверхъ реальной надобности казенные заказы, покупать паи и облигаціи пошатнувшихся предпріятій, выдавать, кромѣ обычныхъ ссудъ еще и ссуды подъ нереализованныя облигаціи и т. д. и т. д. Какъ ни широки законныя рамки допустимыхъ „воспособленій“, но и они

оказались слишкомъ узкими для того, чтобы не выходя изъ ихъ предѣловъ, справиться съ растущими затрудненіями И вотъ, государственный банкъ начинаетъ производить эти „воспособленія“ уже „на особыхъ основаніяхъ“, которымъ государственный контролеръ даетъ скромное наименованіе „внѣ уставныхъ“, или, въ переводѣ съ языка казенныхъ іероглифовъ на простую рѣчь,—просто на просто *незаконныхъ*. Къ началу 1900 г. было уже на 41 милл. такихъ незаконныхъ ссудъ въ слѣдующемъ году эта цифра поднялась до 65 милліоновъ еще чезъ годъ она превысила 100 милліоновъ рублей!

И все это приходилось дѣлать, въ то же время сознавая, что здѣсь имѣетъ мѣсто не простая случайность, а серьезная—хотя, на взглядъ нашихъ правителей, не безнадежная—„болѣзнь искусственнаго и неумѣреннаго роста промышленности, далеко опередившаго покупательныя силы внутренняго рынка“. Увы! какъ ни упирались наши финасовые фокусники, но и они должны были, въ концѣ концовъ, признать, что „у насъ обширную обрабатывающую промышленность можно создать лишь подготовивъ внутренній рынокъ, который можетъ быть основанъ только на цвѣтущемъ земледѣліи; безъ этого же условія нѣтъ почвы для прочной и устойчивой промышленности“...

Жизнь оказалась сильнѣе „начальственныхъ предначертаній“, и самодержавное „быть по сему“, скрѣпившее проекты хозяйственнаго преобразованія Россіи въ Англію или Германію, осталось втуне. Втуне осталось и доктринерство сторонниковъ теоріи „самодовлѣющаго капитализма“, который „изъ себя“ діалектически порождаетъ свой собственный рынокъ, ни въ какихъ другихъ рынкахъ не нуждаясь...

* * *

„Лишь предварительно подготовивъ внутренній рынокъ... только на цвѣтущемъ земледѣліи“...

Это легко сказать, но какъ выполнить? И прежде всего, какъ можетъ это выполнить самодержавіе? Колеблющееся зданіе индустріи необходимо поддерживать; это для самой казны неминуемо связано съ „значительными убытками“

(государственный контролеръ для одного 1901 г. насчитываетъ 9 милліоновъ рублей такихъ безвозвратно ухнувшихъ казенныхъ денегъ). Все то, что прямо или косвенно было дано, дается и будетъ дано на поправленіе дѣлишекъ нашего торгово-промышленнаго класса, нужно же съ кого нибудь содрать. Нужно съ кого нибудь содрать и на содержаніе давнишняго безплатнаго государственнаго нахлѣбника—дворянства; нужно откуда нибудь взять „ребятишкамъ на молочишко“ самодержавной бюрократіи: нужно на что нибудь содержать „армію и флоты“. И вотъ, мы пришли уже къ тому положенію, что, напримѣръ, недоимки по выкупнымъ платежамъ для коренныхъ русскихъ губерній (восточныхъ и средне-черноземныхъ) составили уже 237% годового оклада, достигая по отдѣльнымъ губерніямъ (Казанской, Оренбургской, Уфимской) 562, 583, даже 613% оклада.

Эти краснорѣчивыя данныя заставляютъ насъ лишній разъ вспомнить о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ развитіи нашего отечественнаго капитализма,

Россія должна была пережить огромную хозяйственную ломку, при условіяхъ, уже въ самомъ исходномъ пунктѣ существенно отличавшихся онъ условій развитія большинства другихъ странъ. Крупная промышленность въ передовыхъ капиталистическихъ государствахъ Запада развивалась путемъ относительно медленной, послѣдовательной эволюціи, слѣдуя шагъ за шагомъ за ростомъ техники производства. Это былъ органическій ростъ, въ процессѣ котораго производство принимало все болѣе крупные размѣры, постепенно стягивая вокругъ себя и перераспредѣляя рабочія силы. Населеніе имѣло возможность медленно приспособляться къ относительно медленнымъ измѣненіямъ въ хозяйственной жизни, которыя уже по одному этому пріобрѣтали особенную устойчивость и прочность, присущія всякому органическому росту. Тотъ фактъ, что высшія формы капитализма появились тамъ не сразу, а развились постепенно, и что процессъ этого развитія растянулся на чрезвычайно долгій періодъ, создалъ извѣстную соразмѣрность между процессами отмиранія однѣхъ формъ жизни и наростанія другихъ. Водворился относительный параллелизмъ между разруши-

тельнымъ и созидательнымъ вліяніемъ капитализма, между ролью капитала—какъ разрушителя и эксплоататора и его ролью—какъ созидателя и организатора.

Ни о какой соразмѣрности, устойчивости и равномѣрной послѣдовательности этого процесса и рѣчи не могло быть въ Россіи, гдѣ капитализмъ является продуктомъ чуть ли не вчерашняго—въ историческомъ смыслѣ, конечно—дня; гдѣ отъ примитивныхъ формъ эпохи натуральнаго хозяйства приходилось сдѣлать скачекъ прямо къ высшимъ формамъ европейской промышленности, взявъ ихъ готовыми и пересадивъ цѣликомъ на родную почву. Такимъ образомъ, въ Россіи капитализмъ очутился въ совершенно особой, своеобразной исторической и соціальной средѣ. Онъ очутился въ странѣ съ чезвычайно разрѣженнымъ, разсѣяннымъ населеніемъ, странѣ, состоявшей почти исключительно изъ деревень и поселковъ, съ почти полнымъ отсутствіемъ городскихъ центровъ. Германія уже въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, Франція въ самомъ его началѣ, а Италія и Англія еще въ концѣ XVIII-го вѣка были вдвое гуще населены, чѣмъ Россія въ концѣ 90-хъ годовъ; т.-е. еще въ самомъ началѣ капиталистической эпохи населеніе было тамъ въ нѣсколько разъ гуще, чѣмъ въ Россіи послѣ почти сорокалѣтнихъ усилій насадить капиталистическую индустрію. Тоже самое можно сказать и о процентномъ отношеніи городского населенія къ сельскому. Оно у насъ еще и теперь приблизительно одинаково съ Британской Индіей и вдвое ниже того, какое было въ Гессенѣ въ 1806 г., во Франціи въ 1787 г., въ Виртембергѣ—въ 1707 г. И что представляли собою русскіе города? Преобладаніе деревянныхъ строеній надъ каменными, мелкое мѣщанство, отчасти еще занимающееся земледѣліемъ, ремесло, мелочный торгъ, чиновничество, сплошь и рядомъ по численности преобладающее надъ собственно новѣйшимъ торгово-промышленнымъ классомъ; по самому своему происхожденію города часто бывали искусственнымъ созданіемъ администраціи, употреблявшей для созданія города радикальное средство—отбираніе земли у населенія.

Правда, эти же условія, крайне неблагопріятныя для органическаго развитія капитализма и заставлявшія ради

его насажденія предварительно ободрать, какъ липку, того самого мужика, который послѣ всей этой операціи долженъ былъ какимъ то чудомъ выполнять предписанную начальствомъ роль „внутренняго рынка“ для капитализма—эти самыя условія вызывали къ жизни обширную работу, потребовавшую массу рабочихъ рукъ, давшую заработокъ сотнямъ тысячъ людей. Предстояло „обстроить“ Россію. Нужно было бороться съ разсѣянностью, разбросанностью населенія; съ удвоенными усиліями приняться за созданіе сѣти путей сообщенія; нужно было создать „основной капиталъ“ русскаго капитализма, воплощенный въ зданіяхъ, складахъ, подъѣздныхъ путяхъ и проч.; нужно было заново отстроить города. Но что за формы заработковъ создавались этимъ путемъ? И какія послѣдствія имѣли они для хозяйственной жизни?

* * *

Статистическое изслѣдованіе деревенскаго „отхода“ даже въ такихъ промышленныхъ губерніяхъ, какъ Тверская, дало характерные результаты. Собственно фабрично-заводской трудъ, какъ оказалось, въ отходѣ изъ деревни играетъ крайне ничтожную роль (8,3%). Почти четверть всего „отхода“ приходилась на долю строительныхъ рабочихъ (землекопы, плотники, каменьщики и т. п.); далѣе шли ремесла, перевозочное дѣло (судорабочіе, извозчики и т. д.), затѣмъ черноробочіе; и, наконецъ, даже прислуга оказалась болѣе замѣтнымъ элементомъ, чѣмъ фабричные рабочіе. Что касается типичныхъ земледѣльческихъ губерній, то тамъ отходъ ради фабрично-заводскаго труда оказался еще болѣе ничтожнымъ; преобладающая роль надъ всѣми другими видами отхода перешла къ отходу чисто земледѣльческому. Роль строительнаго дѣла въ отходѣ неземледѣльческомъ имѣетъ параллель въ статистикѣ перевозимыхъ грузовъ, въ которыхъ (для періода 1893—97 г.г.) наиболѣе быстрый приростъ выпадаетъ на долю грузовъ, служащихъ строительнымъ цѣлямъ.

Но важная особенность стоительныхъ работъ въ странахъ съ холоднымъ климатомъ состоитъ въ ихъ сезонномъ характерѣ. Такой же сезонный характеръ имѣетъ трудъ судорабочихъ, грузчиковъ, торфяниковъ, пастуховъ, рыболововъ,

занятыхъ въ лѣсномъ дѣлѣ. Всецѣло сезонный характеръ, наконецъ, носитъ и весь чисто-земледѣльческій отходъ. Такимъ образомъ, подавляющая масса крестьянъ, ищущихъ заработка на сторонѣ, можетъ найти заработокъ только въ теченіе части года. Но на трудъ, прилагаемый только въ теченіе части года, нельзя существовать цѣлый годъ. Заработокъ сезонныхъ рабочихъ нисколько не выше, часто даже—ниже (благодаря избытку предложенія рабочихъ рукъ и ненужности особой профессіональной подготовки), чѣмъ заработокъ тѣхъ разрядовъ рабочихъ, которые круглый годъ имѣютъ постоянное занятіе. Отсюда возникаетъ для сезонныхъ рабочихъ необходимость дополнительнаго дохода, который и дается ему его надѣломъ. Держась за этотъ надѣлъ и имѣя осѣдлость въ деревнѣ, идущій въ отходъ крестьянинъ можетъ не брать съ собой жену и дѣтей и не ухудшать еще болѣе условій своего заработка конкурренціей худо оплачиваемаго женскаго и дѣтскаго труда. Такимъ образомъ, сезонный характеръ большинства работъ, представившихся русскому крестьянству въ новѣйшую, капиталистическую эпоху хозяйственной жизни Россіи, не только не отрывалъ крестьянина отъ земли, но, наоборотъ, заставлялъ особенно упорно держаться за землю. А насколько преобладаютъ въ нашей хозяйственной жизни сезонные заработки, показываетъ достаточно ярко хотя бы статистика выбираемыхъ паспортовъ, изъ которыхъ на долю трехмѣсячныхъ выпадаетъ болѣе половины, на долю годовыхъ—нѣсколько болѣе $^1/_5$, на долю же пятилѣтнихъ и т. п.—всего 2,2% [1]).

Такимъ образомъ, деревня то и дѣло выставляетъ для временныхъ потребностей русскаго капитализма нужныя арміи рабочихъ рукъ, которыя, по минованіи въ нихъ надобности, возвращаются въ нее обратно. Періодическая смѣна этихъ приливовъ и отливовъ испытываетъ, время отъ времени, извѣстныя пертурбаціи. Деревня—это опорный пунктъ, это огромный резервуаръ для резервной рабочей арміи; это—мѣсто огромнаго скопленія излишняго, не находящаго при-

[1]) См. П. А. Вихляевъ: „Очерки сельско-хозяйственной дѣйствительности“.

ложенія труда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ земля служитъ также опорнымъ пунктомъ и для эксплоатаціи крестьянскаго труда съ другой стороны. Даже государственный контролеръ—конечно только въ *секретномъ* докладѣ—вынужденъ откровенно констатировать, что „податное бремя, возложенное на сельское населеніе"—при этомъ онъ особенно налегаетъ на выкупные платежи [1]) — „превышаетъ платежныя его средства и становится для него непосильнымъ". А между тѣмъ, трудовое крестьянство должно найти еще денегъ, чтобы дать извѣстный процентъ торговому и биржевому капиталу, спекулирующему крестьянскимъ хлѣбомъ, ростовщическо-кулаческому капиталу, олицетворенному въ деревенскомъ „третьемъ сословіи"—частью вышедшемъ изъ среды того же крестьянства,—и, наконецъ, чтобы дать пріобщиться къ своему неоплаченному труду сосѣду-помѣщику. Границей этому всестороннему грабежу крестьянскаго труда служитъ только та извѣстная способность мужицкаго трудового хребта, которая формулируется щедринской фразой: „ёнъ достанитъ". И, благодаря этому, всѣ виды земледѣльческаго и внѣземледѣльческаго, мѣстнаго и отхожаго дохода крестьянина опредѣляются „по совокупности", другъ друга дополняя, и въ своемъ общемъ итогѣ тяготѣя къ примитивнѣйшему minimum'у средствъ существованія. Крестьянинъ изъ всей совокупности своихъ „доходовъ" извлекаетъ для себя и для своей семьи нищенскую заработную плату. И это въ то самое время, когда иные доктринеры, въ своемъ усердномъ не по разуму служеніи догмѣ, упрямо опредѣляютъ мужика, какъ „собственника", какъ владѣльца части общественнаго „капитала", какъ представителя „буржуазіи"—пусть мелкой, пусть даже мельчайшей, но все таки буржуазіи. Ихъ взглядъ не проникаетъ дальше поверхности явленій, дальше простой, формальной внѣшности ихъ: разсмотрѣть дѣйствительный соціальный смыслъ отношеній, который скрытъ подъ обманчивой скор-

---

[1]) Государственный контроль имѣетъ смѣлость называть выкупные платежи—выкупнымъ *долгомъ* крестьянъ правительству. И это въ то время какъ крестьяне, благодаря ростовщическимъ процентамъ, уже *въ третій разъ* выплачиваютъ въ казну выкупную сумму!

лупой крестьянской „собственности“, имъ мѣшаетъ апріорная тенденція зачислить крестьянина-земледѣльца въ „реакціонера“ по самой его соціальной природѣ...

Не являясь формально пролетаріатомъ, трудовое крестьянство играетъ ту же соціальную роль, что и пролетаріатъ: созданіе того національнаго фонда неоплаченнаго труда, прибавочной стоимости, изъ котораго черпаютъ и за счетъ котораго существуютъ всѣ эксплоатирующіе, паразитическіе элементы общества. Эти паразитическіе элементы впились въ крестьянина со всѣхъ сторонъ, при всесторонней, прямой и косвенной поддержкѣ самодержавнаго режима. Создалось своеобразное взаимоприспособленіе формъ архаическаго, полуазіатскаго самодержавія и современной плутократіи. Самодержавіе модернизировалось, обнаружило достаточную гибкость и эластичность, чтобы приспособиться къ потребностямъ торговопромышленнаго класса, который, въ свою очередь, имѣетъ всѣ основанія держаться за своего покровителя—самодержавіе. Въ немъ—его опора и противъ врага внѣшняго—иностраннаго капитала, и противъ врага внутренняго — рабочаго движенія; въ немъ, наконецъ, и вѣрная поддержка „въ минуту жизни трудную“: въ эпоху остраго или затяжного кризиса. Въ самомъ дѣлѣ, при какой, даже самой „куцой“, но реальной, а не миѳической конституціи—не говоря уже о дѣйствительно демократическомъ строѣ,—могутъ наши фабриканты и заводчики разсчитывать на 100-милліонныя „внѣзаконныя“ даянія въ добавленіе къ такому неисчислимому множеству даяній законныхъ? И удивительна ли, при этихъ условіяхъ, политическая удовлетворенность нашего торгово-промышленнаго класса?

Стремясь расширить внѣшній рынокъ для „отечественной промышленности“, императорская Россія кинулась по линіи наименьшаго сопротивленія на Дальній Востокъ, явно рискуя полнымъ разгромомъ. Словомъ, она доказала, что для своихъ вѣрныхъ союзниковъ — дворянства и плутократіи — готова привести въ движеніе землю, небо и преисподнюю. Но въ одномъ пунктѣ самодержавіе оказалось безсильно. Доведя своей политикой трудовую Россію до полнаго истощенія, высосавъ изъ нея всѣ соки, разоривши

деревню и превративъ ее въ періодическое пристанище голоднаго тифа, цынги и смерти, оно само увидало, что этимъ подкашивается внутренній рынокъ, а безъ него трещитъ и шатается построенное съ такими трудами и жертвами зданіе нашей отечественной индустріи. Нищета деревни парализуетъ всѣ производительныя силы Россіи. Ея хозяйственное развитіе зашло въ тупой переулокъ, и чтобы оттуда выбраться, нужны рѣшительныя, героическія, по истинѣ, революціонныя средства. Но эра „революцій сверху“ миновала. Русское самодержавіе, если бы и хотѣло, не могло бы совершить ея. Чтобы вывести страну изъ состоянія паралича, нужно имѣть и силы, и желаніе не щадить интересовъ паразитическихъ классовъ. Ни того, ни другого у русскаго самодержавія нѣтъ и быть не можетъ. Оно не можетъ расторгнуть того тройственнаго союза, въ которомъ оно справедливо усматриваетъ свой моральный и соціальный оплотъ въ странѣ. Только побѣдоносная политическая и экономическая революція сможетъ вывести трудовую Россію на столбовую дорогу историческаго прогресса. И разрѣшеніе экономическаго кризиса послѣдуетъ лишь за счастливымъ исходомъ той упорной борьбы, въ которой противъ тройственнаго союза темныхъ силъ реакціи — самодержавной бюрократіи, плутократіи и дворянства — выступаетъ подъ краснымъ знаменемъ соціализма растущая армія другого тройственнаго союза: революціонной интеллигенціи, индустріальнаго пролетаріата и трудового крестьянства.

* * *

Въ реакціонномъ „тройственномъ союзѣ“, какъ мы уже видѣли, хотя и не первую, но очень видную роль играетъ наша торгово-промышленная буржуазія—та самая, которой, судя по аналогіи съ Зап. Европой, наши марксисты съ Плехановымъ во главѣ сулили въ самомъ скоромъ времени либеральный „Sturm und Drang'Periode“. Исторія судила иначе.

Великорусское торгово-промышленное сословіе—было новой силой, которую подготовило царствованіе Александра II, которой расчистили почву „великія реформы 60-хъ гг.“, и которая особенно выдвинулась, какъ политическая величина,

при Александрѣ III, этомъ царѣ-протекціонистѣ по преимуществу. Мы подчеркиваемъ, что это было *великорусское* торгово-промышленное сословіе — ибо характернымъ для него являлся антагонизмъ съ фабричными слоями Польши, Остзейскихъ провинцій и т. п. Оно даже приравнивало эти послѣдніе къ „иностранной“ промышленности и требовало одно время противъ нихъ боевыхъ пошлинъ. Дѣйствительно, между ними существовалъ крупный антагонизмъ. Фабрики Польши и Остзейскаго края набросились на американскій хлопокъ и перерабатывали иностранные полуфабрикаты, часто работали и иностраннымъ углемъ; то, другое и третье они имѣли изъ первыхъ рукъ. Имъ была нужна свобода торговли. Центральный великорусскій промышленный районъ, работая Уральскимъ и Донецкимъ углемъ, Кавказской нефтью, имѣя близко среднеазіатскій хлопокъ, наоборотъ, былъ бы при свободной торговлѣ въ невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ болѣе культурными окрайнами. Наоборотъ, при протекціонизмѣ, при пошлинахъ на иностранный хлопокъ, уголь, полуфабрикаты онъ сразу выдвигался, пріобрѣталъ огромныя преимущества, побивалъ рекордъ, имѣя изъ первыхъ рукъ домашніе сырые матеріалы, топливо, полуфабрикаты. Наши текстильные короли, желѣзодѣлатели Урала горнопромышленники Донецкаго бассейна, съ своимъ торговымъ центромъ — Нижегородской ярмаркой выступили, какъ ревнители чисто-русскихъ, національныхъ интересовъ Антагонизму производственныхъ интересовъ соотвѣтствовало и культурное различіе. Промышленники западныхъ окраинъ, тяготѣя къ сосѣднимъ европейскимъ странамъ, связанные съ ними и сношеніями экономическими, и культурно-національнымъ родствомъ, были болѣе склонны къ прогрессу; ихъ рабочіе требовали лучшей заработной платы, и норму прибыли имъ приходилось преимущественно повышать техническими улучшеніями; промышленники центра и юга пользовались дешевыми рабочими руками, налегали на болѣе длинный рабочій день, были менѣе культурно развиты. Первые были настроены болѣе либерально, стояли за сближеніе съ Европой, были непрочь отъ фабричнаго законодательства, которое принудило бы и центральныхъ фаб-

рикантовъ уменьшить рабочій день, и тѣмъ сравняло бы въ этой области шансы обоихъ антагонистовъ; вторые стояли за таможенную войну съ Европой, стремились всячески отгородиться отъ нея, не желали вмѣшательства въ „патріархальныя“ отношенія ихъ съ рабочими, тяготѣли къ Азіи къ азіатскому сырью, азіатскимъ рынкамъ и азіатскимъ порядкамъ. Великорусское торгово-промышленное сословіе хотѣло обширныхъ и защищенныхъ отъ иностранной конкуренціи рынковъ. Для сбыта и для безпрепятственнаго черпанья сырья имъ были нужны широкія, политически-подчиненныя, включенныя внутрь россійской таможенной стѣны территоріи. Они горькимъ опытомъ убѣдились въ затруднительности, почти невозможности конкуррировать съ европейской промышленностью на нейтральныхъ рынкахъ. Отсюда и ихъ политическій идеалъ: „Россія должна представлять собой не только міровую державу, но и самостоятельное міровое хозяйство, охватывающее всѣ климатическія зоны, производящее всѣ земные продукты, замкнутое для вторженія извнѣ, само удовлетворяющее себя изнутри!“ [1]).

На примѣрѣ великорусской буржуазіи видно, что въ классовой борьбѣ численность далеко не играетъ рѣшающей роли; наоборотъ, энергія, подвижность и организованность являются огромной силой. Политика, которой требовали интересы великорусской буржуазіи, предполагала искусственный подъемъ цѣнъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ она предполагала, что сельское хозяйство, земледѣліе, огромная масса крестьянства и крайне сильный землевладѣльческій классъ будутъ покупать сельско-хозяйственныя орудія и машины, удобреніе, сталь, желѣзо, продукты обрабатывающей промышленности на крайне невыгодныхъ для себя условіяхъ; она предполагала затрату крупныхъ денежныхъ средствъ—за счетъ, конечно, податныхъ сословій—на осуществленіе конкретной программы азіатской политики міровой державы [2]); она предполагала искусственное подав-

[1]) Шульце-Геверницъ, „Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи“. гл. II, стр. 219.

[2]) Ср. Alfred Rambaud, „Histoire de la Russie“,5-e ed., Ch. XL (Nicolas II) pp. 861, 863—864.

леніе промышленности окраинъ. Тѣмъ самымъ политика эта рисковала вызвать оппозицію огромнаго большинства населенія. Великорусская буржуазія, такимъ образомъ, имѣла передъ собой грандіозную задачу: сдѣлать такъ, чтобы ея интересы на политической чашкѣ вѣсовъ перевѣсили интересы по крайней мѣрѣ 85 процентовъ всей націи. И она разрѣшила эту задачу.

На помощь великорусской буржуазіи пришли два фактора. Это было, во первыхъ, извѣстная солидарность ея интересовъ съ интересами бюрократически-самодержавнаго строя. Состояніе государственныхъ финансовъ, при задолженности Россіи, при усиленномъ перетеканіи золота заграницу, требовало искусственныхъ мѣръ къ поощренію вывоза и затрудненію ввоза, съ цѣлью оплаты заграницѣ золотомъ избытка нашего вывоза надъ ввозомъ. Это побуждало нашихъ государственныхъ людей, съ ихъ грезами о выгодномъ торговомъ балансѣ, рѣшительно пойти по дорогѣ протекціонизма, который въ то же время представлялъ для казны и прямую статью дохода. Вторымъ же факторомъ побѣды великорусской буржуазіи было ея умѣнье обдѣлать дѣло съ власть имущими, во время зайдя съ задняго крыльца. Представитель французской буржуазіи, Сіейсъ, говоритъ: „что такое третье сословіе?—Ничто.—Чѣмъ оно должно быть?—Всѣмъ“. Въ отличіе отъ него русскій буржуй, самодовольно похлопывая себя по туго набитому карману, изрекаетъ знаменитую фразу изъ статьи, инспирированной биржевымъ комитетомъ одной газеты: „Всероссійское купечество—*все можетъ*!“ [1])

Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ при этомъ было умѣнье внести раздѣленіе въ лагерь противниковъ. Покровительство промышленности произошло за счетъ сел.-хозяйства. Оставалось въ лагерѣ сельскихъ хозяевъ выдѣлить многочисленные элементы стародворянскаго, крѣпостническаго

[1]) О первыхъ политическихъ притязаніяхъ русской буржуазіи, въ смыслѣ образованія при министр. финансовъ совѣщательнаго учрежденія изъ выборныхъ представителей торгово-промышленнаго класса и объ уничтоженной цензурою брошюрѣ Менделѣева и Шнейдера въ этомъ духѣ см. L. Tikhomiroff, „La Russie politique et sociale“, p. 203.

пошиба; неприспособленные къ новымъ, пореформеннымъ условіямъ, элементы эти изъ рукъ вонъ плохо вели хозяйство и еще хуже разбирались въ своихъ хозяйственныхъ, производственныхъ интересахъ. Низкое состояніе техники хозяйства дѣлало для нихъ маловажнымъ возвышеніе цѣнъ даже на с.-хоз. машины, искусственное удобреніе и т. д. За этотъ ущербъ ихъ было не трудно удовлетворить прямыми и грубыми сословными подачками. Итакъ, сохраненіе сословнаго дворянскаго строя, привилегіи по доступу дворянъ въ ряды бюрократіи, дворянскій банкъ, податныя льготы, воспособленіе, созданіе чисто-сословныхъ синекуръ, вродѣ должности земскихъ начальниковъ, вообще возстановленіе ихъ власти надъ крестьянами — такова была система мѣръ, которыми къ союзу бюрократіи съ великорусской буржуазіей былъ привлеченъ еще и третій общественный слой— дворяне-аграріи.

Внѣ союза остались: во-первыхъ—окраинная буржуазія, перешедшая въ оппозицію и усвоившая мѣстами сепаратистскія тенденціи; но именно осложненіе хозяйственнаго антагонизма національнымъ усиливало позицію нашего „тройственнаго союза", давая обильную пищу патріотической демагогіи. Во-вторыхъ, внѣ союза осталась болѣе культурная часть землевладѣльцевъ, брезговавшая положеніемъ „государственныхъ нахлѣбниковъ" и развившая оппозицію въ земствахъ [1]); но разгромъ „Народной Воли" заставилъ земско-либеральную оппозицію присмирѣть; тѣмъ не менѣе началось рѣшительное урѣзываніе земства и выкуриваніе изъ него оппозиціи. Что касается мужика—объ немъ не думали ничего, кромѣ того, что „ёнъ достанетъ". Фабричный рабочій еще не выступалъ на политическую арену, революціонная интеллигенція еще не успѣла внести въ этотъ новосложившійся классъ революціонно-соціалистическіе дрожжи.

Благодаря этому, интересы ничтожнаго меньшинства могли диктовать свою волю всей странѣ. Само собой разумѣется, что великорусская буржуазія при такихъ условіяхъ долж-

---

[1]) Ср. жалобы „Русскаго патріота" (Б. Чичерина) въ книгѣ „Россія наканунѣ XX ст." стр. 50—52.

на была являться въ политической области діаметральной противоположностью буржуазіи передовыхъ странъ запада: факторомъ не освободительнымъ, не либеральнымъ, тѣмъ паче не революціоннымъ, а реакціоннымъ. Совершенно естественно и неизбѣжно создался охарактеризованный выше тройственный союзъ наиболѣе эксплоатирующихъ и паразитическихъ классовъ; самодержавіе явилось только опредѣленной формой *ихъ* господства, именно *диктаторской* формой. Данная форма имѣетъ то неудобство что, какъ извѣстно, диктаторъ, въ интересахъ своей партіи, можетъ очень деспотически и безцеремонно обращаться съ отдѣльными ея членами; но при извѣстныхъ условіяхъ диктаторская, а не свободно-демократическая форма господства является не только наиболѣе соотвѣтствующей интересамъ данной группы, но и единственной почти гарантіей ея интересовъ [1]).

Такимъ образомъ сложилась, какъ единое, органически связанное цѣлое, слѣдующая политическая программа: самодержавіе; бюрократическая централизація; протекціонизмъ; сословность; ограниченіе самоуправленія; подавленіе окраинъ; поддержаніе безправія и невѣжественности деревни; колоссальный ростъ бюджета, главнымъ образомъ, военнаго; агрессивная политика азіатской міровой державы.

---

[1]) Шульце-Геверницъ довольно мѣтко замѣчаетъ: „Переворотъ, опрокинувшій въ 70 гг. господствовавшее при Александрѣ II фритредерское направленіе... является побѣдой, одержанной центромъ надъ окраинами, побѣдой Москвы надъ Петербургомъ. Столь характерный для Петербурга эпохи Александра II либерализмъ, обращавшій свои взоры на западъ, отступилъ подъ напоромъ союза, образовавшагося между промышленными интересами центральныхъ областей Россіи и славянофильскимъ направленіемъ. Этотъ переворотъ проявилъ себя въ 80 гг. въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ какъ внутреиней, такъ и внѣшней политики". „Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему самоуправленіе теряло подъ собою почву съ начала 70 годовъ. Всякое представительство земельныхъ интересовъ подчеркиваетъ количественную слабость представителей промышленныхъ интересовъ. И въ этомъ случаѣ славянофильская теорія является идеологической оболочкой интересовъ промышленности". Авторъ ошибается лишь въ томъ, что односторонне выдвигаетъ изъ интересовъ всего „тройственнаго союза" интересы лишь одной изъ составныхъ его частей. Бюрократическій сановный Петербургъ есть союзникъ промышленной Москвы.

Послѣднему представителю стараго строя пришлось пассивно, помимо собственнаго пониманія и воли, только довести до логическихъ послѣдствій эту политическую систему. Исторической миссіи своей — привести эту систему къ абсурду — онъ, разумѣется, никогда не сознавалъ и даже не подозрѣвалъ. Про все, что имъ — или, лучше сказать, при немъ — въ этомъ отношеніи было сдѣлано, онъ могъ бы, такимъ образомъ, сказать словами одной вульгарной пѣсенки: „безъ меня меня женили—меня дома не было". Въ области финансово-хозяйственной главнымъ творцомъ этой системы былъ Витте [1]); въ области политической—Плеве; въ области „идеологической"—Побѣдоносцевъ.

Какъ бы то ни было, но передъ нами въ царствованіе войны развернулись крайніе плоды господства этой системы, гнилость, продажность, негодность оставшагося безъ общественнаго контроля бюрократическаго механизма; истощеніе деревни, низкое состояніе земледѣльческой техники, бѣдность крестьянскихъ массъ, ростъ ихъ недовольства, прогрессирующее выкуриваніе ими изъ деревень нелюбимыхъ помѣщиковъ, стихійная попытка аграрной революціи въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ; концентрированная, но угрожаемая кризисомъ промышленность, рабочее движеніе, уже нашедшее ощупью дорогу къ могучему пролетарскому средству борьбы — всеобщей стачкѣ; военная авантюра на Дальнемъ Востокѣ и сбывшееся предсказаніе Энгельса, что запоздавшія вступить на путь капиталистическаго развитія страны могутъ себѣ найти только такіе рынки, гдѣ въ изобиліи окажутся лишь лихорадки и колотушки...

Это — банкротство системы. Это — поставленная исторіей задача: ликвидація политики внутри-россійскаго правящаго „тройственнаго союза".

Политика эта являлась, однако, органически-единымъ цѣлымъ. Ликвидація ея должна быть произведена по всей

---

[1]) См. превосходную характеристику этой системы у А. В. Пѣшехонова: „Централизація экономической власти" въ сборникѣ „На очередныя темы" (СПБ. 1904 г.).

линіи. На очереди стоитъ великая историческая задача: установленіе полной демократіи и проведеніе принципа децентрализаціи, истребленіе съ корнемъ сословности; уничтоженіе китайской протекціонной стѣны; возрожденіе трудовой Россіи, и въ особенности, возрожденіе земледѣлія деревни, немыслимое безъ самыхъ радикальныхъ мѣръ; возрожденіе и просторъ національнаго развитія такъ называемыхъ „окраинъ“; уничтоженіе милитаризма, агрессивной политики, и, въ особенности, полная ликвидація политики захватовъ на Дальнемъ Востокѣ.

Совершенно ясно, что само самодержавіе этой задачи никогда не захочетъ и не сможетъ совершить. Только освободившіяся революціонно-разрушительныя и революціонно-творческія силы самого рабочаго народа это могутъ сдѣлать—и должны это сдѣлать.

Н. К. Михайловскій, какъ политическій публицистъ.

(Вмѣсто некролога).

Какой свѣтильникъ разума погасъ!
Какое сердце биться перестало!

Умеръ одинъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ мыслителей-соціалистовъ, умеръ послѣдній изъ могиканъ славнаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ, умеръ человѣкъ, отражавшій въ своихъ писаніяхъ и неизмѣнный идеалистическій порывъ цѣлаго ряда революціонныхъ поколѣній русской интеллигенціи къ свѣтлому соціалистическому будущему, и мѣнявшуюся, въ связи съ перемѣной обстоятельствъ, ихъ тактику...

Здѣсь мы не задаемся цѣлью подводить итоги тому, что онъ далъ для этическаго, соціологическаго и общефилософскаго обоснованія соціализма. Теоретическая сторона дѣятельности этого необычайно многограннаго писателя, во-первыхъ, слишкомъ сложна и широка, во-вторыхъ—слишкомъ связана съ дѣятельностью другого, недавно похищеннаго смертью мыслителя—П. Л. Лаврова, чтобы ее можно было охватить въ короткой газетной статьѣ. И потому здѣсь мы остановимся лишь на связи литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго съ общественнымъ движеніемъ, съ общественной борьбой его времени. Быть можетъ, эта связь одними забыта, другимъ не была извѣстна, третьимъ рисуется въ смутныхъ очертаніяхъ—и напомнить о ней есть нашъ первый долгъ передъ памятью человѣка, умѣвшаго такъ связывать жизнь съ литературой и литературу съ жизнью.

Одной изъ первыхъ же своихъ статей Михайловскій откликнулся на событіе, въ свое время крайне взволновавшее и смутившее немногочисленные еще тогда ряды русскихъ

революціонеровъ. Это было—политическое ренегатство бывшаго „сподвижника Герцена“, какъ называло его общественное мнѣніе,— В. Кельсіева. Конечно, впечатлѣніе отъ этого ренегатства нельзя сравнить съ позднѣйшимъ событіемъ ренегатства Льва Тихомирова, но все-таки торжество и ликованія реакціонеровъ и смущеніе въ юной, просыпавшейся къ борьбѣ Россіи были естественны. За русской революціей еще не было окрѣпшихъ традицій, она была еще молодымъ, свѣжимъ побѣгомъ отъ старыхъ корней русскаго общества; ея моральный престижъ долженъ былъ быть еще только установленъ, симпатіи и уваженіе общества—еще только завоеваны. Въ лицѣ „высочайше помилованнаго“ ренегата, афишировавшаго свое выздоровленіе отъ вредныхъ и опасныхъ заблужденій соціализма и революціи, въ колеса новаго движенія вставлялась палка. Предстояло отшвырнуть ее—и это было первымъ литературнымъ дѣломъ Михайловскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ блестящей статьѣ онъ показалъ, что Кельсіевъ—вовсе не плоть отъ плоти и кость отъ костей настоящихъ борцовъ, что онъ не дитя новой исторіи, а жертва старой русской исторіи, ея дѣтище, попавшее лишь по недоразумѣнію въ революцію, искавшее въ ней не того, что ищетъ большинство лучшихъ людей,—не служенія высокому идеалу, не удовлетворенія жаждѣ правдоискательства, а лишь удовлетворенія собственной жаждѣ сильныхъ ощущеній, фантастическому авантюристскому складу своей натуры, лишенной всякихъ прочныхъ нравственныхъ началъ. Такимъ элементамъ не мѣсто въ рядахъ борцовъ; рано или поздно они должны уйти туда, гдѣ ихъ настоящая духовная родина. И это первое ренегатство въ соціалистическомъ лагерѣ, такимъ образомъ, служило только къ чести этого послѣдняго.

Поднимавшее свою голову революціонное движеніе вообще должно было перенести много испытаній. Оно искало себѣ ощупью дорогу въ сгущавшихся сумеркахъ реакціи, брело тернистыми дорогами, прокладывало опасный путь черезъ ту пропасть, которую мачеха-исторія вырыла между вышедшей изъ культурной среды интеллигенціей и трудовыми массами. Воспринявъ новое евангеліе соціализма отъ

Интернаціонала, революціонная молодежь смѣло пошла бросать сѣмена новаго ученія въ каменистую, невзрыхленную почву своей необъятной родины. Народная жизнь была еще для нея дремучимъ лѣсомъ. Проѣзженныхъ дорогъ не было, и за каждымъ кустомъ ее подкарауливали хищные звѣри и ядовитые гады...

Правительство уже готовилось извести крамолу до тла, вырвать ее съ корнемъ. Его литературные прислужники зорко сторожили каждый шагъ молодого движенія, чтобы при первой крупной ошибкѣ накинуться на него изъ-подъ своихъ литературныхъ подворотенъ. И, наконецъ, поводъ былъ поданъ. Дѣло Нечаева показалось темнымъ силамъ прошлаго удобнымъ случаемъ, чтобы, затѣявъ публичный процессъ, погубить въ глазахъ общества новое направленіе, взваливъ на него всѣ индивидуальные грѣхи „Нечаевщины“... Ударъ, казалось, былъ нанесенъ рѣшительно и вѣрно. На помощь правительству пришелъ здѣсь огромный, но больной талантъ Достоевскаго, когда-то пострадавшаго по дѣлу кружка петрашевцевъ, нравственно искалѣченнаго каторгой, впавшаго въ мистицизмъ и воображавшаго себя новымъ пророкомъ великой православной миссіи славянства. Своимъ яркимъ перомъ онъ изобразилъ жертвы революціи, какъ невѣжественныхъ безумцевъ, порвавшихъ съ народной правдой, чужихъ русской душѣ, оторвавшихся отъ истинной національной подоплеки и превратившихся въ безпочвенныхъ „общечеловѣковъ“, въ комичныхъ citoyens du monde civilisé. Въ своихъ „Бѣсахъ“ онъ уподобилъ картину краха нечаевскаго дѣла евангельской картинѣ о тѣхъ бѣсахъ, которые вошли въ стадо свиней и заставили ихъ броситься въ море и потонуть. Такъ встрѣчены были въ литературѣ первыя жертвы правительственной репрессіи 70-хъ годовъ...

„Отечественныя Записки“, въ лицѣ Михайловскаго, смѣло выступили въ качествѣ идейныхъ представителей людей, на которыхъ обрушилась эта постыдная травля. Въ цѣломъ рядѣ статей Михайловскій показывалъ, что трудовыя основы жизни низшихъ, эксплуатируемыхъ классовъ и вытекающіе изъ этихъ основъ элементы народной психологіи и міросо-

зерцанія какъ разъ и даютъ то, что въ своемъ логическомъ развитіи и научной обосновкѣ составляетъ позоримый Достоевскимъ общественный идеалъ извѣстной части русской интеллигенціи. И въ отвѣтъ на указаніе, будто она „оторвалась отъ народной правды“ и навязываетъ народу какія-то чуждыя его жизни выдумки, Н. К. Михайловскій писалъ: „Если бы вы, г. Достоевскій, ближе познакомились съ позоримымъ вами соціализмомъ, вы убѣдились бы, что онъ совпадаетъ съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, элементами народной русской правды“. Въ отвѣтъ на упрекъ, что интеллигенція—чужая народу, Михайловскій смѣло принималъ брошенную перчатку и заявлялъ, что чужда она народу лишь постольку, поскольку она еще принадлежитъ къ старому міру насилія и эксплуатаціи, въ которомъ родилась и воспиталась, поскольку она не умѣла проложить дорогу къ рабочимъ массамъ черезъ пропасть, вырытую вѣками. „Мы—я говорю „мы“, потому что вмѣняю себѣ въ честь стоять въ рядахъ этихъ citoyen'овъ,—мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли къ мысли, что мы—должники народа, и ставимъ эту мысль во главу угла и нашей жизни, и нашей дѣятельности... „ На взглядъ Достоевскаго выходило такъ, какъ будто поразившіе общественное вниманіе „новые люди“ суть какіе-то самодуры-эгоисты, желавшіе навязать всей Россіи свою волю, свою гнилую фантазію. Михайловскій показывалъ, что на дѣлѣ имѣетъ мѣсто какъ разъ противоположное—истинные подвиги самоотреченія. „Вы смѣетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете ли, что она значитъ? Для „обще-человѣка“, для citoyen'а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общече-

ловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова, устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и пр. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этой свободой права должны только играть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка,—мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ!"

„И если бы вы знали, г. Достоевскій"—заканчиваетъ Н. К. свою статью—„какъ мучитъ иногда совѣсть бѣдныхъ citoyen'овъ, признающихъ свой долгъ, особенно въ виду того, что кредиторъ и не сознаетъ себя кредиторомъ... Если бы вы знали, какъ мучительно напрягается иной разъ ихъ мысль, взвѣшивая способы погашенія долга!"

Какъ сдѣлать, чтобы эксплуатируемый рабочій народъ созналъ себя кредиторомъ буржуазно-монархическаго общества? Какъ сдѣлать, чтобы онъ грозно потребовалъ обратно свое отъ этихъ должниковъ, нагло издѣвающихся надъ своимъ кредиторомъ? Какъ лучше всего могутъ „погасить свой долгъ" передъ рабочимъ людомъ тѣ, кто сознаетъ себя должниками? Таковы были „проклятые вопросы", вставшіе передъ молодымъ поколѣніемъ. И на эти вопросы должна была дать отвѣтъ литература, которую въ это самое время травили, втискивая въ прокустово ложе и превращая ее—говоря словами Некрасова—въ „бѣдную, въ крови, кнутомъ изсѣченную Музу"...

Да, не легкая это была обязанность—быть идейнымъ центромъ, взявшимъ на себя задачу охраны въ легальной русской литературѣ интересовъ юной революціонной Россіи. Тѣмъ болѣе нелегкая, что просыпавшееся общественное сознаніе было еще такъ незрѣло, а всѣ безобразія самодержавно-дворянско-чиновничьей Руси, быстро сроднившейся въ процессѣ взаимоприспособленія съ буржуазной плутократіей, такъ били въ глаза, что всякая оппозиціонная идеологія, всякій даже самый крошечный источникъ свѣта въ окружающемъ мракѣ могъ сойти за солнце. И культур-

ническое толченіе воды въ ступѣ политически индифферентнаго, но благожелательнаго обывателя; и полувершковый либерализмъ помѣщика-земца, который самъ не зналъ, чего онъ хочетъ—„не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ“; и либерально-консервативныя шатанія еще не осознавшей себя политически буржуазіи; и расхоже-либеральное фрондированіе безпочвенныхъ межеумковъ и литературныхъ флюгеровъ; и двухсмысленные вздохи о „народной правдѣ“ эпигоновъ вырождающагося славянофильства; и хамелеоновскія рѣчи переодѣтыхъ реакціонеровъ о „народной политикѣ“; и „самобытничество“, впадающее въ реакціонный націонализмъ, и реакціонный націонализмъ, маскирующійся самобытничествомъ—всѣ эти теченія разставляли наивно-глупо или предательски-хитро свои сѣти для уловленія „малыхъ сихъ“. Въ окружающей тьмѣ не только „сіяніе мѣднаго таза либерализма“, но даже любая сальная свѣчка могла порой сходить за солнце разума и свободы...

Н. К. Михайловскій явился въ легальной литературѣ тѣмъ опытнымъ рулевымъ, который твердою рукою ведетъ утлую ладью нарождающагося соціально-политическаго самосознанія между подводныхъ скалъ, шхеръ и заливовъ, оканчивающихся непроходимыми тупиками, въ открытое море широкой и смѣлой соціальной борьбы... Онъ выдержалъ безчисленное количество битвъ съ врагами соціализма; онъ выдержалъ не мало битвъ и съ его близорукими друзьями, заблудившимися въ лабиринтѣ тогдашней соціально-политической дѣйствительности и увлекавшими за собою, сбивавшими съ истинной дороги другихъ...

То было время, когда съ одной стороны стояли чистые „пропагандисты“-лавристы, съ другой—„бунтари“-бакунисты. Одни бросились въ крайность почти культурническаго, методическаго, умственнаго перевоспитанія въ соціалистическомъ смыслѣ народа; другіе перегибали палку въ противоположную сторону, отрицая всякую пропаганду, требуя лишь агитаціи, революціонныхъ „поступковъ“, вовлеченія народа въ революціонное движеніе заразительной силой примѣра, т.-е. спорадическихъ волненій, хотя бы на чисто

экономической почвѣ. Не было выработано даже сознанія необходимости прочной, стройной организаціи революціонныхъ силъ. Не было широкаго синтеза различныхъ методовъ дѣятельности и борьбы. Работали разрозненно, анархически, партизански. Въ одной части революціонеровъ достигла своего апогея идеализація народа, и на революціонную интеллигенцію возлагалась исключительно обязанность „формулировать“ то, что уже сознано самимъ народомъ; формулировать и бороться вмѣстѣ съ народомъ за его, уже понятые имъ, ближайшіе, непосредственные интересы. Зарождалось стремленіе пассивно приспособляться къ данному уровню народнаго самосознанія, стушевывать тѣ пункты программы, которые въ это самосознаніе пока не укладывались, или укладывались лишь съ большимъ трудомъ. Словомъ, съ „народомъ“—т.-е. прежде всего деревенскимъ народомъ—происходили въ революціонной мысли все тѣ же шатанія (чистый пропагандизмъ, агитація, экономизмъ, „хвостизмъ“, отсутствіе организаціи, пренебреженіе политикой и т. д.), которыя впослѣдствіи она повторила вокругъ пролетаріата, въ періодъ марксизма — этого народничества наизнанку. Изъ этихъ шатаній, изъ этого броженія лишь медленно, лишь съ большимъ трудомъ вырабатывался широкій, разносторонній и цѣлостный революціонный синтезъ, воплотившійся вскорѣ—сначала въ „Землѣ и Волѣ“, затѣмъ въ логически изъ нея развившейся „Народной Волѣ“...

И здѣсь заслуживаетъ глубокаго вниманія публицистическая дѣятельность Михайловскаго. Рѣзче, чѣмъ кто-нибудь, возсталъ онъ противъ рабскаго приспособленія къ „мнѣніямъ народа“. Безпощаднѣе, чѣмъ кто-нибудь, онъ показывалъ, что исторически сложившіяся „мнѣнія народа“ часто противорѣчатъ „интересамъ народа“. Въ борьбѣ, раздѣлившей нашу литературу на два лагеря подъ знаменемъ двухъ этихъ формулъ, онъ ярко доказывалъ весь вредъ, всю нелѣпость идолопоклонства передъ народомъ; доказывалъ, что святы для насъ только его интересы, поскольку они являются „интересами труда“ и ведутъ въ своемъ логическомъ развитіи къ борьбѣ за царство труда, т.-е. соціализма. Это не означало, конечно, барски-пренебрежитель-

наго отношенія къ народу. Михайловскій говорилъ, что поскольку жизнь массъ проникнута трудовымъ началомъ и его интересами, постольку мятущейся интеллигенціи, лишь съ трудомъ стряхивающей „прахъ стараго міра“ со своихъ ногъ, есть къ чему прилѣпиться душой, есть на что опереться въ этой сермяжной массѣ—но есть съ чѣмъ ей и бороться въ міросозерцаніи и психологіи народа, есть что сообщить, дать ему... „И только изъ взаимодѣйствія его и нашего“—писалъ Н. К.—„и можетъ возникнуть вожделѣнный новый періодъ русской исторіи... О, если бы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранить тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того же народа! О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ тому же рѣшенію, особенно тѣ, у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти... Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи“...

Если вопросъ о приспособленіи къ политическимъ воззрѣніямъ народа (въ крайнемъ, каррикатурномъ видѣ дошедшемъ въ единичной, впрочемъ, попыткѣ Стефановича дѣйствовать, не брезгуя приманкой царскаго имени) обсуждался въ легальной литературѣ въ превращенномъ видѣ—руководиться ли только „интересами“ или и „мнѣніями“ народа? то тяжба между началами „пропаганды“ и „агитаціи“ на ея эзоповскомъ языкѣ фигурировалъ въ видѣ спора о томъ, считать ли „умъ“ или „чувство“ главнымъ „факторомъ прогресса“. И тутъ Михайловскій выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ воплотившагося позднѣе революціоннаго синтеза, съ негодованіемъ протестуя противъ этой „вредной и нелѣпой тяжбы“ между „умомъ“ и „чувствомъ“. Такъ, напримѣръ, онъ въ одной изъ статей наглядно рисуетъ нормальное отношеніе между различными элементами дѣятельности въ программѣ освободительнаго движенія. Онъ беретъ въ примѣръ освободительную борьбу болгаръ противъ турокъ, оговариваясь, однако, что „картина будетъ не вполнѣ соотвѣтствующей дѣйствительному положенію вещей въ Болгаріи“; такъ, онъ предполагаетъ, что „бол-

гаре“ въ его примѣрѣ имѣютъ „огромный численный перевѣсъ надъ турецкими угнетателями“, но что лишь „чувство независимости въ болгарахъ такъ слабо, что имъ и въ голову не приходитъ мысль о полной возможности сбросить турецкій гнетъ“. Словомъ онъ очень недвусмысленно даетъ понять, что рѣчь идетъ совсѣмъ не о „внѣшнихъ“, а о нашихъ собственныхъ, домашнихъ, „внутреннихъ туркахъ“, и что въ образѣ болгаръ угнетенные фигурируютъ исключительно по той же самой причинѣ, по которой въ русской беллетристикѣ первый типъ активнаго борца, пришедшаго на смѣну „лишнимъ людямъ“, облекся въ плоть болгарина Инсарова; или потому же, почему мелко-либерыльную нашу прессу въ ту же эпоху заполнялъ „шопотъ, робкое дыханіе“ и вздохи о томъ, почему русскій царь „не даетъ намъ того, что онъ далъ болгарамъ“, понимай—конституціоннаго государственнаго устройства...

Итакъ, на этомъ примѣрѣ Михайловскій разбиралъ выраженное въ легальной литературѣ мнѣніе народниковъ бунтарей, что не пропаганда, а лишь заразительный примѣръ частыхъ возстаній создаетъ революціонную готовность въ народѣ—или, въ переводѣ на языкъ тогдашней легальной литературы, „не распространеніе идей независимости, а только поступки, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство“. Михайловскій безжалостно высмѣивалъ всю узость и упрощенность такой политической конструкціи. Онъ обращалъ вниманіе и на то, что горсть людей „можетъ сама совершить подобные поступки, и не добиться ничего, если въ массѣ (гипотетической, „болгарской“) націи... чувство независимости слабо“; что „сама нація должна совершать поступки“; что этого-то и нужно добиваться распространеніемъ идей, разъясненіемъ болгарской (читай „русской“) націи всего ужаса и позора ея положенія; что такое распространеніе идей есть также „поступокъ“, и угнетатели своими дѣйствіями прекрасно показываютъ, что хорошо понимаютъ это. Онъ указывалъ на другое громадное препятствіе для борьбы—на неорганизованность тѣхъ, кто долженъ бороться: они „не только непосредственно слабы чувствомъ независимости;

они невѣжественны и потому, естественно, находятся подъ гнетомъ авторитета и съ покорностью судьбѣ несутъ свое ярмо; они изолированы другъ отъ друга, сидятъ каждый подъ смоковницей своей и не имѣютъ даже поползновенія сойтись съ сосѣдомъ, который тоже сидитъ подъ смоковницей. Для того, чтобы они признали силу свою, они должны объединиться, а объединеніе можетъ быть совершено только подборомъ единомышленниковъ, т.-е. опять-таки распространеніемъ идей"...

Выступая, такимъ образомъ, противъ исключительнаго бунтарства и анархическаго отрицанія организаціи, Михайловскій былъ однако чуждъ и крайностей чистаго пропагандизма тѣхъ лавристовъ, по отношенію къ которымъ даже самъ ихъ учитель П. Л. Лавровъ долженъ былъ впослѣдствіи заявить—подобно Марксу о своихъ ученикахъ,—что онъ „не лавристъ"... Н. К. не только не отрицалъ значенія революціонныхъ „поступковъ", но еще подчеркивалъ и ревностно оправдывалъ съ моральной и политической точки зрѣнія нѣкоторые виды такихъ „поступковъ", значеніе которыхъ вскорѣ послужило яблокомъ раздора среди русскихъ соціалистовъ и расколола „Землю и Волю" на „Народную Волю" и „Черный Передѣлъ".

Въ концѣ 1878 г.—въ этотъ рѣшительный моментъ исторіи нашего движенія, когда выстрѣлъ В. Засуличъ явился—быть можетъ, помимо сознанія ея самой—симптомомъ знаменательнаго поворота къ болѣе интенсивной борьбѣ—Михайловскій воспользовался, разумѣется, „отвлеченнофилософской темой" (объ этическихъ воззрѣніяхъ Дюринга), чтобы высказать нѣсколько мыслей о нравственной допустимости и обязательности самыхъ рѣзкихъ формъ „борьбы со зломъ". „Бываютъ историческіе моменты, когда даже благороднѣйшіе люди, вынужденные борьбой съ представителями какой-то „смѣси человѣка со скотомъ", прибѣгаютъ къ жестокимъ средствамъ и должны вслѣдствіе этого въ извѣстной мѣрѣ нравственно деградироваться". Это надо прямо признать, ибо жизнь есть вещь суровая и часто жестокая, и въ ней нерѣдко приходится выбирать одно изъ двухъ золъ. Маниловскія представленія о томъ, будто въ

жизни все „добро зѣло“, нужно отбросить. „Подобныя ложныя представленія отнимаютъ энергію въ жизненной борьбѣ, которая неизбѣжна“. Разъ обида нанесена, разъ насиліе совершено, надо видѣть во врагѣ врага, при чемъ оказываются дозволительными орудія хитрости и насилія“. Человѣческая жизнь — всякая человѣческая жизнь, — конечно, дорога, но когда ея носитель превращается въ простое орудіе нашего угнетенія, въ „обезчеловѣченную машину“,—то „съ ней слѣдуетъ поступать такъ же, какъ мы вообще поступаемъ съ наносящими намъ вредъ орудіями — мы ихъ уничтожаемъ или какъ-нибудь убираемъ съ дороги“. И если такая личность подвергается насилію,—то „она только пожинаетъ плоды собственной несправедливости“. „Зло существуетъ и съ нимъ надо бороться—бороться иногда жестокими, даже террористическими средствами“... Н. К. провидѣлъ „Исп. Ком. Нар. Воли“... Въ небольшомъ „летучемъ листкѣ“, посвященномъ выстрѣлу В. Засуличъ, онъ обосновывалъ неизбѣжность и закономѣрность такого рода актовъ, говоря, что вся политическая атмосфера разгула реакціи властно требуетъ образованія самочиннаго комитета общественной безопасности“, практикующаго свой судъ надъ сильными мі́ра...

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, была политическая позиція, занятая Н. К. Михайловскимъ, какъ знаменоносцемъ революціоннаго поколѣнія 70-хъ годовъ въ легальной литературѣ.

II.

Въ 70-хъ годахъ мы видѣли Михайловскаго въ его публицистической дѣятельности занятымъ, главнымъ образомъ, тщательной разработкой идеи „интересовъ народа“, въ смыслѣ совокупности трудящихся классовъ и войной на два фронта—съ одной стороны, противъ теченій, подмѣнявшихъ интересы народа формулами національнаго богатства, самобытно-русскаго развитія, государственнаго величія и т. п.; съ другой стороны—противъ идолопоклонства передъ данными „мнѣніями народа“, передъ даннымъ уровнемъ его

сознанныхъ, непосредственно имъ прочувствованныхъ потребностей. Логическое развитіе въ этой идейной, и параллельно ей въ жизненной, борьбѣ уже къ концу семидесятыхъ годовъ выдвинуло новыя задачи, попытки разрѣшенія которыхъ вписали въ лѣтописи начала слѣдующаго десятилѣтія рядъ трагическихъ, кровавыхъ страницъ. На очередь самою жизнью былъ выдвинутъ вопросъ о политической свободѣ, о непосредственной борьбѣ за нее и объ отношеніи этой борьбы къ основнымъ интересамъ трудовыхъ и эксплуатируемыхъ массъ.

Извѣстно, сколько застарѣлыхъ предубѣжденій было связано въ умахъ многихъ соціалистовъ-народниковъ съ этимъ жгучимъ вопросомъ. На Западѣ политическая свобода была завоевана буржуазіей, и это завоеваніе знаменовало эпоху безпредѣльнаго господства буржуазіи. На баррикадахъ дрались рабочія массы, но онѣ вынесли къ власти на собственныхъ хребтахъ новыхъ господъ, новыхъ своихъ поработителей. Неужели русскіе соціалисты должны въ этомъ признать историческій фатумъ, неужели они должны идти и звать за собой массы, чтобы вытащить каштаны изъ огня для буржуазіи? На этотъ вопросъ не могло быть иного отвѣта, кромѣ отрицательнаго. А такъ какъ по аналогіи съ Западомъ было рѣшено, что политическая свобода можетъ пойти лишь въ пользу буржуазіи, то отсюда и слѣдовалъ выводъ: нельзя на очередь ставить непосредственную борьбу противъ самодержавія; на очереди должна стоять революція рабочихъ массъ, въ одно и то же время въ одинаковой мѣрѣ направленная противъ всѣхъ дирижирующихъ классовъ.

Въ связи съ этимъ стоялъ другой вопросъ. Въ экономической жизни Россіи оказались задатки самобытнаго развитія, которыми соціалистическая мысль дорожила и не могла не дорожить. Въ крестьянскихъ массахъ народники замѣчали отсутствіе выработанныхъ традицій частной собственности, традицій, которыя вѣками прививались къ западно-европейскому крестьянству и такъ затрудняли доступъ соціалистическимъ идеямъ въ европейскую деревню. Наше крестьянство практиковало, хотя и изуродованныя

вмѣшательствомъ государства, формы уравнительнаго пользованія землей подъ верховнымъ контролемъ всего „міра“; оно, въ связи съ этимъ, готово было смотрѣть на землю, какъ на „ничью“, какъ на общее достояніе трудящихся. И если во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ Россія оказывалась отставшей, обдѣленной судьбой, то какъ же было не прилѣпиться душой хоть къ этому благопріятному историческому наслѣдію? Какъ не стремиться къ тому, чтобы спасти и утилизировать въ интересахъ соціализма эти драгоцѣнныя черты общинной, трудовой народной правды? Но здѣсь-то и возникалъ новый больной и тревожный вопросъ: если Россія пройдетъ буржуазно-конституціонный фазисъ развитія, не вырветъ ли онъ съ корнемъ этихъ здоровыхъ побѣговъ, не заглушитъ ли онъ ихъ бурьяномъ и чертополохомъ индивидуализма и собственническаго фанатизма? Не предпочтительнѣе ли, сравнительно съ этимъ буржуазно-конституціоннымъ фазисомъ, даже русскій деспотическій, надъ классами стоящій монархизмъ? Быть можетъ, онъ даже благопріятнѣе „интересамъ народа?“ Могъ же онъ провести, несмотря на оппозицію привилегированныхъ классовъ, освобожденіе крестьянъ!

Анархическое отрицаніе парламентаризма и конституціонализма здѣсь оканчивалось „вѣроломной покатостью“ въ сторону фактическаго примиренія съ абсолютизмомъ, какъ съ наименьшимъ зломъ для данной исторической эпохи. И мы знаемъ, что нѣкоторые декаденты народничества докатились по этой скользкой наклонной площади до цѣлаго ряда политическихъ двусмысленностей. Этимъ воспользовалась потомъ правительственная клика, эта шайка „людей съ мохнатыми сердцами“, — и въ срединѣ 80-хъ г.г. была провозглашена эра „народной политики“. Ее безстыдно провозглашали—употребляя выраженія Михайловскаго—литературные „мѣдные лбы“, а имъ, разинувъ рты, внимали обывательскія „вареныя души“. Дѣло дошло даже до появленія своеобразныхъ „народниковъ-монархистовъ“...

Какова же была позиція, занятая въ этихъ вопросахъ „Отечественными Записками“ и Н. К. Михайловскимъ, какъ руководителемъ ихъ политико-публицистическаго отдѣла?

Эта позиція для своего времени была чрезвычайно смѣлой, неожиданной и оригинальной. Съ необычайной силой Михайловскій выдвинулъ и неустанно доказывалъ такія положенія: ошибочно думать, будто русской буржуазіи теперь выгодна политическая свобода; ошибочно думать, будто абсолютизмъ мѣшаетъ буржуазіи и искорененію самобытныхъ задатковъ высшаго развитія въ русскомъ народѣ: напротивъ, подъ крылышкомъ абсолютизма, теперь, по крайней мѣрѣ, успѣшнѣе всего идетъ буржуазная „обработка“ Россіи; политическая же свобода дастъ, по крайней мѣрѣ, возможность революціонной интеллигенціи вести болѣе широкую и свободную борьбу противъ буржуазныхъ и вообще эксплуататорскихъ элементовъ, опираясь на широкія трудовыя массы...

„Буржуазія есть классъ людей, непосредственно не работающихъ, а имѣющихъ для того наемниковъ и владѣющихъ орудіями производства“—говорилъ Н. К. „Это—коренная и всеобщая черта буржуазіи, ея суть. Но затѣмъ, нравственные идеалы буржуазіи, ея политическія стремленія, нравы, вкусы могутъ быть весьма различны, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста. Буржуазія можетъ быть мужественна или труслива..., рваться къ свободѣ или прятаться подъ крылышко власти, смотря по тѣмъ условіямъ, при которыхъ ей приходится исполнять свою миссію сосредоточенія въ немногихъ рукахъ капиталовъ и орудій производства вообще“. Когда-то въ нѣкоторыхъ странахъ, дѣйствительно, „буржуазія была носительницей высокихъ идеаловъ свободы и энергической просвѣщенной дѣятельности, борцомъ за оскорбленное въ ея лицѣ человѣчество... Но эти высокія качества были, говоря философскимъ языкомъ, акциденціей, а не субстанціей, обстоятельствомъ времени и мѣста, а не самой сутью буржуазіи“. Скоро это и обнаружилось: даже въ странахъ классическаго буржуазнаго либерализма начались метанья буржуазіи отъ непримиримой борьбы съ пережитками феодальнаго абсолютизма къ попыткамъ союза съ ними противъ новаго врага—рабочихъ массъ. И вотъ, „съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія завладѣла полемъ политики, Франція стала биться, какъ птица въ

клѣткѣ, толкаясь то въ двери республики, то въ омутъ абсолютизма". Передъ рабочими массами, какъ и передъ лучшими интеллектуальными силами Европы, встала во весь ростъ обнаженная истина: оказалось, что борьба, которую они считали раньше борьбой за освобожденіе всего человѣчества,—„вся эта борьба идетъ, собственно, изъ-за того, кому принадлежитъ право ѣсть трюфели—разбогатѣвшимъ мѣщанамъ или родовитымъ дворянамъ"...

Что же приходится сказать про русскую буржуазію? Да то, что она, „какъ и вообще нашъ капитализмъ—нуждается въ настоящую минуту не въ свободѣ, а, напротивъ—въ привилегіи, покровительствѣ, регламентаціи, правительственныхъ гарантіяхъ, субсидіяхъ. А не нуждаясь въ свободѣ вообще, она всего менѣе нуждается въ свободѣ мысли и слова... буржуазіи нашей совершенно не нужны ни эти прекрасныя вещи, ни сопредѣльныя съ ними". Въ то время, какъ владычество буржуазіи въ Европѣ осложняется „болѣе или менѣе высокимъ уровнемъ образованія, исторически выработанными идеями политической свободы и гражданскаго равенства",—у насъ буржуазія свободна отъ этихъ „осложняющихъ условій": „ни образованія, ни политическаго и нравственнаго развитія тутъ, разумѣется, днемъ съ огнемъ не сыщешь". Это умственное нищенство и политическое безплодіе русской буржуазіи облегчаютъ ея взаимоприспособленіе со старыми формами деспотизма и перелицованнаго на новый ладъ крѣпостничества. „Нашъ русскій буржуа, этотъ не вполнѣ еще сложившійся конгломератъ помѣщика, мечтающаго о воскрешеніи тихихъ и простыхъ прелестей крѣпостного быта, разжирѣвшаго лавочника, кабатчика и кулака — этотъ конгломератъ поистинѣ чудовищенъ. Его чураться и бояться простительно даже тѣмъ, кто преклоняется передъ историческою ролью европейскаго буржуа". Подробнѣе и откровеннѣе таже тема была развита Н. К. Михайловскимъ въ его блестящихъ „политическихъ письмахъ соціалиста", помѣщенныхъ въ „Народной Волѣ".

Какова же роль русскаго монархическаго строя? Михайловскій не безъ намѣренія излагаетъ теорію Лоренца фонъ

Штейна, по которой монархическая власть можетъ быть независима отъ узкихъ классовыхъ интересовъ и витать надъ классами. И Михайловскій показываетъ, до какой степени „не трудно опровергнуть штейновскую теорію власти“, доказавши, что эта „власть не можетъ быть такъ изолирована отъ вліянія имущихъ классовъ“. Въ частности, что касается Россіи, то „юридически, формально“, нашъ строй отличается отъ европейскаго, гдѣ „всѣмъ механизмомъ государственной жизни заправляютъ своекорыстные привилегированные классы“, но иначе окажется дѣло, если, вмѣсто формальной стороны, мы посмотримъ на „реальныя отношенія силъ“... А это реальное соотношеніе силъ при государственномъ строѣ Россіи, между желающей служить народу интеллигенціей и хищной буржуазіей, Михайловскій картинно уподобляетъ анекдоту объ одномъ уроженцѣ теплыхъ странъ, аттакованномъ на дальнемъ сѣверѣ стаей собакъ. Онъ хотѣлъ было схватить для защиты камень, но оказалось, что камень примерзъ къ землѣ. И путешественникъ въ ужасѣ воскликнулъ: „о несчастная страна, гдѣ камни привязываютъ, а собакъ пускаютъ бѣгать!“

И вотъ почему всѣмъ тѣмъ политически наивнымъ элементамъ, которые мечтаютъ о томъ, что самодержавіе или единоличная диктатура можетъ съиграть исторически-прогрессивную роль въ такой моментъ, когда всѣ соціальныя противорѣчія поставлены такъ рѣзко, Михайловскій говорилъ, что „Гарунъ-аль-Рашидъ былъ хорошій, и даже, можетъ быть, великій человѣкъ; но въ наше трудное время, съ усложненіемъ всѣхъ общественныхъ отношеній—Гарунъ-аль-Рашидъ сталъ невозможностью; поэтому требовать или надѣяться, что Бисмаркъ, Гамбета или иной государственный дѣятель повторитъ трогательную исторію Гарунъ-аль-Рашида—безумно“. И это предостереженіе было болѣе, чѣмъ не лишнее, когда начиналась эра „диктатуры сердца“ Лорисъ Меликовской политики заигрыванія съ обществомъ. Михайловскій слишкомъ ясно видѣлъ, какъ подъ видомъ „сердечнаго попеченія“ о странѣ маленькихъ Гарунъ-аль-Рашидовъ контрабандным путемъ будетъ внесено раздѣленіе между широкими общественными слоями и револю-

ціоннымъ авангардомъ. И въ этомъ отношеніи политика Лорисъ-Меликова, возбуждавшая столько наивныхъ „безсмысленныхъ мечтаній“, съ точки зрѣнія Михайловскаго, была лишь логическимъ дополненіемъ самодурнаго насильничества политики гр. Д. Толстого. Какъ говорилъ Н. К. въ одной изъ главъ своего „дневника читателя“, — „волчья пасть, разъ она уже обезобразила ликъ человѣческій, пополняется лисьимъ хвостомъ, какъ своимъ логически необходимымъ спутникомъ“... И потому на смѣну „насильнику“, которому наплевать на душу жертвы и который требуетъ только покорности и почитанія,—насильку, который, какъ есть въ сапогахъ, лѣзетъ въ душу жертвы, требуя любви ко всѣмъ, кто ей жизнь отравилъ“,—идетъ постановка новой декораціи, при которой главный персонажъ долженъ „прогуливаться въ голубомъ мундирѣ подъ голубымъ небомъ, смотрѣть на Божій міръ голубыми глазами и подносить согражданамъ букеты изъ голубыхъ незабудокъ“, и когда „слѣды крови сердца, пролитой волчьей пастью, заметаются лукаво виляющимъ лисьимъ хвостомъ“... [1]).

Вотъ что ставилъ Михайловскій на видъ тѣмъ страстнымъ народникамъ, которые ради интересовъ народа готовы были въ политическомъ смыслѣ довольствоваться „акридами и дикимъ медомъ“, жертвуя собственными потребностями въ свободѣ слова, печати и т. д. Въ одной изъ статей своихъ онъ съ этой точки зрѣнія даетъ краткую „философію исторіи“ развитія политической мысли русской интеллигенціи. Онъ указываетъ на то, что еще одинъ изъ петрашевцевъ поразилъ императора Николая, стараясь доказать ему, что правительство, и только правительство, можетъ заложить въ Россіи краеугольные камни хозяйственнаго благосостоянія трудящихся массъ. Итакъ—„благонамѣренные представители центральной власти и народъ, въ нашемъ предположеніи, должны были положить починъ но-

---

[1]) Въ „Летучемъ листкѣ Народной Воли“ того времени та же тема была обработана уже со всѣми точками надъ і, въ статьѣ, посвященной Лорисъ-Меликовской политикѣ и озаглавленной „Лисій хвостъ и волчьи зубы“. Статья эта принадлежитъ перу Н. К. Михайловскаго.

вому, особливому историческому пути для Россіи". Вотъ почему „мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя". И это настроеніе „доходило до примѣровъ, даже мало вѣроятныхъ, о чемъ въ свое время скажетъ исторія". „Пусть насъ сѣкутъ: мужика сѣкутъ же — вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали: именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства"...

„Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо многочисленностью [1]) возьмутъ на себя починъ проложенія новаго пути.

И Михайловскій говорилъ, что хотя возможность „проложенія новаго пути" остается „теоретическою возможностью" и до сихъ поръ, но нелѣпо закрывать глаза на то, что она „убываетъ, можно сказать съ каждымъ днемъ. Практика урѣзаетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства" (1880 г.).

И Михайловскій предлагалъ „честно и трезво оглядѣться вокругъ себя" всѣмъ, кто мечтаетъ о томъ, чтобы его родину миновала чаша буржуазнаго развитія. Ибо „оскорбительно смѣшно представить себѣ русскаго человѣка, пьющаго изъ той же чаши, но съ комическою надменностью размахивающаго картоннымъ мечемъ и увѣряющаго, что онъ гарантированъ отъ европейскихъ язвъ. Осмотритесь, и вы увидите, что мы еще не имѣемъ лучшаго изъ того, что создано вѣковымъ трудомъ Европы, но уже имѣемъ слиш-

---

[1]) Такимъ образомъ, Н. К. охватываетъ въ общей формулѣ всѣ теченія прежней русской соціалистической мысли: выше онъ говорилъ о петрашевцѣ и о тѣхъ представителяхъ интеллигенціи, которые мечтали работать рука объ руку съ правительствомъ въ „эпоху великихъ реформъ", здѣсь онъ, повидимому, имѣетъ въ виду якобинцевъ „Набата" и бунтарей, считавшихъ возможнымъ проложить болѣе непосредственный путь къ соціализму — одни путемъ захвата власти, другіе путемъ всероссійскаго крестьянскаго возстанія.

комъ многое изъ ея печальнаго и грязнаго наслѣдія. Индѣ въ зародышѣ, а индѣ даже въ преувеличенномъ размѣрѣ, подъ сѣнью нашего недостроеннаго зданія [1]) разрастается многое европейское, съ чѣмъ сама Европа, по крайней мѣрѣ, имѣетъ возможность бороться"...

Появленіе въ концѣ 1880 г. изслѣдованій Николая—она дала Михайловскому новый случай подчеркнуть, что мы давно уже „отворили свои ворота настежъ банкирской и желѣзно-дорожной Европѣ. Эта Европа, вторгаясь къ намъ безъ всякаго съ нашей стороны протеста, быстро и цѣпко душитъ задатки нашего оригинальнаго... экономическаго развитія. Наше недостроенное зданіе не только не мѣшаетъ этому вторженію, а, напротивъ, способствуетъ ему волею и неволею... А мы тѣмъ временемъ... рекомендуемъ ожиданіе, какъ принципъ, какъ политическую программу! А лѣтъ 15 тому назадъ это были бы, можетъ быть, разумныя рѣчи. Теперь онѣ запоздали. Апплодируя торжественному шествію банкирской и желѣзно-дорожной Европы, смѣшно до... до чего хотите смѣшно запирать двери передъ Европой политической и научной"! (1880 г.).

„Ожиданіе, какъ политическій принципъ и программу", рекомендовали не только тѣ самобытники-славянофилы, съ которыми здѣсь непосредственно полемизируетъ Михайловскій. „Подождать" съ непосредственной политической борьбой рекомендовали и тѣ народники, которые видѣли въ начатой Народной Волею борьбѣ за политическую свободу (открытіе дверей „Европѣ политической" тожъ) — измѣну принципамъ „чистаго" соціализма. Ихъ боязни „укрѣпленія буржуазіи" онъ противопоставлялъ указаніе, что отреченіе отъ борьбы за политическую свободу не имѣетъ никакого смысла, разъ современный порядокъ оказывается царствомъ „всемогущаго братскаго союза мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ". Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно,—кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да,

---

[1]) Напомнимъ, что политическая свобода на языкѣ тогдашней легальной прессы обычно называлась „увѣнчаніемъ зданія" реформъ.

ему тепло, и въ этомъ корень вещей... Въ отношеніи аппетита, наглости, фактическаго могущества этотъ союзъ „никакимъ европейскимъ буржуа не уступитъ“...

Итакъ, вотъ почему Михайловскій одобрилъ тѣ „новыя средства“, которыми осложнилась въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., въ эпоху выступленія Народной Воли, программа русской революціонной интеллигенціи. Это не означало, однако, никакого поворота въ его принципіальныхъ воззрѣніяхъ, не означало и переоцѣнки политической свободы, какъ таковой. Сильно и красиво выразилъ онъ эту мысль: свобода была для него „солнцемъ, но только солнцемъ, а это хоть и очень, безпредѣльно много въ экономіи земного шара, но вовсе ужъ не такъ много въ своеобразной экономіи человѣческихъ идеаловъ: es leuchtet die Sonne über bös'und gut'. Политическая свобода безсильна измѣнить взаимныя отношенія наличныхъ силъ въ средѣ самого общества, она можетъ только обнаружить ихъ, вывести на всеобщее позорище, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, придать большую яркость, обострить эти отношенія“.

Въ связи съ этимъ, политическія задачи отнюдь не отодвигали на задній планъ соціальныхъ задачъ революціи. Если и не предполагалось моментальнаго скачка черезъ всѣ промежуточныя фазы прямо къ соціализму, то во всякомъ случаѣ оставалась возможность нѣкоторыхъ весьма серьезныхъ экономическихъ завоеваній въ пользу рабочаго народа, завоеваній, которыя, съ одной стороны, облегчали бы рабочему люду шансы дальнѣйшей борьбы, съ другой же укрѣпляли бы завоеванную свободу и отвращали возможность консервативной контръ-революціи. Михайловскій обращалъ вниманіе читателей „Отечественныхъ Записокъ“ на фактъ „періодически повторяющагося въ Европѣ и особенно въ быстро живущей Франціи страннаго круговращенія: политическая свобода, купленная иногда цѣною океана крови, падала отъ ничтожнаго толчка Бонапарта или другого охочаго до власти человѣка, чтобы потомъ вновь подниматься со страшными усиліями и вновь падать. Этотъ томительный круговоротъ объясняется тѣмъ, что ни разу еще политическая свобода, при своемъ зарожденіи, не-

осложнялась существенною помощью народу, который потому хладнокровно, а иногда даже сочувственно смотрѣлъ, какъ башня свободы шаталась и падала съ своего пьедестала. Въ концѣ концовъ только тотъ политическій порядокъ окажется непоколебимымъ, который не шарлатански, какъ это не разъ случалось въ Европѣ, а искренно и честно заинтересуетъ собой милліоны". Нужно ли прибавлять, что это требованіе связать политическія задачи революціи съ соціальными—для того времени выражалось, прежде всего, въ старомъ лозунгѣ „Земля и Воля!", сохранившемъ свою силу и для народовольцевъ. И Михайловскій неустанно твердилъ, настаивалъ, умолялъ русскую интеллигенцію руководиться этимъ вѣрнымъ маякомъ, не сбиваться по сторонамъ на разные фальшивые блуждающіе огоньки,—и онъ высказывалъ твердую вѣру, что мы научимся, наконецъ, „выбирать предметы чувствованія и вражды, различать фальшивыя и настоящія драгоцѣнности, а потому—vogue la galère"!

III.

Условія русской жизни такъ сложились, что соціализмъ, который въ болѣе передовыхъ странахъ выработался въ политическую систему, какъ результатъ классового рабочаго движенія,—у насъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій былъ знаменемъ, вокругъ котораго сплачивалась революціонная интеллигенція. Много усилій пришлось ей сдѣлать, много средствъ перепробывать, прежде чѣмъ къ этому знамени стали стекаться рабочія массы. До этого не разъ передъ ней вставала роковая необходимость—вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ свирѣпыми аттаками гораздо болѣе сильнаго врага. И много славныхъ страницъ вписано было кровью этой революціонной интеллигенціи въ скрижаляхъ русской исторіи...

На литературѣ нашей лежала обязанность—осмысливать это движеніе революціонной интеллигенціи, какъ междуклассовой, идеологической силы, какъ того „умственнаго и моральнаго цвѣта націи" (выраженіе Либкнехта), который въ различное время и при различныхъ условіяхъ примы-

каетъ то къ тому, то къ другому общественному классу—въ зависимости отъ того, на какомъ изъ этихъ классовъ въ данный историческій моментъ лежитъ болѣе яркая и идейно привлекательная „положительная историческая миссія“. Съ этой точки зрѣнія, Михайловскаго особенно интересовали отношенія между русской буржуазіей и русской интеллигенціей. „Онъ зналъ, конечно, что, вообще говоря, „интеллигенція и буржуазія могутъ идти рука объ руку, помогать другъ другу, даже совпадать; но это частный случай, а не общее правило“. Для того, чтобы этотъ частный случай имѣлъ мѣсто, нужна наличность опредѣленныхъ условій. Во Франціи передъ великой революціей такія условія были. Буржуазія и въ соціальной, и въ политической, и въ умственной области играла огромную творческую роль, такъ что, естественно, „интеллигенція, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, была въ полномъ единеніи съ буржуазіей и утопала въ ней“. „Съ другой стороны, и буржуазія добивалась, прежде всего, всякой свободы мысли и слова, которая нужна интеллигенціи какъ вода рыбѣ“. Но теперь и въ Европѣ „дѣла стоятъ, разумѣется, иначе... Новый общественный слой, такъ называемое четвертое сословіе, выставило свою, новую интеллигенцію“. У насъ, въ Россіи, дѣла обстоятъ своеобразнымъ образомъ. Съ одной стороны, „для нашей интеллигенціи невозможна та беззавѣтная искренность, съ которой европейская интеллигенція временъ расцвѣта либеральной доктрины ожидала водворенія чуть не рая на землѣ отъ проведенія въ жизнь буржуазныхъ началъ“. Невозможна какъ потому, что у нея передъ глазами горькій урокъ Европы, такъ и потому, что въ Россіи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, выступаетъ буржуазія творческой силой, и болѣе, чѣмъ гдѣ-либо,—разрушительной, хищнической, реакціонной...

Итакъ, въ Россіи историческія условія сдѣлали двѣ силы враждебными другъ другу. И мало того, что враждебными. Интеллигенція—та самая революціонная интеллигенція, которая у насъ цѣлыя десятилѣтія должна была выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ царствомъ гнета и эксплоатаціи,—пріобрѣла значеніе такой силы, какой

рѣдко являлась она въ другихъ странахъ. Развѣ только Италія представляетъ аналогическій случай. Русская революціонная интеллигенція была тѣмъ свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ, который боролся съ ночнымъ мракомъ и предразсвѣтнымъ туманомъ, стремясь освѣтить, озарить народное сознаніе; и эта роковая борьба за сліяніе иниціативнаго революціоннаго авангарда съ трудящимися массами была тѣмъ фокусомъ, въ которомъ соединились всѣ нити исторіи. Исходъ этой борьбы являлся рѣшающимъ моментомъ. Съ трепетнымъ сердцемъ слѣдилъ Н. К. за всѣми перипетіями исторической драмы, которую онъ называлъ „тяжбою свободной мысли съ голубымъ мундиромъ“, ибо—говорилъ онъ — „предоставьте русской интеллигенціи свободу мысли и слова,—и, можетъ быть, русская буржуазія не съѣстъ русскаго народа; наложите на уста интеллигенціи печать молчанія—и народъ будетъ навѣрно съѣденъ“...

Моментъ былъ тѣмъ болѣе драматиченъ, что отъ исхода столкновенія двухъ силъ зависѣли дальнѣйшія событія не только въ самой Россіи, но и далеко за предѣлами нашего отечества. Ибо—какъ указывалъ Н.К.—„мы издревле и посейчасъ беремъ на себя роль всесвѣтныхъ полицмейстеровъ или брандъ-маіоровъ и водворяемъ „порядокъ“, возстановляемъ потрясенныя основы и тушимъ пожары на всемъ пространствѣ отъ Испаніи до Болгаріи“. А между тѣмъ, онъ уже прозрѣвалъ зарю новаго пожара. „Я не вѣрю ни въ правомѣрность, ни въ прочность наличныхъ европейскихъ порядковъ“—писалъ онъ. „Въ Европѣ можетъ произойти въ близкомъ будущемъ огромный переворотъ... но какъ же не посмѣяться надъ увѣренностью, что погромъ этотъ разобьется о нашъ берегъ и обнаружитъ только особливость нашего національнаго организма. Совсѣмъ напротивъ, я думаю, онъ обнаружитъ, до какой степени нашъ національный организмъ сроднился уже, слился съ европейскимъ. Разныя тутъ могутъ выйти комбинаціи. Можетъ быть—чего Боже сохрани—мы, по старой памяти и по старымъ образцамъ, примемся опять за „служеніе Европѣ“ (въ роли брандъ-маіоровъ),—а можетъ быть и на какой-нибудь другой манеръ послужимъ“... (1880 г.).

Вспомнимъ, что говорилъ по этому поводу 2—3 года спустя Фр. Энгельсъ: „Все зависитъ теперь отъ того, что будетъ сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ въ Петербургѣ, на который устремлены нынѣ глаза всѣхъ мыслящихъ, дальновидныхъ и проницательныхъ людей цѣлой Европы. Россія— это Франція нынѣшняго вѣка. Ей законно и правомѣрно принадлежитъ революціонная инициатива новаго соціальнаго переустройства. Гибель царизма, уничтоживъ послѣдній оплотъ монархизма въ Европѣ..., вызоветъ во всѣхъ странахъ могучій толчекъ въ сторону внутренняго переустройства“... Это—та же мысль, то же упованіе... А Михайловскій вѣрилъ, что въ Европѣ крушеніе стараго строя приближается съ каждымъ годомъ...

Еще въ началѣ 70-хъ г.г. онъ указалъ на прогрессирующее разложеніе, деградацію, идейное и моральное вырожденіе буржуазіи—симптомъ того, что она идетъ навстрѣчу своему паденію—совершенно такъ же, какъ подобное же вырожденіе, развращенность, растлѣніе феодальнаго дворянства въ эпоху передъ великой французской революціей было симптомомъ того, что въ дверь стучится новый порядокъ вещей. Нравственная гниль и развратъ, чудовищно прогрессирующіе среди современныхъ имущихъ классовъ, были въ его глазахъ „наружною сыпью“, симптомомъ болѣзни, низводящей съ исторической арены классы, историческая миссія которыхъ кончается... „C'est la fatalité“. „Всегда и вездѣ въ обществѣ были элементы отживающіе и всегда они развратничали. Развратъ есть одинъ изъ молотовъ исторіи. И если теперь онъ такъ распространенъ въ цѣлыхъ слояхъ общества и единовременно во всѣхъ концахъ Европы, то это потому, что ампутація предстоитъ большая ...Novum rerum mihi nascitum ordo“.

Дѣятели того времени вѣрили, надѣялись, что имъ предстоитъ принять участіе въ этомъ великомъ міровомъ кризисѣ. Ихъ борьба ставилась для нихъ въ органическую связь съ борьбой труда противъ эксплоатаціи въ остальномъ цивилизованномъ мірѣ. И это окрыляло, поднимало и вдохновляло ихъ, это сообщало новый энтузіазмъ и энергію...

Бурное то было время. То было время, когда, по словамъ Н. К., „въ живой жизни происходили событія огромной важности, небывалыхъ размѣровъ и почти сказочнаго характера“. То было время, когда нѣкто едва не превратился въ „Гатчинскаго узника—военноплѣннаго русской революціи“. Никогда такъ не свирѣпствовалъ бѣлый терроръ реакціи, никогда съ такимъ упорствомъ не отбивался красный терроръ революціи, временами переходившій даже въ наступленіе. Конечно, революціонеры руководились прежде всего политическимъ разсчетомъ, а не стихійнымъ чувствомъ, не простымъ желаніемъ мстить врагамъ, хотя, какъ говорилъ Михайловскій,—„съ другой стороны, однако, отчего же имъ когда нибудь не поболѣть за ту боль, которую они вокругъ себя распространяютъ,—не сами по себѣ разумѣется, а вкупѣ со стихійною силою вещей... Да, боль за боль!“ (1881 г.). Но это лишь побочный результатъ, а не основная цѣль борьбы. Въ лицѣ отдѣльныхъ представителей темнаго царства, царства самодурства, подлости и произвола, ведется борьба съ породившимъ ихъ и защищаемымъ ими строемъ. „Личныя раны съ теченіемъ времени затянутся... Острая боль отъ личнаго оскорбленія утонетъ въ хронической боли отъ „пороковъ вѣка“, въ борьбѣ съ которыми страдальцы найдутъ единственно возможное для нихъ удовлетвореніе... И безъ того они не личною только жизнью живутъ и даже обладаютъ спеціальною склонностью вытягивать изъ своихъ личныхъ дѣлъ ихъ общественное значеніе. Пусть тѣ именно представители подлости, которые непосредственно исковеркали ихъ жизнь, останутся безнаказанными или только въ малой степени ощутятъ боль, но въ качествѣ частной мелочи, они, вѣдь, развѣ только презрѣнія заслуживаютъ, холоднаго, подавляющаго“. И борцы пойдутъ „со свѣточемъ правды въ рукахъ противъ общаго субстрата подлости и, яко таетъ воскъ отъ лица огня, подлость будетъ отступать все дальше, корчась отъ злобы и боли, будетъ ли то боль стыда или боль пораженія, боль сознанія необходимости уйти, спрятаться“...

Но, увы! Не такъ правиленъ и прямолинеенъ въ исторіи этотъ процессъ вытѣсненія отжившаго прошлаго... Онъ пре-

рывается періодами кратковременнаго, но тѣмъ болѣе злобнаго торжества реакціи, когда, на первый взглядъ, ей удается совершенно раздавить своихъ враговъ и на ихъ костяхъ отпраздновать кровавую тризну. Такая эпоха настала, такое торжество реакціи водворилось, особенно года два-три спустя послѣ 1-го марта. Это было, по словамъ Н. К., „время ужаса и чуть не повальнаго одурѣнія; время невозможныхъ проектовъ перенесенія столицы въ Москву и обществъ взаимнаго добровольнаго шпіонства; время расцвѣта того дикаго якобы патріотизма, который, какъ хорошая охотничья собака, обнюхиваетъ каждый кустъ, „не пахнетъ ли жидомъ, полякомъ, вообще нерусскимъ или русскимъ, измѣнникомъ". Это было время, наступленія котораго Н. К. такъ пророчески боялся, когда говорилъ, что въ результатѣ всѣхъ этихъ разгромовъ и утратъ мы еще, пожалуй, „бросимся, очертя голову, въ омутъ искусственныхъ возбужденій, плюнемъ на все реальное и обоготворимъ все фантастическое, воспляшемъ вокругъ гробовъ въ которые уложимъ живыхъ людей, и осыплемъ поцѣлуями—мертвецовъ". И въ самомъ дѣлѣ, даже у такого стойкаго человѣка, какъ самъ Н. К. Михайловскій, при видѣ этого зрѣлища торжества реакціи вырвался скорбный вопль души: „цѣль и смыслъ жизни затерялись въ этомъ калейдоскопѣ разгромовъ. На что надѣяться? во что вѣрить? чего желать? къ чему стремиться! Все разбито, раздавлено.... „О поле, поле кто тебя усѣялъ мертвыми костями?"...

Но надолго поддаться такому настроенію Н. К. не могъ. И поле борьбы, усѣянное мертвыми костями, напоминавшее тотъ „вырубленный лѣсъ", гдѣ раньше были „дубы до небесъ", а остались лишь обгорѣлые пни,—навѣвало на него не безпросвѣтное отчаяніе, а, несмотря ни на что, твердую вѣру въ будущее. Онъ вспоминалъ и напоминалъ другимъ объ иномъ усѣянномъ мертвыми костями полѣ, которое явилось въ видѣніи пророку Іезекіилю. И тамъ напоминалъ онъ конецъ видѣнія: „Произошелъ шумъ и движеніе, и стали сближаться кости, кость съ костью своею. И видѣлъ я, и вотъ жилы были на нихъ, и плоть выросла и

кожа покрыла ихъ сверху... и вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили и стали на ноги свои"...

Эта вѣра въ то, что движеніе возродится, какъ фениксъ изъ пепла, помогла Михайловскому пережить мрачную эпоху реакціи, разброда, сумбура, помраченія общественнаго сознанія. Онъ стоялъ на „славномъ посту", охраняя отъ всякихъ наскоковъ лучшія традиціи русскаго освободительнаго движенія, традиціи и принципы той эпохи, изъ которой, по его собственнымъ словамъ, онъ „запасся святыми воспоминаніями на всю остальную жизнь". Прошелъ „вѣкъ богатырей". Въ атмосферѣ упадка духа, разочарованія, пониженія общественной энергіи, вокругъ кишѣли „мошки и букашки" декаденства, культурничества, вершковаго либерализма, воскресшаго мистицизма, метафизики и т. п. нездоровые продукты нездороваго времени. Тягостная картина! Съ одной стороны являются господа, которые „съ ученымъ видомъ знатоковъ", проваливаясь въ собственное глубокомысліе, толкуютъ о необходимости „пантеистическаго примиренія съ дѣйствительностью"; съ другой стороны—люди, сѣтующіе, что передовая литература нарушаетъ ихъ душевное равновѣсіе, рисуя все въ мрачныхъ краскахъ; эти господа ищутъ, въ противовѣсъ ей, „свѣтлыхъ явленій" въ окружающей дѣйствительности, и, „froh sind, wenn sie Regenwürmer finden". Вотъ культурники, которые проповѣдуютъ теорію „малыхъ дѣлъ", сѣтуютъ на людей, взваливающихъ на себя и другихъ „бремена неудобоносимыя" и требуютъ, чтобы всѣ жили умѣренно и аккуратно, помалу, „по полсаженки низкомъ перелетаючи". Вотъ наивные, политически неразвитые люди, которые думаютъ, что борются съ царящимъ зломъ, занимаясь жалкой стряпней какихъ-то благонамѣренныхъ строголегальныхъ попытокъ и „артельныхъ начинаній"— дѣятельностью, которой Михайловскій далъ убійственное опредѣленіе: „avec l'ombre d'une brosse frotter l'ombre d'une carrosse" (французская поговорка: „чистить тѣнью щетки тѣнь кареты"). Иные изъ этихъ культурниковъ могли душу вкладывать въ свою дѣятельность: но если ее и можно было назвать „борьбой", то во всякомъ случаѣ „это не была борьба съ тѣмъ „краснымъ цвѣткомъ", который въ разсказѣ

Гаршина впиталъ въ себя всю невинно-пролитую кровь, всѣ слезы и всю желчь человѣчества". Съ другой стороны были самодовольные представители „безъ-идейной сытости", низводившіе литературу и искусство до „хожденія вокругъ обнаженнаго торса, порою не прикрытаго даже единственнымъ фиговымъ листкомъ". Одно время пронеслось цѣлое повѣтріе—старческая теорія „непротивленія злу насиліемъ" пыталась отвлечь отъ революціи и дѣйствительно отвлекала многія лучшія сердца. И какъ безпощадно разилъ Н. К. Михайловскій всѣхъ этихъ „дѣтей безвременья"! Стоитъ вспомнить хотя бы эту страстную отповѣдь Л. Толстому въ отвѣтъ на его рѣчи о самоусовершенствованіи и „непротивленіи". „Какъ? Пусть ломятся къ вамъ въ домъ, пусть бьютъ отцовъ и дѣтей вашихъ—и горе вамъ, если вы сами пальцемъ коснетесь убійцъ! Какое возмутительное презрѣніе къ жизни, къ самымъ элементарнымъ и неизбѣжнымъ движеніямъ человѣческой души! Какое холодное резонерское отношеніе къ людскимъ чувствамъ и поступкамъ! И этому съ сочувствіемъ внимаютъ, говорятъ, молодые люди, у которыхъ, естественно, „кровь кипитъ" и „силъ избытокъ"... Я не понимаю этого. Это какое то колоссальное недоразумѣніе, возможное только въ такія мрачныя, тусклыя времена, какія переживаемъ мы". Въ своихъ мечтаніяхъ Толстой забрелъ въ тупой переулокъ, узрѣвъ всеспасающее средство въ „индивидуальномъ самоусовершенствованіи" и не замѣчая возмутительнаго нравственнаго аристократизма, насквозь проникающаго эту теорію, игнорирующую зависимость морали отъ формъ соціальной жизни и борьбы за измѣненіе этихъ формъ. „Онъ просто презираетъ жизнь со всѣми ея сложными формами. Онъ выстроилъ себѣ „келью подъ елью", куда разрѣшается ходить всѣмъ на поклоненіе и откуда самъ онъ презрительно выглядываетъ на весь божій міръ: рабы и свободные, батраки и самостоятельные хозяева—какіе все это пустяки! Все,—все равно, все трынъ-трава, лишь бы старца въ кельѣ подъ елью слушали, да злу не противились. Ужъ онъ, старецъ-то, лучше знаетъ, чѣмъ самъ рабъ или батракъ, чѣмъ сынъ убитой, братъ замученнаго. Куда жъ имъ, въ самъ дѣлѣ, знать? Они только въ батракахъ

живутъ, у нихъ только мать убили, брата замучили, а онъ... онъ въ кельѣ подъ елью сидитъ!"

Не нужно забывать, что съ точки зрѣнія Михайловскаго у Льва Толстого приходится отличать „десницу" отъ „шуйцы". Поскольку Толстой выступаетъ обличителемъ существующаго зла во имя высшаго нравственнаго идеала взаимныхъ отношеній,—его проповѣдь „ударяетъ по сердцамъ съ невѣдомой силой"; она создала все его мировое величіе, она придала образу Толстого необыкновенную нравственную красоту. Поскольку же Толстой ограничиваетъ область борьбы противъ гнетущаго зла однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ „недѣланіемъ", поскольку онъ выступаетъ противъ реальной общественной борьбы, противъ практически-революціонной дѣятельности,—Н. К. Михайловскій считалъ своимъ долгомъ настолько же рѣзко и рѣшительно выступать противъ него, насколько рѣзко и рѣшительно выступалъ онъ за него въ другихъ отношеніяхъ.

Въ этомъ отношеніи къ „толстовству" онъ отнесся такъ же, какъ ко всѣмъ другимъ теченіямъ, которыя съуживали размахъ революціонной борьбы, втискивая его въ то или иное доктринерское прокрустово ложе, и своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ имѣя угашеніе революціоннаго духа.

IV

Послѣдній періодъ дѣятельности Н. К. Михайловскаго—90-ые годы—былъ отмѣченъ расцвѣтомъ въ Россіи марксизма, и какъ теоретическаго міросозерцанія, и какъ практической программы, подъ знаменемъ которой начались попытки „строенія" русской соціаль-демократіи. Развитіе въ Россіи крупной капиталистической индустріи, получившее сильный толчекъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ, стало создавать значительные кадры все болѣе дифференцировавшихся отъ деревни промышленныхъ наемныхъ рабочихъ. Довольно много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи развивающійся капитализмъ—еще больше пробудилъ онъ надеждъ на будущую свою работу въ смыслѣ созиданія, стягиванія въ центры, организаціи въ компактныя массы настоящаго про-

мышленнаго пролетаріата, котораго прежде почти не знала Россія. Въ это время естественно было и зарожденіе направленія, которое было до такой степени увлечено творческой ролью капитала, что, оставаясь по своимъ идеаламъ соціалистическимъ, могло громко и радостно огласить Россію двусмысленнымъ девизомъ: „Признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму!“

Н. К. Михайловскому приходилось свести счеты съ этимъ направленіемъ,—тѣмъ болѣе, что само это направленіе торопилось свести счеты со всѣми предшествующими направленіями. Со всѣмъ пыломъ неофитовъ приверженцы новаго ученія объявили имъ войну, войну безпощадную—войну на жизнь и смерть. Каковы же были тѣ позиціи, на которыхъ застали Н. К. Михайловскаго вторженіе и натискъ новаго міросозерцанія, новой общественно-политической программы? И какъ защищалъ онъ эти позиціи?

Еще въ 1872 г., по поводу появленія на русскомъ языкѣ 1-го тома „Капитала“ К. Маркса, Михайловскій высказался въ томъ смыслѣ, что „порядокъ, такъ блистательно изслѣдованный Марксомъ“ ему кажется „картиною и нашего возможнаго будущаго при извѣстныхъ условіяхъ“ *). Возвращаясь къ этому вопросу въ 1875 г., Н. К. писалъ, что въ настоящее время Россія отъ большинства Западно-европейскихъ странъ отличается не только по степени, но и по характеру, самому *типу* своего общественнаго развитія. Но если этотъ типъ иной, то это не значитъ что онъ инымъ и останется. „Когда то и въ Европѣ господствовалъ общинный элементъ, а въ будущемъ есть большая вѣроятность, что типы европейскаго и русскаго развитія съ теченіемъ времени сольются. Это можетъ произойти двумя путями. Или Европа круто повернетъ въ своемъ развитіи и осуществитъ у себя идею „единицы, олицетворяющей собою принципъ солидарности и нравственной связи“, чѣмъ въ Европѣ многіе озабочены. Или мы побѣжимъ по торной европейской дорожкѣ, о чемъ у насъ также многіе хлопочутъ. Я думаю даже, что весь интересъ современной жизни для мыслящаго

*) См. „Литературныя воспоминанія и современная смута“, т. I., стр. 340.

русскаго человѣка сосредоточивается на этихъ двухъ возможностяхъ". Вы видите, до какой степени ярко и полно совпаденіе взглядовъ на этотъ вопросъ у Михайловскаго 1875 г. и Маркса-Энгельса позднѣйшихъ годовъ. Достаточно вспомнить прежде всего заключительныя слова ихъ предисловія (пис. въ 1882 г.) къ русскому изданію „Коммунистическаго манифеста": „Если русская революція послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ дополнятъ одна другую, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія"; ибо русская революція, какъ говорилъ еще позднѣе (въ 1894 г.) Энгельсъ, „дастъ новый толчекъ рабочему движенію Запада, дастъ ему лучшія условія борьбы и тѣмъ ускоритъ побѣду промышленнаго пролетаріата, безъ котораго современная Россія не можетъ прійти къ соціалистическому перевороту *ни черезъ общину, ни черезъ капитализмъ*". Если же дѣло сверженія самодержавія въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и международной рабочей революціи, замедлится, исходъ можетъ получиться для Россіи гораздо менѣе благопріятный или даже совсѣмъ неблагопріятный: она, какъ говорилъ Марксъ въ „Письмѣ къ редактору „*Отечест. Записокъ*".—„упуститъ самый рѣдкій и удобный случай, который когда-либо представлялся странѣ, миновать фазисъ капиталистическаго развитія", и тогда, „разъ приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть его неумолимыхъ законовъ..."

Итакъ, въ свое время для Михайловскаго—какъ и для Маркса [1])—существовали „двѣ возможности", путемъ которыхъ можетъ слиться и направиться по одному руслу общественное развитіе Россіи и Запада: или „крутой поворотъ",

---

[1]) Какъ мы уже видѣли, Марксъ выражался на этотъ счетъ крайне осторожно и условно, напр.: „Если Россія стремится стать націей капиталистическою по образцу западно-европейскихъ націй—а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда (марксисты наши, въ противоположность Марксу, сказали бы конечно, не „вреда" а „пользы". *В. Ч.*), она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ" и т. д.

т.-е. соціальная революція въ Европѣ, при чемъ русская община позволяетъ намъ въ извѣстныхъ предѣлахъ болѣе прямымъ и непосредственнымъ путемъ соціализировать собственность и трудъ; или же приближеніе типа нашего развитія къ европейскому, буржуазно-капиталистическому. И Н. К. Михайловскій, съ всегда его отличавшимъ теоретическимъ безстрашіемъ,—хотя и не *безстрастіемъ* — всматривался въ общій ходъ хозяйственнаго развитія Россіи, всегда предпочитая „тьмы низкихъ истинъ“ всякому „насъ возвышающему обману“ и тотчасъ влагая персты свои во всякія „язвы гвоздинныя“, которыми покрывала живое тѣло русскаго народа торжествующая, въ союзѣ съ самодержавіемъ, плутократія. Съ презрѣніемъ отзывался онъ при этомъ о всякомъ національномъ, самобытническомъ хвастовствѣ и о той „вѣрѣ въ какую то таинственную, непреодолимую силу основъ народнаго быта, вѣрѣ, которая надѣлала бы намъ много бѣдъ, если бы могла укрѣпиться“. (1876 г.). Менѣе всего склоненъ былъ Н. К. закрывать глаза на разложеніе этихъ „основъ народнаго быта“, когда оно дѣйствительно наблюдалось. И еще въ 1875 г. онъ говорилъ: „Оставляя даже въ сторонѣ прошедшее, мы видимъ, что чуть не съ каждымъ годомъ типъ народной жизни грозитъ измѣненіемъ и приближеніемъ къ европейскому типу. Цѣлые вѣка пронеслись надъ нашимъ народомъ, почти не затронувъ его духовной жизни, но наше время — совсѣмъ не то, что тѣ вѣка замкнутости и черепашьяго хода. Однѣхъ желѣзныхъ дорогъ, обращающихъ почти въ ничто разстоянія между центрами и окраинами, достаточно, чтобы до очень высокой степени ускорить пульсъ народной жизни и заставить ее въ нѣсколько лѣтъ измѣниться сильнѣе, чѣмъ когда то въ нѣсколько вѣковъ...“

И вотъ почему въ свое время такой „народникъ-самобытникъ“, какъ Юзовъ, называлъ Михайловскаго „вреднѣйшимъ изъ марксистовъ“, такъ какъ, молъ, онъ „пытался убѣдить русскую интеллигенцію въ исторической необходимости капитализма въ Россіи“, а потому есть никто иной, какъ „одинъ изъ многочисленныхъ акушеровъ капитализма...“

И несмотря на это, представители марксизма при первомъ же своемъ выступленіи попытались смѣшать Михайловскаго въ одну кучу и съ г. Юзовымъ, и съ г. В. В. Поистинѣ—„и смѣхъ, и грѣхъ“. Цѣлая пропасть всегда отдѣляла Михайловскаго отъ Юзова. И даже В. В., который, во всякомъ случаѣ, былъ не Юзову чета, представлялъ собою далеко не тождественное теченіе мысли съ тѣмъ, яркимъ выразителемъ котораго былъ Н. К. Михайловскій. Послѣднему въ особенности былъ совершенно чуждъ тотъ узкій практицизмъ и та идеализація деревенскихъ „устоевъ“, которыми грѣшили многіе тогдашніе „народники“.

„Мы привыкли—писалъ Михайловскій—хвастать крестьянскимъ земельнымъ надѣломъ и крестьянской общиной, которые, дескать, прочно гарантируютъ намъ въ будущемъ безоблачное лазурное небо, тогда какъ Западная Европа будетъ все больше и больше изнывать подъ тяжестью своихъ неправильныхъ поземельныхъ отношеній... Правда, есть у насъ не мало людей, которые, хотя и ничего не видятъ дальше своего носа, но въ предѣлахъ этого кругозора отлично знаютъ, гдѣ зимуютъ раки; эти люди когда то яростно шипѣли противъ крестьянскаго землевладѣнія вообще и общиннаго въ особенности, но нынѣ начинаютъ приспособляться къ наличнымъ порядкамъ, извлекая и изъ нихъ не малыя выгоды... Однако, съ ихъ точки зрѣнія, было бы все-таки лучше, если бы мужикъ не на землѣ сидѣлъ, а въ воздухѣ висѣлъ, ожидая нанимателей. Эти, конечно, не хвастаются и не величаются передъ Западной Европой. Большинство же образованныхъ русскихъ людей, не теплое и не холодное, не особенно на рыбу похожее, но и мяса не напоминающее, чрезвычайно склонно болтать, въ минуты душевнаго размягченія, о предстоящей намъ тиши, глади и божьей благодати, благодаря нашимъ земельнымъ порядкамъ...“ Подобное же маниловское отношеніе находилъ Михайловскій и къ „артельнымъ начинаніямъ“. Разныя бываютъ артели, и артель, какъ форма соединенія нѣсколькихъ, хотя бы и мелкихъ „хозяйчиковъ“, артель вырождающаяся въ маленькую акціонерную компанійку, артель, скрывающая замаскированное владычество пары кулаковъ надъ группой

рабочихъ-кустарей, и даже артель, не дающая ничего иного, кромѣ нѣсколькихъ лишнихъ пятаковъ нѣсколькимъ ремесленникамъ, — была для Михайловскаго quantité nègligeable. А потому и преклоненіе передъ ней наивныхъ народолюбцевъ, съ одной стороны, и боязнь ея въ соединеніи съ репрессивными мѣрами властей—съ другой, представлялись ему плодами чистаго недоразумѣнія. „Артель не есть „жупелъ“ и, вообще, не такое слово, котораго надо бы ужасаться, но приходить отъ него въ трепетъ восторга тоже не особенно благоразумно...“ „Съ точки зрѣнія общихъ принциповъ *эта* артель такіе вздорные пустяки, насильственному прекращенію которыхъ можно сугубо изумляться, но цѣнить ихъ, какъ нѣчто серьезное, рѣшительно невозможно“ (1881 г.).

Года черезъ полтора-два онъ вновь возвращается къ этой темѣ, и, по поводу первыхъ изслѣдованій о „судьбахъ капитализма въ Россіи“ г. В. В., намѣчаетъ три главныхъ—возможныхъ или существующихъ—теченія въ этомъ вопросѣ. Одно изъ этихъ трехъ мнѣній—это то, что для насъ неизбѣженъ и желателенъ путь развитія капитализма, который и нуждается въ своихъ Іоаннахъ Предтечахъ, пріуготовляющихъ ему безпрепятственное шествіе и разрушающихъ всѣ препоны. Другое мнѣніе—это то, что „Европа намъ не указъ, ибо въ нѣкоторыхъ, изстари сохранившихся у насъ учрежденіяхъ (община, артель), равно какъ и въ глубинѣ самобытнаго русскаго духа, имѣются прочныя гарантіи отъ язвъ европейскихъ экономическихъ порядковъ“. Наконецъ, третье мнѣніе сводится къ тому, что рѣшеніе вопроса о томъ, пойдетъ ли Россія по пути капитализма, насколько пойдетъ, сможетъ ли и когда сможетъ свернутъ съ этого пути на новый, болѣе широкій и вольный путь,— всецѣло зависитъ отъ того, когда удастся въ Россіи „пробнымъ камнемъ мѣропріятій, плановъ, словомъ, всей внутренней и внѣшней политики сдѣлать интересы непосредственныхъ производителей, представителей труда“.

Первое изъ этихъ направленій пишетъ на своемъ знамени завѣты вульгарной буржуазной политической экономіи; но, нищее теоретически, оно опирается на „многіе политически сильные элементы, которые прямо или косвенно иг-

раютъ важную роль въ ходѣ нашихъ дѣлъ"; второе — ничтожно и теоретически и практически; „пережевываніемъ его занимаются славянофильскіе и славянофильствующіе люди, оставаясь въ туманѣ ни къ чему не обязывающихъ общихъ мѣстъ" и часто провозя подъ ихъ прикрытіемъ самую подлинную буржуазную контрабанду, которой не замѣчаютъ иные наивные маниловы-народолюбцы. Наконецъ, третье теченіе, въ легальной печати представленное „Отечественными Записками", „осуждено пока играть роль гласа, вопіющаго въ пустынѣ", ибо, разумѣется, современные „политически сильные элементы его не раздѣляютъ..."

Что касается г. В. В., то онъ съ самаго начала не могъ вполнѣ примкнуть ни къ одному изъ этихъ теченій, какъ „беззаконная комета въ кругу безчисленныхъ свѣтилъ". Открывъ, въ началѣ 80-хъ гг., свои страницы этому писателю, редакція „Отечественныхъ Записокъ" устами Михайловскаго оговаривалась, что „никогда не брала на себя отвѣтственности за всѣ мысли г. В. В. въ ихъ полномъ объемѣ" (1883 г.). Въ чемъ же было сходство и въ чемъ различіе? Съ направленіемъ „Отечественныхъ Записокъ" В. В. сходился въ конечной цѣли — „великой одушевляющей переспективѣ" — „планомѣрной охраны того, что такъ непреоборимо могуче своей внутренней силой и такъ жалкобезпомощно вслѣдствіе отсутствія организаціи — человѣческаго *труда*" (1881 г.) Но въ вопросѣ о путяхъ къ этому В. В. отличался отъ „Отеч. Зап.", и отличіе это опредѣлялось „его убѣжденіемъ въ *невозможности* для Россіи капиталистическаго строя на Европейскій манеръ". Напротивъ, Михайловскій и „Отеч. Зап." находили, что, — если только не восторжествуютъ во время въ Россіи такіе элементы „русской народной правды", которые, въ своемъ логическомъ развитіи, охватываютъ „весь трудящійся людъ всего міра", — и если не будутъ „убраны" со сцены „разныя заслоняющія этотъ предметъ вещи" — то „Россія подъ тѣмъ или инымъ соусомъ, либеральнымъ или самобытнымъ, *продѣлаетъ* на себѣ экономическую исторію Европы, при чемъ другія, дѣйствительно благодѣтельныя, стороны Европейской цивилизаціи останутся, можетъ быть, подъ спудомъ,

благодаря особенностямъ нашего общественнаго строя". Мы теперь хорошо видимъ, кто былъ правъ въ этомъ спорѣ — Н. К. Михайловскій или В. В. Слова Михйловскаго оказались пророческими. Мы именно стали переживать исторію буржуазныхъ европейскихъ странъ, при чемъ, — особенно благодаря свойствамъ нашего политическаго режима, благодаря взаимоприспособленію патріархальнаго абсолютизма и новѣйшей буржуазіи,— мы развивали у себя самое неблагопріятное соотношеніе между „положительными" и „отрицательными" сторонами капитализма...

Взглядъ г. В. В. былъ отмѣченъ нѣкоторыми чертами фаталистическаго оптимизма; Михайловскій указывалъ ему на то, что даже изъ его собственныхъ изслѣдованій вытекаютъ нѣкоторые гораздо болѣе пессимистическіе выводы, а именно: что вся хищническая, разрушительная работа капитализма въ Россіи возможна въ своемъ полномъ объемѣ; что у насъ „возможно въ обширныхъ размѣрахъ, и уже практикуется, во первыхъ,— отлученіе производителей отъ силы природы и орудій производства, каковое отлученіе есть неизбѣжный спутникъ и даже фундаментъ капиталистическаго строя", „возможно то, что казалось невозможнымъ—законченныя формы капитализма" въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ отраслей производства; а, стало-быть, даже съ точки зрѣнія положеній, признаваемыхъ самимъ В. В. „невозможность" развитія капитализма въ Россіи „далеко не абсолютная, и, можетъ быть, даже не совсѣмъ правильно называть ее невозможностью". Ибо чего же, собственно говоря, „не можетъ" русскій капитализмъ? Охватить и „обобществить" все производство страны? Но гдѣ же, въ какихъ странахъ мы фактически находимъ такой идеальный, абсолютный капитализмъ? „Капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, какъ обыкновенно думаютъ, а у насъ не такъ ужъ отсутствуетъ, чтобы даже для отдаленнаго будущаго можно было противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ".

Въ дальнѣйшемъ, разногласія Н. К. Михайловскаго съ В. В. не только не смягчились, но обострились. Съузивъ свой кругозоръ, В. В. сталъ твердить, что въ области зем-

ледѣлія „еще до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ: крупное батрачное или мелкое самостоятельное производство выгоднѣе для страны". Михайловскій отвергалъ эту дилемму и, въ согласіи съ Николаемъ-ономъ, противополагалъ ей положеніе, что „обѣ эти формы должны уступить мѣсто третьей— крупному самостоятельному хозяйству" (т.-е. коллективному). В. В., подобно Юзову, усвоилъ себѣ какое-то, характерное для этой разновидности народничества, пренебреженіе къ интеллигенціи и ея „учительской" роли, а также къ политически-освободительнымъ ея стремленіямъ, какъ къ чему-то „буржуазному". На этой почвѣ произошелъ окончательный разрывъ и выступленіе Михайловскаго (въ 1893 г.) противъ этихъ „народниковъ", которые, по его словамъ, не успѣвъ сколько нибудь свести концовъ съ концами въ своихъ взглядахъ, „между тѣмъ успѣли уже обнаружить противорѣчіе этихъ взглядовъ съ настоятельнѣйшимъ требованіемъ нашей жизни, требованіемъ столь настоятельнымъ, что безъ его удовлетворенія всѣ добрыя намѣренія самихъ народниковъ должны расплыться въ мірѣ прекрасныхъ словъ и мечтаній". Кто не понималъ, что борьба за политическое освобожденіе Россіи отъ самодержавія должна быть поставлена на первую очередь, не можетъ быть отложена ни на одинъ день, тотъ безповоротно отрѣзалъ себя отъ жизни.

V.

Мы потому такъ долго остановились на этой сторонѣ воззрѣній Н. К. Михайловскаго, что она мало извѣстна значительной части русской революціонной молодежи, и совершенно неизвѣстна тѣмъ, кто знакомился съ эпохой революціоннаго народничества и народовольчества по трудамъ г. Плеханова и его подражателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, только выяснивъ себѣ эту сторону воззрѣній Н. К. Михайловскаго, можно понять, почему открытіе русскими марксистами Америки—развитія въ Россіи капитализма—не внушало Михайловскому особаго почтенія къ новѣйшимъ россійскимъ Колумбамъ, и почему ликованія этихъ послѣднихъ по случаю ихъ великаго открытія онъ раздѣлять не могъ.

Въ то время, какъ марксистская литература была переполнена шумнымъ колокольнымъ перезвономъ, возвѣщавшимъ мощь капитализма и его „торжественное шествіе по языкамъ“, Н. К. Михайловскій пытался вылить на ихъ головы ушатъ холодной воды.—Со всѣмъ пыломъ неофитовъ представители марксизма доказывали, что, вопреки всякимъ литературнымъ старовѣрамъ—„капиталъ идетъ!“ Н. К. Михайловскій долженъ былъ попытаться—и дѣйствительно попытался—разъяснить, что вопросъ совсѣмъ не въ этомъ; что разногласія съ марксистами могутъ возникнуть и дѣйствительно возникаютъ совершенно въ иной плоскости“.

„Капиталъ идетъ“ — писалъ онъ въ 1897 г. — „это несомнѣнно, но *вопросъ въ томъ, какъ его встрѣтить*“.

Одни отвѣчали на это: „пойдемъ на выучку къ капитализму“. Эта формула, данная когда-то П. Струве, теперь облеклась въ плоть и кровь въ видѣ аграрной программы „Искры“, въ видѣ комментарія къ ней Ленина: „мы требуемъ введенія деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу“.

Такую встрѣчу шествующаго капитала Н. К. Михайловскій отвергалъ рѣшительно и безусловно. И онъ предвидѣлъ, что проектъ такой встрѣчи въ лагерѣ русскихъ марксистовъ, или лучше сказать, нео-марксистовъ возникнетъ неминуемо, какъ неизбѣжный результатъ приложенія нѣкоторыхъ догмъ марксизма къ особенностямъ условій жизни Россіи.

Процессъ хозяйственнаго развитія, когда онъ совершается въ буржуазно-капиталистическихъ формахъ, имѣетъ „двойственный, противорѣчивый характеръ“. Онъ имѣетъ свою десницу и свой шуйцу, одновременно проявляя и творческое, и разлагающее вліяніе. То и другое совершается и въ объективной соціальной дѣйствительности, и въ ея оборотной сторонѣ—въ общественной психологіи. Въ новѣйшей исторіи Европы капитализмъ разрушалъ всевозможныя узы; „разложеніе происходило и въ самой жизни, фактически, и въ сферѣ критической мысли. Рядомъ съ этимъ шла и положительная творческая работа, создавшая или пытавшаяся создавать новыя формы общенія взамѣнъ раз-

лагавшихся. Но она до сихъ поръ далеко отставала отъ работы отрицательной, какъ въ своей напряженности, такъ и въ значеніи и прочности своихъ результатовъ" (1894 г.). Догма же марксизма всегда грѣшила переоцѣнкой положительной, творческой стороны современнаго хозяйственнаго развитія и, наоборотъ, недооцѣнкой его отрицательныхъ, темныхъ сторонъ. Марксъ, выступая съ своей доктриной, былъ глубоко убѣжденъ, „что эпоха промышленнаго кулачнаго права уже близка къ своему концу, что страданія, ею вызванныя и созданныя, почти исчерпаны, а положительная ея сторона, обобществленіе труда, достаточно созрѣло" (1892 г.). На доктринѣ лежала, такимъ образомъ, печать „самоувѣреннаго оптимизма", что и неудивительно, ибо зародилась она „въ сороковыхъ годахъ,—въ эпоху разнообразныхъ радужныхъ мечтаній, когда такъ многимъ и съ такихъ различныхъ точекъ зрѣнія „на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе" казались дѣломъ завтрашняго дня". (1894 г.).

Но прошли времена—суровая дѣйствительность показала, что капитализмъ далеко не влечется такъ стремительно и такъ предупредительно къ своему собственному историческому самоубійству, какъ это раньше казалось многимъ сильнѣйшимъ умамъ соціалистическаго лагеря. Менѣе всего казался онъ похожимъ на сказочнаго пеликана, разрывающаго собственную грудь, чтобы вскормить своего историческаго наслѣдника. Напротивъ, капитализмъ оказался чрезвычайно гибкимъ, упорнымъ въ борьбѣ за свое существованіе, способнымъ приспособляться къ новымъ условіямъ и приспособлять, подчинять себѣ новыя, создаваемыя имъ условія. Онъ ухитрился заразить, съ одной стороны, многіе элементы созданнаго имъ рабочаго класса своимъ буржуазнымъ духомъ, преобразовавъ ихъ въ своеобразную „рабочую аристократію". Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вспомнить умѣренный и аккуратный, мѣщански благоразумный трэдсъ-юніонизмъ въ Англіи, независимцевъ въ Россіи, „бѣлыя блузы" и „желтые синдикаты" во Франціи, клерикальные рабочіе союзы въ Германіи и другихъ странахъ, всевозможные виды соціалистическаго оппортунизма, тяготѣющаго

къ мирному и дружелюбному „сотрудничеству“ съ буржуазными элементами. Въ классической странѣ компромиссовъ, Англіи, особенно часто черпаются разными Шульце-Геверницами факты, установляющіе теоретически „солидарность интересовъ капиталиста и рабочихъ“, практически проявляющуюся въ образцахъ „взаимныхъ уступокъ и соглашеній при посредствѣ разныхъ комитетовъ и третейскихъ судилищъ“. И поскольку такія теченія находятъ откликъ въ рабочей средѣ, они свидѣтельствуютъ о буржуазномъ грѣхопаденіи нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса, ибо для Михайловскаго было несомнѣнно, что въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій мѣста и времени „интересы капиталиста и рабочихъ могутъ расходиться больше или меньше, но никогда не сольются, или, что то же, сольются лишь тогда, когда сольются сами функціи капитала и труда“ (1892 г.), т.-е. при соціалистическомъ строѣ, когда они растворятся въ обществѣ съ безклассовой структурой.

Марксизмъ на первый планъ выдвигалъ то „обобществленіе труда“, которое совершается подъ желѣзнымъ главенствомъ капитала. Нечего и говорить, что всякое развитіе коллективныхъ формъ труда, тѣсно связанное съ ростомъ техники, должно оказывать сближающее, объединяющее вліяніе. Но нужно различать самый процессъ развитія производительности и коллективности труда отъ той буржуазно-капиталистической оболочки, въ которую онъ втиснутъ въ современномъ обществѣ. Эта оболочка и уродуетъ процессъ „обобществленія“, дѣлаетъ его неполнымъ, одностороннимъ, часто вырывая изъ него „душу живу“ и дѣлая „обобществленіе“ изъ органическаго и живого — механическимъ и внѣшнимъ. Въ сущности, „общественная форма труда“ при господствѣ капитализма сводится къ тому, что „нѣсколько сотъ или тысячъ рабочихъ точятъ, вертятъ, накладываютъ, подкладываютъ, тянутъ, бьютъ и совершаютъ еще множество другихъ операцій въ одномъ помѣщеніи. Общій же характеръ этого режима прекрасно выражается поговоркой: „каждый за себя а ужъ Богъ за всѣхъ“ (1883 г.). Узкій профессіональный эгоизмъ тредъ-юніоновъ до извѣстной степени самъ былъ проникнутъ этимъ лозунгомъ буржуазнаго міра.

Итакъ, то, что называется обычно „положительными сторонами капитализма", суть не положительныя стороны капитализма, какъ такового, а положительныя стороны тѣхъ коллективныхъ формъ труда, которыя оказываютъ извѣстное вліяніе, даже *несмотря* на искажающую ихъ буржуазно-капиталистическую оболочку. Самъ же капитализмъ „если и имѣетъ какую-нибудь общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ только отрицательную" (1883 г.). Онъ создаетъ протестъ противъ себя, онъ возбуждаетъ рабочихъ поднять знамя возстанія; „зло дѣлается источникомъ блага", говорятъ діалектики, забывая, что здѣсь капитализмъ въ томъ же самомъ смыслѣ „создаетъ" благо, въ какомъ лихорадка „создаетъ" хининъ, а чума—противочумную сыворотку. Пѣть за это двусмысленные гимны чумѣ и лихорадкѣ не приходится; брать на себя роль сотрудниковъ при „введеніи деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу"—точно также.

Не надо также забывать, что высокая степень солидарности и сознательности западно-европейскихъ рабочихъ, если не вполнѣ (какъ это, быть можетъ, иногда казалось Михайловскому), то въ значительной мѣрѣ объяснялась „не непосредственно условіями труда въ фабричномъ котлѣ, а развитіемъ просвѣщенія и политической жизни", надъ которымъ не вездѣ и далеко не въ равной степени трудилась буржуазія, либерализмъ которой при извѣстныхъ условіяхъ легко „діалектически превращается" въ свою собственную противоположность.

Кромѣ того, нужно отмѣтить еще и слѣдующее обстоятельство. Капитализмъ, конечно, возбуждаетъ въ громадныхъ размѣрахъ протестъ противъ себя. Но какъ апологеты капитализма охотно приписываютъ капитализму, какъ таковому, всѣ положительныя стороны, свойственныя общественнымъ формамъ труда независимо и несмотря на капиталистическую форму — такъ и жертвы капитализма часто впадаютъ въ такую же ошибку, только дѣлаютъ ее въ обратную сторону. Все зло, всѣ бѣдствія, связанныя съ подневольной, капиталистической оболочкой обобществленія, они ставятъ въ счетъ самому обобществленію. Личность

здѣсь безусловно противополагаетъ себя обществу, поднимаетъ бунтъ противъ него. „Усталая отъ неудачъ экспериментовъ, разочарованная и окончательно осиротѣлая и, въ сиротствѣ своемъ, ничѣмъ не дорожащая и нетерпѣливая мысль хочетъ, подобно Раскольникову, „взять просто-напросто *все* за хвостъ и къ чорту“. Это порожденіе полнаго сиротства личности, полной ея общественной безпріютности и есть практическій, воинствующій анархизмъ“ (1894 г.). Сюда же относятся всѣ тѣ утрированно-индивидуалистическія теоріи, которыя, какъ теорія Макса Штирнера и отчасти Ницше, „возстаютъ противъ всякаго общества во имя личности, во имя даже просто своего *я*“, и являются философскимъ выраженіемъ „всего цивилизаціей непристроеннаго, оскорбленнаго, озлобленнаго, всѣхъ сиротъ и отбросовъ—чандала“ (индійская низшая каста, соотвѣтствующая нашему люмпенпролетаріату). Сюда же нужно отнести и то „босячество“, которое выступаетъ въ сочиненіяхъ Горькаго яркимъ и рѣзкимъ протестомъ противъ всего „пристроеннаго“ и нашедшаго свою колею въ современной жизни. Вообще, многочисленны и разнообразны типы этихъ „сиротъ людей, осужденныхъ разными обстоятельствами на нравственное одиночество и сопряженныя съ нимъ невзгоды, и дошедшихъ, благодаря этому, до полнаго отрицанія всякихъ формъ общежитія, реальныхъ и идеальныхъ, и всякихъ нравственныхъ обязательствъ“. Эта среда есть среда „необобществленныхъ и озлобленныхъ“, въ рядахъ которыхъ въ изобиліи всегда найдутся „люди, доведенные капиталистическимъ строемъ до одичанія, до полнаго презрѣнія къ своей и чужой жизни и нерасположенные, подобно германской соціальдемократіи, степенно подготовлять послѣднюю ступень гегелевской трихотоміи“. И наконецъ, въ самомъ низу, „на днѣ“ этой среды мы найдемъ тѣ очаги нищеты и преступленій, которые кишатъ „живыми трупами съ остервенѣлыми лицами“, которые не особенно-то „подготовлены“ капиталистическимъ чистилищемъ къ соціалистическому эллизіуму...

Да, радужный оптимизмъ Маркса эпохи „Коммунистическаго манифеста“, основанный на вѣрѣ въ творческую мощь

капитализма, не достаточно принималъ въ разсчетъ оборотную сторону медали. А чѣмъ дальше, тѣмъ больше давала себя чувствовать эта оборотная сторона. И уже въ первомъ томѣ своего великаго изслѣдованія, констатируя, что у капитала „изо всѣхъ поръ сочится кровь и грязь", Марксъ говорилъ, что капиталъ „успѣлъ уже съ страшною быстротою глубоко подкопаться подъ народную силу и схватить ее за самый ея жизненный корень", не останавливаясь никакими „соображеніями о грядущемъ вырожденіи человѣчества". И, останавливаясь на этихъ соображеніяхъ Маркса, Михайловскій спрашивалъ, — вездѣ ли и всегда ли творческая роль капитала, какъ такового, въ его чисто стихійномъ развитіи, перевѣшиваетъ его разрушающую роль? Говорятъ, что капиталъ, и только капиталъ, подготовляетъ людей „къ воспріятію будущаго блаженства" въ соціалистическомъ строѣ; но, перегибая палку въ противоположную сторону, можно спросить: „куда же дѣнется наслѣдственно испорченная кровь негодяевъ газетчиковъ и финансовыхъ тузовъ, эксплуатирующихъ великія бѣдствія ради наживы?" Какой плодъ дадутъ „тѣ, выросшіе на почвѣ капитализма кроваво-красные и ядовитые цвѣты звѣрства и грабежа, которые такъ пышно цвѣтутъ въ настоящую минуту въ Китаѣ и южной Африкѣ и которые не компенсируются, конечно... безсильными словесными протестами противъ этой озвѣрѣлости?" „И къ новой ли, высшей расѣ, блестящей красотой, умомъ, силой, здоровьемъ идемъ мы, видя вокругъ себя все больше преждевременно старѣющихъ, плѣшивѣющихъ, беззубыхъ, близорукихъ, нейрастениковъ, алкоголиковъ и еще всякаго рода „вырождающихся"?

Значитъ ли все это, что отъ оптимизма намъ надо перейти къ пессимизму? Нисколько не значитъ. Живая человѣческая индивидуальность, накопившая въ теченіе вѣковъ массу потенціальной психической энергіи, развиваетъ большую силу сопротивленія „подкапывающимся подъ человѣческую расу" вліяніемъ. Пусть данный общественный укладъ, въ процессѣ своего чисто стихійнаго, генетическаго развитія, иногда развиваетъ разрушающія силы сильнѣе созидающихъ. Этотъ дефицитъ можетъ быть пополненъ (а тѣмъ паче из-

бытокъ положительныхъ силъ можетъ быть приращенъ) дѣйствіемъ такихъ теченій въ сторону соціальной солидарности, которые существуютъ помимо капитализма или возникли до него. Самъ Марксъ указывалъ, между прочимъ, на то, что часто „вырожденіе промышленнаго населенія замедляется только постояннымъ притокомъ въ его среду и постояннымъ поглощеніемъ, такъ сказать, дико растущихъ жизненныхъ элементовъ селъ и деревень". Но не только въ физіологическомъ, а и въ соціальномъ смыслѣ мы находимъ „въ селахъ и деревняхъ" такіе „дико растущіе жизненные элементы". Ихъ охрана, ихъ защита, ихъ развитіе не есть „роковая ошибка и безполезное безуміе" — совершенно напротивъ. Крестьянинъ, говорящій своей сивкѣ, запряженной въ соху, „я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ", также, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ представлять опору для борьбы съ общественнымъ укладомъ, „изо всѣхъ поръ котораго сочится кровь и грязь". Всѣ теченія въ направленіи къ общественной солидарности—трудовое начало въ правовыхъ воззрѣніяхъ крестьянства, общинные и артельные навыки, взглядъ на землю, какъ на общее достояніе трудящихся—должны быть использованы, логически развиты и продолжены дальше. Поскольку капиталъ вторгается въ села и деревни, онъ вмѣстѣ съ государствомъ легко превращаетъ трудовое крестьянство въ своего данника, даже не превращая его въ капиталистически обобществленный пролетаріатъ. Формально оставаясь „слугой и хозяиномъ" вмѣстѣ, фактически крестьянинъ является подневольнымъ слугой и буржуазіи, и государства. Поэтому онъ и пролетарій— естественные союзники и одинаково имѣютъ право на охрану ихъ общихъ трудовыхъ интересовъ соціалистической партіей. Этого равенства и не признавалъ марксизмъ. Видѣть, любить, защищать въ крестьянинѣ марксизмъ соглашался не „ближняго своего", а „дальняго", т.-е. будущаго пролетарія. Крестьянинъ же, какъ таковой, былъ въ глазахъ марксизма отживающей реакціонной силой. То положительное отношеніе къ русской крестьянской общинѣ, которое неоднократно высказывалъ Марксъ, русскимъ марксистамъ было всегда чуждо, и этотъ пунктъ въ міросозерцаніи учителя

они всегда должны были какъ-нибудь обходить—съ великими трудностями и діалектическими ухищреніями. Михайловскій увѣщевалъ ихъ стать на другую точку зрѣнія, понять, что не только есть и свѣта, что въ окошкѣ, не только есть и живыхъ соціальныхъ силъ, что было угодно создать г. Капиталу. Отсюда слѣдовалъ и первостепенной важности практическій выводъ: не выставлять трудового крестьянина и пролетарія естественными антагонистами, „не сшибать лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ родѣ, но одинаково темна и скудна“, ибо оба эти разряда суть, по существу дѣла, лишь разновидности одного и того же типа, „подлиннаго рабочаго человѣка,—гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли“, и въ какихъ бы по внѣшности различныхъ формахъ ни доставлялъ онъ царству привилегированныхъ и имущихъ свой кровавый, неоплоченный трудъ.

Мы уже видѣли, какъ рѣшительно противился всегда Михайловскій идеализаціи мужика, общины, артели и т. п. Онъ самъ работалъ надъ разрушеніемъ всякихъ иллюзій въ этомъ направленіи, ибо онъ былъ глубоко убѣжденъ, что за каждую иллюзію приходится расплачиваться напраснымъ разочарованіемъ. Но въ основѣ воззрѣній революціоннаго поколѣнія 70-хъ гг. на мужика онъ видѣлъ вѣрное зерно. „И если поколѣніе“—говорилъ онъ—„... мучившееся надъ сложными вопросами деревенской жизни, приняло много напраснаго горя, то горе—хотя и иное—и тому поколѣнію, которое воспитается на презрительномъ отношеніи къ „идіотизму деревенской жизни“... (1887 г.).

Не цѣликомъ все прошлое движеніе хотѣлъ онъ реабилитировать. Вѣдь это движеніе само не было единымъ, само распадалось на далеко не однородныя развѣтвленія. „Кто видѣлъ въ мужикѣ великую историческую силу активную, грозную, буйную, мало обращая вниманія на нравственныя начала, добродѣтели: кто, напротивъ, цѣнилъ именно „добродѣтели“, выкованныя извѣстными общественными формами трудовой жизни; кто видѣлъ, что великія силы лежатъ въ народѣ въ зародышѣ, подавленномъ вѣковыми неблагопріятными условіями; а кто утверждалъ, что онъ—великая

и благая сила сейчасъ, какъ онъ есть; кто разумѣлъ подъ народомъ исключительно „мужика“, а кто—всю совокупность людей труда“ (1899 г.). Онъ вспоминаетъ и „преувеличенныя надежды на народную воспріимчивость—и разочарованія, которыя затѣмъ послѣдовали“. Все это было. „Немудрено, что на первыхъ порахъ люди впадали въ частыя ошибки, предавались неосновательнымъ надеждамъ и т. п... Все это были частности... Зерно же тогдашнихъ идей жизнеспособно и доселѣ, и будетъ жизнеспособно еще многіе и многіе годы“ (1897 г.). И вотъ почему онъ противился призыву многихъ марксистовъ „отказаться отъ наслѣдства“ 70-хъ гг., хотя онъ былъ далекъ и отъ призыва къ идолопоклонству передъ нимъ. „Я отнюдь не считаю наслѣдіе это неприкосновеннымъ, напротивъ, оно подлежитъ приращенію, обогащенію, какъ данными научнаго движенія, такъ и данными житейскаго опыта, для чего оно обладаетъ достаточной широтой и гибкостью“ (1897 г.).

Поколѣніе, на первыхъ порахъ воспринявшее марксизмъ, было поколѣніе усталое. Страшнымъ гнетомъ давило его разочарованіе въ мужикѣ и разочарованіе въ окончившемся пораженіемъ смѣломъ поединкѣ Народной Воли съ правительствомъ. Размахъ революціонной борьбы долженъ былъ сузиться. Періодъ марксистской „кружковщины“, періодъ „агитаціи“ и „экономизма“, умѣреннаго и аккуратнаго—вотъ что пришло „на смѣну“ старому революціонному поколѣнію. „За приливомъ энергіи въ 60-хъ и 70-хъ гг. наступилъ вполнѣ объясняемый обстоятельствами отливъ ея, и понадобился „отказъ отъ наслѣдства“ и какой-нибудь успокаивающій, примиряющій съ дѣйствительностью лозунгъ. Не одинъ такой лозунгъ и былъ предложенъ, но окончательно укрѣпился лозунгъ марксизма“. Для этого онъ оказался особенно приспособленнымъ. Въ эпоху разочарованій и пониженія уровня общественной энергіи, онъ пришелъ на незанятое опустѣлое отъ жизни мѣсто: старое революціонное поколѣніе было изъято изъ жизни... Опустѣлыя позиціи были заняты пришельцами, явившимися, не какъ соратники, подымающіе вновь только что выбитое изъ рукъ погибшихъ товарищей знамя,—а какъ противники, водружающіе новое

знамя и сдающіе въ архивъ старое. Въ образовавшуюся пустоту вторгается новое теоретическое теченіе: „ясно, прочно, логично, въ четверть часа можно цѣлую философію исторіи усвоить съ гарантированной научностью. Притомъ для всѣхъ удобно: кто не хочетъ думать, для того уже все удумано, все разжевано и все въ ротъ положено, остается только проглотить; кто не хочетъ ничего дѣлать, по какой бы то ни было причинѣ, за того историческая необходимость все сдѣлаетъ; кто хочетъ вполнѣ безошибочнаго, не допускающаго разочарованій дѣла—того удостовѣряютъ, что теперь всякимъ утопіямъ конецъ пришелъ; кого смущаютъ „бѣдность и несовершенство жизни“, тотъ узнаетъ, что все это на пользу человѣчества и даже именно народа, того самаго, который нищенствуетъ и голодаетъ; кому нужно непремѣнно новое слово—вотъ оно еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сказано“... (1894 г.).

Да, все это было естественно, — конечно, какъ явленіе временное, преходящее. Должны были воскреснуть и болѣе активныя формы борьбы, и стремленіе опереться на мужика. Въ спорѣ противъ гг. Струве и Бердяева, Михайловскій и предсказалъ это. „Г. Бердяевъ вспоминаетъ, что я еще въ 1878 г. предсказалъ появленіе „учениковъ“, которыхъ тогда еще и въ поминѣ не было. Поощряемый этой удачей, беру на себя сдѣлать и другое предсказаніе: въ непродолжительномъ времени (и, надѣюсь до моей настоящей смерти) идеи 70-хъ годовъ вновь объединятъ значительную, и, конечно, не худшую часть русскаго общества,—разумѣется, не въ буквальномъ своемъ повтореніи, а со всѣми тѣми поправками, которыхъ требуетъ пережитый съ тѣхъ поръ опытъ“ (январь 1901 г.).

Сбылось и это предсказаніе Н. К. Михайловскаго. Несмотря на неожиданную, скоропостижную кончину, онъ дожилъ до того времени, когда одновременно возродились два элемента прежняго движенія. Крестьянское движеніе и соціально-революціонная пропаганда въ деревнѣ—съ одной стороны, первые, еще разрозненные случаи перехода къ боевой, наступательной тактикѣ, къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ—съ другой,—положили основаніе движенію, воспри-

нявшему лучшія революціонныя традиціи нашего славнаго историческаго прошлаго, „со всѣми тѣми поправками, которыхъ требуетъ пережитый съ тѣхъ поръ опытъ“. И тѣ, кого считали „послѣдними могиканами“, старой эпохи, почувствовали, что у нихъ есть мѣсто въ жизни. Старое боевое поколѣніе и молодое, выросшее въ атмосферѣ бурнаго разлива массового движенія—подали другъ другу руки черезъ голову средняго поколѣнія, возросшаго въ эпоху безвременья и частью поддавшагося ея подавляющему и разслабляющему вліянію...

Идейные представители того „средняго“ поколѣнія давно уже заживо похоронили и „послѣднихъ могиканъ“, и выражаемое ими направленіе. Но отъ лица ихъ Н. К. Михайловскій отвѣчалъ страстной лирической отповѣдью, которою, пожалуй, и будетъ умѣстно заключить настоящій, и безъ того не въ мѣру растянувшійся очеркъ:

„Изо всѣхъ видовъ смерти самымъ ужаснымъ всегда казалось мнѣ быть заживо погребеннымъ, умереть уже въ гробу, заколоченномъ гвоздями гробу, подъ толстымъ слоемъ земли, и я часто просилъ своихъ друзей какимъ-нибудь, хотя бы самымъ жестокимъ способомъ убѣдиться, что я дѣйствительно умеръ. А! всѣ мы тамъ будемъ, въ заколоченномъ гвоздями гробу, подъ толстымъ слоемъ земли, но почувствовать себя заживо погребеннымъ и хотя бы самое короткое время тщетно биться и задыхаться, и ни для кого не слышно кричать, и съ отчаяніемъ и злобой кусать себѣ руки и рвать ногтями лицо—какой ужасъ!“

Такъ и современный марксизмъ хоронитъ „меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то направленіе, которому я „служилъ“ (въ прошедшемъ времени!), и ему уже видится, какъ „новая мысль строитъ на его развалинахъ свой храмъ“; онъ „заживо заколачиваетъ меня въ гробъ, покрытый позолотой и блестящимъ покрываломъ „историческаго значенія“. Хороша эта позолота, роскошенъ этотъ покровъ, завидна вся эта помпа историческаго значенія, гарантирующая человѣку „вѣчную память“... когда человѣкъ дѣйствительно умеръ; но я согласенъ и на гораздо болѣе бѣдныя похороны... когда дѣйствительно умру...“

Но о томъ, что смерть уже сдѣлала свое дѣло, говорится „съ такой силой убѣжденія, что я начинаю осматривать и ощупывать себя... и, къ величайшему своему удовольствію, прихожу къ заключенію, что я еще живъ, и живъ Богъ мой, жива душа моя; а, ища глазами храма, „воздвигнутаго новой мыслью", замѣчаю именно развалины,—развалины нѣкотораго подобія Вавилонской башни, гордые строители которой разбѣгаются въ разныя стороны, потому что Господь Богъ смѣшалъ ихъ языки, такъ что они даже другъ друга не понимаютъ..."

Наша задача кончена. Въ этомъ очеркѣ намъ хотѣлось только возсоздать передъ глазами нашихъ читателей образъ Н. К. Михайловскаго, какъ политическаго мыслителя-борца. Въ писаніяхъ его, особенно писаніяхъ прошлыхъ лѣтъ, облеченныхъ въ „прикровенный" эзоповскій языкъ легальной литературы, современному читателю, мало знакомому съ прошлымъ, многое можетъ показаться какими то шифрованными записями, ключъ къ которымъ утерянъ,—іероглифами, смыслъ которыхъ теменъ. Правда, г. фонъ-Плеве былъ не совсѣмъ неправъ, когда, призвавши къ себѣ Михайловскаго для какихъ-то начальственныхъ назиданій, сказалъ: „зачѣмъ вамъ свобода печати, когда вы и безъ того такой великій мастеръ сказать между строкъ все то, что только захотите?" Но для этого чтенія между строкъ требовалась, во всякомъ случаѣ, чуткость „читателя-друга" изъ современниковъ. Что же касается „читателя-недруга" и, особенно, писателя-недруга, то проклятая необходимость, заставлявшая Н. К. Михайловскаго прибѣгать къ іероглифамъ, не разъ создавала почву для всевозможныхъ перетолкованій и кривотолкованій отдѣльныхъ мѣстъ, выхватываемыхъ изъ общей совокупности его писанія. Не разъ при этомъ Михайловскаго пытались даже выставить тѣмъ, противъ чего онъ всегда боролся: какимъ-то не то крохоборомъ-культурникомъ, не то мелкимъ буржуазнымъ реформистомъ, не то закоснѣлымъ самобытникомъ; не разъ, какъ говорилъ Михайловскій, при этомъ его „самыя, казалось бы, ясныя рѣчи понимались совсѣмъ наоборотъ" И находились порой

даже въ изобиліи люди, которые вѣрили дѣлавшимъ это диллетантамъ или спеціалистамъ по перекрашиванію бѣлаго въ черное. И вотъ почему мы должны были попробовать, если не „расшифровать“ легальныя писанія Н. К. Михайловскаго (что потребовало бы гораздо больше и времени, и мѣста), то, по крайней мѣрѣ, дать ключъ и показать способъ расшифровки на нѣсколькихъ, наиболѣе важныхъ вопросахъ. Въ этомъ, думается намъ, состояла наша первая обязанность передъ памятью покойнаго—обязанность, которой мы не могли не выполнить...

Карлъ Марксъ.

(Къ 20-лѣтней годовщинѣ его смерти).

Двадцать лѣтъ тому назадъ, 14-го марта 1883 г., умеръ человѣкъ, исторія умственнаго развитія котораго переплетена тысячью нитей съ исторіей развитія научнаго соціализма; умеръ человѣкъ, сдѣлавшій болѣе, чѣмъ кто либо, для превращенія соціализма въ науку... „Какой свѣтильникъ разума погасъ! какое сердце биться перестало!“

Да, величавая мысль этого человѣка и его смѣлое, мощное сердце взаимно дополняли другъ друга и своей гармоніей создавали изъ Карла Маркса ту могучую, цѣлостную индивидуальность, которая сказывалась и въ каждомъ изъ его поступковъ, и въ каждомъ изъ его писаній. Энергическая революціонная натура Маркса сообщала его уму ту неукротимость, ту послѣдовательность, тотъ порывъ, безъ котораго не можетъ быть революціонера въ области мысли.... Огромный умъ Маркса былъ не мертвымъ логическимъ аппаратомъ, способнымъ сдѣлаться послушной игрушкой тѣхъ или другихъ внѣшнихъ вліяній, переходящихъ впечатлѣній жизни или какихъ бы то ни было постороннихъ видовъ и разсчетовъ. Этотъ умъ — самъ былъ живая, одухотворенная революціонная сила, прокладывающая себѣ прямыя и широкія дороги тамъ, гдѣ до него было такъ много извилистыхъ и обманчивыхъ тропинокъ, на которыхъ было такъ легко потерять вѣрное направленіе къ цѣли...

Есть два рода умовъ. Одни поражаютъ всесторонностью, широтой своего размаха, смѣлостью, иногда переходящей въ рискованность—сближеній и гипотезъ; это—умы, для которыхъ творчество, обобщеніе, синтезъ, охватъ всей полноты жизни—есть родная стихія; умы, предпочитающіе смѣлой кистью рисовать контуры, силуэты, не останавливаясь на деталяхъ; умы, раскрывающіе широкіе горизонты, но

скользящіе мимо точнаго обслѣдованія ближайшихъ предметовъ наблюденія... Есть другіе умы, умы прежде всего аналитическіе: методичность, неумолимая послѣдовательность, точность и строгость—вотъ ихъ черты; имъ чужды скачки и паренія высоко надъ предметомъ; ихъ каждый шагъ обусловленъ предыдущимъ и строго отграниченъ отъ него; эти умы острымъ ножомъ анализа неумолимо и систематично расчленяютъ каждое явленіе на его составные элементы и нанизываютъ выводъ за выводомъ въ единую, непрерывную логическую цѣпь; эти умы могутъ замкнуться въ нѣсколько узкую сферу, но въ данной сферѣ они проработываютъ все съ удивительной глубиной и тщательностью...

Умы перваго рода приковываютъ къ себѣ вниманіе прежде всего широтой обобщенія и всесторонностью творческаго синтеза; умы второго рода — строгостью дедукціи и глубиной анализа. Умы перваго рода дѣйствуютъ страшно возбуждающе на другихъ, даютъ толчекъ ихъ собственной мысли, но за то оставляютъ часто слишкомъ мало прочнаго вліянія. Умы второго рода, напротивъ, обогащаютъ другихъ цѣлымъ рядомъ новыхъ, точно установленныхъ истинъ, властно ведутъ за собой, иногда даже совершенно порабощаютъ болѣе слабые умы, не оставляя никакого мѣста для ихъ самодѣятельности...

Марксъ обладалъ прежде всего именно такимъ дедуктивнымъ и аналитическимъ геніемъ. Даже враги, писатели буржуазнаго лагеря, съ невольнымъ уваженіемъ сознавались, что при чтеніи Маркса имъ приходится чувствовать себя какъ бы совершенно охваченными желѣзными тисками его неумолимой логики.... И та основная, великая работа, въ которую Марксъ вложилъ громадную часть своихъ силъ— критика и реформа классической экономіи — какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала особенностямъ его генія.

Онъ самъ отмѣчалъ, что при сложности общественныхъ явленій, въ которыхъ дѣйствуютъ одновременно разнообразные переплетающіеся факторы, соціальная наука заключаетъ огромную трудность: „анализъ экономическихъ формъ не можетъ пользоваться тѣми вспомогательными средствами,

которыми расчленяетъ сложное химія: ни микроскопомъ, ни реактивами. *Абстракція* есть та единственная сила, которая можетъ служить здѣсь оружіемъ" [1]). И этимъ то оружіемъ Марксъ и воспользовался самымъ блестящимъ образомъ. Онъ взялъ за исходный пунктъ „фикцію" простого товарнаго производства, общества равныхъ производителей товаровъ, мысленно освободивъ его отъ всякихъ постороннихъ, политическихъ, феодально-крѣпостническихъ и т. п. вліяній; общество, въ которомъ „дѣйствія людей въ процессѣ производства чисто атомистическія". Онъ въ самихъ людяхъ долженъ былъ отвлечься отъ того, что дѣлаетъ ихъ чѣмъ то инымъ, кромѣ ихъ роли, какъ производителей товара и представителей этого товара на рынкѣ... „Лица относятся здѣсь другъ къ другу лишь настолько, насколько ставятъ извѣстныя вещи другъ къ другу, какъ товары... Одинъ человѣкъ существуетъ при этомъ для другого, только какъ представитель товара"... Люди для такого изслѣдованія „суть только олицетворенія экономическихъ отношеній, представителями которыхъ они являются одинъ относительно другого". Эта абстракція и была для Маркса той изолированной отъ постороннихъ пертурбаціонныхъ вліяній средой, въ которой должны быть послѣдовательно испытаны характерныя дѣйствія различныхъ экономическихъ реагентовъ, каждаго порознь, и всѣхъ вмѣстѣ въ опредѣленной, строгой послѣдовательности, приблизительно въ порядкѣ ихъ историческаго происхожденія... Въ результатѣ такого строгаго, методическаго изслѣдованія и должны были получиться законы и тенденціи „внутренней, такъ сказать, идеально-средней организаціи капиталистическаго способа производства". И въ трехъ томахъ „Капитала" Марксъ почти исчерпалъ эти тенденціи; почти, потому что эта колоссальная задача не была доведена имъ до конца, и II-III томы его труда представляютъ собой только сухой, логическій скелетъ того, что Марксъ хотѣлъ облечь въ плоть и кровь реальной, фактически изученной жизни...

---

[1]) См. предисловіе его къ первому изд. I т. „Капитала" (цитируемъ по французскому изд.).

Эта абстрактная экономическая теорія вмѣстѣ съ тѣмъ научнымъ методомъ, которымъ она выработана, и есть главное историческое духовное наслѣдство, оставленное намъ Марксомъ. Значеніе этого наслѣдства настолько громадно, что его трудно переоцѣнить... Выковано то оружіе, которымъ соціализмъ проникаетъ въ сокровенныя глубины современнаго народохозяйственнаго механизма, озаряя ихъ яркимъ свѣточемъ знанія. Это первое и главное. Установленъ цѣлый рядъ общихъ законовъ и тенденцій, дѣйствующихъ повсюду, куда проникаетъ товарное, денежное и капиталистическое производство и постольку, поскольку оно проникаетъ. Это второе, не менѣе важное и цѣнное. Конечно, это еще далеко не все, что необходимо соціалисту для научнаго обоснованія его программы. Общая экономическая теорія, какъ мы видѣли, отвлекалась въ людяхъ отъ всего „человѣческаго“, принимая ихъ за чистые кристаллы „хозяйственныхъ категорій“. Общая экономическая теорія и въ аренѣ дѣятельности людей отвлекалась отъ конкретнаго различія мѣстныхъ исторически-данныхъ условій... Климатъ, почва, географическое положеніе, раса, переживанія докапиталистическихъ формъ; сила общественнаго инстинкта и переживаній доисторическаго, зоологическаго типа въ человѣкѣ; роль интеллекта и различныхъ формъ „внѣ-экономической силы“, посредствомъ которой возможно „сознательное и цѣлесообразное воздѣйствіе общества на самопроизвольныя формы его процесса производства“; все это — элементы реальной жизни, которые должны быть изучены порознь и въ совокупности, абстрактно и въ конкретныхъ комбинаціяхъ, представляемыхъ дѣйствительностью. Общая экономическая теорія *отвлекалась* отъ этихъ факторовъ не потому, чтобы ихъ значеніе было ничтожно, и не для того, чтобы совершенно ихъ игнорировать. Она отвлекалась отъ нихъ, напротивъ, для того, чтобы дать возможность отличить ихъ модифицирующее видоизмѣняющее вліяніе отъ общихъ тенденцій опредѣленныхъ хозяйственныхъ явленій, какъ таковыхъ, въ ихъ внутренней сущности...

Въ *приложеніяхъ* своего метода къ фактамъ дѣйствительности Марксу, конечно, приходилось и ошибаться. Наканy-

нѣ 20-лѣтней годовщины смерти Маркса, такой хранитель ортодоксальнаго марксизма, какъ Кауцкій, счелъ себя вынужденнымъ, однако, заявить, что „изъ выводовъ, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ на основаніи своего научнаго метода, нѣкоторые рухнули; и по отношенію къ еще большему числу была бы доказана ихъ отсталость, если бы безнадежный натискъ на научный методъ марксизма, къ сожалѣнію, не привелъ къ тому, что изъ-за отпора этимъ безплоднымъ нападкамъ не попала въ непріятное положеніе истинно плодотворная и прогрессивная критика духовнаго наслѣдства Маркса и Энгельса". Но эти ошибки ни мало не колеблятъ научнаго значенія метода Маркса. Онѣ проистекли отчасти изъ отсутствія въ его время болѣе точной и полной хозяйственной статистики, безъ которой приходилось ввѣряться глазомѣру; отчасти же онѣ имѣли своимъ источникомъ ту могучую революціонную страсть, которая всегда склонна преувеличивать темпъ историческаго развитія и близость развязки.... И въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что величіе личности Маркса сказывалось въ нѣкоторыхъ его промахахъ не менѣе, чѣмъ въ его сужденіяхъ, оправданныхъ жизнью...

Мы уже видѣли, что колоссально-трудная задача выработки научнаго *метода* изслѣдованія буржуазнаго хозяйственнаго строя и установленія общихъ его законовъ и тенденцій поглотила всѣ силы Маркса. Ars longa, vita brevis... „Свѣтильникъ разума" Маркса погасъ вмѣстѣ съ его жизнью наканунѣ окончанія этого труда. А передъ умственнымъ взоромъ Маркса рисовались за планомъ этого труда другіе грандіозные планы... Но имъ не суждено было осуществиться. Правда, оцѣнивая текущія событія и отрываясь для этого отъ основного теоретическаго труда, Марксъ успѣлъ дать нѣсколько классическихъ образчиковъ опредѣленія, такъ сказать, взаимнаго удѣльнаго вѣса различныхъ сторонъ и элементовъ соціальной жизни—для опредѣленныхъ странъ, въ опредѣленные періоды. Правда, основной теоретическій трудъ Маркса заключаетъ въ себѣ не мало отдѣльныхъ экскурсій изъ области *экономіи* въ область общей *соціологіи*... Правда, Марксъ пытался сформулировать нѣсколько общихъ положеній со-

ціологической науки, имѣющихъ цѣлью охватить всю совокупность сторонъ и элементовъ многосложной соціальной жизни. Правда, наконецъ, что ему не разъ приходилось въ самыхъ общихъ чертахъ высказывать и свои общефилософскія воззрѣнія. Но здѣсь онъ не далъ намъ труда, равнаго по своему значенію произведенной имъ работѣ въ сферѣ экономіи. Мало того. Тотъ фактъ, что центръ тяжести его работъ лежалъ въ сферѣ экономіи, что произведенный въ этой области колоссальный трудъ давалъ такъ много для объясненія экономической стороны исторіи, столь важной для уясненія и другихъ ея сторонъ — имѣлъ результатомъ то, что соціологическія воззрѣнія Маркса были изложены имъ въ формулировкахъ, часто односторонихъ, давшихъ множество поводовъ къ недоразумѣніямъ. Недаромъ даже впослѣдствіи alter ego Маркса, Фридрихъ Энгельсъ, при всей „ортодоксальности“ своего „экономическаго матеріализма“, вынужденъ былъ сдѣлать такое, напр., признаніе: „Въ томъ, что наше младшее поколѣніе порою въ большей степени, чѣмъ слѣдуетъ, переносило центръ тяжести на экономику, я и Марксъ виноваты отчасти сами. Въ противовѣсъ нашимъ противникамъ, намъ приходилось особенно подчеркивать главный отрицаемый ими принципъ, и потому мы не всегда имѣли достаточно времени, мѣста и поводовъ отдать должное остальнымъ моментамъ, принимающихъ участіе во взаимодѣйствіи“.

Но въ исторіи системъ и направленій случайные пробѣлы учителя рѣже исправляются и пополняются, чѣмъ возводятся въ принципъ ревностными учениками. Такъ случилось и съ исторіософіей Карла Маркса. Имѣя это въ виду, Энгельсъ говорилъ: „Къ тому же, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, случается, что люди воображаютъ, будто совершенно постигли новую теорію и могутъ безъ дальнѣйшихъ околичностей примѣнять ее къ дѣлу, въ то время, какъ на самомъ то дѣлѣ едва усвоили ея основныя положенія, да и то не совсѣмъ вѣрно. И я не могу освободить отъ этого упрека нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ „марксистовъ“, ибо въ этомъ отношеніи ими допускались удивительныя вещи“...

Эти слова Энгельса напоминаютъ намъ о знаменитыхъ словахъ Маркса: „что касается до меня, то я не марксистъ“. К. Марксъ не всегда былъ счастливъ въ своихъ ученикахъ. Мы уже говорили выше объ особенностяхъ марксовскаго ума, сообщавшихъ ему нѣкоторую прямо подавляющую, порабощающую силу. Законченность и методичность этой желѣзной логики, которая не вела, не звала, а *тащила* за собой, отчасти и привела къ тому, что, выражаясь остроумнымъ жаргономъ Глѣба Успенскаго, „великій *Карлъ* породилъ такъ много *карликовъ*“...

Дѣло Маркса не закончено.... Развитіе научнаго соціализма ждетъ новыхъ работниковъ особенно въ тѣхъ областяхъ, которыхъ творческая сила марксовскаго ума едва коснулась или коснулась лишь односторонне. Это—верхніе этажи соціальной науки, это—философія обществознанія, это—научная революціонная этика, это, наконецъ, область тѣхъ общефилософскихъ и теоретико-познавательныхъ предпосылокъ, которыя обезпечили бы революціонному міросозерцанію тотъ цѣлостный, жизненный и глубоко реальный характеръ, который одинъ представляетъ достаточныя гарантіи противъ всякихъ догматическихъ и метафизическихъ грѣхопаденій какъ по ту, такъ и по сю сторону опыта. Въ этой сферѣ и будетъ главнымъ образомъ происходить прогрессъ научно-соціалистическаго міросозерцанія, которому былъ данъ такой могучій толчекъ общественно-экономическими изысканіями Карла Маркса. Здѣсь—широкое поприще для творческой, созидательной работы, которое еще ждетъ такихъ же революціонеровъ мысли, какимъ былъ великій покойникъ, духъ котораго живетъ въ соціалистическихъ партіяхъ цивилизованнаго міра.

* * *

Но Карлъ Марксъ былъ не только революціонеръ въ области мысли, онъ былъ и революціонеръ на аренѣ непосредственной, жизненной борьбы. Его научный анализъ буржуазнаго хозяйственнаго строя безпощадно разоблачилъ въ самыхъ основахъ этого строя источникъ разрушительныхъ, темныхъ, античеловѣчныхъ вліяній, дѣлающихъ изъ капи-

тала хищное чудовище, „изо всѣхъ поръ котораго сочится кровь и грязь“...: Этотъ научный анализъ и далъ прочную основу той непримиримой, революціонной борьбѣ, которая не можетъ остановиться на полдорогѣ, которая должна разрушить буржуазное общество въ самыхъ его основаніяхъ... Этотъ анализъ установилъ принципіальныя основы того будущаго, соціалистическаго общества, которое одновременно является для насъ и *общественно-этическимъ идеаломъ* „царства свободы и развитія человѣческихъ силъ, которое само себѣ служитъ цѣлью“, и *научнымъ предвидѣніемъ*. Во имя этого идеала, во время революціонной борьбы за него раздался кличъ „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, и униженный, согбенный работникъ высоко поднялъ свою голову, озаренную свѣтлою, бодрящею мыслью о томъ, что дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса.

Революціонеръ до мозга костей, Карлъ Марксъ былъ чуждъ шаблоновъ доктринерства и былъ чутокъ къ истинно-революціонному дѣлу, въ какія бы конкретныя формы ни облекалось оно въ зависимости отъ условій мѣста и времени. И отношеніе Маркса къ русскимъ революціонерамъ, къ борцамъ Народной Воли, является лучшимъ доказательствомъ этого.

„Россія представляетъ собою передовой отрядъ революціоннаго движенія въ Европѣ“—писали Марксъ и Энгельсъ въ разгарѣ борьбы Народной Воли, въ январѣ 1882 года. И съ величайшимъ вниманіемъ присматривался Марксъ къ программѣ и тактикѣ „передового отряда“. Въ послѣднемъ № „Былого“ воспроизведенъ, напримѣръ, экземпляръ „программы рабочихъ членовъ Партіи Народной Воли“, находившійся въ рукахъ Маркса и испещренный его отмѣтками... Марксъ вычеркиваетъ два мѣста, въ которыхъ ему видятся отголоски анархизма. Съ другой стороны, онъ особенно подчеркиваетъ цѣлый рядъ мѣстъ, характерныхъ для народовольческой программы и тактики среди рабочихъ.

„Сила рабочаго народа — въ союзѣ всѣхъ работниковъ“. „Для того, чтобы добиться чего бы то ни было, рабочіе должны составлять силу, способную напирать на правитель-

ство и, при надобности, готовую поддержать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ". Тайныя рабочія организаціи „устраиваютъ, гдѣ нужно, стачки противъ фабрикантовъ и готовятся къ борьбѣ съ полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта". Въ своей стихійной борьбѣ „народъ всегда можетъ разсчитывать на вѣрнаго союзника—соціально-революціонную партію. Кромѣ нея у народа нѣтъ вѣрныхъ союзниковъ". Что касается до тѣхъ не-трудовыхъ общественныхъ элементовъ, которые „испытали на своей шкурѣ произволъ полицейскій и чиновничій и охотно помогли бы народу съ нимъ покончить", то „рабочій народъ не долженъ отвергать этихъ людей: выгодно добиваться расширенія свободы рука объ руку съ ними. Нужно лишь, чтобы рабочіе не забывали, что ихъ дѣло на этомъ не останавливается, что вскорѣ придется разстаться съ этимъ временнымъ другомъ". И „при этомъ тотъ общественный и государственный порядокъ, котораго желаемъ мы, соціалисты-работники, долженъ служить людямъ путеводною звѣздою, чтобы они не сбились и не попали въ новыя цѣпи, въ новую кабалу". „Изъ теперешняго гибельнаго порядка одинъ выходъ—насильственный переворотъ", и этотъ переворотъ—„необходимъ и возможенъ". Эти и многія другія подобныя мѣста особенно отмѣчены Марксомъ, и нѣтъ нужды пояснять смыслъ этихъ отмѣтокъ...

Такимъ же образомъ отмѣчены и еще два существенные пункта народовольческой рабочей программы. Это, во-первыхъ, пунктъ, въ которомъ народовольцы констатировали, что главная численная сила русской рабочей арміи—въ крестьянствѣ, что поэтому наши городскіе рабочіе „отдѣльно отъ крестьянства всегда будутъ подавлены", „если же они будутъ постоянно ставить себя рядомъ съ крестьянствомъ, склонять его къ себѣ и доказывать, что вести дѣло слѣдуетъ заодно общими усиліями, тогда весь рабочій народъ станетъ несокрушимой силой". Марксъ не могъ не отмѣтить этого мѣста, ибо въ это время онъ констатировалъ уже, что „эксплоатація крестьянъ только по своей *формѣ* отличается отъ эксплоатаціи рабочихъ"; что „эксплоататоръ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же — капиталъ";

что „только паденіе капитала можетъ повести къ подъему крестьянства, только антикапиталистическое, пролетарское правительство можетъ сломить гнетъ его экономической нужды и общественной деградаціи"; что, наконецъ, „демократически-соціальная, красная республика—это диктатура естественнаго союзника крестьянъ".

Другой, отмѣченный въ той же программѣ Марксомъ пунктъ, гласитъ, что „партія выдѣляетъ изъ себя боевой органъ, который нападаетъ на правительство, разстраиваетъ его, приводитъ въ замѣшательство, и этимъ облегчаетъ всѣмъ недовольнымъ—народу, рабочимъ и всѣмъ доброжелательнымъ имъ людямъ—подняться и произвести повсемѣстный переворотъ". Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Марксъ ту непосредственную боевую тактику народовольцевъ, благодаря которой одно видное лицо долго было—по выраженію Маркса—„содержащимся въ Гатчинѣ военноплѣннымъ русской революціи". Онъ даже доходилъ въ этомъ отношеніи иногда до крайности, отодвигая передъ задачами непосредственной борьбы—на второй планъ задачи чисто-соціалистической пропаганды...

Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ интересное письмо Германа Лопатина о его разговорахъ съ Марксомъ и Энгельсомъ [1]). Оказалось, что Энгельсъ, какъ и Марксъ, какъ и самъ Лопатинъ—были убѣждены, что самая насущная и очередная задача революціонной партіи въ Россіи „въ данную минуту не въ пропагандѣ новаго соціалистическаго идеала и даже не выработанный идеалъ съ помощью составленнаго изъ нашихъ товарищей временнаго правительства, а въ направленіи всѣхъ силъ къ тому, чтобы: 1) или принудить созвать земскій соборъ, 2) или же путемъ устрашенія и т. п. вызвать такіе глубокіе безпорядки, которые привели бы иначе къ созыву этого собора или чего либо подобнаго". Въ объясненіе этого взгляда Маркса-Энгельса надо припомнить, что для нихъ европейскій пролетаріатъ

---

[1]) Точность передачи Лопатинымъ мысли Энгельса и Маркса не подлежитъ сомнѣнію, ибо опубликованіе этихъ разговоровъ произошло въ 1893 г. съ разрѣшенія Энгельса.

въ ту эпоху казался гораздо болѣе подготовленнымъ къ рѣшительной, окончательной схваткѣ съ буржуазнымъ міромъ, чѣмъ то оказалось... И, глядя съ надеждою на ближайшее же будущее, Марксъ и Энгельсъ съ опасеніемъ устремляли свой взоръ на русскій абсолютизмъ и на его готовность всегда, какъ во времена венгерской кампаніи, силой оружія поддержать расшатанный „порядокъ“ въ Европѣ... И вотъ почему гибель стараго порядка въ Россіи по своимъ *международнымъ* послѣдствіямъ представлялась имъ фактомъ неизмѣримо важнымъ, способнымъ расчистить свободную дорогу побѣдоносному шествію международнаго революціоннаго пролетаріата, — и „вызвать во всѣхъ странахъ могучій толчекъ въ сторону внутренняго переустройства“. Вотъ почему они называли Россію „Франціей нынѣшняго вѣка“, страной, которой „законно и правомѣрно принадлежитъ революціонная инициатива новаго соціальнаго переустройства“.

Марксъ и Энгельсъ были убѣждены, что такъ какъ „не существуетъ страны, въ которой, несмотря на всю первобытную дикость ея гражданскаго общества, капиталистическій *паразитизмъ* былъ бы такъ развитъ, какъ въ Россіи, гдѣ вся страна, вся масса населенія запутана въ его сѣтяхъ“ [1]), то направить въ ней разъ начавшійся переворотъ „въ спокойное русло конституціи“ есть „иллюзія“, ибо революцію, какъ бы она ни началась, „неизбѣжно продолжатъ и скоро выведутъ изъ ея перваго конституціоннаго фазиса крестьяне“ [2]). И вотъ почему — свидѣтельствовалъ Лопатинъ — „онъ вѣритъ, какъ и я, что подобный соборъ *неизбѣжно* приведетъ къ радикалному, не только политическому, но и соціальному переустройству. Онъ вѣритъ въ громадное значеніе избирательнаго періода, въ смыслѣ несравненно болѣе успѣшной пропаганды, чѣмъ всѣ книжки и сообщенія на ухо. Онъ считаетъ невозможной чисто-либеральную конституцію, безъ глубокихъ экономическихъ перестроекъ, и потому не боится этой опасности. Онъ вѣритъ, что

---

[1]) „Фр. Энгельсъ о Россіи“ пер. Засуличъ стр. 8.
[2]) Тамъ же, стр. 19.

въ *фактическихъ* условіяхъ народной жизни накопилось достаточно матеріала для перестройки общества на новыхъ началахъ. Конечно, онъ не вѣритъ въ моментальное осуществленіе коммунизма или чего-либо подобнаго, но лишь того, что уже назрѣло въ жизни и въ душѣ народа. Онъ вѣритъ, что, народъ съумѣетъ найти себѣ краснорѣчивыхъ выразителей своихъ нуждъ и стремленій и т. дал. Онъ вѣритъ, что, разъ начавшись, это переустройство, или революція, не можетъ быть остановлена никакими силами. Важно поэтому только одно: разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народъ и общество изъ состоянія косности и неподвижности, произвести такой безпорядокъ, который принудилъ бы правительство и народъ заняться внутреннимъ переустройствомъ, который всколыхнулъ бы спокойное народное море и вызвалъ бы всенародное вниманіе и всенародный *энтузіазмъ* къ дѣлу полнаго общественнаго переустройства. А результаты явятся сами собою, и именно тѣ, которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи".

Съ точки зрѣнія Энгельса и Маркса, революціонное движеніе европейскаго пролетаріата, конечно, не только само получило бы огромный толчекъ отъ побѣды русской революціи надъ абсолютизмомъ, но и обратно—само оказало бы не менѣе могущественное вліяніе на судьбы разъ начавшейся при такихъ условіяхъ русской революціи. И, въ частности, они заканчивали свое предисловіе къ русскому изданію „Коммунистическаго манифеста" знаменитыми словами, выражавшими ихъ твердое убѣжденіе, что „если русская революція послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ дополнятъ одна другую, то современное русское (общинное) землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія"...

Мы уже говорили, что революціонный темпераментъ Маркса заставлялъ его преувеличивать темпъ соціально-историческаго развитія.... Перспективы, которыя казались ему столь близкими, отодвинулись силою вещей въ болѣе отдаленное будущее, и плодовъ ихъ „дано вкусить лишь дальнему потомку".... Пусть же „дальніе потомки" великаго мыслите-

ля-революціонера въ 20-ю годовщину его смерти вспомнятъ его лучшіе революціонные и соціалистическіе завѣты. Пусть вдохновятся они его образомъ для такой же непримиримой, рѣшительной, смѣлой, энергичной борьбы, какую Марксъ проповѣдывалъ словомъ и дѣломъ. Пусть, въ частности, русскіе революціонеры вспомнятъ, какъ относился К. Марксъ къ вопросамъ русской революціонной тактики. Это будетъ для нихъ лишнимъ стимуломъ отрѣшиться отъ догмъ и шаблоновъ, перейти къ практическому революціонизму отъ революціонизма словеснаго, къ энергической непосредственной революціонной борьбѣ отъ пустой революціонной фразеологіи!

Къ теоріи классовой борьбы.

1. Историческая справка.

Что общество не представляетъ собою единаго, сплошного и однороднаго цѣлаго—это фактъ самоочевидный, бросающійся въ глаза всякому, кто только размышляетъ надъ вопросами общественной жизни. И, конечно, фактъ этотъ не могъ пройти незамѣченнымъ для всѣхъ историковъ не только послѣдняго времени, но и предыдущихъ вѣковъ. Но замѣтить фактъ еще далеко не значитъ понять его значеніе. Что человѣческое общество раздѣляется на касты сословія, классы; что судьба ихъ, нравы, привычки, взгляды, различны; что между ними часто проявляется то скрытый, то явный антагонизмъ, иногда вырастающій въ гражданскую войну—все это отмѣчалось нерѣдко многими историками. Но отъ этого было еще далеко до признанія этого антагонизма одной,—а тѣмъ болѣе одной изъ главныхъ движущихъ пружинъ историческаго процесса человѣчества. Можно было, напр., видѣть въ классовомъ антагонизмѣ только болѣзненные симптомы, наблюдающіеся при уклоненіи общества съ нормальнаго пути развитія. Но такимъ образомъ классовая борьба, классовыя столкновенія лишались всякой положительной, творческой, исторической роли; ихъ значеніе оказалось бы чисто-отрицательнымъ и притомъ совершенно поверхностнымъ, чисто-симптоматическимъ: жизненный нервъ исторіи, ея основное русло лежало бы въ сторонѣ отъ этихъ явленій, и послѣднія приравнивались бы—при крайнемъ развитіи такого взгляда—къ чему-то въ родѣ безформенныхъ кучъ мусора, выбрасываемыхъ и оставляемыхъ теченіемъ историческаго потока по его берегамъ.

Признать въ явленіяхъ классовой борьбы основное со-

держаніе и вмѣстѣ—главную, если не единственную пружину событій, обратить на нихъ соотвѣтственное вниманіе и выдвинуть ихъ на первый планъ въ историческомъ изслѣдованіи—это уже являлось цѣлымъ переворотомъ въ исторической наукѣ.

И этотъ переворотъ, по довольно распространенному взгляду, былъ произведенъ Марксомъ и Энгельсомъ. „Было провозглашено, — какъ говоритъ, напр., Вильгельмъ Блосъ въ своей книгѣ „Die Deutsche Revolution 1848—1849“,—*совершенно новое*, такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, по которому всемірная исторія есть лишь рядъ эпизодовъ классовой борьбы“.

Нѣкоторый поводъ къ распространенію такихъ взглядовъ подалъ самъ Энгельсъ, объявившій однажды (въ предисловіи къ „Манифесту Коммунистической Партіи“), будто объясненіе исторіи основными положеніями борьбы классовъ является „единственно и исключительно собственностью Маркса“. Но это увлеченіе, продиктованное глубокимъ благоговѣніемъ къ памяти покойнаго друга, легко исправить, принявши въ соображеніе другіе отзывы того же Энгельса, въ данномъ случаѣ свидѣтельствующіе противъ него самого. Такъ, въ брошюрѣ о „Людвигѣ Фейербахѣ“ Энгельсъ отмѣчаетъ, что „съ 1815 г. въ Англіи ни для кого ужъ не было тайной, что центромъ тяжести всей политической борьбы въ этой странѣ являлись стремленія къ господству двухъ классовъ: земледѣльческой аристократіи (landed aristocracy) съ одной стороны, буржуазіи (middle class)—съ другой. Во Франціи со времени возстановленія Бурбоновъ проникло въ сознаніе то же явленіе. Историки того времени отъ Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указываютъ на него, какъ на ключъ къ пониманію французской исторіи, начиная со среднихъ вѣковъ. А съ 1830 г. въ обѣихъ странахъ рабочій классъ, пролетаріатъ, признанъ былъ третьимъ борцомъ за господство“ [1]).

Этого же вопроса касается Антоніо Лабріола въ своемъ этюдѣ, посвященномъ „памяти Манифеста Коммунистической

[1]) Стран. 45—46 русскаго пер.

Партіи", и его указанія могутъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ указаніямъ Энгельса. Лабріола особенно оттѣняетъ значеніе Сенъ-Симона и Огюстена Тьерри, какъ историковъ, понимавшихъ и вскрывавшихъ классовую подоплеку событій своего времени. „Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и особенно въ періодъ отъ 1830 до 1850 г.,— говорилъ Лабріола,—междуклассовыя столкновенія... росли, принимали по обѣимъ сторонамъ Ламанша все увеличивавшіеся размѣры, бросались въ глаза все съ большей и большей очевидностью". Этотъ фактъ все яснѣе отражался въ сознаніи и программахъ различныхъ партій, какъ „правыхъ", такъ и „лѣвыхъ" отъ Гизо до Луи-Блана и даже Кабэ. Фактъ этотъ, наконецъ, нашелъ свое отраженіе даже въ беллетристикѣ, въ романахъ Бальзака, котораго Лабріола считаетъ настоящимъ изобрѣтателемъ, художественнымъ творцомъ „классовой психологіи". Все было подготовлено, такимъ образомъ, къ появленію новой теоріи. „Перенести въ общественные классы и въ междуклассовое треніе реальное содержаніе исторіи, перенести въ ихъ развитіе центръ тяжести историческаго процесса — въ этомъ направленіи уже совершались поиски и открытія... Предстояло въ точныхъ, опредѣленныхъ терминахъ формулировать теорію всѣхъ этихъ явленій" [1]).

Соотвѣтствующія попытки Маркса и Энгельса являются, такимъ образомъ, лишь завершеніемъ цѣлаго обширнаго умственнаго теченія, захватившаго какъ крайнія, такъ и умѣренныя фракціи. Зародыши этого теченія могутъ быть прослѣжены далеко въ глубь исторіи. Въ своей полемикѣ съ Энгельсомъ Ахиллъ Лоріа (не останавливающійся, впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ передъ нѣкоторыми натяжками) даетъ длиннѣйшій списокъ авторовъ, черезъ которыхъ проходитъ это теченіе мысли,—начиная съ Гаррингтона (1656 г.), продолжая Давенаномъ, Монтескьё, Герцбергомъ, физіократами, Адамомъ Смитомъ и кончая Молинари—справа, Прудономъ и Марксомъ—слѣва. Не настроен-

[1]) „Essais sur la conception matérialiste de l'histoire" par Antonio Labriola. Paris 1897, p. 96—97.

ный полемически и вообще болѣе осторожный Бенедетто Кроче, хотя и не придаетъ особеннаго значенія подобнымъ историческимъ изысканіямъ, однако, со своей стороны, указываетъ на важные зародыши классовой теоріи еще у Томаса Моруса, а изъ ближайшихъ предшественниковъ Маркса обращаетъ вниманіе на особенно блестящее изложеніе классовой подкладки событій у Лоренца Штейна.

Но еще болѣе интересныя историческія сопоставленія и параллели сдѣлали Шарль Андлеръ для французской литературы до-марксовскаго соціализма и Давидъ Койгенъ — для нѣмецкой. Первый въ своихъ комментаріяхъ къ „Манифесту Коммунистической Партіи“ показалъ, что, вопреки Энгельсу и многимъ увлекающимся почитателямъ Маркса, „философія, сводящая все содержаніе исторіи къ ряду классовыхъ столкновеній, — далеко не нова и составляетъ одну изъ старинѣйшихъ составныхъ частей соціалистической традиціи [1]). Андлеръ наглядно обнаруживаетъ ея присутствіе у нѣкоторыхъ сенъ-симонистовъ, фурьеристовъ, у революціонеровъ, продолжавшихъ традиціи Бабёфа, въ ихъ тайныхъ обществахъ (Fédération de Bannis, Société des Saisons), Теодора Шустера, Базара, Бланки, Константина Пекера, Видаля и др.

Въ самомъ дѣлѣ, еще Шустеръ понималъ (1835 г.), что съ каждымъ днемъ все сильнѣе вскрывается антагонизмъ двухъ классовъ: богатыхъ, которые потребляютъ, ничего не производя, и бѣдныхъ, которые, все производя, всего лишены. „Законъ освящаетъ и покровительствуетъ коалиціи сильныхъ противъ слабыхъ — коалиціи патроновъ противъ рабочихъ. Законъ осуждаетъ и преслѣдуетъ оборонительныя коалиціи слабыхъ противъ сильныхъ — рабочихъ противъ патроновъ“. Описывая современныхъ „бароновъ биржи и фабрики“, Шустеръ предсказываетъ поглощеніе ими мелкихъ предпринимателей; по его мнѣнію, „существованіе средняго класса дѣлается несовмѣстимымъ со структурой современнаго соціальнаго тѣла“. „Можно предвидѣть, что

---

[1]) Ch. Andler, „Le Man. Comm.“, II, Introduction historique et commai Paris 1901, p. 4—69. 6.inere

рано или поздно громадное большинство рабочихъ будетъ охвачено революціонной страстью". И предупредить взрывы, по его мнѣнію, возможно только коренной соціальной реформой, которая должна была содѣйствовать развитію ассоціацій въ родѣ позднѣйшихъ лассалевскихъ „товариществъ съ государственной помощью" или луи-блановскихъ „національныхъ мастерскихъ". Сенъ-симонистъ Базаръ тоже указывалъ (1829 г.), что люди съ первыхъ стадій историческаго развитія „раздѣлены на два класса — эксплоатируемыхъ и эксплоатирующихъ, господъ и рабовъ", при чемъ „взаимное отношеніе въ прошломъ господъ и рабовъ, патриціевъ и плебеевъ, сеньеровъ и крѣпостныхъ... воплощается и еще усугубляется нынѣ въ отношеніяхъ между собственниками и рабочими".

Д. Койгенъ въ своемъ изслѣдованіи о предшественникахъ марксизма въ Германіи [1]) приводитъ слѣдующую яркую цитату изъ Грюна (1844 г.): „Исторія до настоящаго дня была ничѣмъ инымъ, какъ одной безпрерывной войной: это была, по самой своей сущности, война счастливыхъ, владѣющихъ, побѣдителей съ несчастными, обдѣленными, угнетенными. Въ Греціи эти послѣдніе назывались рабами, илотами, въ Римѣ—рабами, въ средніе вѣка—крѣпостными; въ Россіи они носятъ названіе крестьянъ; въ Сѣверной Америкѣ это негры; въ цивилизованномъ же мірѣ, въ Англіи, Франціи и Германіи, они называются пролетаріями".

Насколько широко распространены были эти воззрѣнія, показываютъ также историческія справки нашего соотечественника, В. Черкезова. Онъ указываетъ, что еще въ 1825 г. экономистъ Бланки, испытавши сильное вліяніе сенъ-симонизма, пускался въ слѣдующія общія размышленія относительно сущности историческаго процесса: „Я прослѣживалъ шагъ за шагомъ великія событія. И всегда налицо были двѣ стороны: люди, которые хотятъ жить отъ своего труда, и люди, которые хотятъ жить трудомъ другихъ... Патриціи и плебеи, рабы и вольноотпущенники, гвельфы и гибелли-

[1]) D. Koigen, „Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland". Bern. 1901.

ны, „бѣлыя“ и „красныя розы“, „кавалеры“ и „круглоголовые“, приверженцы свободы и крѣпостники—все это лишь варіаціи, лишь разновидности одного и того же явленія общаго рода“...

Не менѣе характерны приводимыя Черкезовымъ выписки изъ одного сочиненія фурьериста Виктора Консидерана (1847 г.). Подобно сенъ-симонистамъ, этотъ послѣдній разсматривалъ современныхъ пролетаріевъ, какъ историческое видоизмѣненіе древнихъ рабовъ и средневѣковыхъ крѣпостныхъ. Самые подзаголовки главъ и параграфовъ его книги запечатлѣны классовой точкой зрѣнія, напр., гл. X: „Раздѣленіе общества на два класса: меньшинство, владѣющее всѣмъ, и огромное большинство, лишенное всего“; или изъ подзаголовка главы II, § 2: „Буржуазія и пролетаріи“. Обозрѣвъ періоды рабства, крѣпостничества, феодализма, онъ характеризуетъ настоящее фактомъ „быстраго и могущественнаго развитія феодализма, феодализма финансоваго и промышленнаго, который правильно замѣщаетъ прежнюю аристократію въ ея позиціяхъ, уничтожая и дѣлая нищими промежуточные классы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Консидеранъ отчетливо формулируетъ отличіе современнаго, чисто хозяйственнаго дѣленія на классы отъ прежняго дѣленія на касты, сословія и т. д. „Теперь уже не законъ, не право, не политическій принципъ,—говоритъ онъ,—кладетъ границы между крупными категоріями французскаго народа, но *экономическая организація—сама соціальная организація*“. Характеризуя далѣе развитіе машинизма, индустріи, концентрацію владѣній, ростъ преобладанія крупнаго капитала, Консидеранъ приходитъ, наконецъ, даже къ заключенію, что „самое развитіе этого преобладанія... должно необходимо вызвать раньше или позже революціонную борьбу на соціальной почвѣ“ [1]).

---

[1]) W. Tscherkesoff, „Pages of socialist History“, p. 57—59. Авторъ, сторонникъ анархическаго ученія, до того увлекается полемическимъ отношеніемъ къ Марксу, что даже обвиняетъ его въ сплошномъ плагіатѣ изъ сочиненія Консидерана, появившагося годомъ раньше „Манифеста Коммунистической Партіи“.

Въ революціонныхъ тайныхъ обществахъ, вдохновленныхъ традиціями Бабёфа, выставленъ былъ уже и тотъ принципъ, который Марксъ окрестилъ именемъ „диктатуры пролетаріата“. Именно, въ Société des Saisons вмѣстѣ съ требованіемъ уничтоженія всѣхъ привилегій, обезпеченія каждому права на существованіе и обученіе, всеобщаго избирательнаго права, референдума etc. указывалось: „Но такъ какъ соціальное тѣло заражено гангреной, то для перехода къ здоровому состоянію народъ въ теченіе нѣкотораго времени будетъ имѣть потребность въ установленіи революціонной власти“. Не надо забывать, что къ Société des Saisons былъ аффильированъ Bund der Gerechten, изъ котораго впослѣдствіи образовался тотъ самый „союзъ коммунистовъ“, отъ имени и по порученію котораго былъ опубликованъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“. Такимъ образомъ, здѣсь переходъ по наслѣдству идеи о „революціонной власти народа“ (pouvoir révolutionnaire du peuple) можетъ быть прослѣженъ съ полною очевидностью. Идея эта у Маркса получила только новое словесное выраженіе — „die Dictatur des Proletariats“. Ея историческіе корни восходятъ къ временамъ заговора Бабёфа.

Нелишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь еще одно замѣчаніе. Не слѣдуетъ думать, будто соціалисты до Маркса въ своемъ дѣленіи обществъ на два основные враждующіе класса, переходныя ступени между которыми все болѣе и болѣе стираются, повторяли по отношенію къ отдѣльнымъ классамъ ту ошибку, которая раньше дѣлалась по отношенію ко всему обществу: т.-е. представляли ихъ себѣ совершенно однородными и сплошными. Это не такъ. К. Грюнъ, напримѣръ, рѣшительно выражаетъ слѣдующую мысль: во всѣхъ побѣдоносныхъ классахъ, въ свою очередь, можно найти еще категоріи подавленныхъ; съ другой стороны, въ предѣлахъ побѣжденнаго класса есть категоріи, эксплоатирующія остальную массу, еще болѣе угнетенную, чѣмъ они сами; такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайно сложной системой различныхъ формъ эксплоатаціи.

Нашъ бѣглый обзоръ былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о Россіи. Идея о классовой подкладкѣ исто-

рическихъ событій чрезвычайно рано начала тревожить умы передовыхъ русскихъ людей, находившихся въ курсѣ современной имъ европейской литературы. Уже въ 1842 г. Герценъ въ одной изъ своихъ статей набрасываетъ мимоходомъ слѣдующую картину явленія, которое онъ называетъ жизненнымъ пульсомъ исторіи: „Во всѣ времена долгой жизни человѣчества замѣтны два противоположныхъ явленія... Вслѣдствіе одного начала, лица, имѣющія какую-нибудь общую связь между собою, стремятся отойти въ сторону, стать въ исключительное положеніе, захватить монополію. Вслѣдствіе другого начала, массы стремятся поглотить выгородившихъ себя, взять себѣ плодъ ихъ труда, растворить ихъ въ себѣ, уничтожить монополію. Въ каждой странѣ, въ каждую эпоху, въ каждой области борьба монополіи и массъ выражается иначе, но цехи и касты безпрерывно образуются, массы безпрерывно ихъ подрываютъ, и, что всего страннѣе, масса, судившая вчера цехъ, сегодня сама оказывается цехомъ, и завтра масса степенью общѣе поглотитъ и побьетъ ее въ свою очередь. Эта полярность— одно изъ явленій жизненнаго развитія человѣчества, явленіе въ родѣ пульса, съ той разницей, что съ каждымъ біеніемъ пульса человѣчество подвигается впередъ“ [1]).

„Дневникъ“ А. И. Герцена за тѣ же приблизительно годы (1842—1844) показываетъ, какъ въ болѣе конкретныхъ чертахъ рисовалось ему воплощеніе тѣхъ же основныхъ тенденцій въ новой исторіи,—показываетъ также, подъ вліяніемъ какихъ литературныхъ источниковъ складывались его сужденія. Характерно то, что это какъ разъ были тѣ самые историческіе труды, на которые указывалъ Энгельсъ и Лабріола, какъ на „первыхъ ласточекъ“ въ дѣлѣ пониманія классовой подкладки историческихъ событій. Герценъ набрасываетъ въ своемъ дневникѣ отрывочныя замѣтки о впечатлѣніяхъ, оставшихся въ немъ послѣ прочтенія „Histoire de dix ans“ Луи-Блана, сочиненій ученика С.-Симона, Огюстена Тьерри (про котораго онъ замѣчаетъ, что въ его трудахъ ярко отражаются „перепутанными и смѣшанными

[1]) „Дилетанты и цехъ ученыхъ“, соч. А. Герцена, т. I стран. 324.

всѣ борьбы, всѣ противоположности племенъ, сословій, состояній), Гизо, Армана Карреля, статей младо-гегельянскихъ „Deutsche Jahrbücher“. Самъ воспитавшійся подъ вліяніемъ гегелевской философіи, Герценъ, однако, уже „переворачиваетъ ее вверхъ ногами или, лучше сказать, ставитъ ее съ головы на ноги“ (выраженіе Энгельса о Марксѣ), заявляя, что „философія каждой эпохи есть фактическій, историческій міръ той эпохи, схваченный въ мышленіи“. Онъ привѣтствуетъ первыя философскія попытки лѣваго революціоннаго крыла младо-гегельянцевъ, говоря, что философія германская выступаетъ изъ аудиторіи въ жизнь, становится соціальна, революціонна, получаетъ плоть и, слѣдовательно, прямое дѣйствіе въ мірѣ событій“, при чемъ для этого „дѣйствія въ мірѣ событій“ есть только одинъ путь: „надобно дать волю обстоятельствамъ и, выразумѣвъ ихъ указаніе, стать во главѣ ихъ; покоряясь имъ—покорить ихъ себѣ“.

Герценъ отмѣчаетъ эпоху полнаго расцвѣта государства феодальной системы, когда даже „сами реформаторы не отдѣлались отъ феодализма“; отмѣчаетъ существованіе въ настоящемъ живыхъ осколковъ средневѣковья. Консерваторы суть „органы этого прошедшаго, ищущаго себѣ мѣсто въ мірѣ, явно отрекшемся отъ него“, при чемъ „воззрѣнія со стороны консерваторовъ проникнуты сознательно или безсознательно эгоизмомъ и своекорыстіемъ привилегированныхъ кастъ“, Онъ отмѣчаетъ, что „самая власть Кромвеля опиралась на консервативные интересы одного класса, такъ же какъ власть Людовика Филиппа“; упоминаетъ и о значеніи монархической власти, какъ внѣшней скрѣпы для слишкомъ обострившихся центробѣжныхъ силъ — тянущихъ въ разныя стороны враждебныхъ классовъ. „Каррель замѣчаетъ, что республика была невозможна для Англіи при ея дѣленіи на классы — безсомнѣнно... Государство раздѣленное должно имѣть центръ, связующій его—государя; иначе будетъ охлократія или regime de terreur“. Дифференцировку развившихся европейскихъ націй онъ сравниваетъ съ неразвитымъ состояніемъ Россіи: „мы не устоялись“, и вотъ „низшіе классы“ наши „не имѣютъ этой послѣдовательно-

сти ненависти къ истинно-враждебному стану". Но и въ Европѣ положеніе пока еще чисто переходное, которому „одно объясненіе — неразвитость демократической партіи; политическіе же перевороты безъ соціальнаго сдѣлались невозможными. А царство средняго сословія было все же продолженіе феодальнаго соціализма"... Или, въ другомъ мѣстѣ: „Демократія безсистемная, соціализмъ, едва родившійся... Робкая, трусливая, корыстолюбивая и перемѣнчивая bourgeoisie завладѣла всѣмъ". Господствуетъ „законъ и защищаемый имъ proprietaire". Этому соціальному положенію соотвѣтствуетъ—выражаясь языкомъ Маркса—идеологическая, религіозная санкція. „Собственность, недвижимое имущество здѣсь и награда—*тамъ*: это двѣ цѣпи, на которыхъ и поднесь водятъ людей. Но теперь *работники* принялись потряхивать одну изъ нихъ, а другая давно заржавѣла отъ лицемѣрныхъ слезъ пастырей о погибшихъ овцахъ" [1])...

Въ самое послѣднее время вопросомъ о предшественникахъ Маркса по оцѣнкѣ значенія классовой борьбы въ исторіи занялся г. Плехановъ въ предисловіи къ новому русскому изданію „Манифеста Коммунистической Партіи".

Г-нъ Плехановъ не скупится на выписки изъ сочиненій С.-Симона, Огюстена Тьерри, Минье и Гизо и заключаетъ ихъ слѣдующимъ выводомъ: „Мы считаемъ твердо установленнымъ тотъ фактъ, что уже во время реставраціи Сенъ-Симонъ и многіе ученые представители французской буржуазіи видѣли въ борьбѣ классовъ главнѣйшую пружину историческаго развитія народовъ новаго времени. Мы думали, что полезно установить этотъ фактъ, такъ какъ онъ, повидимому, остался неизвѣстнымъ многимъ критикамъ „Манифеста Коммунистической Партіи".

Мы уже видѣли, что именно со стороны особенно ревностныхъ поклонниковъ Маркса была склонность разсматривать его дѣло, какъ нѣчто „совершенно новое". „Критики" же, напротивъ, склонны были доказывать, что заслуги

---

[1]) Дневникъ А. И. Герцена. Соч., т. I, стран. 93, 30, 124, 119, 120, 113, 107, 109, 111, 288.

Маркса преувеличены, что и до него было сознано и понято многое изъ того, что говорилъ онъ. Въ виду этого рѣзкая перемѣна фронта г. Плеханова, который, наоборотъ, „критиковъ“ заставляетъ играть роль людей, вѣрящихъ, что Марксъ до всего дошелъ безъ всякихъ сторонніхъ вліяній, своимъ собственнымъ умомъ,—самъ же выступаетъ въ качествѣ ихъ обличителя—представляетъ маневръ довольно оригинальный и остроумный. Но этотъ маневръ сдѣланъ былъ нѣсколько черезчуръ поспѣшно, а изъ самой этой поспѣшности проистекъ цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ его авторомъ послѣдствій. А послѣдствія эти заключаются въ слѣдующемъ.

Г-нъ Плехановъ цитируетъ С.-Симона, О. Тьерри, Минье и Гизо такъ какъ считаетъ „полезнымъ установить фактъ“, который „повидимому, остался неизвѣстнымъ многимъ критикамъ“. Но, вслѣдствіе своей „поспѣшности“, онъ забылъ прибавить, что ничего новаго онъ не „устанавляетъ“, а лишь иллюстрируетъ цитатами тѣ указанія, которыя были сдѣланы раньше его, и что всѣ цитированные имъ авторы уже были названы поименно Энгельсомъ и Лабріола въ качествѣ людей, до Маркса видѣвшихъ въ классовой борьбѣ „главнѣйшую пружину историческаго развитія народовъ новаго времени“.

Г-нъ Плехановъ цитируетъ слова Энгельса о томъ, что объясненіе исторіи основными положеніями борьбы классовъ „принадлежитъ единственно и исключительно Марксу“. Онъ поправляетъ въ этомъ пунктѣ Энгельса и смѣется надъ „критиками“, которые „почти всегда“, приписывая Марксу и Энгельсу небывалыя ошибки, „не замѣчали дѣйствительныхъ промаховъ Маркса и Энгельса“. Но онъ забываетъ, что въ брошюрѣ о „Людвигѣ Фейербахѣ“ у самого Энгельса можно найти ту поправку, о которой у г. Плеханова идетъ рѣчь.

Если бы г. Плехановъ избѣжалъ „поспѣшности“ въ двухъ этихъ пунктахъ, онъ былъ бы, вѣроятно, осторожнѣе и въ своихъ обвиненіяхъ по адресу соціалистическихъ критиковъ Маркса. Онъ понялъ бы, что если не изъ собственныхъ работъ, то отъ самого Энгельса и Лабріола они могли

узнать о тѣхъ самыхъ „предшественникахъ“ Маркса, которыхъ г. Плехановъ цитируетъ. А понявъ это, онъ избѣжалъ бы новыхъ промаховъ.

Такъ, онъ обвиняетъ въ незнаніи предшественниковъ Маркса италіанскаго соціалиста Бенедетто Кроче. Но все это обвиненіе построено на томъ, что Кроче ничего о нихъ не упоминаетъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенной въ Devenir Social [1]). Но если бы Плехановъ познакомился съ предыдущими работами того же автора [2]), то увидалъ бы, что для обвиненія противъ Кроче незнакомство съ его трудами не есть достаточное основаніе. Какъ мы упоминали выше, Кроче хорошо зналъ споръ между Лоріа, Лабріола и др. о предшественникахъ Маркса, самъ принималъ въ немъ участіе, указывалъ образцы „историко-матеріалистическихъ воззрѣній“ у разныхъ авторовъ и еще оговаривался, что „могъ бы умножить число примѣровъ“ [3]).

Вслѣдствіе той же поспѣшности, г. Плехановъ, цитируя слова Вандервельда, что понятіе о классовой борьбѣ „впервые было развито *со всѣми его послѣдствіями* въ „Манифестѣ Комм. Партіи“,—не замѣчаетъ подчеркнутыхъ нами словъ и, заключая о незнакомствѣ Вандервельда съ существованіемъ предшественниковъ марксизма, выговариваетъ ему: „признаемся, что отъ человѣка, написавшаго, такъ сказать, юбилейную брошюру по поводу „Манифеста“, можно требовать болѣе внимательнаго отношенія къ своему предмету“. Вандервельдъ, съ своей стороны, могъ бы отъ г. Плеханова потребовать болѣе внимательнаго отношенія къ приводимымъ цитатамъ.

Все это уже достаточно характеризуетъ обширное предисловіе г. Плеханова къ „Манифесту“, какъ крайне поспѣш-

---

[1]) „Essais d'interprétation et de critique de quelques concepts du marxisme“; перепечатано въ видѣ главы книги „Matérialisme historique et économie marxiste“. Paris 1900.

[2]) См. въ той же книгѣ его этюдъ, опубликованный впервые въ 1896 г.: „De la forme scientifique du matérialisme historique“ и „Les théories historiques de M. Loria“.

[3]) „Matérialisme historique“ etc., p. 25.

ное и тенденціозное. Та же тенденціозность сказывается еще и въ другомъ.

Подробно цитируя буржуазныхъ предшественниковъ Маркса по оцѣнкѣ значенія классовой борьбы, г. Плехановъ совершенно иначе отнесся къ представителямъ до-марксовскаго соціализма. Ихъ онъ почти не цитируетъ, и изъ нихъ онъ цитируетъ исключительно два-три рѣзко разногласящихъ съ марксизмомъ и классовой теоріей мѣста. Благодаря этому, г. Плехановъ совершенно не относится критически къ словамъ Маркса-Энгельса о представителяхъ „утопическаго соціализма", будто они „хотя и видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества"—„но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой (!) исторической самостоятельности, никакого свойственнаго ему политическаго движенія". Если мы обратимся къ біографическому очерку Эдуарда Фукса „Wilhelm Weitling", то мы увидимъ, что этотъ „замѣчательнѣйшій представитель нѣмецкаго утопическаго соціализма" писалъ еще въ 1841 г. [1]):

„И мы, нѣмецкіе работники, хотимъ протѣсниться въ ряды борцовъ за прогрессъ. И мы хотимъ имѣть голосъ въ общемъ обсужденіи вопросовъ о благѣ и страданіяхъ человѣчества; ибо мы, народъ въ рабочихъ куртках, блузахъ и армякахъ, представляемъ собой самый многочисленный, полезный и сильный разрядъ людей во всемъ широкомъ Божьемъ мірѣ. И мы хотимъ поднять голосъ за свое счастье и счастье всего человѣчества; пусть такимъ образомъ убѣдятся всѣ въ томъ, что мы прекрасно понимаемъ свои интересы, и хотя мы не блещемъ латинскими, греческими и иными хитросплетенными выраженіями, но мы сумѣемъ хорошо и яснымъ нѣмецкимъ языкомъ сказать, что сапогъ тѣснитъ нашу ногу. Да, и мы хотимъ имѣть свой голосъ—ибо вотъ уже девятнадцатое столѣтіе, а мы его еще не имѣли. И мы хотимъ имѣть свой голосъ въ общественномъ мнѣніи, чтобы насъ узнали—ибо на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ о насъ не имѣли истиннаго понятія. И мы хотимъ поднять свой голосъ, чтобы облегчить наши стѣсненныя сердца, и чтобы наши справедливыя жалобы достигли до ушей власть имущихъ".

---

[1]) Въ первомъ же № изд. въ 1841 г. въ Женевѣ „Hilferuf der deutschen Jugend" (цитируемъ по Фуксу). Тотъ же авторъ приводитъ цитату изъ рецензіи Маркса (въ парижскомъ „Vorwaerts" 1844 г.) на соч. Вейтлинга, которыя рецензентъ тогда называлъ „геніальными". (Марксу было въ то время 26 лѣтъ).

„Вейтлингъ понималъ непримиримыя классовыя противорѣчія,—говоритъ, приведя эту цитату, Фуксъ,—и на мѣсто французскихъ мирно-гуманитарныхъ ученій, на мѣсто политики мелкихъ средствицъ поставилъ идущее вглубь требованіе—соціальной революціи".

Но если такъ, то ужъ не правъ ли Черкезовъ, будто Марксъ только пересказывалъ и чуть ли не плагировалъ своихъ предшественниковъ? Если такъ, то не стирается ли всякая грань между „утопическимъ" и „научнымъ соціализмомъ"?

Такое заключеніе было бы крайне „поспѣшнымъ" и глубоко невѣрнымъ.

Если бы даже всѣ главнѣйшія составныя части теоріи классовой борьбы въ отдѣльности встрѣчались у представителей до-марксовскаго соціализма, то это была бы все-таки „разсыпанная храмина", отдѣльные кирпичи, отъ которыхъ еще далеко до стройнаго и законченнаго теоретическаго зданія. Вѣдь рѣчь именно о глубокой синтетической мысли, которая связываетъ, объединяетъ и благодаря этому освѣщаетъ новымъ свѣтомъ все предыдущее духовное наслѣдіе человѣчества. Доказать величіе мыслителя не значитъ представить его свалившимся откуда-то на землю, какъ deus ex machina. Мы не говоримъ уже о томъ, что одно дѣло—высказать извѣстную мысль, а другое привести для ея доказательства цѣлый арсеналъ фактическихъ данныхъ, какой мы находимъ у Маркса. Имѣть духовныхъ предшественниковъ, не быть не помнящимъ родства—не значитъ не быть оригинальнымъ, а тѣмъ паче не значитъ быть плагіаторомъ—послѣднее обвиненіе, выдвинутое Черкезовымъ, можетъ быть психологически объяснено только ослѣпленностью, проистекающей изъ крайне-враждебнаго, односторонне-полемическаго отношенія. Что касается до грани между утопическимъ и научнымъ соціализмомъ, то, конечно, исторически надо признать эту грань весьма условной. Исторія соціалистическихъ ученій свидѣтельствуетъ, что научный соціализмъ не „пришелъ въ міръ" откуда-то на смѣну утопическому, а выработался изъ соціализма утопическаго. Тѣмъ не менѣе, различіе между соціализмомъ уто-

пическимъ и соціализмомъ научнымъ, какъ абстрактными типами, не теряетъ своего значенія ни на волосъ. Напротивъ, именно оно, принципіальное, абстрактное различіе и является прочнымъ критеріемъ для того, чтобы, съ одной стороны, въ трудахъ „великихъ утопистовъ“ и учениковъ ихъ отличить идейныя пріобрѣтенія, представляющія цѣнный вкладъ въ сокровищницу научнаго соціализма, а съ другой—въ трудахъ самого Маркса и Энгельса, особенно трудахъ болѣе раннихъ, отличить утопическіе элементы отъ позитивно-научныхъ.

Тѣмъ самымъ намѣчается и задача детальнаго разсмотрѣнія тѣхъ сторонъ „теоріи классовой борьбы“, которыя являются вкладомъ въ пониманіе историческаго процесса со стороны Маркса и Энгельса.

2. Основаніе дѣленія общества на классы.

Бѣглая историческая справка, приведенная выше, показываетъ, что фактъ разслоенія капиталистическаго общества на классы, отличіе его отъ разслоенія стараго общества на сословія, наконецъ, борьба между классами, тянущаяся чрезъ всю исторію,—все это было подмѣчено цѣлымъ рядомъ соціалистическихъ и несоціалистическихъ авторовъ задолго до Маркса. Но отъ этого было еще далеко до дѣйствительно научной разработки вопроса о классовой борьбѣ.

Первое правило всякаго научнаго мышленія заключается въ томъ, чтобы никогда не пользоваться терминами, смыслъ и значеніе которыхъ остаются недостаточно выясненными, никогда не полагаться на „общеупотребительность“ термина, но каждый разъ точно вскрывать его внутреннее содержаніе. Именно чаще всего употребляемые термины обычно заключаютъ въ себѣ наиболѣе сбивчивое и неопредѣленное, по произволу мѣняемое отъ случая къ случаю содержаніе. Нетрудно понять, источникомъ какой путаницы можетъ явиться, благодаря этому, несоблюденіе указаннаго правила. Эта путаница характерна для вульгарнаго мышленія, которое оперируетъ болѣе словами, чѣмъ понятіями, которое не

подчиняетъ себѣ своей терминологіи, а находится въ полномъ подчиненіи отъ ея хаотической игры.

До-марксовскій соціализмъ рѣдко поднимался достаточно высоко надъ традиціями вульгарнаго мышленія въ вопросѣ о классовой борьбѣ. Часто путаясь между классами, сословіями и кастами, не менѣе часто онъ путался и въ вопросѣ о томъ, гдѣ кончаются различія классовъ, и гдѣ начинаются менѣе важныя различія между слоями одного и того же класса. Въ общемъ, преобладало первоначальное, довольно грубое и глазомѣрное различіе „обдѣленныхъ“ и „привилегированныхъ“, „бѣдныхъ“ и „богатыхъ“, „угнетенныхъ“ и „угнетающихъ“. Для извѣстныхъ цѣлей это различіе было и необходимо и достаточно, но обойтись имъ однимъ, не пойти въ своемъ анализѣ дальше, значило внести слишкомъ мало свѣта въ гордіевъ узелъ соціальныхъ отношеній.

Наиболѣе крупными попытками точнѣе опредѣлить различные соціальные классы являются попытки Луи-Блана и Лоренца фонъ Штейна.

Луи-Бланъ въ своей „Исторіи десяти лѣтъ“ опредѣлилъ „буржуазію или среднее сословіе“, какъ „совокупность тѣхъ гражданъ, которые обладаютъ орудіями труда или капиталомъ, работаютъ собственными средствами и поэтому только до извѣстной степени зависятъ отъ другихъ“. Съ другой стороны, подъ „народомъ“ (въ другихъ мѣстахъ книги онъ употребляетъ термины—„работники“) онъ разумѣетъ, „совокупность гражданъ, не обладающихъ никакимъ капиталомъ и потому находящихся въ полной зависимости отъ другихъ даже по отношенію къ самымъ элементарнымъ жизненнымъ потребностямъ“ [1]).

Въ основѣ его различенія лежатъ, такимъ образомъ, два признака: отношеніе къ средствамъ производства или капиталу и степень зависимости отъ другихъ. Недостатки этой классификаціи очевидны. Первый признакъ теряетъ всякую опредѣленность благодаря грубой ошибкѣ: Луи-Бланъ ото-

---

[1]) Цитируемъ по первому нѣм. переводу „Geschichte der zehn Jahren von 1830 bis 1840“, Zürich und Winterthur 1834, s. 5.

ждествляетъ „средства производства“ съ „капиталомъ“, и такимъ образомъ свободный крестьянинъ, продающій часть своего продукта или даже живущій въ условіяхъ натуральнаго хозяйства и „работающій собственными средствами“, отождествляется съ промышленникомъ-капиталистомъ. Что касается до второго признака—„зависимости“ или даже „степени зависимости“, то его крайняя неопредѣленность бьетъ въ глаза. Фабрикантъ въ опредѣленномъ смыслѣ тоже вполнѣ „зависитъ“ отъ рабочихъ: если онъ подвергнется полному бойкоту съ ихъ стороны, ему останется только прекратить свое существованіе въ качествѣ фабриканта. „Зависимость“ въ общественной жизни имѣетъ тысячи разнообразныхъ формъ: напр., представитель всякой отдѣльной отрасли производства въ извѣстномъ смыслѣ „зависитъ“ отъ другихъ; работникъ уже въ другомъ смыслѣ „зависитъ“ отъ работодателя, квартиронаниматель—въ особомъ, новомъ смыслѣ отъ домовладѣльцевъ и т. д.

Не болѣе даетъ въ этомъ отношеніи и книга Л. фонъ-Штейна. „Geschichte des Sozialismus u. Kommunismus d. heutigen Frankreichs“. Правда, въ ней можно найти превосходную характеристику современнаго промышленнаго пролетаріата, особенно сравнительно съ низшими, неимущими классами прежнихъ историческихъ періодовъ; множество мѣткихъ замѣчаній о психологической подкладкѣ, процессѣ возникновенія и развитія классоваго антагонизма; но въ вопросѣ о томъ, что именно и почему служитъ основой дѣленія общества на классы, онъ не идетъ далѣе Луи-Блана. Въ „буржуазіи“, по его мнѣнію, „воплощается идея собственности“; пролетаріатъ „не имѣетъ никакой собственности, а только рабочую силу и желаніе примѣнять ее“; пролетарій видитъ въ собственникѣ своего врага, во-первыхъ, потому, что „чувствуетъ себя подъ нимъ“ и, сравнительно съ „стоящими выше“, замѣчаетъ „несоотвѣтствіе между своими затратами энергіи и результатами ихъ“ [1]). Вотъ почему со-

[1]) Этотъ послѣдній признакъ—единственно новый сравнительно съ основой классификаціи Луи-Блана. Нетрудно видѣть, однако, что чернорабочій, сравнивая свое положеніе съ положеніемъ квалифицированнаго

временный пролетаріатъ есть „своеобразный европейскій элементъ, образующій почву для соціальнаго движенія“. Штейнъ, кромѣ того, отчетливо разграничиваетъ современные „классы“ отъ прежнихъ „сословій“ (впрочемъ, мы это видѣли уже у Виктора Консидерана). „Какъ въ концѣ прошлаго столѣтія,—говоритъ онъ,—одно сословіе народа возмущалось противъ государства, такъ теперь думы одного изъ его классовъ направлены на переворотъ въ обществѣ“. Отсюда признаніе, что прошло время чисто политическихъ революцій, наступаетъ время революцій соціальныхъ [1]).

Нѣкоторые критики Маркса, впрочемъ, утверждаютъ, будто и онъ не подвинулъ насъ ни на шагъ впередъ въ пониманіи природы общественныхъ классовъ. Такъ, напр., Зомбартъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ пренебрежительно отзывается о различныхъ „несчастныхъ, неудавшихся попыткахъ“ проникнуть въ существо классового строенія общества,—относя сюда и марксовскую. „Въ концѣ концовъ, если вмѣстѣ съ Марксомъ обезцвѣтить противорѣчіе между соціальными классами, сведя его—при помощи словечка „короче“—къ противорѣчію между „притѣснителями и притѣсняемыми“, то это будетъ только вполнѣ и совершенно ошибочнымъ“. И не только ошибочнымъ, но и достаточно безсодержательнымъ въ научномъ смыслѣ, ибо этимъ „еще ничего не сказано о сущности (über die Wesenheit) соціальнаго класса“ [2]).

рабочаго, также можетъ жаловаться на несоотвѣтствіе между затратами усилій и заработкомъ того и другого; однако, это не дѣлаетъ еще ихъ членами двухъ различныхъ классовъ.

[1]) L. Stein, I с. s. III—IV (предисловіе), 13, 14, 74.

[2]) Sombart, „Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert“, кар. XVII, s. 513. Авторъ замѣчаетъ, что Франція есть родина теоріи соціальныхъ классовъ; именно здѣсь событія великой Французской революціи, въ особенности же эпохи реставраціи и польскаго переворота открыли глаза историкамъ на составные элементы современнаго общества. „Въ трудахъ Гизо, Минье и Луи Блана можно прочесть уже все (?), что мы можемъ нынѣ еще высказать о сущности и происхожденіи соціальныхъ классовъ. Ихъ изложеніе сдѣлалось образцомъ и для теоретиковъ другихъ странъ; и мы, нѣмцы, до настоящаго времени во всемъ, вплоть до терминологіи, бродимъ по стопамъ великихъ французскихъ историковъ и ихъ

Утвержденіе это является грубо ошибочнымъ. Конечно Марксу приходилось, для извѣстныхъ цѣлей, останавливаться на раздѣленіи „угнетенныхъ“ и „угнетателей“, „эксплоатируемыхъ“ и „эксплоататоровъ“ [1]).

Разграниченіе это, столь не нравящееся „соціалъ-буржуа“ Зомбарту, имѣетъ однако достаточно существенное значеніе, а для многихъ вопросовъ—значеніе, прямо рѣшающее. Для другихъ оно, конечно, недостаточно. Но развѣ Марксъ ограничивалъ этимъ раздѣленіемъ свой анализъ? Развѣ не шелъ онъ сплошь да рядомъ гораздо дальше?

Болѣе того, Марксу и Энгельсу скорѣе можно поставить въ вину то, что они, расчленяя общество на классы, классы на группы, группы на подгруппы и т. д., часто недостаточно отчетливо подчеркивали различіе между принципіальными, основными, „классовыми, перегородками, и болѣе дробными, второстепенными, внутриклассовыми. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, классификація ихъ нерѣдко варіировала, что легко показать нѣсколькими цитатами.

Въ одной изъ самыхъ раннихъ ихъ работъ—„Französische und Englische Klassenkämpfe“ [2])—событія получаютъ освѣще-

---

нѣмецкихъ провозвѣстниковъ, наиболѣе вліятельными изъ которыхъ были Лоренцъ фонъ-Штейнъ и Карлъ Марксъ“ (ib., s. 512). Г-нъ Плехановъ въ своемъ предисловіи къ послѣднему русскому изданію „Манифеста Коммунистической Партіи“ полемизируетъ противъ Зомбарта, упрекая его—безъ достаточныхъ основаній—въ незнаніи того факта, что Марксъ имѣлъ предшественниковъ. Послѣднія произведенія Зомбарта показываютъ, что полемизировать съ нимъ приходится съ другого конца.

[1]) Это дѣленіе обычно для большинства представителей до-марксовскаго соціализма. Такъ, Георгъ Адлеръ въ своей книгѣ „Geschichte der ersten sozialpol. Arbeiterbewegung“ приводимъ слѣдующую выписку изъ „Blätter der Gegenwart für das soziale Leben“ Вильгельма Марра (1844 г.): „Даже для поверхностнаго наблюдателя нашего времени не можетъ остаться тайной, что современное общество съ каждымъ днемъ все болѣе рѣзко распадается на два класса, отношенія которыхъ другъ къ другу дѣлаются все болѣе и болѣе угрожающими и взаимная вражда которыхъ можетъ въ каждую минуту превратиться въ страшную борьбу. Это, съ одной стороны, классъ, многочисленный классъ обездоленныхъ, тѣхъ, кто лишенъ всего, кромѣ своей рабочей силы; а съ другой стороны—классъ собственниковъ, классъ наслаждающихся...“

[2]) Aus dem liter. Nachlass von K. Marx, Fr. Engels. u. F. Lassal. Stuttgart 1902, s. 112 ff.

ніе съ точки зрѣнія „разрыва французской націи на двѣ націи: націю имущихъ и націю работниковъ“. Борьба между этими двумя „націями“ и есть борьба *классовъ*.

Въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“ Марксъ и Энгельсъ говорятъ о „двухъ большихъ, противостоящихъ другъ другу классахъ“, на которые „все болѣе и болѣе раздѣляется общество“. Классы эти получаютъ и болѣе точное опредѣленіе: это буржуазія и пролетаріатъ. Но на ряду съ ними авторы различаютъ еще слѣдующіе слои: 1) босяцкій пролетаріатъ, который у нихъ отнюдь не объединяется въ одинъ классъ съ промышленнымъ пролетаріатомъ; первый имѣетъ совершенно особое отъ второго происхожденіе, представляя „пассивный продуктъ разложенія самыхъ низшихъ слоевъ стараго общества“; 2) аристократія, представляющая въ буржуазномъ обществѣ пережитокъ феодальнаго строя, и 3) „средній слой“, куда авторы зачисляютъ (подъ одну общую рубрику) мелкихъ купцовъ, промышленниковъ и рантье, ремесленниковъ и крестьянъ.

Въ брошюрѣ о „Революціи и контръ-революціи въ Германіи“ Марксъ различаетъ: 1) „буржуазію въ собственномъ смыслѣ слова“ или „классъ болѣе крупныхъ капиталистовъ, торговцевъ и промышленниковъ“; 2) „классъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ“; 3) „крестьянство“ или „классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ“; 4) „классъ рабочихъ“; 5) „дворянство“.

Наконецъ, въ брошюрѣ „Классовая борьба во Франціи“ Марксъ различаетъ: 1) крупно-землевладѣльческій классъ; 2) финансовую аристократію; 3) промышленную буржуазію; 4) „мелкую буржуазію во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ“; 5) крестьянство (не включаемое имъ, такимъ образомъ, въ предыдущую категорію); 6) интеллигенцію, 7) нищенскій или босяцкій пролетаріатъ; 8) рабочій классъ.

Такія же варіаціи наблюдаются и у позднѣйшихъ марксистовъ. Такъ, если взять для примѣра К. Каутскаго, то въ своей книгѣ объ „аграрномъ вопросѣ“ онъ говоритъ, что „три большіе класса современнаго общества суть наемные рабочіе, капиталисты, землевладѣльцы“. Въ другомъ же теоретическомъ трудѣ — объ „Эрфуртской программѣ“ — онъ

различаетъ: съ одной стороны „имущіе классы“, распадающіеся: 1) на „крупныхъ собственниковъ или богачей“ и 2) низшіе, эксплоатируемые (sic) слои собственниковъ (мелкіе ремесленники, мелкіе крестьяне); съ другой же стороны „неимущіе классы“, распадающіеся: 1) на пролетаріатъ капиталистической индустріи, 2) переходный слой подмастерьевъ ремесленной промышленности, 3) „особый классъ слугъ“ и 4) нищенскій пролетаріатъ.

Словомъ, болѣе мелкіе слои и группы въ приведенныхъ примѣрахъ 1) каждый разъ комбинируются въ различное число большихъ группъ, которымъ присвоивается названіе классовъ, 2) комбинируются различнымъ образомъ, такъ что отдѣльная группа низшаго порядка входитъ иногда въ одну, иногда въ другую крупную категорію, иногда объединяясь съ одной, иногда съ другой изъ сосѣднихъ группъ низшаго порядка; и, наконецъ, 3) одна и та же группа сопричисляется то къ категоріямъ низшаго, то къ категоріямъ высшаго порядка, называется то самостоятельнымъ „классомъ“, то простымъ подраздѣленіемъ, составнымъ элементомъ настоящаго „класса“. Такъ, напримѣръ, крестьянство въ одномъ случаѣ оказывается членомъ „націи работниковъ“, противустоящей „націи имущихъ“; въ другомъ мѣстѣ оно зачисляется въ „средній слой“ вмѣстѣ съ „мелкими купцами и рантье“; въ третьемъ случаѣ оно исключается изъ „мелкой буржуазіи во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ“ и фигурируетъ, какъ особый классъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ; въ четвертомъ случаѣ оно путешествуетъ на самый верхъ соціальной пирамиды, въ ряды „имущихъ классовъ“, бокъ-о-бокъ съ „крупными собственниками и богачами“. Поистинѣ, мытарства по всѣмъ этажамъ соціальнаго зданія,—мытарства, связанныя съ настоящими овидіевыми превращеніями...

Нетрудно видѣть, что при этомъ въ понятія „классъ“, „классовая борьба“ и „классовая точка зрѣнія“ вносится расплывчатость и сбивчивость, открывающія широкій просторъ индивидуальному произволу. Ниже мы покажемъ, какъ неблагопріятно отражается эта расплывчатость на всей теоріи классовой борьбы въ ея современномъ видѣ. Во вся-

комъ случаѣ, уже теперь совершенно ясно, что простого констатированія факта разслоенія общества для установленія понятія о „классѣ“ совершенно недостаточно. Возникаютъ вопросы: гдѣ же кончаются предѣлы „класса“, и гдѣ начинается расчлененіе единаго класса на отдѣльные слои и подраздѣленія? Сколько же существуетъ основныхъ классовъ,—классовъ въ истинномъ, строгомъ смыслѣ этого слова? Гдѣ кончаются чисто количественныя различія между членами одного и того же класса, и гдѣ начинаются различія качественныя, принципіальныя, требующія отнесенія людей къ различнымъ общественнымъ классамъ? Можно ли, если не практически, то теоретически, указать такую границу, или она совершенно условна и относительна? Каково мѣрило этого различенія или, выражаясь въ терминахъ логики, каково основаніе этой классификаціи общественныхъ группъ? Отвѣты на всѣ эти вопросы, въ своей совокупности, могутъ составить полную теорію классовой борьбы. До тѣхъ же поръ, пока отвѣтовъ этихъ не дано, а тѣмъ болѣе пока самые вопросы эти не поставлены ребромъ—мы имѣемъ только простое глазомѣрное констатированіе факта классовой борьбы, но отнюдь не ея теорію.

А пока мы не обладаемъ такой теоріей, до тѣхъ поръ мы ничѣмъ не отличаемся отъ тѣхъ представителей вульгаризированнаго марксизма, которые, не составивъ себѣ сколько-нибудь яснаго понятія объ основѣ дѣленія общества на классы, переполняютъ свою аргументацію склоненіемъ по всѣмъ падежамъ словъ: „классъ“, „классовая борьба“ и т. д., и т. д.

До сихъ поръ мы видѣли только одно положительное пріобрѣтеніе въ вопросѣ о природѣ современныхъ общественныхъ классовъ. Было понятно, что въ отличіе отъ юридической основы дѣленія на сословія мы имѣемъ здѣсь дѣло съ экономической основой. Но какъ ближе опредѣлить эту экономическую природу класса? И прежде всего: искать ли опредѣляющихъ признаковъ въ особенностяхъ его положенія въ процессѣ самаго производства? Или же искать ихъ въ особенностяхъ его участія въ распредѣленіи благъ?

Вопросъ этотъ и въ настоящее время не утратилъ интереса современности. Характерно то, что у насъ, въ Россіи,

онъ уже привелъ къ теоретическому столкновенію между соціалистами-революціонерами и соціаль-демократами. Первые утверждаютъ, что рѣшающимъ признакомъ для причисленія или непричисленія даннаго лица или данной группы населенія къ классу, напр. буржуазіи, „прежде всего является источникъ дохода, на который существуетъ данное лицо или группа". Именно сходство источника доходовъ—полученіе прибавочной стоимости, неоплаченнаго труда другихъ людей—въ первой линіи и является тѣмъ признакомъ, который объединяетъ извѣстныя группы людей въ единый сплоченный буржуазный классъ. Интересы всѣхъ членовъ и группъ буржуазіи (а точно также и интересы всѣхъ членовъ и группъ рабочаго класса) „солидарны по самому существу ихъ соціальнаго положенія, по характеру той роли, которую играютъ они въ буржуазномъ, капиталистическомъ народно-хозяйственномъ механизмѣ" [1]).

Съ этимъ-то и несогласны соціаль-демократы. По ихъ мнѣнію „искать основного, отличительнаго признака различныхъ классовъ общества въ источникѣ дохода значитъ выдвигать на первое мѣсто отношенія распредѣленія, которыя на самомъ дѣлѣ суть результатъ отношеній производства. Ошибку эту давно указалъ Марксъ, назвавшій не видящихъ ея людей вульгарными соціалистами" [2]). По Марксу, гласитъ другая статья „Искры", „данныя отношенія распредѣленія являются выраженіемъ исторически опредѣленныхъ отношеній производства", „обусловливаются" этими послѣдними, ихъ „предполагаютъ—не только логически, но и исторически" [3]).

Что же здѣсь вѣрно, и что невѣрно?

Авторы цитированныхъ статей знаютъ, что, по Марксу отношенія производства опредѣляютъ отношенія распредѣленія. Но они не знаютъ, во-первыхъ, того, что отношенія распредѣленія, по Марксу, опредѣляются не только условіями производства; во-вторыхъ, того, что отношенія распредѣ-

---

1) „Классовая борьба въ деревнѣ". „Р. Р.", № 11.
2) „Искра", № 27, стран. 2.
3) „Искра", № 33, стран. 4.

ленія, въ свою очередь, воздѣйствуютъ на отношенія производства. Они не понимаютъ, въ-третьихъ, еще слѣдующаго. Если бы даже отношенія производства одни только опредѣляли отношенія распредѣленія, и даже не испытывали возвратнаго съ ихъ стороны воздѣйствія, то все-таки было бы далеко не все равно: опредѣляютъ ли непосредственно условія производства раздѣленіе общества на классы, или непосредственно опредѣляютъ они условія распредѣленія, которыя уже, въ свою очередь, опредѣляютъ классовые интересы соотвѣтственныхъ общественныхъ группъ. Въ такомъ случаѣ, при классификаціи этихъ группъ непремѣнно придется „на первый планъ“ выдвинуть источники дохода, искать непосредственныхъ отличительныхъ признаковъ прежде всего въ „условіяхъ распредѣленія“.

Въ томъ-то и заключается разница вульгарнаго марксизма отъ взглядовъ Маркса и Энгельса, что послѣдніе желаютъ сводить всѣ явленія общественной жизни только „въ послѣднемъ счетѣ“, къ производственнымъ отношеніямъ, тогда какъ вульгарные марксисты хотятъ непремѣнно все и вся объяснять ими непосредственно. Для Маркса и Энгельса существуетъ для соціальныхъ явленій цѣлая лѣстница „производныхъ“ фактовъ или „надстроекъ“, при чемъ, чѣмъ выше надстройка, тѣмъ болѣе „посредственнымъ“, „отраженнымъ“ является вліяніе на нее производственнаго „фундамента“. Можно какъ угодно критиковать и эту усложненную теорію, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что она безконечно выше того грубаго, вульгаризированнаго марксизма, который хочетъ непремѣнно установить непосредственный параллелизмъ между условіями производства и всѣми другими соціальными явленіями.

По нашему мнѣнію, раздѣленіе общества на классы стоитъ въ непосредственной связи именно съ отношеніями распредѣленія, а потому и отличительный признакъ принадлежности къ тому или другому классу берется прежде всего изъ этой сферы. Это нисколько не значитъ — какъ то кажется вульгарнымъ марксистамъ — отрицать косвенную причинную связь классового строенія общества со всѣмъ производственнымъ строемъ даннаго общества. Совершенно

напротивъ. Потому-то мы и говоримъ (см. выше) о солидарности интересовъ всѣхъ членовъ даннаго класса „по самому существу ихъ соціальнаго положенія, по характеру той роли, которую играютъ они въ буржуазномъ, капиталистическомъ народно-хозяйственномъ механизмѣ“.

Русскіе марксисты могутъ легко убѣдиться, что все сказанное нами вполнѣ точно передаетъ сущность взглядовъ Маркса и Энгельса. Для этого имъ достаточно взять книжку Энгельса, направленную противъ Дюринга. Тамъ они могли бы узнать слѣдующее:

„Вмѣстѣ съ родомъ и способомъ производства *и обмѣна* опредѣленнаго историческаго строя общества, а также съ *предшествовавшими историческими условіями* — одновременно дается родъ и способъ распредѣленія продуктовъ“.

„Распредѣленіе, однако, не есть простое пассивное произведеніе производства и обмѣна: оно вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ также сильное обратное вліяніе на производство и обмѣнъ“.

„Съ различіями же въ распредѣленіи выступаютъ и классовыя различія. Общество раздѣляется на привилегированные и обдѣленные, эксплоатирующіе и эксплоатируемые, господствующіе и подчиненные классы“ [1]).

Намъ думается, что весь этотъ эпизодъ свидѣтельствуетъ только лишній разъ о томъ, до какой степени духовные отцы марксизма оказываются часто „немарксистами“, или до какой степени наши соціаль-демократы-„ортодоксы“ мало понимаютъ и много вульгаризируютъ ученіе Маркса.

Но если раздѣленіе общества на классы стоитъ въ непосредственной связи съ отношеніями распредѣленія, то какимъ же образомъ можно ближе опредѣлить эту связь?

На этотъ вопросъ впервые попытался дать отвѣтъ Адамъ Смитъ.

„Общая масса годовой производительности земли и труда или, что то же, общая сумма ея цѣнности — говоритъ онъ—разбивается на три части: поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капиталъ, и составляетъ доходъ

---

[1]) „Herrn Eugen Düring Umwälzung etc.“, 3-te Aufl., s. 150—151.

трехъ различныхъ классовъ народа, изъ которыхъ одинъ живетъ рентой, другой—заработной платой, а третій—прибылью. Эти три великія подраздѣленія составляютъ три первоначальные, основные класса каждаго просвѣщеннаго общества, доходъ которыхъ въ результатѣ даетъ средства существованія всему населенію“ [1]).

Что касается Маркса, то онъ въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, даетъ лишь дальнѣйшее развитіе и углубленіе положеній классической политической экономіи. Онъ могъ бы опредѣлить свое отношеніе къ Адаму Смиту и Рикардо тѣми словами, которыми Христосъ опредѣлялъ свое отношеніе къ Моисею: „не разрушить пришелъ я законъ, но исполнить“.

Послѣднюю главу третьяго тома „Капитала“ (названную „Классы“) Марксъ начинаетъ вполнѣ въ духѣ Адама Смита. „Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и собственники земли, соотвѣтственными источниками доходовъ которыхъ является рабочая плата, прибыль и рента,—слѣдовательно, наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы — составляютъ три обширные класса современнаго общества, основывающагося на современномъ способѣ производства“ [2]).

Итакъ, соотвѣтствіе классового дѣленія указаннымъ источникамъ или видамъ дохода Марксъ вполнѣ принимаетъ. Но этого для него еще мало. Можетъ быть поставленъ новый вопросъ: почему общество дѣлится на классы соотвѣтствен-

---

[1]) См. русскій переводъ „Изслѣд. о богатствѣ народовъ“, С.-Пб. 1866 г. т. I, стран. 477. Это опредѣленіе принято также Миллемъ и его русскимъ критикомъ Н. Г. Чернышевскимъ. См. заграничное изд. его „Сочиненій“ (Елпидина и К⁰), Женева 1870 г., т. IV, стран. 105, 144: „изъ трехъ элементовъ производства (при трехчленномъ распредѣленіи продукта) каждый особо принадлежитъ отдѣльному классу, и доля изъ продукта, достающаяся этому классу, опредѣляется соперничествомъ. Классъ, которому принадлежитъ трудъ, является при этой формѣ быта сословіемъ наемныхъ работниковъ, получающихъ рабочую плату; капиталъ принадлежитъ классу промышленныхъ антрепренеровъ, получающихъ прибыль; а земля — классу владѣльцевъ недвижимой собственности... получающихъ отъ предпринимателя ренту“.

[2]) „Капиталъ“, т. III, стран. 733.

но этимъ видамъ дохода? Что образуетъ классъ? т.-е., иными словами, что непосредственно служитъ скрѣпой, объединяющей людей въ классъ? И въ этомъ смыслѣ „вслѣдствіе чего наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы представляютъ собою три большіе общественные класса?“.

Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важно поставить, что выраженіе „источникъ дохода“, „видъ дохода“ является безъ дальнѣйшихъ поясненій недостаточно опредѣленнымъ. Такъ, напримѣръ, Марксъ указываетъ на то, что землевладѣльцевъ можно разбить на нѣсколько разрядовъ: владѣльцевъ виноградниковъ, пахотной земли, нѣдръ земли съ ископаемыми богатствами, рыбныхъ ловель. Почему не считать этихъ конкретно-различныхъ видовъ богатства въ такомъ же смыслѣ особыми „источниками дохода“, какъ и экономическія категоріи—прибыль, рента etc.? Не трудно видѣть, что „то же самое относилось бы къ безконечнымъ раздробленіямъ интересовъ и положеній, на которыя, благодаря раздѣленію общественнаго труда, распадаются какъ рабочіе, такъ и капиталисты“. Итакъ, положеніе, что общество раздѣляется на классы „вслѣдствіе тождества доходовъ и источниковъ доходовъ“, кажется вполнѣ яснымъ, дающимъ исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ, только „на первый взглядъ“.

Но здѣсь-то, въ самомъ кульминаціонномъ пунктѣ, и прерывается аргументація Маркса,—прерывается вмѣстѣ съ недоконченною рукописью третьяго тома...

Логически продолжить эту аргументацію взялся недавно одинъ изъ самыхъ крупныхъ „ортодоксальныхъ“ его учениковъ, К. Каутскій. И вотъ какъ онъ разсуждаетъ:

„Чѣмъ отличается отношеніе землевладѣльца къ рабочему и капиталисту сравнительно съ отношеніемъ владѣльца пахотнаго поля къ лѣсовладѣльцу или владѣльцу усадебной земли?

„Поземельная рента землевладѣльца при данной величинѣ національнаго дохода можетъ быть увеличена или на счетъ заработной платы, или насчетъ капиталистической прибыли—интересы землевладѣльца, такимъ образомъ, стоятъ въ противорѣчіи съ интересами наемнаго рабочаго и капиталиста. Между тѣмъ земельная рента владѣльца ржаного поля растетъ вовсе не насчетъ поземельной ренты другихъ видовъ землевладѣльцевъ. Даже напротивъ, ростъ и ренты, и связанной съ ней цѣнности участка

одного рода почвы влечетъ за собою параллельный ростъ ренты и цѣнности другихъ участковъ.

„Возьмемъ, съ другой стороны, классъ наемныхъ рабочихъ. Они распадаются на книгопечатниковъ, сельско-хозяйственныхъ батраковъ, ткачей и прядильщиковъ, металлургическихъ рабочихъ. Но эти подраздѣленія вовсе не образуютъ классовъ. Всѣмъ имъ обща противоположность интересовъ съ капиталомъ и земельной собственностью, ибо при данной величинѣ національнаго дохода заработная плата можетъ расти только насчетъ двухъ этихъ другихъ источниковъ дохода; напротивъ, въ предѣлахъ самого класса рабочихъ заработная плата одного изъ слоевъ его вовсе не растетъ насчетъ другихъ, скорѣе наоборотъ: всякое повышеніе заработной платы одного разряда рабочихъ усиливаетъ тенденцію къ ея повышенію у другихъ; оно усиливаетъ стремленіе рабочихъ требовать высшей платы и ослаблять силу сопротивленія предпринимателей, отстаивающихъ прежній ея уровень.

„Теперь мы уже видимъ, что именно образуетъ единичные классы. Это не просто общность источниковъ дохода, но и вытекающая изъ нея общность интересовъ и общность противорѣчія этихъ интересовъ съ интересами другихъ классовъ, изъ которыхъ каждый стремится сузить источникъ дохода другихъ, чтобы заставить источникъ собственнаго дохода забить болѣе сильнымъ ключомъ“ [1]).

Итакъ, наиболѣе видный представитель ортодоксальнаго марксизма, Каутскій, со многими положеніями котораго намъ часто приходится не соглашаться, въ данномъ пунктѣ высказываетъ взглядъ, подъ которымъ мы подписываемся обѣими руками. Въ спорѣ между русскими соціалистами-революціонерами и соціаль-демократами о томъ, стоитъ ли раздѣленіе общества на классы въ непосредственной связи съ условіями производства, онъ высказывается за первое рѣшеніе. На первый планъ онъ выдвигаетъ общность источниковъ дохода, а затѣмъ уже — вытекающую изъ того же перваго фактора общность интересовъ и противорѣчія ихъ другимъ группамъ интересовъ. Его выводъ можетъ быть формулированъ лучше всего такъ: людей объединяютъ источники ихъ дохода, которые, при данной величинѣ общаго

---

[1]) K. Kautsky, „Klasseninteresse — Sonderinteresse — Gemeininteresse“, въ „Die Neue Zeit“, № 34, 21 Iahrg. (1903 г.), s. 541. Впослѣдствіи мы докажемъ, что это рѣшеніе вполнѣ согласно съ недосказанными въ III т. „Капитала“, но проскальзывающими въ другихъ мѣстахъ взглядами самого Маркса.

національнаго дохода, могутъ расширяться только одинъ на счетъ другого.

Высказывая свое мнѣніе, мы не претендовали сказать что-либо новое. Мы просто стояли на точкѣ зрѣнія нашего великаго учителя Н. Г. Чернышевскаго. Эта точка зрѣнія, развитая имъ въ 1862 г., приводитъ къ выводамъ, которые теперь, сорокъ лѣтъ спустя, повторены Каутскимъ почти буквально. Еще Н. Г. Чернышевскій далъ блестящую формулировку основы классового раздѣленія и классовой борьбы, указавъ на основной антагонизмъ ренты, прибыли и заработной платы. „Рента,—говоритъ онъ,—играетъ относительно прибыли и рабочей платы точно такую же роль, какую прибыль играетъ относительно рабочей платы": при ея возрастаніи „уменьшается... пропорція, составляемая въ возрастающемъ продуктѣ прибылью и рабочей платой", иначе говоря, „рента идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы". Таковъ основной законъ трехчленнаго распредѣленія дохода въ капиталистическомъ обществѣ. „Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу". Какія же соціально-политическія слѣдствія вытекаютъ отсюда? Чернышевскій рисуетъ это съ образцовой ясностью.

„Рента стремится подчинить себѣ прибыль и рабочую плату—въ переводѣ на дѣйствительные факты это значитъ, что лендлордъ враждебенъ самостоятельности фермера и работника; и мы видимъ въ Англіи, что лендлордъ старается держать ихъ въ этой зависимости отъ себя даже съ убыткомъ для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самого себя.

„Мы видѣли, что прибыль стремится поглотить рабочую плату—это значитъ, что капиталисту нужно держать работника въ такой же зависимости отъ себя, въ какой лендлорду нужно держать и капиталиста и работника. Исторія всѣхъ цивилизованныхъ странъ—одно непрерывное свидѣтельство постоянства этой тенденціи.

„Мы видѣли, что интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками.

„Мы видѣли, что интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ,

исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ“ [1]).

Итакъ, мы имѣемъ вполнѣ опредѣленное и законченное рѣшеніе вопроса объ основѣ дѣленія общества на классы. Намѣченное еще Адамомъ Смитомъ, оно получило болѣе глубокую постановку въ трудахъ соціалистовъ—Н. Г. Чернышевскаго, К. Маркса, К. Каутскаго. По этой теоріи, дѣленіе современнаго буржуазнаго общества на соціальные классы связано функціонально съ дѣленіемъ общаго національнаго дохода на такіе основные виды, которые, при данной величинѣ національнаго дохода, могутъ расширяться только одинъ насчетъ другого. Тѣмъ самымъ дано, какъ мы еще будемъ имѣть случай убѣдиться, строго научное разрѣшеніе вопросовъ: сколько же существуетъ общественныхъ классовъ? Какіе именно? Гдѣ границы между различіями классовыми и различіями соціальнаго положенія внутри каждаго даннаго класса? — словомъ, всѣ тѣ вопросы, полный исчерпывающій отвѣтъ на которые можетъ дать въ итогѣ цѣлостную и законченную „теорію классовой борьбы“.

Посмотримъ теперь, какую же теорію соціальныхъ классовъ можетъ противопоставить выше развитымъ взглядамъ русская соціаль-демократія. По ея мнѣнію, общественный классъ — это „болѣе или менѣе обширный разрядъ лицъ, находящихся въ одинаковыхъ отношеніяхъ производства къ другимъ разрядамъ“ [2]). Опредѣленіе это грѣшитъ чѣмъ угодно, только не опредѣленностью. Посмотримъ же, какъ сообразно этому принципу расчленяетъ „Искра“ общество на классы. „Присвоеніе той или другой части общественныхъ средствъ производства и обращеніе ихъ на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта—вотъ основное отличіе одного класса современнаго общества (буржуазіи) отъ пролетаріата, который лишенъ средствъ производства и продаетъ свою рабочую силу“ [3]). Мы не говоримъ уже о томъ, что противоположность класса землевладѣльцевъ и класса капитали-

[1]) „Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго“, Женева 1870 г., т. IV, стран. 201, 203, 205.

[2]) „Искра“ № 33, стран. 4.

[3]) „Искра“, № 27, стран. 2.

стовъ при этомъ подраздѣленіи совершенно теряется. Землевладѣлецъ, какъ таковой, къ тому же не принимаетъ никакого прямого участія въ „производствѣ“. Болѣе того, самый классъ предпринимателей-капиталистовъ при этомъ перестаетъ быть особымъ классомъ и растворяется въ обширномъ слоѣ „частныхъ хозяевъ“, продающихъ продукты, вплоть до ремесленника до-капиталистическихъ временъ. Съ другой стороны, многіе разряды современной буржуазіи вовсе не подходятъ подъ опредѣленіе „Искры“. Въ самомъ дѣлѣ, ремесленникъ „добраго стараго времени“ дѣйствительно характеризуется „присвоеніемъ части общественныхъ средствъ производства и обращеніемъ ихъ на частное хозяйство“, тогда какъ современный купецъ или банкиръ вовсе не имѣетъ дѣла со средствами производства, а имѣетъ дѣло лишь съ готовыми продуктами производства, да еще со средствами обращенія. По опредѣленію „Искры“ выходитъ, что они—вовсе не „буржуа“; а вотъ трудовой крестьянинъ, владѣлецъ парцеллы, съ „частнымъ хозяйствомъ“ и „продажей продукта“—буржуа. Неужели такая „классификація“ имѣетъ что-нибудь общаго съ теоріей Маркса? Да, у Маркса прежде всего черезъ весь „Капиталъ“ проведена мысль, что буржуа есть представитель капитала, а „капиталъ“ не одно и то же, что „средства производства“: капиталъ есть средства производства, оторванныя отъ производителя и враждебно противопоставленныя ему, — „самовозрастающая стоимость“, впитывающая неоплаченный трудъ работника. Поэтому „мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ прибавленія чужого труда, вовсе не составляютъ капитала“ [1]), и „частная собственность принимаетъ тотъ или иной видъ въ зависимости отъ того, рабочіе ли эти частныя лица, или не рабочіе“ [2]). Но всѣ эти различія для русской соціаль-демократіи не существуютъ. Къ разряду „буржуазіи“ она относитъ того, кого Марксъ называетъ „такимъ рабочимъ, который не представляетъ еще изъ себя ощипанной

---

[1]) „Капиталъ“, т. I, стр. 616.
[2]) „Кап.“, т. I стран. 572.

курицы, но имѣетъ свои собственныя орудія труда“ [1]). Въ характеристикѣ буржуазіи она поворачиваетъ назадъ, къ Луи-Блану, который также мало принималъ во вниманіе различіе между средствами производства и капиталомъ. Достаточно владѣть тѣмъ и другимъ, чтобы составлять одинъ классъ, враждебно противостоящій пролетаріату. Но смѣшеніе, которое было простительно болѣе полстолѣтія назадъ для Луи-Блана, непростительно теперь, послѣ работъ Маркса.

Характерно еще и слѣдующее: „Искра“ хотѣла построить свою „сверхъ-марксистскую“ теорію соціальныхъ классовъ, руководясь признаками, взятыми изъ области производства, а ни въ какомъ случаѣ не изъ области распредѣленія. Послѣдній методъ она считала свойственнымъ вульгарному соціализму... И что же? Въ своемъ опредѣленіи отличительнаго признака буржуазіи она начинаетъ съ ... присвоенія и обращенія на частное хозяйство нѣкоторой части предметовъ, служащихъ средствами производства даннаго общества. „Искра“ не замѣчаетъ даже того, что терминъ “присвоеніе“, несомнѣнно, взятъ изъ области распредѣленія. Она забыла, что понятіе „условія распредѣленія“ имѣетъ двоякій смыслъ: 1) присвоеніе доли продукта, предназначеннаго для личнаго потребленія, и 2) тоже по отношенію къ предметамъ производительнаго потребленія (а также допускающимъ захватъ силамъ природы). Если бы она этого не забывала, то она вспомнила бы и слѣдующее мѣсто изъ Маркса: „Во всякомъ случаѣ можно сказать, что капиталъ (и земельная собственность, которая подразумѣвается при этомъ, какъ его противоположность) самъ *уже предполагаетъ распредѣленіе*: экспропріацію условій труда у рабочихъ, сосредоточеніе этихъ условій въ рукахъ меньшинства“ и т. д. Это—условіе во второмъ изъ указанныхъ выше значеній этого слова: они, по мнѣнію Маркса, „представляютъ *основанія* опредѣленныхъ общественныхъ ролей, которыя приходится играть опредѣленнымъ дѣятелямъ *въ предѣлахъ самихъ условій производства*“... „Они придаютъ *самимъ условіямъ производства*

[1]) „Кап.“, т. I, стран. 671.

и ихъ представителямъ своеобразный общественный характеръ" [1]).

Отсюда можно опять-таки видѣть, до какой степени несостоятельна была попытка „Искры" построить теорію соціальныхъ классовъ, игнорируя условія распредѣленія (чтобы не впасть въ „вульгарный соціализмъ") и выдвигая исключительно „условія производства". „Искра" просмотрѣла ту взаимность вліянія, при которой ея противопоставленіе теряетъ всякій смыслъ. Какъ ни старалась она игнорировать условія распредѣленія, но они все-таки не въ той, такъ въ другой формѣ вторглись въ ея опредѣленіе и заняли въ немъ нѣкоторое мѣсто; а между тѣмъ, самая попытка ихъ игнорированія не прошла для ея классификаціи безнаказанно, внеся въ нее сумбуръ и путаницу.

Въ прямой зависимости отъ этой путаницы находится и тотъ фактъ, что русскій мужикъ,—этотъ страстотерпецъ труда и голода, этотъ родной братъ по страданіямъ фабричнаго рабочаго — вырванъ „Искрой" изъ рабочей среды и возведенъ въ рангъ „буржуа". На этомъ примѣрѣ лучше всего видно, что ложная теорія классовой борьбы не есть только логическая ошибка. Нѣтъ, она неминуемо ведетъ къ практическимъ, политическимъ ошибкамъ, изъ которыхъ каждая можетъ имѣть гибельныя послѣдствія для дѣла революціоннаго соціализма.

Братскій союзъ двухъ этихъ элементовъ трудовой Россіи представляетъ необходимое условіе могучаго поступательнаго хода революціи. „Искра" же самой своей теоріей разъединяетъ эти элементы и тѣмъ самымъ создаетъ искусственныя препятствія дѣлу того активнаго синтеза движенія рабочихъ массъ въ городѣ и деревнѣ, которое является очередной, насущной задачей времени. Между двумя этими элементами рабочаго народа вбивается клинъ, сѣются сѣмена отчужденія. Рабочихъ пріучаютъ глядѣть, какъ на членовъ враждебнаго класса, на тѣхъ самыхъ крестьянъ, которыхъ Марксъ называетъ „такими рабочими, которые еще не превратились въ ощипанную курицу и сами распоряжа-

[1]) „Кап.", т. III, стран. 729.

ются орудіями своего производства". Теорія, которой придерживаются русскіе соціаль-демократы, не только основана на научномъ заблужденіи, но и практически вредна для дѣла революціоннаго соціализма.

3. Классовое положеніе современнаго крестьянства.

Рента, прибыль и заработная плата—таковы три основныя, антагонистическія формы или виды дохода въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ. Соотвѣтственно этому, послѣднее и дѣлится на три основныхъ, антагонистическихъ класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Разумѣется, явленія хозяйственной жизни не всегда наблюдаются въ чистомъ видѣ; существуютъ и промежуточныя и смѣшанныя формы; существуютъ и такія формы, которыя имѣютъ ложную видимость, т.-е. съ перваго взгляда кажутся не тѣмъ, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Такія ложныя формы могутъ вводить въ заблужденіе неопытнаго и неискушеннаго въ анализѣ идеолога, а тѣмъ болѣе—близорукаго догматика.

Ясно, напримѣръ, что крупный сельскій хозяинъ-землевладѣлецъ представляетъ собою смѣшанную форму. Получая и ренту, и капиталистическую прибыль, онъ—вдвойнѣ „имущій", вдвойнѣ „привилегированный", вдвойнѣ „буржуа". Но если такъ, то не приходится ли намъ разсматривать крестьянина, не отлученнаго отъ средствъ производства, какъ втройнѣ имущаго, получающаго и ренту со своей земли, и чистую прибыль своего собственнаго хозяйства, и заработную плату? Вѣдь его доходъ—есть именно единый, нераздробленный между разными лицами доходъ, у него три естества: онъ и землевладѣлецъ, и хозяинъ, и рабочій своего „предпріятія"!

Люди, стоящіе на этой точкѣ зрѣнія не смущаются и тѣмъ что крестьянинъ часто страдаетъ отъ малоземелья или безденежья. Арендуя землю и входя въ долги у заимодавца,—говорятъ они,—крестьянинъ поступаетъ совершенно такъ же, какъ и фабрикантъ, кредитующійся у банкира или арендующій землю для устройства фабрики, для разработки руды,

для каменоломенъ. Отношеніе мужика къ ростовщику или землевладѣльцу аналогично не отношенію рабочаго къ хозяину, а отношенію капиталиста-предпринимателя къ владѣльцу нужныхъ ему для предпріятія денегъ или земли.

Внѣшнее, видимое правдоподобіе этихъ соображеній и побуждаетъ иныхъ людей рѣзко отдѣлить трудовое крестьянство отъ индустріальнаго пролетаріата и не только не объединять его вмѣстѣ съ послѣднимъ въ общемъ, высшемъ понятіи „рабочаго класса“—но, напротивъ, зачислить трудовое крестьянство въ рангъ буржуазіи. „Буржуазія бываетъ крупная, средняя, мелкая и мельчайшая“,—говорятъ они; „крестьянство въ своей массѣ относится къ двумъ послѣднимъ разрядамъ. Но и мельчайшая буржуазія есть все-таки буржуазія“.

Другіе дѣлаютъ еще одну, послѣднюю уступку: они соглашаются признать крестьянство въ его значительной части „полу-пролетаріатомъ“, слѣдовательно, съ другой стороны, полу-буржуазіей.

Характерно при этомъ то, что сторонники такого взгляда на крестьянство идутъ всегда подъ флагомъ марксизма. А между тѣмъ, именно глубокій экономическій анализъ автора „Капитала“ подкапываетъ основные аргументы этихъ „учениковъ“, клянущихся именемъ учителя.

Въ самомъ дѣлѣ, правда ли, что отношенія крестьянина къ заимодавцу аналогичны отношенію буржуа-капиталиста къ банкиру? Совершенная неправда, и утверждать что-либо подобное могутъ только люди, совершенно не понимающіе одной изъ крупныхъ экономическихъ заслугъ Маркса: выясненія имъ разницы между капиталистическимъ кредитомъ и ростовщичествомъ. Какъ извѣстно, въ III томѣ „Капитала“, Марксъ доказываетъ, что при сходствѣ внѣшнихъ формъ, между кредитомъ и ростовщичествомъ по существу есть важное различіе, и различіе, не только количественное, основанное на размѣрѣ взимаемаго процента, а различіе качественное, принципіальное. Современный кредитъ, съ точки зрѣнія Маркса, мы имѣемъ тамъ, гдѣ кредитная сдѣлка совершается между двумя капиталистами; ростовщическій же характеръ она

принимаетъ тамъ, гдѣ заемщикъ—некапиталистическій производитель. Отчего же зависитъ такая разница? Отвѣтъ очень простъ. Когда одинъ капиталистъ занимаетъ у другого для цѣлей капиталистическаго предпріятія, то заемныя деньги приносятъ ему безтрудовой доходъ, и онъ только дѣлится частью этого дохода съ банкиромъ, ссудившимъ ему деньги. Въ итогѣ сдѣлки у заемщика-капиталиста чистый плюсъ, приращеніе находящейся въ его распоряженіи суммы; благодаря кредиту, онъ въ послѣднемъ счетѣ *получилъ* извѣстную сумму богатствъ, представляющую извѣстную стоимость, *не отдавши* за нее эквивалента. Когда же у заимодавца беретъ деньги некапиталистическій производитель, то на заемный капиталъ онъ никакой капиталистической прибыли не получаетъ, „дѣлиться“ съ заимодавцемъ ему нечѣмъ; проценты по займу представляютъ собой прямой *вычетъ*, *минусъ* въ его хозяйствѣ; благодаря кредиту, онъ въ послѣднемъ счетѣ *отдаетъ* извѣстную сумму стоимости, *не взявши* ни съ кого соотвѣтственнаго эквивалента. Итакъ, заемщикъ-капиталистъ въ итогѣ нѣчто получаетъ, не отдавши, заемщикъ же некапиталистическій нѣчто отдаетъ не взявши [1]). Отсюда, съ одной стороны, буржуазные гимны капиталистическому кредиту, а съ другой—народныя проклятія по адресу ростовщичества. „Между тѣмъ и другимъ лежитъ различіе двухъ общественныхъ способовъ производства и соотвѣтствующихъ имъ общественныхъ укладовъ“ [2]).

Такимъ образомъ, подъ внѣшнимъ сходствомъ *формы* кроется не только различіе, но и противоположность самаго *существа* соціальнаго соотношенія.

Совершенно то же мы видимъ и въ случаѣ земельной аренды. Когда мы имѣемъ отношеніе существенно-капиталистическое, отношеніе между землевладѣльцемъ и капиталистомъ-фермеромъ, то величина арендной платы измѣряется, приблизительно, рентой. Если же арендаторомъ является некапиталистическій производитель, то въ составъ арендной

---

[1]) Некапиталистическаго заемщика мы имѣемъ и тамъ, гдѣ заемъ совершается не для цѣлей производства, а для цѣлей личнаго потребленія.

[2]) „Капиталъ“, т. III, стран. 490—494.

платы входятъ новые важные элементы. „Рента,—говоритъ Марксъ въ „Misère de la Philosophie“,—ставитъ передъ землевладѣльцемъ... промышленнаго капиталиста, извлекающаго изъ земли доходъ посредствомъ труда наемныхъ рабочихъ и отдающаго землевладѣльцу, въ видѣ арендной платы, *лишь излишекъ* надъ издержками производства, включая въ нихъ *и прибыль на капиталъ*“. Опять-таки, операція эта кончается для арендатора *приращеніемъ* его имущества безъ соотвѣтствующей затраты съ его стороны труда, и онъ только *дѣлится* съ землевладѣльцемъ опредѣленною частью полученной прибавочной стоимости, неоплаченнаго труда другихъ людей. Иное дѣло при некапиталистической арендѣ мелкаго трудового крестьянина. Мало того, что платежи на землю—вычеты изъ собственнаго, хребтомъ добытаго мужицкаго добра, вычеты, ниоткуда не пополняемые; самая величина платежа возрастаетъ далеко за предѣлы чистой ренты. „То, что платитъ онъ въ видѣ аренды, не только зачастую поглощаетъ часть его прибыли т.-е. часть его собственнаго прибавочнаго труда, на которую онъ имѣетъ право, какъ владѣлецъ собственныхъ орудій труда, но также часть нормальной заработной платы, которую бы онъ получилъ при другихъ условіяхъ за такое количество труда“[1]).

Таково превращеніе нашего „трижды имущаго“, хотя и мелкаго буржуа. До сколько-нибудь внимательнаго анализа онъ стоялъ передъ нами, какъ тріединое существо: собственникъ ренты, капиталистической прибыли и заработной платы. Но стоило взяться за научный анализъ—и въ концѣ его нашъ „буржуа“ оказывается въ видѣ человѣка, лишеннаго даже нормальной заработной платы...

А между тѣмъ, нашъ анализъ еще не конченъ. Мы разсмотрѣли двѣ типическія хозяйственныя операціи, особенно близко затрогивающія крестьянина, и нашли, что при его участіи операціи эти совершенно измѣняютъ свое соціальное значеніе сравнительно съ тѣмъ, что онѣ представляютъ собою, когда всѣ дѣйствующія въ нихъ лица суть капита-

---

[1]) „Капиталъ“, стран. 516.

листы. Сходна лишь внѣшность, и разницы могутъ не замѣчать только люди, не идущіе дальше вульгарнаго верхоглядства.

Но то же самое оказывается вѣрно и для многихъ другихъ хозяйственныхъ отношеній крестьянина,—въ особенности же русскаго крестьянина.

Возьмемъ хотя бы куплю-продажу. Обмѣнъ товаровъ — гласитъ политическая экономія — есть обмѣнъ эквивалентовъ. Равная стоимость—за равную стоимость.

И это положеніе вѣрно, когда участники обмѣна равносильны. Отдѣльные самостоятельные производители, раздѣливъ между собою трудъ, подъ формою обмѣна товаровъ мѣнялись бы равными услугами, въ смыслѣ одинаковаго въ среднемъ труда другъ на друга. Отдѣльные капиталисты двухъ разныхъ отраслей промышленности при обмѣнѣ товарами также реализуютъ свои издержки плюсъ *равную* среднюю прибыль на затраченный капиталъ. А что происходитъ, когда обмѣниваются хлѣбный торговецъ и рядовой крестьянинъ-земледѣлецъ? На этотъ вопросъ достаточно выразительный отвѣтъ даютъ: во-первыхъ, разница между осенними и весенними цѣнами на хлѣбъ, а, во-вторыхъ, рядъ характерныхъ бытовыхъ поговорокъ русскаго мужика, въ родѣ слѣдующихъ: „не тужи, матушка-рожка, что выпала въ городъ дорожка; весной переплачу, да назадъ ворочу“, „не горюй, овесъ, что въ Москву повезъ; потомъ втридорога заплачу, а домой ворочу“... Какъ видите, мужикъ продаетъ хлѣбъ, хотя не можетъ безъ него обойтись и долженъ будетъ вновь его купить. Продажа здѣсь носитъ временный характеръ; цѣль ея—раздобыться деньгами; средство—потомъ „переплатить“.. Это въ сущности, не обмѣнъ, вызываемый раздѣленіемъ труда, а особый видъ займа денегъ, за большіе — неопредѣленно большіе—проценты; хлѣбъ, возвращающійся назадъ къ мужику, играетъ какъ бы роль заложенной вещи, при чемъ, въ отличіе отъ обычныхъ залоговыхъ операцій, сохранность залога для заемщика не обезпечена.

Итакъ, и здѣсь обычное буржуазное отношеніе обмѣна эквивалентовъ въ примѣненіи къ мужику измѣняетъ свой хозяйственный смыслъ и „превращается въ свою противо-

положность": пользованіе со стороны одного изъ контрагентовъ неоплаченнымъ трудомъ другого.

Возьмемъ еще одно типичное для русской экономической дѣйствительности отношеніе: договоръ найма. У насъ пользуется огромной распространенностью наемка на конныя работы. Въ большинствѣ черноземныхъ губерній мы имѣемъ цѣлый рядъ помѣщичьихъ экономій, не обезпеченныхъ собственнымъ скотомъ и инвентаремъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ отъ 50 до 75% всѣхъ работъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ производится крестьянскимъ инвентаремъ. Такимъ образомъ, на работу здѣсь нанимается не лишенный средствъ производства пролетарій, а наоборотъ—къ помѣщику, лишенному доброй половины необходимыхъ средствъ производства, нанимается имѣющій ихъ земледѣлецъ. Казалось бы, эта сдѣлка по всѣмъ правиламъ буржуазной политической экономіи должна была сводиться къ обмѣну эквивалентовъ. И, однако, общее положеніе крестьянина-земледѣльца, некапиталистическаго производителя, въ томъ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ возможны лишь два положенія — молота или наковальни — приводитъ къ совершенно иному результату. Всякій, знакомый съ изслѣдованіями экономики русской деревни, хорошо, напримѣръ, знаетъ, что такое „зимняя наемка" и какъ она отражается на оплатѣ крестьянскаго труда; знаетъ и тѣ вообще своеобразные законы, которыми регулируется эта оплата. Для крестьянской семьи наемный трудъ на сторонѣ имѣетъ значеніе труда *подсобнаго*, и оплата его опредѣляется не „стоимостью воспроизведенія рабочей силы организма", т.-е. minimum'омъ средствъ существованія, а той *недостачей до этого минимума*, которую создаетъ скудость земледѣльческаго заработка крестьянина, или, иными словами, разницей между минимумомъ существованія и недостающимъ до этого минимума общимъ доходомъ крестьянскаго хозяйства.

Словомъ, нѣтъ въ современномъ обществѣ такого вида капитала, отъ эксплуатаціи котораго не страдало бы трудовое крестьянство. И капиталъ, заключенный въ поземельной собственности, и ссудный капиталъ, и торговый, купеческій капиталъ, и производительный капиталъ—создаютъ цѣлый

рядъ сложныхъ хозяйственныхъ отношеній, въ результатѣ которыхъ неоплаченный трудъ крестьянина разными путями и безчисленными ручейками сливается въ одинъ золотой потокъ,— сливается, вмѣстѣ съ неоплаченнымъ трудомъ пролетаріата, въ одинъ общій національный фондъ прибавочной стоимости, который потомъ растекается по карманамъ буржуа, капиталистовъ и хозяевъ всѣхъ видовъ и ранговъ. Но всѣ эти отдѣльные виды капиталистовъ эксплуатируютъ мужика не только каждый въ отдѣльности, не только врозницу—нѣтъ, они находятъ еще средство эксплуатировать его и оптомъ. И это средство есть механизмъ современнаго государства.

Современный государственный механизмъ самъ представляетъ собою колоссальное хозяйственное предпріятіе. И само собою разумѣется, что государственное хозяйство, называющееся нерѣдко также „общественнымъ“ и даже „народнымъ“, на самомъ дѣлѣ есть хозяйство, экономическое [1]) предпріятіе—и очень выгодное предпріятіе—правящихъ классовъ. „Государство всегда является представителемъ извѣстной формы собственности или же соединенія, согласованія между нѣсколькими формами собственности. Въ этомъ тайна всей дѣятельности, которая требуетъ, чтобы оно само стало экономической силой и чтобы оно располагало средствами и органами для облегченія перехода собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія“ [2]). И русское самодержавіе, напр., само представляетъ собою обширную компанію на паяхъ, завѣдующую обширными государственными имуществами и предпріятіями, непосредственно представляющими капиталистическія хозяйства съ прямыми или косвенными формами эксплуатаціи наемныхъ рабочихъ, арендаторовъ-крестьянъ и т. п. Къ этому присоединяется новый колоссальный насосъ для выкачиванія неоплаченнаго труда, т.-е. прибавочной стоимости, въ видѣ системы налоговъ, пошлинъ, акциза и т. п., падающихъ своею тяжестью, главнымъ образомъ, на плечи непосредственныхъ

---

[1]) Мы, конечно, не говоримъ—*только* экономическое.

[2]) Antonio Labriola, „Essais sur la conception matérialiste de l'histoire“, p. 233.

некапиталистическихъ производителей. „Единичные капиталисты, — говоритъ Марксъ, эксплуатируютъ крестьянство посредствомъ ипотеки и ростовщичества, а весь классъ капиталистовъ въ цѣломъ эксплуатируетъ крестьянство въ формѣ государственныхъ налоговъ". Мы знаемъ, какъ совокупность всякаго рода налоговъ и платежей мѣстами превышаетъ чистый доходъ земледѣльческаго хозяйства, и, слѣдовательно, фактически превращаетъ крестьянина въ полу-батрака, полу-крѣпостного слугу современнаго государства, оставляющаго ему клочокъ земли, чтобы онъ самъ изыскивалъ себѣ средства къ существованію и чтобы за его каторжный трудъ для содержанія государственнаго механизма не нужно было его кормить или выдавать ему плату.

Итакъ, если раздѣленіе общества на классы опредѣляется прежде всего и ближе всего условіями распредѣленія; если антагонизмъ классовъ непосредственно опредѣляется естественнымъ антагонизмомъ, обратной пропорціональностью тѣхъ видовъ дохода, на которые живутъ данные слои населенія, то, спрашивается, къ какому же классу должны мы отнести трудовое крестьянство? Должны ли мы объединить его вмѣстѣ съ банкирами, капиталистами-предпринимателями и т. п. въ высшемъ понятіи „буржуазіи", или же, наоборотъ, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, созданнымъ капиталистической промышленностью, въ высшемъ понятіи „рабочаго класса"? Намъ думается, что послѣ всего, сказаннаго выше, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтъ получился само собою.

Попытка г. Ленина и другихъ выдать крестьянство за буржуазію, хотя бы „мелкую и мельчайшую", основана исключительно на забвеніи существенныхъ признаковъ класса и сосредоточеніи вниманія на признакахъ чисто внѣшнихъ и формальныхъ. „Какъ видите, эксплуатація крестьянъ *только по своей формѣ* отличается отъ эксплуатаціи рабочихъ. Эксплуататоръ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же—капиталъ". Кому принадлежатъ эти слова? Это слово человѣка, котораго марксисты считаютъ своимъ учителемъ, слова „немарксиста" Карла Маркса.

Но, быть можетъ, въ противоположность эксплуатаціи пролетаріата, эксплуатація трудового крестьянства можетъ быть устранена кое-какими незначительными починками и заплатами въ предѣлахъ самого буржуазнаго общества? Быть можетъ, поэтому именно „классовой интересъ“ трудового крестьянства не совпадаетъ съ классовымъ интересомъ пролетаріата? Быть можетъ, именно поэтому наша ссылка на Маркса не полна? Нѣтъ, „только паденіе капитала можетъ повести къ подъему крестьянства; только антикапиталистическое пролетарское правительство можетъ сломить гнетъ его экономической нужды и общественной деградаціи“. И эти слова также принадлежатъ не-марксисту Карлу Марксу.

Конечно, единичный крестьянинъ при исключительно счастливыхъ условіяхъ можетъ разбогатѣть и превратиться въ „буржуа“—капиталиста даже и въ предѣлахъ современнаго строя. Но въ общей массѣ трудового крестьянства это будетъ приблизительно такое же рѣдкое исключеніе, какъ и рабочій, поднявшійся по ступенямъ фабричной іерархіи до управляющаго фабрикой, а затѣмъ открывшій свое маленькое заведеніе и ставшій въ ряды капиталистовъ. Буржуазные моралисты, конечно, всегда будутъ указывать на эти примѣры, какъ на доказательство возможности *всему* пролетаріату и *всему* трудовому крестьянству трудолюбіемъ, бережливостью и умомъ достигнуть въ современномъ обществѣ завиднаго благосостоянія. Но соціалисту ясно, что самая возможность единичнымъ лицамъ такъ богатѣть предполагаетъ ихъ возвышеніе *на счетъ* оставшейся въ прежнемъ положеніи массы.

Интересы трудового крестьянства несогласимы съ основами буржуазнаго порядка. Врагъ трудового крестьянства—капиталъ во всѣхъ его формахъ и видахъ. Крестьянинъ, употребляя выраженія К. Маркса, есть просто „такой рабочій, который не представляетъ еще изъ себя ощипанной курицы, но имѣетъ свои собственныя орудія труда“. Къ этому нужно еще прибавить, что онъ не представляетъ собою „ощипанной курицы“ только въ смыслѣ самостоятельнаго пользованія орудіями производства; во всѣхъ же прочихъ

отношеніяхъ онъ напоминаетъ не только „ощипанную курицу," но даже вола, съ котораго ухитряются сдирать нѣсколько шкуръ. И потому въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между крестьянствомъ и пролетаріатомъ мы считаемъ правымъ не Каутскаго, по мнѣнію котораго въ классовомъ отношеніи крестьянинъ, какъ таковой, „враждебно противостоитъ" пролетаріату,—а Вандервельда и Либкнехта, по мнѣнію которыхъ трудовое крестьянство не количественно, а качественно, принципіально отличается отъ буржуазіи, и, хотя и не составляетъ формально пролетаріата, но можетъ быть объединено съ этимъ послѣднимъ въ высшихъ понятіяхъ „рабочаго класса", „трудящагося и эксплуатируемаго народа".

4. Интеллигенція и борьба классовъ.

„Исторія есть борьба классовъ",— таковъ излюбленный афоризмъ соціальдемократовъ. Но такъ какъ въ исторіи наблюдается многое другое, и кромѣ борьбы классовъ, то въ формулу вносится, въ видѣ уступки, нѣкоторое измѣненіе. „Исторія *движется* борьбой классовъ", — гласитъ афоризмъ въ его исправленномъ изданіи.

Но при этомъ прежде всего приходится вспомнить, что было, по признанію самихъ Маркса и Энгельса, время, когда *классовъ еще не было*. Однако, и въ періодъ первобытнаго коммунизма не теряла своей силы универсальная истина „все течетъ, все измѣняется". И тогда *была* исторія, и тогда былъ на-лицо поступательный *ходъ*, *движеніе* впередъ, прогрессъ въ исторіи.

Приходится, такимъ образомъ, сдѣлать первое ограниченіе во времени для дѣйствія этого соціологическаго закона, даже въ его исправленномъ видѣ.

За первымъ не замедлитъ второе. *Будетъ* время — и его предрекаютъ, опять-таки, сами Марксъ и Энгельсъ, — когда рухнетъ классовое строеніе общества, уничтожатся и потонутъ въ экономически уравненномъ человѣчествѣ классы, а, слѣдовательно, и классовая борьба. Но не уничтожится исторія, не уничтожится—напротивъ, ускорится и облегчит-

ся—ея дальнѣйшій поступательный ходъ. И борьба не всякая исчезнетъ—борьба *идеи*, конечно, останется. Исторію будетъ двигать не борьба классовъ, а *борьба идей*.

Второе ограниченіе во времени на-лицо.

Но тутъ уже данъ толчокъ для созданія новыхъ ограниченій, ограниченій не во времени, а въ пространствѣ.

Если мы предвидимъ и для того времени, когда борьба классовъ исчезнетъ, непрекращающуюся борьбу идей, то тѣмъ самымъ мы уже отказываемся отъ простого сведенія борьбы идей на борьбу классовъ, придаемъ ей опредѣленное, самостоятельное и независимое отъ борьбы классовъ значеніе. Но разъ это такъ—съ логическою непреодолимостью возникаетъ вопросъ: *наряду* съ борьбой классовъ не дѣйствуетъ ли уже и теперь борьба идей, борьба идеаловъ? И, какъ полу-отвѣтъ на этотъ вопросъ, возникаетъ другой вопросъ: когда изъ господствующаго класса его наиболѣе способные элементы уходятъ, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, чтобы присоединиться къ классу угнетенному—не сказывается ли именно въ этомъ частномъ случаѣ самостоятельная роль *идеальнаго* момента и его побѣда надъ *классовымъ*—предтеча и прообразъ такой же будущей побѣды уже не въ отдѣльной личности, а во всемъ человѣчествѣ? Не такъ ли и оно предстанетъ намъ—и тоже послѣ долгой внутренней борьбы—стряхнувшимъ путы разъѣдающаго классоваго разслоенія?

Этимъ ставится передъ нами проблема взаимныхъ отношеній между классовой борьбой и интеллигенціей—интеллигенціей не въ смыслѣ совокупности людей, занимающихся особыми видами самостоятельнаго ремесла или наемнаго труда (съ преобладаніемъ интеллектуальнуго труда надъ физическимъ, нервнаго надъ мускульнымъ)—а въ смыслѣ совокупности людей, которые занимаютъ въ классовой борьбѣ ту или другую позицію не въ силу собственнаго соціальнаго происхожденія, а благодаря тому, что расцѣниваютъ самые классовые интересы предъ судомъ нѣкоторой высшей инстанціи.

Игнорировать существованіе этой проблемы нельзя: и если бы ортодоксальные марксисты пытались сорвать ея по-

становку на словахъ, то на дѣлѣ, самымъ фактомъ своего собственнаго существованія они постоянно подтверждали бы все ея значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы такого ортодокса теоріи классовой борьбы, какъ К. Каутскій. Для него, какъ общее правило, существуетъ совпаденіе между „интересами соціальнаго развитія“ и „интересами пролетаріата“, который, поэтому, и является „двигателемъ“ этого развитія; благодаря этому для соціальдемократіи существуетъ, какъ общее правило, гармонія между „цѣлью“ и „движеніемъ“. „Но—прибавляетъ Каутскій — если когда-либо цѣли и движеніе вступаютъ въ конфликтъ между собою, то должно уступить послѣднее. Другими словами, интересы соціальнаго развитія *стоятъ выше интересовъ пролетаріата*, и соціальдемократія не можетъ защищать интересы пролетаріата, препятствующіе соціальному развитію“ [1]). Здѣсь ясно намѣчена эта „высшая инстанція“, которая сообщаетъ цѣнность и санкцію всѣмъ вообще „интересамъ пролетаріата“, и которая служитъ въ частности основаніемъ для предпочтенія однихъ его интересовъ (квалифицируемыхъ иногда какъ „широко понятые“, иногда какъ „дальнѣйшіе“ и т. д.) другимъ (квалифицируемымъ какъ „узкіе“, „ближайшіе“, „непосредственные“ и т. п.).

Не могутъ избѣжать постановки этой проблемы и наши новѣйшіе ниспровергатели интеллигенціи, какъ гг. Лозинскій, Вольскій и т. п. Они не согласны разсуждать объ интеллигенціи, какъ категоріи людей, живущихъ идейными интересами во имя „истины“, „справедливости“ и т. п.— все это слишкомъ субъективныя опредѣленія, а они не позволятъ увлечь себя на „опасный путь субъективизма“. Они опредѣляютъ интеллигенцію объективными признаками, вертясь вокругъ то образовательнаго ценза, то мѣры преобладанія траты нервной энергіи надъ тратой энергіи мускульной въ данной профессіи. И они открываютъ въ интеллигенціи особый классъ, противостоящій собственно рабочему классу и даже враждебный ему. Но... гони природу въ дверь, она

---

[1]) К. Каутскій. Аграрный вопросъ (Аграрная программа). Изд. „Молотъ“, 1905, стр. 18 (или нѣм. подлинникъ, „Die Agrarfrage“, s. 318).

влетитъ въ окно. Гг. Вольскій и Лозинскій, утверждая, что интеллигенты суть враги рабочаго класса и, въ то же время, будучи интеллигентами, отнюдь не хотятъ этимъ сказать, что сами они враждебны рабочему классу, и что такъ же враждебны ему и высиженныя ими анти-интеллигентскія теоріи. Но какъ же быть? Какъ выйти изъ комическаго положенія того знаменитаго „критянина", который утверждалъ, что всѣ критяне вѣчно лгутъ, и тѣмъ самымъ попадалъ въ классическій безконечный кругъ неизбѣжно вытекающихъ другъ изъ друга логическихъ противорѣчій?

Волей-неволей гг. Вольскій и Лозинскій должны сдѣлать исключеніе хотя бы только для самихъ себя и своихъ сторонниковъ изъ числа интеллигенціи. И вотъ, изъ среды враждебной рабочему классу „интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ" наши отрицатели интеллигенціи принуждены выдѣлить фактически — въ лицѣ хотя бы только самихъ себя — своеобразную „сверхъ-интеллигенцію" или интеллигенцію въ узкомъ смыслѣ. Отъ ея представителей г. Лозинскій требуетъ „отреченія отъ всего, чѣмъ въ самой ранней юности жива бываетъ, обыкновенно, душа интеллигента", ставитъ передъ ними „категорическій императивъ отрѣшенія отъ своего прошлаго, преодолѣнія своей классовой природы" [1]).

Но какъ же назвать людей, исполнившихъ этотъ „категорическій императивъ?" Кого они составятъ, какъ не особую идеологоическую категорію, выходящую изъ рамокъ чисто-классовыхъ категорій?

Мы видимъ, такимъ образомъ, что даже представители „махаевщины", доводящіе до nec plus ultra нѣкоторыя антиидеологическія и eo ipso анти-интеллигентскія нотки ортодоксальнаго марксизма не могутъ перескочить черезъ свою собственную голову и неизбѣжно сами впадаютъ въ „идеологизмъ". Тѣмъ болѣе это вѣрно относительно марксистовъ, отступающихъ передъ чудовищными выводами махаевщины.

Въ литературѣ европейскаго марксизма одно время чрезвычайно оживленно дебатировался вопросъ объ „академи-

---

[1]) Евг. Лозинскій, „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?", стр. 259.

кахъ", о студенчествѣ и о дипломированныхъ интеллигентахъ въ ихъ отношеніи къ соціализму. Одновременно съ оживленнымъ дебатированіемъ этого вопроса въ литературѣ дѣлались попытки болѣе широкой организаціи сторонниковъ соціализма среди учащейся молодежи.

„Легче воспринимать новыя идеи—есть привилегія юности". Уже давно сказаны эти глубоко-вѣрныя слова, отмѣчающія фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ идейнымъ и политическимъ новаторамъ. Юность, съ ея гибкимъ еще не закостенѣвшимъ умомъ, съ ея жаждой правды, еще не примирившейся съ возможностью полуудовлетворенія, съ ея смѣлымъ стремленіемъ ничего не принимать на вѣру, не полагаться ни на какіе авторитеты, а все провѣрить собственнымъ критическимъ умомъ,—эта юность менѣе всего способна остаться глухой къ новой идеѣ, пробивающейся сквозь тѣснины предразсудковъ и традиціонныхъ взглядовъ. И, само собою понятно, эти лучшія черты юности, съ особенной силой должны сказываться въ учащейся молодежи вообще и въ студенчествѣ—въ частности. Время, когда главное содержаніе жизни составляетъ ознакомленіе съ высшими продуктами міровой мысли, когда практическія, житейскія заботы еще не успѣли захватить человѣка и втянуть его въ тину мелочныхъ разсчетовъ и хлопотъ объ устройствѣ своей карьеры—это время, конечно, болѣе всего благопріятно пробужденію въ человѣкѣ безкорыстныхъ и чистыхъ стремленій, идеальныхъ мотивовъ и интересовъ. И даже люди, природные задатки и воспитаніе которыхъ впослѣдствіи влекутъ ихъ на стезю самаго грязнаго и неразборчиваго карьеризма, бываютъ часто не въ силахъ противостоять этой всезахватывающей волнѣ юношескаго энтузіазма и „смолоду бываютъ молоды". Дряблыя и гнилыя натуры не перестаютъ, конечно, быть самими собой, но онѣ покрываются сверху тонкою корою новыхъ чувствъ и привычекъ, легкимъ внѣшнимъ идейнымъ налетомъ. Въ послѣдующей жизни онъ быстро слетитъ, сотрется, какъ стирается яркая и красивая позолота съ потертаго, подержанаго мѣднаго сосуда... Въ нашей литературѣ люди этого рода были мѣтко уподоблены мягкому желѣзу, отъ соприкосновенія съ магнитомъ

быстро пріобрѣтающему всѣ магнитныя свойства, но такъ же быстро теряющему ихъ, какъ скоро оно лишается на долгое время этого соприкосновенія. Фактъ существованія такихъ „размагниченныхъ интеллигентовъ“ заставлялъ многихъ переходить къ самому скептическому взгляду на значеніе академической молодежи и ея идейныхъ порывовъ. Но справедливо ли это? Не логичнѣе ли взглянуть на оборотную сторону медали? Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ о силѣ идеалистическихъ стремленій молодежи, — разъ имъ, хотя бы временно, покоряются даже такія натуры, которыя впослѣдствіи оказываются способными на все, кромѣ безкорыстнаго увлеченія?

Но на какихъ же основаніяхъ поставить соціалистическую работу среди учащейся молодежи? И какъ примѣнить къ этой работѣ принципы классовой борьбы? Вотъ вопросъ, который часто занималъ нашу молодежь и который продолжаетъ занимать многихъ—не только у насъ, но и на Западѣ. Интересный обмѣнъ мнѣній произошелъ по этому поводу на третьемъ международномъ конгрессѣ студентовъ и бывшихъ студентовъ-соціалистовъ, происходившемъ въ 1900 г. въ Парижѣ.

„Безполезно и пытаться привлечь къ соціализму студентовъ изъ чисто-буржуазнаго класса“—утверждали одни. „Соціалистическое студенчество возможно лишь тамъ, гдѣ народился интеллигентный пролетаріатъ и какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ существуетъ въ странѣ. Такимъ образомъ, экономическій интересъ интеллигентнаго пролетаріата—вотъ на что исключительно или почти исключительно должна опираться пропаганда въ студенческой средѣ“.

Въ этой „директивѣ“ теорія экономическаго матеріализма и самой ультра-фіолетовой борьбы классовъ, безспорно, торжествуетъ. Но до какой же степени ничтожно было число защитниковъ ея на конгрессѣ, въ числѣ участниковъ котораго было столько видныхъ дѣятелей соціализма, какъ Гатти и Ферри, Вандервельдъ и Винкъ, Лагарделль и Жоресъ! Громадное большинство, главнымъ образомъ, устами Энрико Ферри и Лагарделля, отвѣчало слѣдующее: „На самомъ дѣлѣ нетрудно убѣдиться, что почти всѣ студенты-

соціалисты *пришли къ соціализму во имя моральныхъ, этическихъ мотивовъ*. Это лучше всего свидѣтельствуетъ о необходимости въ пропагандѣ прежде всего исходить *изъ предпосылокъ нравственнаго характера*. Затѣмъ эти спонтанейно-возникшія чувства должны быть подкрѣплены аргументаціей другого рода—научно-теоретической. Непрочность юношескаго энтузіазма, способность быстро обрывать послѣ вступленія изъ стѣнъ аудиторіи въ практическую жизнь, конечно, существуетъ,—но она въ значительной степени обусловливается тѣмъ, что соціализмъ одновременно не входитъ въ умы молодежи, какъ органическая часть науки, какъ необходимый логическій выводъ изъ біологическихъ и соціологическихъ наукъ. Обращаясь къ нравственной и идейной сторонѣ студента, мы сдѣлаемъ больше всего. Конечно, вопроса объ интересахъ интеллигентнаго пролетаріата вовсе не нужно игнорировать; но сдѣлать этотъ вопросъ основой пропаганды было бы наименѣе дѣйствительной и наиболѣе опасной тактикой. Студенты—еще не пролетаріи и не буржуа; они—будущіе пролетаріи, будущіе чиновники, будущіе буржуа. Не слѣдуетъ, однако, взывать къ эгоистическому матеріальному интересу, упреждая даже моментъ его нарожденія. Сосредоточивать вниманіе студенчества на экономическихъ интересахъ интеллигентнаго пролетаріата, какъ особой категоріи, не значитъ ли до извѣстной степени заигрывать съ инстинктами карьеризма? Не надо забывать, что самый классовой интересъ, какъ таковой, если его глубже понимать, есть существенно-альтруистическій элементъ, расширяющійся, такъ сказать, во времени и пространствѣ".

Отъ лица большинства Лагарделль предложилъ резолюцію, которая гласила: „конгрессъ находитъ, что, обращаясь къ классовому интересу будущихъ интеллигентныхъ пролетаріевъ, соціалистическая пропаганда въ университетскихъ кругахъ должна въ особенности взывать къ научному духу, моральнымъ чувствамъ и демократическимъ симпатіямъ студенчества". Въ голосованіи, происходившемъ по національностямъ, всѣ, кромѣ Болгаріи и Голландіи, высказались за эту резолюцію. Такимъ образомъ, за ультра-классовую точку зрѣнія оказалось самое ничтожное меньшинство

Крайности и увлеченія „экономическаго матеріализма“ тѣмъ и соблазнительны, что они—какъ кажется на первый взглядъ—сводятъ всѣ вопросы съ небесъ отвлеченностей на землю, давая глубоко реалистическое объясненіе всѣмъ вопросамъ, на которые не можетъ дать научнаго отвѣта никакая сентиментальная „идеологія“. Но тутъ-то и кроется существенное недоразумѣніе. Какъ? Почему идеологическіе мотивы не реальны? Развѣ происхожденіе и развитіе ихъ не связано неразрывными узами съ общимъ психологическимъ развитіемъ человѣчества? Развѣ этотъ психологическій прогрессъ человѣческой природы не связанъ функціонально съ явленіемъ глубоко „матеріальной“ природы—развитіемъ высшихъ нервныхъ центровъ, этихъ средоточій накопленной психической энергіи? Человѣческая природа не неизмѣнна; она развивается въ связи съ общимъ развитіемъ культуры; отъ темныхъ, унаслѣдованныхъ *инстинктовъ*, отъ безсознательныхъ, традиціонныхъ навыковъ черезъ развитіе *аффектовъ* она идетъ къ сдерживающему вліянію *разсчета*, возвышающагося надъ элементарными аффектами и эмоціями, въ качествѣ надстройки надъ ними; но и на этомъ не останавливается психологическій прогрессъ, и надъ отдѣльными разсчетами, въ качествѣ новаго, высшаго объединяющаго начала вырастаетъ и формулируется понятіе о „высшемъ благѣ“, идеалѣ, въ которомъ учитываются всѣ разсчеты, гармонически объединяются всѣ желанія, всѣ импульсы чувства и воли индивида,—и естественно, что этотъ *идеалъ* становится высшимъ, руководящимъ принципомъ всей дѣятельности человѣка. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, восходящую лѣстницу психологическаго развитія; отдѣльныя лица и цѣлыя этнологическія группы, съ большимъ трудомъ, покупая каждый шагъ тяжелой борьбой, внутренней и внѣшней, медленно поднимаются по этой лѣстницѣ, и въ каждый данный моментъ, по условіямъ своей жизни, могутъ доразвиться до неодинаковой высоты. Мы имѣемъ цѣлыя племенныя группы съ такой элементарной, грубой психологической структурой, при которой онѣ рѣдко въ своемъ поведеніи выходятъ изъ сферы унаслѣдованныхъ навыковъ, инстинктовъ и дикихъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ порывовъ

аффекта; имѣемъ и культурныя націи, выработавшія тонкую и сложную нервную организацію, служащую основой высшихъ явленій идеологическаго порядка. Наконецъ, въ предѣлахъ каждой данной націи реальныя условія жизни ставятъ различныя натуры въ болѣе или менѣе счастливыя условія для выработки въ себѣ моральной личности, руководящейся въ своемъ поведеніи научно-обоснованнымъ идеаломъ.

Повторяю, обрисованный выше самыми общими штрихами психологическій прогрессъ, развитіе духовной организаціи человѣчества, нельзя, конечно, представлять себѣ какимъ-то самодовлѣющимъ, саморазвивающимся процессомъ. Нѣтъ, онъ связанъ тысячью функціональныхъ взаимозависимостей со всѣми другими сторонами культурной и соціальной жизни. Но каковы бы ни были условія его возникновенія и его поступательнаго хода, онъ самъ есть реальный фактъ, съ вліяніемъ котораго нельзя не считаться. Интеллигенція, какъ совокупность лицъ, доразвившихся до способности подчинять высшему критерію идеала все свое поведеніе, объединяя и гармонизируя такимъ образомъ всѣ свои мысли, чувства и дѣйствія,—есть несомнѣнная и растущая сила, и, при томъ, сила внѣклассовая, или, правильнѣе, междуклассовая. Игнорировать ее—значитъ закрывать глаза на дѣйствительность. Считаться съ ней все равно всякому приходится. Вопросъ лишь въ томъ, считаться ли съ ней безсознательно, инстинктивно, противъ воли и потому неполно, или считаться прямо и сознательно, не пытаясь себя обманывать.

„Интеллигенція"! Но развѣ интеллигенція есть *единая* сила? Развѣ мы не имѣемъ столько же интеллигенцій, сколько классовъ? Развѣ каждый классъ не обладаетъ своей собственной, классовой интеллигенціей?

О да, это, конечно, такъ, или почти такъ. Но не замѣчается ли, что интеллигентнѣйшіе—въ томъ высшемъ смыслѣ этого слова, о которомъ мы говоримъ—элементы различныхъ классовъ вовсе не прикованы къ нимъ своимъ классовымъ происхожденіемъ, и перекочевываютъ отъ одного класса къ другому? Не наблюдается ли, что въ различныя времена различные классы обнаруживаютъ неодинако-

вую притягательную (или, наоборотъ, отталкивающую) силу по отношенію къ нимъ? Не ясно ли, что тяготѣніе лучшихъ, идеологическихъ силъ страны къ дѣлу различныхъ классовъ есть явленіе не случайное, а вполнѣ закономѣрное?

Соціальное развитіе человѣчества, съ одной стороны, воплощаетъ все большую и большую власть человѣчества надъ природой, а, съ другой стороны, на этой основѣ подготовляетъ возможность всесторонняго, гармоническаго развитія человѣческой личности. Но это развитіе есть сложный и мучительный процессъ. Въ его поступательномъ ходѣ каждый шагъ покупается борьбой. Различные классы населенія, борясь за свои ближайшіе интересы, опредѣляемые ихъ положеніемъ въ системѣ общественнаго производства и распредѣленія, въ различной степени работаютъ въ направленіи этого процесса или вопреки ему. Чѣмъ яснѣе, при каждомъ данномъ состояніи общественныхъ знаній, солидарность интересовъ даннаго класса съ интересами соціальнаго развитія, — тѣмъ сильнѣе притягательная сила этого класса по отношенію къ лучшимъ интеллектуальнымъ силамъ вѣка. Вотъ почему въ эпоху расцвѣта буржуазнаго строя, въ эпоху его зарожденія и борьбы съ феодальнымъ порядкомъ, весь умственный и моральный цвѣтъ европейскаго общества тяготѣлъ къ буржуазіи, державшей въ своихъ рукахъ бразды колесницы соціальнаго прогресса. Только немногіе прозорливцы предчувствовали вырожденіе верхнихъ слоевъ „третьяго сословія“ въ новую аристократію, которая пожелаетъ монополизировать въ своихъ рукахъ плоды культурнаго прогресса и въ извѣстный моментъ остановить колесницу исторіи. Но прошли времена... Неясныя раньше противорѣчія капиталистическаго строя все развертывались и развертывались, онъ становился все въ большей и большей степени узами для развитія производительныхъ силъ, для культурнаго и соціальнаго прогресса... Буржуазный порядокъ все болѣе изживаетъ свое творческое, положительное содержаніе, его отрицательныя, темныя стороны все болѣе и болѣе заслоняютъ собою свѣтлыя и созидательныя... Удивительно ли, что и взоры лучшихъ людей страны есте-

ственно обращаются къ новой силѣ, неумолимо враждебной царству капитала — къ представителямъ эксплуатируемаго труда?

Рабочій классъ въ широкомъ смыслѣ этого слова все болѣе и болѣе становится не только самой крупной соціально-политической силой въ новѣйшей исторіи, но—еще раньше—самой крупной интеллектуальной и моральной силой. Вокругъ него группируется все лучшее, все честное, смѣлое, отзывчивое—словомъ, все наиболѣе интеллигентное изъ среды различныхъ классовъ, положеній, состояній. И вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій классъ дѣлается опорой всего высокаго, всего истинно-гуманнаго и благороднаго въ общественной жизни. Движенія, болѣе широкаго, болѣе общечеловѣческаго еще не видала исторія...

То, изъ чего интеллигенція исходитъ, опредѣляя свое поведеніе, не есть классовой интересъ. Нѣтъ, напротивъ: непосредственные интересы различныхъ классовъ она призываетъ, какъ тяжущіяся стороны, на судъ нѣкоторой высшей инстанціи. И эта высшая инстанція — понятіе соціальнаго развитія, состоящаго въ приближеніи къ идеалу свободнаго и разумнаго общежитія, гарантирующаго общее благосостояніе, свободу и гармоническое развитіе личности. Свобода же въ области матеріальной культуры „можетъ заключаться только въ томъ, чтобы человѣкъ, ставшій существомъ общественнымъ, чтобы объединенные производители регулировали свой обмѣнъ веществъ съ природой разумно, подчинили бы его своему общему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою, какъ слѣпой силѣ; чтобы совершалось это съ наименьшею тратою силы и при условіяхъ, наиболѣе достойныхъ ихъ человѣческой природы и наиболѣе ей соотвѣтствующихъ“. Но, поскольку мы здѣсь все еще вращаемся въ сферѣ борьбы за самыя элементарныя условія существованія и „труда, вынужденнаго нуждой и внѣшней цѣлесообразностью“,—мы еще не выходимъ окончательно изъ царства необходимости, лишь болѣе разумно устроеннаго. „За нимъ начинается развитіе человѣческихъ силъ, которое само себѣ служитъ цѣлью, дѣйствительное

царство свободы, которое, однако, можетъ процвѣтать, только имѣя основаніемъ такое царство необходимости“ [1]).

И вотъ почему, становясь на эту глубоко-реальную и въ то же время существенно-идеалистическую точку зрѣнія, даже такой ортодоксальный марксистъ, какъ Карлъ Каутскій, могъ написать: „соціальное развитіе стоитъ для насъ выше, чѣмъ интересы пролетаріата...“

Нравственная и соціологическая цѣнность классового интереса зависитъ именно отъ такого совпаденія или несовпаденія. Вспомните только крылатыя слова Ф. Лассаля: „Это противорѣчіе между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину глубокой и неизбѣжной безнравственности привилегированныхъ классовъ. Стоитъ только представить себѣ, въ какія условія ежедневно ставитъ ихъ такое существованіе, чтобы понять необходимость огорчаться его успѣхами, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшій ходъ, стараться обратить его вспять, проклинать его побѣды, вѣчно жить, какъ во враждебной странѣ—и кто же этотъ врагъ?—нравственная солидарность своего народа, въ стремленіи къ которой и состоитъ вся истинная нравственность—вотъ роковая судьба высшихъ классовъ!.. Прибавьте къ этому необходимость или дѣлать все это противъ голоса своей собственной совѣсти и собственнаго разума, или заглушить въ себѣ этотъ голосъ мерзкой практикой, чтобы онъ больше не смущалъ, или, наконецъ, никогда не знать его, никогда ничего лучшаго не видать и не слыхать, — какъ религію корысти!

„Такая жизнь, господа, необходимо ведетъ къ совершенному презрѣнію и къ пренебреженію всякими идеальными стремленіями. Она дѣлаетъ способнымъ сострадательно усмѣхаться при великомъ имени идеи, она вноситъ глубокую нечувствительность, даже отвращеніе ко всему прекрасному и великому; она губитъ всѣ нравственныя начала подъ одной всепоглощающей жаждой своекорыстной выгоды и животнаго наслажденія.

---

[1]) К. Марксъ, „Капиталъ“, т. III, стр. 678. СПБ. 1896 г.

„У низшихъ классовъ этого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, къ счастью, нѣтъ".

И, обращаясь къ представителямъ этихъ низшихъ классовъ, Лассаль восклицаетъ:

„Вы счастливы, господа, потому что вмѣсто того, чтобы быть мертвыми къ идеѣ, вы предназначены самымъ личнымъ интересомъ вашимъ къ величайшей воспріимчивости къ ней. Вы—счастливцы, потому что вашъ истинный личный интересъ совпадаетъ съ бьющимъ пульсомъ исторіи, съ погоняющимъ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія. Вы можете, поэтому, съ личною страстью предаваться историческому развитію, въ увѣренности, что чѣмъ жарче и жаднѣе будетъ эта страсть, тѣмъ она будетъ нравственнѣе".

Вы видите, что идеалистическій, общечеловѣческій моментъ и моментъ „классовой" не только не несовмѣстимы, не только другъ друга не исключаютъ—а, наоборотъ, тѣсно связаны другъ съ другомъ. И эта связь фактически выражается въ союзѣ междуклассовой идеалистической силы революціонной интеллигенціи съ классовой силой огромной массы рабочаго народа. И эта связь, и этотъ союзъ—необходимы. „Сведенный къ пролетаріату наемнаго труда, соціализмъ неспособенъ побѣдить,—говоритъ въ своей посмертной статьѣ В. Либкнехтъ,—но его побѣда обезпечена, если онъ понятъ совокупностью трудящагося народа и цвѣтомъ націи—умственнымъ и моральнымъ ея цвѣтомъ".

По мѣрѣ того, какъ убываетъ положительная, творческая роль капитализма и буржуазіи, по мѣрѣ того, какъ соотвѣтственно возрастаетъ ихъ отрицательная, задерживающая роль—по мѣрѣ этого буржуазія оскудѣваетъ, а ея антиподъ-пролетаріатъ, или, общѣе, рабочій классъ, обогащается умственными и нравственными силами.

Это—процессъ, ареной котораго является весь цивилизованный міръ. Но есть страны, которыя успѣли пережить лучшія времена мятежной юности современнаго порядка, и есть страны, въ которыя онъ проникъ и развился уже тогда, когда „увлеченія юности" были далеко за его плечами,

и когда отъ зрѣлаго возраста онъ сталъ уже склоняться къ одряхлѣнію. Есть страны, въ которыхъ совокупность естественныхъ и историческихъ условій способствовала относительно благопріятному соотношенію между положительными и отрицательными, творческими и разрушительными сторонами капитализма; и есть страны, въ которыхъ условія сложились въ прямо противоположномъ смыслѣ.

Въ странахъ первой категоріи, естественно, буржуазіи было легче ослѣпить умственный взоръ значительной части интеллигенціи, легче было найти убѣжденныхъ поклонниковъ, защитниковъ „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“. Иное—въ странахъ второй категоріи. Здѣсь интеллигенція и буржуазія или въ очень слабой степени, или даже вовсе не думали, не чувствовали и не дѣйствовали въ унисонъ. И удивительно ли? Съ одной стороны, передъ глазами интеллигенціи былъ уже поучительный опытъ передовыхъ странъ, испытывавшихъ тяжелое и хмурое похмелье послѣ шумныхъ оргій буржуазнаго пиршества. Съ другой, отечественный капитализмъ слишкомъ явно отличался всѣми пороками капитализма другихъ странъ, не обладая въ то же время его преимуществами. Да и сама буржуазія такихъ странъ уже не могла беззавѣтно отдаться тому именинному настроенію, которое испытывалось въ передовыхъ промышленныхъ странахъ вождями „третьяго сословія“, искренно и воодушевленно отождествлявшими освобожденіе этого сословія съ освобожденіемъ всего человѣчества. Начавши развиваться уже тогда, когда въ передовыхъ странахъ пролетаріатъ поднялъ знамя возстанія противъ буржуазной культуры, эта буржуазія чувствовала въ отечественномъ пролетаріатѣ своего врага уже въ то время, когда онъ объ этомъ и не задумывался. Наученная опытомъ другихъ странъ, она не торопилась бороться съ монархизмомъ и феодализмомъ, чувствуя, что изъ этого колодца, можетъ быть, еще придется воды напиться. Болѣе расхищая и разрушая, чѣмъ создавая, она чувствовала, что возстановляетъ противъ себя слишкомъ многихъ. Ея хищническіе инстинкты, ея политическая трусость, безпринципность отталкивали отъ нея лучшіе умы. Ей приходилось довольствоваться

апологетами второго сорта, не безкорыстно и беззавѣтно убѣжденными людьми, а наемными адвокатами, у которыхъ, въ числѣ главныхъ добродѣтелей, можно было отмѣтить длинныя и цѣпкія руки, гибкій становой хребетъ, глиняную совѣсть, языкъ безъ костей, „а на лбу роковыя слова: продается съ публичнаго торга“...

Мудрено ли, что въ такихъ странахъ, — какъ примѣръ, въ особенности могутъ служить Италія и Россія—интеллигенціи съ самаго начала не къ чему было прилѣпиться умомъ и чувствомъ, кромѣ закованнаго Прометея—рабочаго народа? Мудрено ли, что самая исторія революціонно-соціалистическаго движенія въ этихъ странахъ на первыхъ порахъ была исторіей подвиговъ революціонной интеллигенціи, которая одна, не находя поддержки въ рабочихъ массахъ, долго и страстно пыталась взволновать спокойное народное море, то горячей, убѣжденной проповѣдью новаго евангелія соціализма, то громомъ героическихъ подвиговъ отчаяннаго единоборства съ могучимъ противникомъ? Мудрено ли, что, вопреки всѣмъ догмамъ о непрочности междуклассовыхъ группъ, она десятилѣтіями выносила на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, гоненій, преслѣдованій? Мудрено ли, что она сумѣла создать такія глубокія идейныя традиціи, которыми питались и на которыхъ воспитывались цѣлыя поколѣнія? Мудрено ли, наконецъ, что про одну изъ этихъ странъ поэтъ могъ написать эти прочувствованныя строки:

„Нѣтъ края,
Такого въ мірѣ нѣтъ угла, гдѣ-бъ молодежь,
Всѣ блага жизни презирая,
Такъ честно, какъ у насъ, такъ смѣло отдала
Себя служенью правдѣ строгой.
Жизнь чуть ли не дѣтьми насъ прямо повела
Тернистыхъ подвиговъ дорогой.
Намъ сжалъ впервые грудь не женскихъ ласкъ восторгъ,
Не сладкій трепетъ страсти новой;
И первую слезу изъ юныхъ глазъ исторгъ
Не взоръ красавицы суровой.
Печальной родинѣ скорбѣвшія уста
Шептали первыя признанья,

Надъ трупомъ дорогимъ товарища-борца
Звучали первыя рыданья...
Взамѣнъ безпечныхъ словъ бесѣды молодой
Мы совѣсть раскрывали нашу;
Взамѣнъ хмѣльной струи изъ чаши круговой
Мы испытаній пили чашу...

5. Борьба классовъ, какъ фактъ и какъ гипотеза.

Въ уже упоминавшемся у насъ выше предисловіи къ „Коммунистическому Манифесту“ Г. В. Плехановъ, въ пику соціалистамъ-утопистамъ, особенно выхваляетъ буржуазныхъ историковъ прошлаго Гизо, О. Тьерри и др.—за ихъ ясное пониманіе классовой подкладки историческихъ событій. Онъ, между прочимъ, говоритъ: „Поднимая рѣчь о борьбѣ классовъ, Гизо совсѣмъ не имѣлъ въ виду высказать что-либо новое: борьба классовъ—не теорія и не гипотеза; это самый простой фактъ“.

Вопреки апологическимъ размышленіямъ Г. Плеханова, „классовую борьбу“ можно принимать не только, какъ простой фактъ, а и какъ своеобразную историческую гипотезу, и какъ своеобразный соціально-политическій принципъ. Къ сожалѣнію, слишкомъ часто смѣшиваютъ эти три различныхъ идеологическихъ одѣянія, въ которыя облекается классовая борьба для человѣческаго сознанія: простое воспріятіе или констатированіе ея, возведеніе ея въ основной двигатель историческаго развитія и принятіе ея за норму соціально-политическаго поведенія. И это смѣшеніе крайне вредно, какъ для соціолога, такъ, и въ особенности, для историка соціально-политическихъ идей.

Не нужно быть экономическимъ матеріалистомъ или даже просто соціологомъ научно-реалистическаго направленія, достаточно быть просто зрячимъ человѣкомъ, чтобы увидѣть: да, въ современной исторической дѣйствительности, какъ и въ прошломъ, существуютъ и существовали различные классы; да, эти классы боролись и борются другъ съ другомъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что всѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, какъ факта...

Но, вопреки словамъ Плеханова, что „борьба классовъ— не теорія и не гипотеза, а самый простой фактъ", можно „стоять на точкѣ зрѣнія борьбы классовъ" еще и въ другомъ, болѣе глубокомъ смыслѣ этого слова. Можно возвести „борьбу классовъ" въ роль *историческаго* „объяснительнаго принципа", аналогичнаго роли „борьбы за существованіе", какъ біологическаго объяснительнаго принципа, въ теоріи Дарвина.

Но, чтобы поднять „борьбу классовъ" съ уровня простого факта въ ряду другихъ фактовъ на уровень центральной идеи научной исторической гипотезы или теоріи, необходимо выяснить точно самое понятіе класса, сформулировать точно принципъ дѣленія общества на классы и опредѣлить взаимныя отношенія между борьбою классовъ и другими сопредѣленными понятіями—подобно тому, какъ въ біологіи должно быть выяснено взаимное отношеніе между борьбой за существованіе и наслѣдственностью, приспособленіемъ, индивидуальной измѣнчивостью и т. п.

Эту аналогію съ дарвинизмомъ можно продолжить и дальше. Послѣ смерти геніальнаго автора теоріи среди сторонниковъ эволюціоннаго ученія явились расхожденія и попытки иначе оцѣнить удѣльный вѣсъ различныхъ элементовъ теоріи, или же привнести въ эту теорію новые, не учтенные ею элементы. Въ особенности критикѣ подверглось преувеличенное значеніе, отведенное въ дарвиновской системѣ именно борьбѣ за существованіе. Съ одной стороны, цѣлымъ рядомъ авторовъ (Негели, Келликеръ) была предпринята попытка доказать наличность своеобразной тенденціи къ усложненію, какъ самостоятельной біологической силы,—тенденціи, которой было даже дано имя *„закона* развитія", дѣйствіе котораго борьбою за существованіе лишь отчасти стимулируется, отчасти же, напротивъ, лишь осложняется и порою даже парализуется; къ этому теченію съ большой симпатіей отнеслись нѣкоторые философы и соціологи, какъ, напр., Ф. А. Ланге въ Германіи, Н. К. Михайловскій въ Россіи. Съ другой стороны, цѣлый рядъ авторовъ пустился въ изысканія непосредственныхъ законовъ индивидуальной измѣнчивости, фигурировавшихъ въ си-

стемѣ Дарвина въ видѣ нѣкотораго икса, подъ именемъ „случайныхъ мелкихъ измѣненій“; при этомъ иные изъ ученыхъ, пойдя по этому пути, вернулись къ кое-какимъ положеніямъ трансформистовъ-предшественниковъ Дарвина; такъ, возникло даже цѣлое направленіе „нео-ламаркизма“. Съ третьей стороны, явились попытки ограничить „универсальное“ значеніе борьбы за существованіе, противопоставляя началу „взаимной борьбы“ начало „взаимной помощи“ въ природѣ, какъ явленія почти столь же универсальнаго. Въ книгѣ нашего соотечественника П. Кропоткина „Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи“ сгруппированы основные доводы представителей этого направленія и указаны имена ихъ.

Есть цѣлый рядъ попытокъ ограничить извѣстными рамками и значеніе классовой борьбы въ исторіи. Мы уже видѣли, что два ограниченія непосредственно вытекаютъ изъ воззрѣній Маркса и Энгельса, и отчасти ими даже прямо сформулированы. Было время, когда общество еще не распадалось на классы; будетъ время, когда классовыя перегородки рухнутъ. Итакъ, дѣйствіе классовой борьбы тѣмъ самымъ ограничено *во времени*.

Нетрудно найти ограниченія и *въ пространствѣ*. Даже и при существованіи классовъ могутъ быть на-лицо обстоятельства, затемняющія классовой антагонизмъ, скажемъ, слишкомъ напряженною рассовой или національной враждою, спаивающей въ одно солидарное цѣлое различные въ классовомъ смыслѣ слои населенія. Талантливый, хотя иногда нѣсколько поверхностный итальянскій соціалистическій писатель Бенедетто Кроче очень остроумно выразился по этому поводу: „Я готовъ сказать, что исторія есть борьба классовъ: 1) когда существуютъ классы; 2) когда они имѣютъ противоположные интересы; 3) когда они сознаютъ ихъ противоположность. Но это привело бы насъ къ тому юмористическому положенію, что исторія есть борьба классовъ, но только тогда, когда она есть... борьба классовъ!“

Г. Плехановъ пытается полемизировать съ этой остротой Кроче и посвящаетъ ея разбору цѣлыхъ шесть страницъ

своей брошюры [1]). Для остроты это немножко много. Несмотря на такую полемическую щедрость, исходъ полемики оказывается для г. Плеханова крайне неблагопріятнымъ.

Г. Плехановъ, конечно, признаетъ, что не можетъ быть и рѣчи о приложимости теоріи классовой борьбы къ обществу, въ которомъ отсутствуютъ классы. „Но въ какомъ же обществѣ они отсутствуютъ? Только въ самомъ первобытномъ". За этимъ слѣдуетъ убійственное доказательство того, какъ быстро появляется въ этомъ обществѣ „имущественное неравенство, а вслѣдъ за нимъ не только антагонизмъ интересовъ, но и сознаніе этого антагонизма". А именно: „Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній эскимосской поэзіи является сказка, герой которой, сынъ *бѣдной* вдовы, мститъ своимъ *богатымъ* сородичамъ за испытанныя имъ отъ нихъ униженія. А между тѣмъ у эскимосовъ до сихъ поръ еще чрезвычайно сильно чувство солидарности, воспитанное первобытнымъ коммунизмомъ".

Этотъ аргументъ, несомнѣнно, является „однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній" теоретическаго генія г. Плеханова. И это теоретическій лидеръ всего русскаго марксизма! Поистинѣ, его сынъ эскимосской вдовы ничѣмъ не уступаетъ безсмертному дикарю или Робинзону вульгарныхъ экономистовъ. Онъ такъ же хорошо можетъ олицетворять формированіе новаго общественнаго класса, какъ Робинзонъ со своимъ лукомъ представлять перваго владѣльца капитала. Повидимому, г. Плехановъ не всегда понимаетъ даже, что „имущественное неравенство", и очень крупное, отнюдь не означаетъ наличности классовыхъ противорѣчій, и что послѣднія есть нѣчто, гораздо болѣе сложное и глубокое, чѣмъ имущественное неравенство. Неудивительно, что, при надобности, онъ готовъ признать стремленіе эскимоса къ личной мести родичамъ — если только эти родичи богаче мстителя—за появленіе сознанія соціальнаго антагонизма, чуть ли не за первые шаги классового самосознанія!..

И это—не случайность, не простая обмолвка. Нѣтъ, это—

---

[1]) См. русское изданіе Е. М. Алексѣевой, 1905, стр. 49—54.

проявленіе цѣлой тенденціи. Желая елико возможно *универсализировать* классовую борьбу, Плехановъ готовъ видѣть ее во всемъ и всюду. И ужъ тутъ у него—своя рука владыка. Сколько разъ русскіе марксисты читали поученія „народникамъ“ на ту тему, что одно дѣло—классы, имѣющіе чисто-экономическую природу, другое дѣло—сословія, на развалинахъ которыхъ создаются классы. Но, когда нужно доказать универсальность классовой борьбы, и сословія всецѣло сходятъ за классы. „Наши народники были правы (!), утверждая, что борьба крестьянъ за землю и волю проходитъ красною нитью черезъ всю (!!) русскую исторію. Но что же такое эта борьба за землю и волю, если не классовая борьба съ помѣщиками и государствомъ, въ которомъ распоряжались тѣ же помѣщики?“ Не только русскіе народники (какіе это?) оказываются правы въ чудовищнѣйшемъ утвержденіи, будто *вся* русская исторія есть исторія борьбы за ихъ девизъ „земля и воля“, но къ этому утвержденію г. Плехановъ прибавляетъ новое чудовищное утвержденіе: что „паны, господа“ съ одной стороны, и „хлопы, мужики“ съ другой, суть два *класса* (изъ учебника Ключевскаго онъ могъ бы, однако, узнать, что были даже и во времена крѣпостного права „мужики“, сами имѣвшіе крѣпостныхъ, были и захудалые помѣщики, были и крѣпостные, ворочавшіе капиталами—дѣйствительные зародыши *классовъ* на развалинахъ старыхъ сословій). Хорошо выходитъ и изображеніе сущности классовой борьбы—или даже „войны“, по терминологіи Плеханова,—въ ея „скрытомъ“ видѣ: „господа бранятъ мужиковъ и стараются подтянуть ихъ, какъ можно больше; мужики смѣются надъ господами и сопротивляются подтягиванію всѣми зависящими отъ нихъ способами“. Поистинѣ, нужно искусство, чтобы такъ вульгаризировать, упростить и опошлить теорію классовой борьбы Карла Маркса!

Б. Кроче ставилъ классовую борьбу въ зависимость отъ наличности *сознанной противоположности* классовыхъ интересовъ, которая не всегда имѣется на-лицо даже при наличности распаденія общества на классы. Съ этимъ замѣчаніемъ г. Плехановъ раздѣлывается еще болѣе просто.

„Вѣрно и то, что интересы различныхъ общественныхъ классовъ не всегда противоположны. Но для возникновенія классоваго антагонизма достаточно простого *различія* интересовъ... А иногда для возникновенія классовой борьбы не нужно и имущественнаго неравенства, и *достаточно различія мѣстныхъ интересовъ*, какъ это хорошо видно изъ первоначальной исторіи Аѳинъ съ ея борьбой между діакріями, параліями и педіями".

Много существовало попытокъ понять природу общественныхъ классовъ, но единственной въ своемъ родѣ нужно признать эту развязную готовность сводить классовой антагонизмъ и классовую борьбу, то на простое имущественное неравенство, то на различіе (не противоположность) интересовъ, то даже просто на мѣстныя особенности въ интересахъ! Передъ этимъ меркнетъ и сравнительно невинное смѣшеніе экономическихъ классовъ съ предтечами ихъ, сословіями, и даже смѣшеніе личной мести у эскимосовъ съ сознаніемъ классоваго антагонизма.

Отъ вульгарной теоріи классовой борьбы г. Плеханова обратимся къ теоріи Маркса. Она выглядитъ гораздо сложнѣе и глубже.

Нечего и говорить, что имущественныя сходства или различія, одинаковость положенія и *даже однородность интересовъ*, по Марксу, еще не создаютъ класса. Въ одной изъ своихъ историческихъ работъ онъ такъ говоритъ о французскихъ крестьянахъ: „Каждая отдѣльная крестьянская семья сама удовлетворяетъ почти всѣ свои матеріальныя потребности, непосредственно производитъ большую часть потребляемыхъ ею продуктовъ и пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, свои жизненныя средства болѣе путемъ обмѣна съ природою, чѣмъ путемъ сношеній съ обществомъ. Парцелла, крестьянинъ и семья; рядомъ другая парцелла, другой крестьянинъ и другая семья. Нѣсколько семей образуютъ село, а нѣсколько селъ—департаментъ. Такимъ образомъ, большая масса французской націи образуется простымъ сложеніемъ одноименныхъ величинъ, подобно тому, какъ мѣшокъ, который насыпали до верха картофелинами, образуетъ мѣшокъ картофеля. Поскольку милліоны семействъ живутъ среди

такихъ условій существованія, которыя обособляютъ ихъ образъ жизни, интересы и образованіе отъ таковыхъ же другихъ классовъ и враждебно противопоставляютъ ихъ другъ другу—постольку эти милліоны семействъ образуютъ одинъ *классъ*. Поскольку же между этими мелкими крестьянами существуетъ исключительно мѣстная, пространственная связь, *поскольку одинаковость ихъ интересовъ не влечетъ за собою ихъ общности*, а, слѣдовательно, національнаго объединенія и политической организаціи—*постольку они никакого класса не образуютъ*“ [1]).

Итакъ, французскіе крестьяне на описанной стадіи развитія (какъ не далека она отъ эскимосскаго быта эпохи составленія древнѣйшихъ ихъ сказокъ) въ одно и тоже время *и классъ, и не классъ*. Но въ другой своей брошюрѣ то же самое различеніе Марксъ прилагаетъ и къ пролетаріату. „Экономическія отношенія—читаемъ мы тамъ—прежде всего превратили массу жителей страны въ рабочихъ. Господство капитала создало для этой массы *одинаковое* положеніе, *одинаковые* интересы. Тѣмъ самымъ масса эта *есть уже классъ по отношенію къ капиталу*, но еще не есть классъ сама для себя“ [2]). И дальше: „Крупная индустрія сосредоточиваетъ въ одномъ мѣстѣ массу людей, незнакомыхъ другъ съ другомъ. Конкурренція разъединяетъ ихъ но ихъ интересамъ. Но поддержаніе заработной платы—этотъ *общій* интересъ, который они имѣютъ противъ своего господина—объединяетъ ихъ въ *общей* мысли о сопротивленіи“ [3]). „Въ борьбѣ... эта масса соединяется, она образуется, конституируется (se constitue) въ классъ для себя. Интересы, которые она защищаетъ, становятся классовыми интересами. Но борьба класса съ классомъ есть политическая борьба“.

Ясно, такимъ образомъ, что Марксъ употребляетъ слово „классъ“ въ двухъ различныхъ смыслахъ, въ болѣе широкомъ и болѣе узкомъ. Въ болѣе широкомъ смыслѣ „классъ“ есть терминъ политико-экономическій, въ болѣе узкомъ — соціологическій или философско-историческій. Политическая

[1]) „Der 18-te Brumaire“, 3-te Aufl., Hamburg 1885 r. 98.
[2]) „Misére de la Philosophie“, par K. Marx, Paris, 1896, p. 241.
[3]) Ibid., p. 242.

экономія разсматриваетъ соціальное бытіе лишь съ одной точки зрѣнія, съ одной стороны—объективно-матеріальной, отвлекаясь отъ всѣхъ другихъ сторонъ—правовой и субъективно-психологической. Въ классѣ, поэтому, политическая экономія беретъ лишь *внѣшнія матеріальныя условія* его бытія, объективную характеристику функціи, выполняемой имъ въ данномъ народно-хозяйственномъ организмѣ, и отношенія къ другимъ частямъ того же организма. Марксъ высказываетъ это совершенно опредѣленно и категорически; опредѣляющими для „класса“ въ первомъ смыслѣ онъ считаетъ „условія существованія, обособляющія и противополагающія образъ жизни, интересы и образованіе“ одной группы людей отъ таковыхъ же—другой группы. Это — все та же мысль, формулировка которой осталась незаконченной въ послѣдней главѣ III тома „Капитала“. Каутскій въ общемъ правильно продолжалъ эту оборванную на срединѣ аргументацію, опредѣливъ основу дѣленія общества на классы, какъ общность источника доходовъ и общность антагонизма даннаго источника доходовъ съ другими, на которые распадается чистый общественный доходъ страны. Итакъ, даже въ этомъ *широкомъ* смыслѣ недостаточно ни простого „различія“ интересовъ, ни простого „имущественнаго неравенства“, ни, тѣмъ болѣе, „мѣстныхъ различій“, о которыхъ говоритъ Плехановъ.

Мы видѣли, что такое классъ, какъ экономическая категорія или величина; посмотримъ теперь, что же такое классъ, какъ соціологическая категорія и, слѣдовательно, какъ историческая величина. По Марксу, для этого необходимо, чтобы къ *одинаковости* интересовъ присоединилась ихъ *общность*, т.-е., чтобы было на-лицо инстинктивное или сознательное взаимное тяготѣніе живыхъ элементовъ класса, „общая мысль о сопротивленіи“, заканчивающаяся, какъ своею вершиной, „національнымъ объединеніемъ и политической организаціей“. Нужно, чтобы классъ „по отношенію къ другимъ“ сталъ „классомъ для самого себя“. Элементы класса окончательно „конституируются въ классъ для себя“ лишь „въ борьбѣ“, для которой приходится подавить естественную конкурренцію въ предѣлахъ класса, дать преобла-

данiе силамъ центростремительнымъ надъ силами центробѣжными, *общимъ классовымъ интересамъ* надъ интересами индивидуальными, мѣстными, цеховыми и т. п. Процессъ складыванiя класса въ глубокомъ соцiологическомъ значенiи этого слова есть въ значительной степени процессъ *искусственный*, а отнюдь не чисто стихiйный. Это—процессъ, въ которомъ чрезвычайно велика роль сознательнаго элемента.

Классъ въ экономическомъ смыслѣ характеризовался лишь объективно-матерiальными, чисто-хозяйственными признаками. Для класса, какъ соцiологической категорiи, не менѣе существеннымъ является, какъ мы видѣли, и признакъ субъективно-психологическiй („для себя-бытiе“ класса). Мало того, столь же существенъ и еще одинъ элементъ: объединенiя, организованности. Что означаютъ эти понятiя, къ какой области они относятся? несомнѣнно, къ области политико-правовой. Въ широкомъ смыслѣ этого слова, политико-правовой элементъ характеризуется началомъ *соподчиненiя, регулированiя* взаимоотношенiй, превращающаго „людскую пыль“ въ нѣкоторое „организованное цѣлое“. Въ рабочихъ организацiяхъ и коалицiяхъ нужно искать зародышъ будущаго трудового права, которое замѣнитъ собою право буржуазное.

Иначе говоря: обще-соцiологическое опредѣленiе, какъ и слѣдовало ожидать, имѣетъ въ виду и охватываетъ собою *не какое-либо одно* (подобно политической экономiи), а *всѣ три измѣренiя* соцiальнаго развитiя, опредѣляемыя тремя возможными, различными лишь по направленiю абстракцiи, точками зрѣнiя: объективно-матерiальной или хозяйственной, субъективной или соцiально-психологической и формально-нормативной или политически-правовой. Такъ понимаемъ мы смыслъ марксовскихъ опредѣленiй понятiя „класса“.

С. Прокоповичъ въ своей книжкѣ „Къ критикѣ Маркса“ и М. И. Туганъ-Барановскiй въ „Теоретическихъ основахъ марксизма“, желая углубить устанавливаемыя Марксомъ различенiя, характеризуютъ классъ въ широкомъ и классъ въ узкомъ значенiи этого слова, какъ Klasse an sich въ отличiе отъ Klasse für sich. „Мы знаемъ—говоритъ далѣе г. Про-

коповичъ—что выраженіе an sich обозначало на языкѣ Маркса возможное, потенціальное; такъ, деньги—капиталъ an sich, потому что онѣ могутъ стать капиталомъ; всякая цѣнность при капиталистическомъ способѣ производства представляетъ собою an sich капиталъ, потенціальный капиталъ. Напротивъ, выраженіе für sich обозначаетъ осуществленіе возможнаго, дѣйствительность. (Здѣсь г. Прокоповичъ дѣлаетъ ссылку на III т. „Капитала", о которой ниже). Итакъ, классъ an sich—потенціальный классъ, который лишь можетъ еще стать вполнѣ классомъ, классомъ für sich" [1]).

Сопоставленіе не лишено остроумія, и на первый взглядъ кажется вѣрнымъ, ибо въ немъ нѣтъ ничего, что явно противорѣчило бы Марксу. И, однако, оно является не болѣе, какъ натянутымъ толкованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, провѣривъ цитату изъ „Капитала", мы, правда, находимъ тамъ „капиталъ an sich", но вовсе не находимъ какого бы то ни было противопоставленія бытію его „für sich". Тамъ сказано лишь, что „товарный капиталъ самъ по себѣ есть въ то же время потенціальный денежный капиталъ"; самъ по себѣ здѣсь просто означаетъ „по своей природѣ"; это прямо высказано непосредственно слѣдующимъ поясненіемъ: „т.-е. опредѣленная сумма стоимости, выраженная въ цѣнѣ товара". Затѣмъ говорится, что капиталъ этотъ въ качествѣ суммы потребительныхъ стоимостей во время кризисовъ находится въ избыткѣ; но онъ постоянно измѣняется, онъ подвергается то расширеніямъ, то сокращеніямъ, „какъ денежный капиталъ самъ по себѣ, какъ потенціальный денежный капиталъ" [2]).

Съ другой стороны, въ цитированныхъ мѣстахъ историческихъ работъ Маркса слова „Klasse für sich" нигдѣ не противополагаются понятію „Klasse an sich": этого послѣдняго термина у Маркса вообще не встрѣчается. Противоположеніе есть, но совершенно другое: „классъ для себя" противополагается классу для другихъ или по отношенію къ другимъ: такъ, рабочіе на первоначальной ступени развитія представ-

[1]) „Въ критикѣ Маркса", СПБ. 1901, стр. 168.
[2]) Кап., т. III, стр. 401.

ляютъ уже классъ по отношенію (gegenüber) къ капиталу, но еще не представляютъ класса для себя. Если ужъ искать философскотерминологическихъ аналогій, то здѣсь *феноменальное* бытіе противополагается *для-себя-бытію* или субстанціальному бытію. Это напоминаетъ философскій идеалистическій монизмъ Гегеля; онъ, правда, поставленъ у Маркса по существу „съ головы на ноги“, но терминологія осталась та же, только съ измѣненнымъ содержаніемъ: реальнымъ вмѣсто метафизическаго. Гипотеза Прокоповича, воспринятая и Туганъ-Барановскимъ, а затѣмъ и Бернштейномъ, не выдерживаетъ критики уже и потому, что вообще съ философской точки зрѣнія необъяснимо, почему бы Марксу могло вздуматься расчленить „Ding an-und für sich“ дуалистически, на противополагаемые другъ другу „Ding an sich“ и „Ding für sich“. Другое дѣло—простое противопоставленіе объективныхъ условій бытія соціальнаго явленія его жизненной цѣлостности, живой суммѣ ея субъективно-психологическихъ, политическихъ и соціально-экономическихъ элементовъ. Оно не выходитъ изъ области реальнаго и не стоитъ въ противорѣчіи съ общимъ складомъ Марксовскихъ воззрѣній.

Какъ уже было сказано выше, Бернштейнъ принимаетъ на вѣру отъ Туганъ-Барановскаго квалификацію двухъ значеній термина „классъ“ у Маркса—какъ классъ an sich и für sich. Къ этой ошибкѣ въ области Марксо-филологіи онъ присоединяетъ еще ошибку по существу, рѣзко критикуя принятіе Марксомъ второго, болѣе тѣснаго смысла слова „классъ“. Ему кажется, что употребленіе слова „классъ„ въ этомъ второмъ смыслѣ совершенно „произвольно“ и можетъ повести лишь къ вреднымъ смѣшеніямъ и путаницѣ. Мало того: несмотря на свой „ревизіонизмъ“ (а можетъ быть именно вслѣдствіе него?), Бернштейнъ не упускаетъ случая выступить болѣе марксистомъ, чѣмъ Марксъ. Онъ возстаетъ противъ привнесенія субъективныхъ, идеологическихъ признаковъ въ понятіе класса и настаиваетъ на полной достаточности однихъ объективно-матеріальныхъ признаковъ. „Поведеніе какого-либо класса для установленія его существованія есть вещь совершенно второстепенная и посторон-

ныя,—въ особенности съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, которая какъ разъ и выводитъ идеологію класса изъ историческихъ условій его существованія". [1])

Политическая экономія играетъ у Бернштейна роль тощей фараоновой коровы, которая поглощаетъ корову тучную—соціологію—но отъ этого ни мало не толстѣетъ. Хозяйственныя условія образованія класса суть, конечно, conditio sine qua non его бытія; но они еще не создаютъ класса самопроизвольно, механически. Классъ—не въ какомъ-либо новомъ, произвольномъ смыслѣ этого слова, а въ томъ самомъ смыслѣ, въ которомъ постоянно это слово употребляется, когда говорятъ о „классовой борьбѣ",—есть живая историческая сила, а живой исторической силы нѣтъ и не можетъ быть безъ извѣстнаго единства сознанія и единства воли. Но такое единство не дается какъ-то мистически въ готовомъ видѣ, чудодѣйственною силою „экономическихъ условій". Оно вырабатывается въ длительномъ и зачастую крайне мучительномъ процессѣ борьбы. Самъ же Бернштейнъ, въ другой своей статьѣ, [2]) говоритъ: „то, что мы называемъ пролетарскимъ классовымъ самосознаніемъ, лишь весьма постепенно прокладываетъ себѣ дорогу, *какъ слѣдствіе*, а *не какъ причина* современнаго рабочаго движенія". Не игнорируетъ онъ въ этомъ процессѣ и роли интеллигенціи съ ея научными и политическими системами. Такъ онъ сочувственно цитируетъ слова К. Каутскаго, что «благодаря соціалистической теоріи и перевѣсу политической борьбы» пролетаріи континента уже давно знаютъ, что «пролетаріатъ имѣетъ крупные, длительные общіе интересы, которые нельзя забывать безнаказанно».

Вотъ почему правъ Марксъ, когда онъ въ «Misère» говоритъ о порѣ, когда «пролетаріатъ еще недостаточно развитъ, чтобы образовать изъ себя классъ» (р. 241); или когда въ „Манифестѣ" онъ снова говоритъ объ „организаціи пролетаріевъ въ отдѣльный классъ", которая „ежедневно разби-

[1]) Ed. Bernstein, „Klasse und Klassenkampf", „Soc. Monatshefte", 1905, October, S. 860.

[2]) „Klassenkampf—Dogma und Klassenkampf—Wirklichkeit", въ „Zur Theorie und Geschichte des Sozialismus", s. 382—405.

вается конкурренціей рабочихъ между собою", но, несмотря на это, „возникаетъ снова и снова, каждый разъ крѣпче, сильнѣе, могущественнѣе". И это вѣрно не только по отношенію къ пролетаріату, но и къ другимъ общественнымъ классамъ. Въ той же „Misère" Марксъ говоритъ, что періодъ, въ теченіе котораго, при господствѣ феодализма, буржуазія „конституировалась въ классъ", былъ „самый долгій и потребовалъ самыхъ большихъ усилій". (р. 242).

Изъ сказаннаго достаточно выясняется, что классы и классовая борьба есть чрезвычайно сложное историческое образованіе. Это—явленіе въ высокой степени производное, а далеко не элементарное, явленіе достаточно частное, а не общее. Оно предполагаетъ сравнительно высокую степень сознанія, умѣнья подчинять аффекты и привычки разсчету, и даже въ самомъ разсчетѣ—умѣнья подчинять ближайшіе и непосредственные интересы интересамъ идеальнымъ и будущимъ. Оно предполагаетъ, далѣе, наличность интенсивнаго альтруистическаго момента, хотя бы дѣйствіе его и ограничивалось узкой ареною одного общественнаго слоя, выражаясь въ т. н. «классовой солидарности».

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

Оглавленіе.

Стр.

1. Идеалы и практическая борьба 5
2. Программа-максимумъ и программа-минимумъ 35
3. Полож. и отриц. стор. капитализма 53
4. Націон. капиталистическіе типы 99
5. Соц. движ. въ отсталыхъ странахъ 141
6. Нѣкоторыя особ. разв. Россіи. 201
7. Н. К. Михайловскій, какъ полит. публ. 221
8. К. Марксъ (юбилей) 273
9. Къ теоріи классовой борьбы 287
   1. Историч. справка 289
   2. Основаніе дѣленія об-ва на классы. 303
   3. Классовое полож. соврем. крестьянства 322
   4. Интеллигенція и борьба классовъ 331
   5. Борьба класс., какъ фактъ и какъ гипотеза 346

В. Черновъ. Соціалистическіе этюды. Ц. 1 р. 95 к.
В. Черновъ. Философскіе и соціологическіе этюды. Ц. 2 руб.
В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. Ц. 20 к.
Л. Бертранъ. Исторія демократіи и соціализ. въ Бельгіи. Ц. 1 р. 60 к.
С. Закъ. Соціализмъ и аграрный вопросъ. Ц. 30 к.
С. Закъ. Промышленный капитализмъ въ Россіи. 1 р.
Д. Гатти. Соціализмъ и аграрный вопросъ. Ц. 50 к.
Л. Закъ. Регулированіе заработной платы. Ц. 15 к.

Соціализація земли. Сборникъ статей. Вып. 1-й.

Л. Шишко. Что такое соціализація земли.
Л. Закъ. Соціализація земли и мѣстное самоуправленіе.
С. Закъ. Соціализація земли и поземельная рента.
П. Вихляевъ. Соціализація земли и прогрессъ сельскаго хозяйства.
204 стр. Цѣна 80 к.

Соціализація земли. Сборникъ статей. Вып. 2-й.

В. Черновъ. Къ вопросу о соціализаціи земли Ц. 50 к.

В. Черновъ. Теоретики романскаго синдикализма.
П. Луи. Исторія синдикализма во Франціи.
} Ц. 2 р. 20 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперативнаго движенія.
А. Бергсонъ. Творческая эволюція.
Н. П. Высоцкая. 16 лѣтъ общественной жизни.
Ник. Сухановъ. Соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ Россіи.
Г. Зиммель. Религія.
М. Антоновъ. Философскія основы марксизма.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва: { Большая Никитская, книж. маг. „Звено".
Тверская, книж. маг. „Трудъ"

Тип.-Лит. Русск. Тов. Печатн.-Изд. дѣла, Москва.